

С.А. ПЕШТИЧ

Русская
ИСТОРИОГРАФИЯ

**XVIII
ВЕКА**

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ОРДЕНА ЛЕНИНА ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ имени А. А. ЖДАНОВА

С. Л. ПЕШТИЧ

РУССКАЯ
ИСТОРИОГРАФИЯ
XVIII века

ЧАСТЬ II

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
1965

*Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Ленинградского университета*

В книге, являющейся продолжением монографии, вышедшей в 1961 г., рассматривается развитие исторической науки в России во второй половине XVIII в. Особое внимание в ней уделяется изучению творчества М. В. Ломоносова, Г. Ф. Миллера, П. И. Рычкова, В. В. Крестинина и многих других историков, а также выясняется историографическое влияние трудов первого русского историка В. Н. Татищева на развитие исторической науки во второй половине XVIII в. В книге освещается организация распространения исторических знаний в стране, отражение исторических сюжетов в искусстве и литературе, а также показывается роль истории в общественно-политической жизни.

Характеристика развития русской исторической науки во второй половине XVIII в. представлена автором на основании изучения рукописных фондов и печатных источников.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей высших и средних учебных заведений, студентов и всех интересующихся историей русской культуры и общественно-политической мысли.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всеобщий подъем исторической науки в нашей стране после XX съезда КПСС и принятие новой Программы КПСС на XXII съезде партии плодотворно сказались на появлении еще небывалого в нашей литературе интереса к изучению истории исторической мысли.

Успехи историографии за последние годы привели к формулированию широкого понимания предмета истории исторической науки. Необходимость изучения и определения места и роли исторических знаний в общественно-политической, научной и культурной жизни страны, уже отмеченная автором в первой части «Русской историографии XVIII века», все отчетливее и сильнее зазвучала в высказываниях С. О. Шмидта, А. М. Сахарова и других советских ученых.¹ Такое понимание предмета историографии, которое можно условно назвать расширительным, предусматривает исследование истории изучения исторического процесса в целом. Историография должна заниматься не только историей развития исторических представлений, историей создания исторических произведений и биографиями историков, но и историей распространения исторических знаний, их использованием различными слоями общества в общественно-политической, научной и культурной жизни России, а также правительственной политикой в области организации научных учреждений, системы подготовки кадров, публикации книг по истории и источников.

---

¹ См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 9 и др.; С. О. Шмидт. О предмете советской историографии и о некоторых принципах ее периодизации. «История СССР», 1962, № 1, стр. 94; А. М. Сахаров. Рец. на «Историографию истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции». «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 143. Наиболее полное определение предмета и задач историографического изучения см.: М. В. Нечкина. История истории (Некоторые методологические вопросы истории исторической науки). В кн.: История и историки. М., Изд. «Наука», 1965, стр. 6—26.

Историю русской исторической мысли XVIII в. можно разделить на четыре этапа: 1) конец XVII — первая четверть XVIII столетия, 2) вторая четверть XVIII в., 3) третья четверть XVIII в. и 4) с середины 70-х до начала 90-х годов.

Такая историографическая периодизация, обоснованная развитием русской исторической мысли, совпадает в данном случае с общей исторической периодизацией. Первый этап, охватывающий примерно период преобразований конца XVII — первой четверти XVIII в., представлен: трактатом неизвестного автора — «Историческое учение», сравнительно многочисленными произведениями по всеобщей и новейшей истории России (А. И. Манкиева, Ф. П. Поликарпова, Б. И. Куракина, Г. Гюйссена, П. П. Шафирова, Феофана Прокоповича и др.), а также коллективным трудом «Гистория Свейской войны» («Журнал или поденная записка Петра Великого»). Вторым этапом, связанным, главным образом, с деятельностью «отца русской истории» В. Н. Татищева, хронологически точно укладывается в рамки второй четверти века. Третий, — занимающий примерно четверть столетия, — характеризуется деятельностью М. В. Ломоносова, а также работами Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера и целой плеяды русских историков (П. И. Рычков, Ф. А. Эмин, Н. И. Новиков и др.). К этому времени относится поистине блестящее десятилетие в развитии русской исторической мысли. С 1766 приблизительно по 1775 г., начиная с «Древней Российской истории» Ломоносова, появляются труды историков, написанные еще в первой половине XVIII в. («Ядро Российской истории», «История» Татищева. «Журнал или поденная записка Петра Великого» и др.), а также «Российская история» Ф. А. Эмина, первые тома «Истории Российской» М. М. Щербатова и т. д. В эти годы впервые начинается публикация основных источников русской истории — летописей и законодательных актов. Четвертый этап доводится до французской революции, которая, по словам В. И. Ленина, открыла «новую эпоху в истории человечества»,² и А. Н. Радищева, сформулировавшего революционно-республиканскую историческую концепцию и тем самым положившего начало новому периоду в развитии русской исторической науки. Этот этап характеризуется трудами М. М. Щербатова, И. Н. Болтина, Екатерины II, В. В. Крестинина и многих других. После Крестьянской войны 1773—1775 гг. дворянская историография окончательно становится реакционной в политическом отношении, но, как видно на примере М. М. Щербатова, тем не менее совершенствует источниковедческие и методологические приемы. Однако будущее русской исторической науки уже с этого этапа все больше и больше связывается и определяется деятельностью просветителей.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 26, стр. 311.

При изучении русской историографии XVIII в. следовало определить, что подлежит анализу в творчестве тех историков, которые проложили столбовую дорогу развития русской исторической мысли (В. Н. Татищев, М. В. Ломоносов, М. М. Щербатов, И. Н. Болтин, В. В. Крестинин).

Историки буржуазного направления, рассматривая труды историков прошлого, придерживались различных критериев, имеющих, однако, то общее, что в них, как правило, отсутствовал анализ общественно-политической и классовой обусловленности исторических взглядов. В этом отношении показательны оценки С. М. Соловьева, К. Н. Бестужева-Рюмина и П. Н. Милюкова, «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина, завершившего дворянский период русской историографии.³

Советские исследователи при рассмотрении творчества историков прошлого выясняют источники формирования их общественно-политических и исторических взглядов, дают характеристику их концепций русской истории, а также устанавливают степень влияния, которое оказали их книги на дальнейшее развитие исторической науки. В последнем случае нужно исходить из того, что историографическое значение труда определяется не только тем общественно-политическим и научным резонансом, который ему сопутствовал сразу после выхода в свет или даже до его опубликования (например, «Истории Российской» В. Н. Татищева), но, в первую очередь, характером его влияния на последующую историографию и степенью использования идей, методов, выводов и материалов историка прошлого в новых исследованиях.

Неодинаковая структура и объем глав данной книги объясняется стремлением автора осветить наименее изученные вопросы. Дело в том, что некоторые разделы истории исторической мысли XVIII в. настолько хорошо исследованы, что вряд ли стоит возвращаться к ним еще раз. Кроме того, неравномерное распределение материала в книге и неравноценное отношение к нему связано также с историографической неравнозначностью историков изучаемого столетия, т. е. с их разной ролью в истории науки. Одно дело Татищев, другое — П. И. Рычков. От Ломоносова мы ждем философии истории, а от Крестинина этого не требуем, хотя, разумеется, любой историк даже масштаба значительно менее крупного, чем архангельский историк, имел определенные философские понятия или представления. Прав был Шлецер, когда считал, что «философских идей об истории народов никто не станет требовать от приднепров-

---

³ С. М. Соловьев. Собр. соч. Изд. «Общественная польза», стб. 1392—1393; К. Н. Бестужев-Рюмин. Биографии и характеристики. СПб., 1882, стр. 219; П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, стр. 152.

ского инока XI века», и ошибались те, которые видели во Владимире Мономахе философа.⁴

Автор по ряду причин перенес рассмотрение исторических взглядов М. М. Щербатова, И. Н. Болтина и некоторых других историков, анализ проблематики исторического изучения, а также главу о разработке местной истории в России второй половины XVIII в. в часть III книги.

---

⁴ См.: А. П. Шапов. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Соч., т. III. СПб., 1908, стр. 211.

ГЛАВА I

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗНАНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ, КУЛЬТУРНОЙ И НАУЧНОЙ ЖИЗНИ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА

Процесс социально-экономического развития России (начало разложения феодализма и развития капиталистических отношений), непосредственно отразившийся на общественно-политической жизни страны, привел к оформлению и борьбе двух направлений в русской исторической мысли: между представителями официальной, господствующей дворянской, ставшей реакционной историографией, и просветительской, выражавшей буржуазно-демократические тенденции в русской исторической литературе.

Основные черты просветительства, сформулированные В. И. Лениным в работе «От какого наследства мы отказываемся»,¹ могут быть применимы при оценке деятельности русских просветителей второй половины XVIII в. Дискуссия о характере русского просветительства, проходившая на страницах нашей печати, вполне закономерно привела к выводу о необходимости распространить основные черты западноевропейского просветительства на просветительскую идеологию в России, конечно, с учетом своеобразия исторического развития страны.

Два течения в русском просветительстве — умеренное, или либеральное, рассчитывающее на реформы, осуществляемые «просвещенным» монархом, и революционное, выступавшее за народную революцию, — несмотря на существенное отличие, в конечном итоге являлись отражением антифеодальной идеологии крепостного крестьянства, исторические представления которого отличались двойственностью так же, как была противоречива социальная природа этого класса.²

¹ См.: В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 519.

² Ср.: Л. А. Коган. Народное миропонимание как составная часть истории общественной мысли. «Вопросы философии», 1963, № 2, стр. 84.

Корни русского просветительства заложены в отечественной действительности, совпадающей по тенденциям исторического развития с общими закономерностями, породившими западноевропейское просветительство. Поэтому, естественно, произведения Вольтера, Дидро, Д'Аламбера, Мабли, Руссо и других нашли благоприятную почву в России. Влияние западноевропейского просветительства на Россию было столь велико, что стало всеобщим. Оно сказывалось во всех слоях русского общества, за исключением, разумеется, забитой и неграмотной многомиллионной массы крепостного крестьянства. Воздействие просветительской литературы можно проследить, начиная от Екатерины II, переписывавшейся с французскими философами-литераторами, князя М. М. Щербатова, стоявшего в оппозиции к самодержавному режиму императрицы, И. Н. Болтина, враждовавшего с автором «Истории Российской», до П. И. Рычкова, В. В. Крестинина, Н. И. Новикова и многих других историков, выражавших интересы нового класса. Вольтера читали все: князья, офицеры, помещики, министры, писатели; его произведения в отдельных случаях проникали в среду крепостных.³ Идеи Руссо сказались благотворно на лицах, имевших прямое отношение к развитию науки русской истории. Они воодушевляли С. Е. Десницкого, Я. П. Козельского, А. Н. Радищева, позднее оказали известное воздействие на Н. М. Карамзина.⁴

Современные исследователи справедливо считают, что общими русским правящих кругов, в том числе Екатерины II, с великими французскими просветителями объективно способствовало распространению просветительской идеологии в России.⁵

Несмотря на всю условность, XVIII век по справедливости называют веком энциклопедистов. В 1751 г. началось издание «Философской энциклопедии». Преодолевая цензурные трудности и королевский запрет, Вольтер, Д'Аламбер, Дидро и другие продолжали великое дело подготовки умов к решительной борьбе с невежеством, церковью, королевской властью и феодализмом. Генрих Гейне назвал французскую энциклопедию «колоссальным памфлетом в тридцати томах», считая, что «Дидро резюмировал знания своего века».⁶

Когда успех «Философской энциклопедии» окончательно определился (во Франции к 1765 г. вышло 17 томов, не считая гравюр), в России начались переводы ее на русский язык. В 1767 г. в типографии Московского университета было напечатано три

³ М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. Изд. ЛГУ, 1947, стр. 13—56; М. В. Нечкина. Вольтер и русское общество. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 57—93.

⁴ М. Б. Митин. Изучение и исследование произведений Руссо и Гегеля в СССР. «Вопросы философии», 1963, № 1, стр. 65.

⁵ См., напр.: Н. К. Каратаев. Очерки по истории экономических наук в России XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 24.

⁶ Генрих Гейне. Избранные произведения, т. 2. М., ГИХЛ, 1956, стр. 463.

части «Переводов из Энциклопедии». В этом трехтомнике были помещены несколько статей по истории и истории науки. Однако, поскольку он готовился придворными Екатерины II, специально отбирившими статьи, не следует преувеличивать его радикализма. Поэтому не удивительно, что ученый-демократ Я. П. Козельский, как бы в противовес, выпустил два тома своих переводов из «Энциклопедии», назвав их «Статьи о философии и частях ее из Энциклопедии» (1770). Тогда же И. Г. Туманский издал еще более смелую книгу под названием «О государственном правлении и разных родах оногo, из „Энциклопедии”».⁷

Знакомство с произведениями французских просветителей осуществлялось не только на языке оригинала, но и с помощью переводов, распространяемых в рукописях. Переводчиками Вольтера были В. К. Тредиаковский, А. П. Сумароков, Д. И. Фонвизин, В. Майков, И. Ф. Богданович, Я. Б. Княжнин и др.

Переводческий труд все более превращался в профессию и становился уделом обедневшего дворянства, разночинной интеллигенции и некоторых крепостных. Среди последних следует назвать крепостного литератора В. Г. Вороблевского, переведшего четыре тома «Истории славных государей всея вселенной», и крепостного математика и композитора М. А. Матинского — переводчика «Истории Российского государства» И. Г. Штриттера.

Передовые люди своего времени переводили не только труды просветителей по общественно-философским вопросам, но и многие исторические произведения, которые они часто снабжали предисловиями и примечаниями. Хорошо известны примеры А. Н. Радищева, переведшего в 1773 г. книгу Мабли, Я. П. Козельского, который еще в 60-х годах, переводя книгу немецкого публициста Р.-К. Мозера «Государь и министр» и «Историю датскую» видного историка и писателя Л. Гольберга, решительно критиковал социальное неравенство и тираническое правление. Не были забыты и английские авторы. Один из них — Робертсон, значение которого в развитии буржуазной историографии, приступившей к изучению «истории гражданского общества», известно в литературе, стал предметом переводческого внимания библиотекаря Эрмитажного собрания А. И. Лужкова (1754—1808), который перевел его «Историю о Америке» (СПб., 1784).⁸

Во второй половине XVIII в. было переведено большое количество исторических произведений, посвященных истории отдель-

---

⁷ История русской литературы, т. IV. Литература XVIII века, ч. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1947, стр. 17—18.

⁸ В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II. Пг., 1914, стр. 60—61; С. А. Гамалов-Чураев. А. И. Лужков — библиотекарь и хранитель Эрмитажа при имп. Екатерине II. Материалы по истории библиотековедения в России. Пг., 1916, стр. 23—45; М. П. Алексеев. Библиотека Вольтера в России. В кн.: Библиотека Вольтера. Каталог книг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 26—27.

ных стран. Русский читатель мог познакомиться с историей Англии, Америки, Японии, Египта, Швеции, Турции, Китая и др. По всеобщей истории было переведено свыше десяти произведений. Не была забыта история славянских народов Центральной Европы. Много книг вышло по истории торговли, мореплавания, путешествий и т. д.

Историческая литература в XVIII в. довольно широко была представлена переводами произведений античных писателей. Интерес к античной культуре, проявившийся так ярко еще в XVII в., не угас и в XVIII столетии в условиях формирования русской национальной культуры. В 60-х годах в связи с общим подъемом культуры и науки в России, в том числе исторической, появляются переводы классических исторических источников, без которых изучение древнейшего периода истории нашей страны было немислимо. В 1763—1764 гг. вышел перевод бессмертного труда «отца истории» Геродота, сделанный А. А. Нартовым. Крупным событием в научной жизни России явилось издание своего рода хрестоматии из византийских авторов, писавших о древних народах на территории России.⁹ Издание, предпринятое известным историком И. Г. Штриттером, впоследствии автором учебника по русской истории, было сделано по парижскому «Согрос» византийских историков. Оно вышло на языке подлинника и в русском переводе и не потеряло своего значения вплоть до нашего времени. Современники с большим уважением и пониманием встретили это крупное научное предприятие. В «Санкт-Петербургских ученых ведомостях», выходявших под редакцией Н. И. Новикова, была помещена содержательная рецензия на работу Штриттера. В ней, в частности, дан очерк развития изучения античных свидетельств о России в нашей стране.¹⁰

В активизации переводческой работы большую роль сыграло «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг», которое было создано в столице России в 1768 г. и просуществовало до 1783 г. За 15 лет своей деятельности оно выпустило в свет 112 книг (173 тома), правда, из них только несколько по истории.¹¹

Россия также не оставалась в стороне от могучего потока энциклопедий, появлявшихся в то время в большинстве стран Европы. Во второй половине XVIII в. в России выходит сравнительно большое количество энциклопедий, словарей, лексиконов по самым различным отраслям знаний: словари анатомико-

⁹ Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов, собраны и хронологическим порядком расположены Иваном Штриттером. СПб., 1770—1775, чч. 1—4.

¹⁰ «Санкт-Петербургские ученые ведомости», 1777, № 7, стр. 49—56. — Они были переизданы А. Н. Неустроевым в 1873 г.

¹¹ В. П. Семенников. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг. СПб., 1913. См. также: В. Я. Адарюков. Книга гражданской печати в XVIII веке. В кн.: Русская книга от начала письменности до 1800 г., ч. I. М., 1924, стр. 220—227.

физиологический, ботанический, драматический, животных, математических и военных наук, для сельских и городских охотников и любителей ботанического увеселительного и хозяйственного садоводства, натуральной истории, танцевальный, учрежденных в России ярмарок, церковный, морской, юридический, химический, российских законов, родословный российский, поваренный и кондитерский, коммерческий, — и большое количество словарей или лексиконов иностранных языков, в том числе и языков народов России. Появилось несколько географических и исторических словарей. «Географический лексикон Российской империи», выпущенный Ф. А. Полуниним и Г. Ф. Миллером (1773 и 1788—1789), и незавершенное произведение В. Н. Татищева «Лексикон Российский, исторический, географический, политический и гражданский» (1793) были лучшими. Новиковский «Опыт исторического словаря о Российских писателях» (1772) положил начало демократизации исторических персонажей в русской историографической литературе. Один из словарей — «Словарь исторический, или сокращенная библиотека...» (14 ч. М., 1790—1802) — был примечателен широтой освещения биографий лиц из различных слоев общества.

Во второй половине XVIII в. в России исторические знания существенно совершенствуются. Они становятся более близкими к запросам практической жизни, с одной стороны, и к науке — с другой.

Если историки литературы давно признали, что 60-е — первая половина 70-х годов характеризуются резким возрастанием общественного значения русской литературы, когда литературой стали заниматься представители самых различных классов и общественных слоев — от крепостных крестьян и разночинцев до вельмож и императрицы,¹² то в отношении исторических знаний мы наблюдаем, примерно, такую же тенденцию.

Уже 60-е годы являются тем историографическим рубежом, который определил принципиально важные изменения в развитии и распространении исторических знаний в России. С этого времени происходит расширение круга историков в социальном отношении. Наряду с историками из дворян появляются историки из купеческого сословия или среды разночинцев (В. В. Крестинин, И. И. Голиков и др.).

Проникновение представителей третьего сословия во все области культуры и общественной жизни не было секретом для современников. Выдающийся сатирик Денис Фонвизин писал: «Третий сей чин есть убежище наук и освященное место человеческого познания. Нет такого рода заслуг и добродетели, которых бы не производил третий чин».¹³

---

¹² История русской литературы в трех томах, т. I. Литература X—XVIII веков. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 461—462.

¹³ История русской литературы, т. IV, ч. 2, стр. 164.

В связи с расширением круга историков расширяется также круг исторических персонажей, т. е. круг лиц, деятельность которых представлена в исторических произведениях. Наряду с классическим репертуаром феодальной историографии на страницах исторических произведений появились, как и в художественной литературе, деятели третьего сословия (по терминологии западноевропейской действительности). В. В. Крестинин пишет историю крестьянско-промышленного рода Вахонных-Негодяевых.

В это время разработка отечественной истории осуществлялась не только в Петербурге или в Москве, но и во многих провинциальных центрах. Характерно, что наше представление о размахе и результатах работы местных историков, или историков, писавших на местные темы во второй половине XVIII в., вплоть до последнего времени было заведомо сужено.

Но самым характерным для развития исторической мысли явилось расширение тематики исторического исследования в экономическом направлении. Наиболее видными представителями этого течения были В. В. Крестинин, М. Д. Чулков, И. И. Голиков и др. Все они были выходцами из того нового класса, который со второй половины XVIII в. играл все большую и большую роль в экономической жизни России. Буржуазия постепенно втягивалась и в политическую жизнь, правда, настолько, насколько это допускало правительство. В условиях господства крепостников-помещиков в политической жизни страны отдельные представители купеческого сословия не могли рассчитывать на свободное выражение своих политических взглядов, которые, несмотря на всю умеренность, были все-таки оппозиционны и не приемлемы для дворянства. Тяготение буржуазии к истории закономерно, так как оппозиционность купечества находила в известной степени выход в истории. Историки из купцов или разночинцев, разумеется, не столько интересовались штатными сюжетами феодальной историографии, сколько историей коммерции, которую они понимали как историю торговли, финансов, фабрик и заводов.

Оппозиционность идеологов купечества сказывалась также и в идеализации Петра I. Этого великого государственного деятеля они считали образцом, давая понять, что современные правительства не могут действовать иначе, чем поступал Петр по отношению к купечеству в первую очередь. Если дворянская историография второй половины XVIII в., в отличие от первой половины, превращаясь в реакционную силу, отрицательно относилась к решительным преобразованиям начала XVIII в., то нарождающаяся буржуазная историография отставала их, добиваясь их продолжения, расширения и развития.

Хронология выхода в свет виднейших произведений историков XVIII в. и важнейших публикаций исторических документов наглядно свидетельствует об успехах разработки отечествен-

ной истории. Именно в 60-х годах впервые были напечатаны произведения, составившие эпоху в русской историографии или, во всяком случае, являющиеся событием в развитии науки. Были изданы не только труды, написанные современниками, но и историками первой половины XVIII столетия. 60-е годы, точнее десятилетие с 1766 г. по 1775 г., в издательском отношении как бы подводят итог работе исследователей первой половины XVIII в. и открывают путь для дальнейшего развития исторической мысли. Через год после смерти великого Ломоносова вышла в свет его «Древняя Российская история» (1766), в 1767 г. появился первый том «Истории Российской» Ф. Эмина и, наконец, еще через год — первая часть первой книги «Истории Российской» В. Н. Татищева; в 1770 г. М. М. Щербатов выпустил первый том своего фундаментального труда «История Российская от древнейших времен». Тогда же впервые были напечатаны основные источники русской истории — летописи и законодательные памятники: в 1767 г. — Кенигсбергская и Никоновская летописи, «Русская правда», в 1768 г. — «Судебник Ивана IV»; с 1773 г. начала выходить «Древняя Российская Вивлиофика».

60-е — начало 70-х годов XVIII в., определившие подъем русской национальной литературы и историографии, стали также переломными и в установлении отрицательного отношения к поголовному увлечению классицизмом и античной тематикой в изобразительном искусстве, в исторической драматургии и истории.

Для того чтобы представить, хотя бы примерно, степень и характер распространения исторических знаний во второй половине XVIII в., следует определить, насколько это возможно, что тогда читали по истории.

Круг чтения провинциального дворянства, начиная с середины XVIII в., значительно расширился. Если в 1754 г. курский помещик И. П. Анненков заказал для удовлетворения своих исторических интересов переписать «Степенные книги», то в 1758—1763 гг. он интересуется по преимуществу книжной продукцией. Среди приобретенных им книг — «История Сибирская», комплект «Ежемесячных сочинений» за 1755, 1756, 1757 гг. и первая книга за 1758 г., «Краткий Российский летописец» М. В. Ломоносова, десятый том «Древней истории» Роллена и его же четвертый том «Римской истории», «Универсальная история», «Родословец Российский» и др.¹⁴ Характерно, что большинство этих книг были новинками книжного рынка.

Представление о том, какую историческую литературу читали в провинции, дает роспись книг, затребованных в 1767 г. из

¹⁴ Ф. И. Лаппо. Дневник курского помещика И. П. Анненкова как исторический источник. В кн.: Материалы по истории СССР, т. V. Документы по истории XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1957, стр. 675, 705, 742, 783, 797 и др.

Академии наук для продажи в Архангельске.¹⁵ В 1766 г. главный директор Академии наук В. Г. Орлов не столько с целью распространения культуры и знаний, сколько «по должности», проявил беспокойство в связи с перегруженностью книжной продукцией академической типографии. Он обратился к губернаторам с предложением организовать в губернских городах торговлю книгами на комиссионных началах. В Архангельске на это предложение откликнулся А. И. Фомин — сотоварищ В. В. Крестинина по историческому обществу, за кредитоспособность которого поручились местные купеческие воротилы. Хотя деятельность Фомина на поприще книжной торговли продолжалась всего два года (1767—1769), а конкретные результаты ее нам в точности не известны, но составленная им «Роспись» затребованных книг из Академии для продажи на родине Ломоносова является уникальным историческим документом, свидетельствующим о значительной потребности в исторической литературе не только в центре России.

В «Росписи» А. И. Фомина, которая, по всей видимости, была составлена совместно с В. В. Крестининым, бросается в глаза, что в ней учтена, пожалуй, вся «историческая ученость», вышедшая на русском языке, начиная с 40—50-х годов. Во-первых, заметен большой удельный вес исторической литературы, более $\frac{1}{3}$ всех книг; во-вторых, на первое место из книг исторического содержания поставлены новейшие произведения по русской и всеобщей истории; в-третьих, самым большим авторитетом по многим отраслям знаний, в том числе и по истории, для представителей купеческого сословия — Фомина и Крестинина — был М. В. Ломоносов. Кроме знаменитой «Риторики» (5 экземпляров), практически нужной «Речи о большой точности морского пути» (3 экземпляра), «Поэмы геройской Петр Великий» (20 экземпляров), «Слова похвального Петру Первому» (5 экземпляров), Фомин выписал два исторических труда М. В. Ломоносова — «Краткий Российский летописец» и «Древнюю Российскую историю» по 25 экземпляров, тогда как «Синописис» был затребован только в 10 экземплярах. Как видно, Ломоносов-историк был признан русским читателем. Фомин также запросил произведения Роллена, Л. Гольберга, П. И. Рычкова и др. Поэтому свидетельство Г. Ф. Миллера (1770) о ничтожном спросе, существовавшем в России на научные книги, ввиду увлечения романами, следует понимать относительно.¹⁶

Круг чтения мещанского сословия достаточно верно определил Н. И. Новиков (1775). По его свидетельству, большим спросом пользовались «Троянская история», «Синописис», «Юности

¹⁵ С. Ф. Огородников. Александр Иванович Фомин (по неизданным документам). Известия Архангельского об-ва изучения Русского Севера, 1910, № 3, стр. 18—29.

¹⁶ Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 182 и 195.

честное зеркало», «Совершенное воспитание детей», «Азовская история» (Байера) и некоторые другие книги (какие, он не упомянул). Как видно, из пяти названных произведений три принадлежат к числу исторических. Эти произведения не «первой историографической свежести», но само внимание к ним свидетельствует об интересах недворянского сословия к истории. Хотя Новиков и жаловался, что романы и сказки имеют большее распространение, чем серьезные научные книги,¹⁷ но возросший интерес к исторической литературе бесспорен.

Время с 1775 г. до конца 80-х годов, т. е. от поражения Крестьянской войны до французской революции и выхода радищевского «Путешествия из Петербурга в Москву», нельзя рассматривать как период застоя в развитии русской политической и исторической мысли. Развитие России в капиталистическом направлении, победа американских колоний в борьбе за независимость, грозная обстановка перед 1789 г. — все это заставляло даже екатерининское правительство, которое давно встало на путь открытой общественно-политической реакции, проводить такие мероприятия, которые объективно способствовали созданию условий для развития русской исторической мысли. В этом отношении характерен указ об открытии «вольных типографий». Еще 24 января 1773 г. был издан указ об учреждении типографий при губернских правлениях, сыгравших, правда, минимальную роль в истории русской культуры. 15 января 1783 г. вышел указ о заведении вольных типографий. Интересно отметить, что в нем было сказано: «... типографии для печатания книг не различать от прочих фабрик и рукоделий».

В 80-х годах произошел определенный перелом не только в развитии русской литературы и русской общественной мысли,¹⁸ но и в распространении и развитии исторических знаний. Еще В. О. Ключевский назвал 1779—1789 гг. «новиковским десятилетием». Если до Новикова в Москве имелось всего две книжных лавки, то к исходу столетия их насчитывалось два десятка, а их оборот достигал огромной для того времени суммы 200 000 рублей. Он установил из Москвы книготорговые связи со Смоленском, Тамбовом, Глуховом, Вологдой, Коломной, Полтавой, Псковом, а несколько позже с Ярославлем, Казанью, Тулой, Богородицком, Киевом, Симбирском, Тверью, Рязанью, Ригой, а также Архангельском. В результате деятельности вольных русских типографий число ежегодно издаваемых книг с 1786 по 1790 г. увеличилось почти в три с половиной раза в сравнении с началом 60-х годов. Но это было не столько следствием работы вольных типографий вообще, сколько новиковской «типографической компании», организованной в Москве в 1784 г.

¹⁷ Н. И. Новиков. Избр. соч. М.—Л., Гослитиздат, 1951, стр. 96 и 197.

¹⁸ Ср.: История русской литературы, т. IV. Литература XVIII века, ч. 2, стр. 139 и сл.

Правда, было бы ошибочно думать, что историческая литература в издательской деятельности Н. И. Новикова занимала первое по объему и значению место. Имеются достаточно определенные статистические сведения, которые удерживают от такого заключения. Оказывается, что книги по истории составляли около 8% от всего выпущенного им.

Издательская деятельность Новикова не только отражала успехи в разработке русской истории, но и активно содействовала ей. Не прослеживая хронологически издание Новиковым книг по истории, поскольку этот вопрос хорошо известен, напомним только, что из его типографий вышли произведения и материалы видных историков XVIII в., в том числе В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Феофана Прокоповича, М. Д. Чулкова, И. И. Голикова, «Размышление о греческой истории» Мабли в переводе и с примечаниями А. Н. Радищева, Н. Н. Бантыш-Каменского, книга А. А. Засецкого и многие другие.

Собственные историко-литературные предприятия Н. И. Новикова также хорошо известны. С 1773 по 1775 г. он выпустил 10 частей «Древней Российской Вивлиофики». Позднее, в 1788—1791 гг., Новиков расширил издание до 20 частей. Успех первого издания «Вивлиофики» был настолько велик, что аналогичное собрание источников стала выпускать и Академия наук под названием «Продолжение Российской Вивлиофики» (1786—1801; 11 частей). Новиков также напечатал «Книгу Большого чертежа», вышедшую в первом издании под названием «Древняя Российская гидрография» (СПб., 1773; второе издание (1792) уже носило общепринятое название). В 1776 г. Новиков начал готовить к изданию сборник исторических материалов — «Сокровища древностей Российских», но книга в свет не вышла. Можно предположить, что он заменил ее другим изданием — «Повествователь древностей Российских или собрание разных достопамятных записок, служащих к пользе истории и географии Российской». В том же году Новиков напечатал «Историю о невинном заточении ближнего боярина Артамона Сергеевича Матвеева». Как известно, эта книга рассматривалась как смелое оппозиционное выступление Новикова против Екатерины II, отстранившей от дел известного полководца П. А. Румянцева в результате интриг своего фаворита Потемкина.¹⁹ В 1783—1784 гг. Новиков выпускал «Прибавления» к «Московским ведомостям», в которых имелись различные статьи по истории. Так, в № 69—71 за 1784 г. была опубликована «История ордена иезуитов», продолжение которой было запрещено, а напечатанные экземпляры конфискованы. В 1788 г. Новиков без указания типографии выпустил «Историю о страдальцах соловецких», издание которой послужило основанием для официальной мотивировки его ареста в 1792 г.

¹⁹ История русской литературы, т. IV. Литература XVIII века, ч. 2, стр. 134.

Исторические знания в России XVIII в. были ярким показателем культурного развития страны. Трудно арифметически определить удельный вес исторических знаний в России XVIII в. по отношению к литературе, искусству, различным знаниям или наукам. Однако историки культуры справедливо считали, что самостоятельное развитие русской мысли в XVIII в. с особенной силой сказалось и проявилось в истории. Например, А. П. Шапов писал: «В XVIII веке, когда впервые пробуждалась самостоятельность русской мысли, она прежде всего и с особенной возбужденностью проявилась самостоятельно в историческом дее-писании... Татищев, Ломоносов, Щербатов, Болтин, Хилков, Емин, Елагин, митрополит Платон представляют непрерывный ряд историков XVIII столетия. А кроме того, сколько тогда написано исторических и памятных записок, вроде записок Данилова, Шаховского, Болотова, памятных записок Храповицкого, записок Державина и т. д.»²⁰

Серьезное значение истории в общественной жизни сказало и на одном из широко распространенных литературных жанров того времени — так называемых «Словах» (их, по В. С. Сопикову, насчитывается свыше 400). Сказанные по самым различным поводам и в разное время, они посвящались разнообразной тематике — «Слова» к дням рождения, бракосочетаниям, восшествию на престол или коронации, кончине или погребению, заключению мира по случаю победы, открытию того или иного учреждения, освящению церквей и т. п. По численности же первое место занимали похвальные «Слова» царям. Несмотря на заведомую тенденциозность, господствующий дух панегирика, церковность многих из них, они все же могут служить интересным и ценным историческим и историографическим источником, для освещения многих событий и характеристики политических и исторических взглядов их авторов. Некоторые «Слова» свидетельствовали об обострении классовой борьбы в России во второй половине XVIII в. В этом отношении интересно «Слово при погребении Амвросия, архиепископа московского и калужского, убиенного возмутившеюся во время моровой язвы чернию», вышедшее в Петербурге в 1771 г., трижды переизданное и переведенное за границей на немецкий и французский языки. Наряду с церковными проповедями имеют «Слова», защищающие науку. Например, М. В. Ломоносов произнес ряд публичных речей, значение которых для пропаганды научных знаний трудно переоценить. Его «Слова» «О пользе химии», «О явлениях воздушных», «О происхождении света», «О рождении металлов» являются замечательными образцами популяризации достижений науки. Многие

²⁰ Правда, А. П. Шапов ограничивал свое утверждение заключением о слабой способности к обобщениям у историков XVIII в. Он их относил к числу «медленномыслящих и пассивно-восприимчивых к непосредственной последовательности фактов» (А. П. Шапов в Соч., т. III, стр. 31).

просветители в произведениях данного рода высказывали свои идеи и историографические соображения. С этой точки зрения особо интересны «Слова», которые построены на историческом материале — «Слово о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (М., 1768), «Слово о Римском правлении и о разных оног переменах» (М., 1769), «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государства» И. А. Третьякова (М., 1773), «Слово о свойствах познания человеческого» Д. С. Аничкова (М., 1770), известные произведения С. Е. Десницкого и многие другие. История русского законодательства представлена Ф. Г. Штрубе де Пирмонтом, который, используя выводы В. Н. Татищева, не упоминая о нем, произнес речь под названием «Слово о начале и переменах Российских законов» (СПб., 1756). Разнообразные «Слова», посвященные прививанию оспы, пользе чистых математических рассуждений, врачебной науке и вообще необходимости всех наук, о выборе выгодных мест для построения городов и многие другие поражают своей практичностью и часто известной глубиной теоретического обобщения. Обращают внимание «Слова», посвященные Ломоносову, Пажарскому и Минину, Жан Жаку Руссо, Вольтеру и многим другим выдающимся деятелям России и Европы.

Значение исторических знаний в общественно-политической жизни России в какой-то степени подтверждается тягой к созданию книжных хранилищ. Приобретение библиотек видных деятелей науки и культуры стало своего рода модой в России. Пример Екатерины II, купившей библиотеки Дидро и Вольтера (первая была приобретена в 1765 г., вторая — в 1778 г.; библиотека Дидро была привезена в Петербург только в 1775 г., а Вольтера — в 1779 г.), нашел подражателей. Всемогущий Г. А. Потемкин пытался «торговать», как писал М. М. Щербатов, библиотеку известного историка и архивиста Г. Ф. Миллера. В библиотеке, кроме книг, находилось около 500 связок рукописей, списанных «с великой точностью», известных теперь как «портфели» Миллера. Хотя вельможа действовал через М. М. Щербатова, близкие отношения которого с владельцем библиотеки известны, но Миллер не соблазнился выгодным предложением. Он ответил отказом на том основании, что нельзя отделять его рукописное собрание от книг, и потому он не будет продавать свою библиотеку никому, кроме «короны и государственной архивы».²¹ Библиотека была приобретена Екатериной II, которая оставила ее в пользовании Миллера до конца его жизни.

Правящие верхи царской России во второй половине XVIII в. понимали значение истории в общественно-политической жизни

---

²¹ Государственный исторический музей (ГИМ), ОПИ, ф. 268, № 3. Письмо М. М. Щербатова к Г. А. Потемкину от 18 апреля 1779 г.

и использовали историю в законодательстве. При Екатерине II, несколько месяцев спустя после воцарения ее на троне, в одном из указов необходимость изучения истории формулировалась с определенным сословным акцентом: «Знание истории и географии политической нужно всякому, а необходимо дворянину».²²

В правительственных документах времени правления Екатерины часто можно найти обычные ссылки на примеры из русской истории. В указе от 22 сентября 1762 г. сказано: «Знающим древнюю историю нашего Отечества довольно известно...» — и далее шло рассуждение о природной храбрости и мужестве русского войска, которое, кстати напомним, возвращалось в Россию после участия в Семилетней войне.²³

Но обращение к историческим примерам являлось отнюдь не обязательной принадлежностью законодательных актов царизма. Так, в «Сентенции о наказании смертной казнию ... Пугачева и его сообщников» от 10 января 1775 г. можно встретить многочисленные ссылки на святое писание, на Соборное уложение, Военский артикул и Морской устав, но не на историю. К ней, как и к философии, правящим кругам царской России прибегать не было необходимости, чтобы расправиться с вождем Крестьянской войны.²⁴ «Оборона веры и отечества от врагов внешних и внутренних» осуществлялась более решительными средствами. Но следует помнить, что историю самодержавие использовало в качестве одного из идеологических орудий. Издавая «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» (7 ноября 1775 г.), царизм в меру опирался на авторитет истории. Документ начинался следующей исторической справкой: «Мы, не восходя исследованием ко временам отдаленным и к царствам чуждым, нанубедительнейшее доказательство для усердных сынов России заемлем и предлагаем от собственного отечества, которое прежним положением и состоянием своим настоящим есть тому подобно; ибо, сравнивая времена и лета и в них восхождение России, узреть каждый может помощь здравого своего разсудка и заимствованным от истории смыслом, колико в настоящем для Российского отечества знаменитом веке воссияло оное купно славою, пользою и силами своими; а соображая прежние и нынешние многоразнствующие обстоятельства, перемены, состояния, постановления, нужды или необходимости, сухопутные и морские государственные тогдашние и нынешние силы, торговлю, ремесла и частые заселения тут, где засеки были, и за засеками степи, и когда ныне не токмо многие степи, но и за степи селения далеко простираются, вразумиться легко чрез сие соображение состояния прежнего и нынешнего России, сколь неоспоримо и в оной действуют умножение и просвещение народное, возбуждающие собою

²² Полное собрание законов (ПСЗ), т. XVI, № 11 696, 25 октября 1762 г.

²³ Там же, № 11 668, 22 сентября 1762 г.

²⁴ ПСЗ, т. XX, № 14 233, 10 января 1775 г.

умножение попечений и всякого в земле порядка, и умножающие по мере того и заботы правительства».²⁵

Царское правительство Екатерины II направляло развитие историографии в определенную, необходимую для господствующего класса, сторону. Когда, например, Фонвизин собирался перевести и издать Тацита, то Екатерина II, которой он об этом предварительно написал, не позволила ему ознакомить русских читателей с античным писателем, так как считала его историком-тираноборцем.²⁶

Исторические сведения интересовали также представителей медицины в России. Они занимались поисками документов о моровых язвах, бывших в России, но им удалось отыскать только описание чумы в царствование Алексея Михайловича. Во время русско-турецкой войны и восстания под руководством Е. Пугачева в Москве работала комиссия по составлению описания чумы в Москве, которую возглавил директор Московского главного сухопутного госпиталя — Аф. Шафонский,²⁷ известный впоследствии как составитель лучшего для XVIII в. «топографического описания».

Государственные деятели, понимая практическую ценность исторических знаний в дипломатии, военном деле, законодательстве и т. д., уже не ограничивались одной фактологией. Например, П. В. Завадовский, который, как мы убедимся, был достаточно осведомлен в исторической литературе, требовал от историка многого. Для него только философ или политический деятель был способен создать полноценный исторический труд. «По моему мнению, — писал он, — история та только приятна и полезна, которую или философы или политики писали». Но, не видя действительных успехов науки и литературы в России конца XVIII в., вельможа делал неверное заключение: «Но еще наши науки и наш язык не достигнули до того: то и лутче пользоваться чужим хлебом, чем грызть свои сухари со ржавчиною».²⁸

Однако далеко не все признавали воспитательную и познавательную силу истории. Таких недальновидных людей высмеивал Н. И. Новиков. Его сатирическая критика дворянских недорослей, отрицавших пользу наук под видом их практической непригодности, заслуживает напоминания. Н. И. Новиков писал: «Что в науках, — говорит Наркис: астрономия умножит ли красоту мою паче звезд небесных? — Нет: на что ж мне она? Мафиматика прибавит ли моих доходов? — Нет: чорт ли в ней! Фисика изобретет ли новые таинства в природе, служащие

²⁵ Там же, № 14 392.

²⁶ История русской литературы, т. IV. Литература XVIII века, ч. 2, стр. 190.

²⁷ Описание моровой язвы, бывшей в столичном городе Москве с 1770 по 1772 год. М., 1775.

²⁸ Архив кн. Воронцова, кн. 12. М., 1877, стр. 255.

к моему украшению? — Нет: куда она годится! История покажет ли мне человека, который бы был прекраснее меня? — Нет: какая ж в ней нужда?»²⁹ Следовательно, лучшие представители русской культуры уже к началу 70-х годов понимали ошибочность и вредность узколобого практицизма при оценке роли истории для человека.

Типичным для выяснения того, как представители господствующего класса относились к истории, являются знаменитые «Записки» А. Т. Болотова. Как известно, он не раз принимался за составление самых различных исторических произведений. То он занимался «Историей нашей Шведской войны» (1788—1790 г.), то собирал сведения «о разных происшествиях и любопытных анекдотах, случившихся при осаде Очаковской», то вместе с В. А. Левшиным трудился над сочинениями и переводами «без отдыха»; наконец, Болотов много работал над составлением атласов, карт и планов Тульской губернии. Болотов любопытно и не без юмора рассказывал о процедуре передачи этих топографических материалов, в том числе своей книги, «переплетенной в зеленый гарнитур и в прах раззолоченной», Екатерине II при ее проезде через Тулу в 1787 г.³⁰

Различные общественные круги сосредотачивали внимание на изучении наиболее острых исторических тем, в частности на изучении истории раскола. Как установлено В. И. Малышевым,³¹ еще в 1770 г. М. Д. Чулков впервые упомянул о знаменитом произведении старообрядческой литературы — «Житии Аввакума».³² Он, как и все просветители XVIII столетия, резко отрицательно относился к расколу, считая его яростным врагом всякого просвещения и прогресса. Позднее, в 1791 г., как полагает Малышев, Чулков выпустил особую книжку, направленную против первого расколоучителя.³³ В 1786 г. было напечатано небольшое сочинение, ранее приписываемое А. И. Журавлеву, а в последнее время П. И. Богдановичу,³⁴ под названием «О российских староверцах» и переизданное как «Историческое известие о раскольниках»³⁵ в Петербурге в 1787 и 1791 гг.³⁶

²⁹ Н. И. Новиков. «Живописец». Изд. 3, 1775 г. В кн.: Н. И. Новиков. Избр. соч., стр. 101.

³⁰ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанная им для своих потомков. 1738—1795. В 4-х тт. СПб., 1870—1873. т. IV, стб. 364, 517—518, 276, 156 и 157.

³¹ В. Малышев. История первого издания «Жития протопопа Аввакума». «Русская литература», 1962, № 2, стр. 139—141.

³² См.: «Парнасский шепетильник», 1770, май, стр. 31—32.

³³ См.: Жизнь некоторого мужа и перевоз куриозной души его чрез Стикс реку. Новое изд. СПб., 1791 (Ср.: Сводный каталог русской книги XVIII века, 1725—1800, т. II. М., 1964, № 3037).

³⁴ О П. И. Богдановиче см.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 327.

³⁵ «Новый Санкт-Петербургский вестник», 1786, ч. 2, стр. 146—162.

³⁶ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII в., 1725—1800, т. I. М., 1962, № 641 и 642.

Попытку изучения истории стригольников предпринял уже упомянутый А. И. Журавлев (1751—1813), выпустивший в 90-х годах три издания «Полного исторического известия о старообрядцах, их учении, делах и разгласиях».³⁷

Один из эпизодов в жизни Академии наук свидетельствует, насколько хорошо прогрессивные деятели понимали значение истории как основы для изучения других наук и насколько другие этого не желали признать. А. Я. Поленов (1738—1818) — сын солдата, а не костромского дворянина, как считали до последнего времени, заметная фигура русского просветительства второй половины XVIII в., представивший на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом в 1766 г., два проекта, носящие антифеодальный характер,³⁸ в 1762 г. вместе с А. П. Протасовым и И. И. Лепехиным был послан в Страсбургский университет для подготовки к преподаванию права в академическом университете. Как видно из инструкции академической конференции, ему предписывалось вначале заниматься гуманитарными науками и языками и «особливо обучаться древностям и истории юриспруденции и натуральному и общенародному праву, прежде чем к самой юриспруденции приступить». По-видимому, Поленов проявил бóльший интерес к истории, чем этого требовали от него официальные руководители Академии. Он настаивал перед Таубертом на том, что история служит «главнейшим основанием» для его будущей юридической специальности. «Не утвердись прежде в сем знании, — писал Поленов, — приниматься прямо за юриспруденцию столько же безрассудно, как, не насадив железа, рубить дрова одним топорщиком».³⁹ Незадолго до возвращения в Россию у него произошло «резкое столкновение с академической конференцией, поставившей ему в вину, что он слишком много времени уделяет изучению истории, которая, по их мнению, не сможет пригодиться в его будущей профессии». В результате конфликта Поленов был досрочно отозван из-за границы. Это было уже в 1767 г. после смерти М. В. Ломоносова. Поленов не получил ни звания адъюнкта, ни тем более звания профессора и вынужден был довольствоваться переводами и участием в издании исторических памятников.

Следует помнить и о деятельности таких обществ, которые, казалось бы, не имели прямого отношения к истории. Так, например, Вольное экономическое общество, организованное в 1765 г. по инициативе видных деятелей, отражавших интересы

³⁷ См. там же, № 2277, 2278 и 2279.

³⁸ Об А. Я. Поленове см.: М. Т. Белявский. Новые документы об об-суждении крестьянского вопроса в 1766—1768 гг. Археографический ежегодник за 1958 год. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 396—397; Е. С. Кулябко. М. В. Ломоносов и учебная деятельность Петербургской Академии наук. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 176—179.

³⁹ Е. С. Кулябко, ук. соч., стр. 177.

помещиков, вынужденных в условиях начала разложения феодальной системы крепостнического хозяйства задуматься над повышением его эффективности, было создано «ко исправлению земледелия и домостроительства». ⁴⁰ Тем не менее его работа не могла не сказаться на развитии исторических знаний второй половины XVIII в. Интерес к истории «домостроительства», возникший из потребностей общественной и хозяйственной практики, стимулировался в какой-то степени и «Трудами» Вольного экономического общества и непосредственно сказался в произведениях архангельского историка-гражданина В. В. Крестинина, в наблюдениях и материалах участников академических экспедиций 60—70-х годов и т. д. (наблюдения над техникой сельскохозяйственного производства и пр.).

Как известно, по уставу Академии наук 1747 г. история не включалась ни в один из научных циклов. Но уже в следующем, 1748 году для разработки истории были созданы Исторический департамент и Историческое собрание. Департамент должен был обрабатывать материалы Камчатской экспедиции. Собрание имело контрольные функции. Оно просматривало и обсуждало все, что переводилось и писалось в Историческом департаменте. ⁴¹ Наиболее активно деятельность Исторического собрания проявилась во время обсуждения работ Г. Ф. Миллера, в особенности его диссертации в 1749—1750 гг. Но, как справедливо считают современные исследователи, деятельность Исторического собрания, продолжавшаяся до 1760 г., не оставила сколько-нибудь заметных следов в развитии исторических и других общественных наук.

С середины 60-х годов после смерти М. В. Ломоносова и перевода в Москву Г. Ф. Миллера роль Академии наук в самостоятельной разработке русской истории существенно падает. Деятельность Академии в это время сосредоточивается на издании источников русской истории, без которых дальнейшее развитие науки было уже невозможно. Несколько позже (середина 80-х годов) Н. Я. Озерецковский, предпринявший издание десятитомного «Собрания сочинений, выбранных из „Месяцесловов“», оживил в какой-то степени интерес к истории в Академии наук. «Новые ежемесячные сочинения» и сравнительно многочисленные книги по истории (например В. В. Крестинина), выпускаемые Академией в 80-х — начале 90-х годов, также свидетельствовали о том, что в Академии не была забыта история. Но факт значительного снижения роли Академии наук в самостоятельной разработке истории никем не оспаривается.

---

⁴⁰ К. В. Сивков. Вопросы сельского хозяйства в русской журналистике XVIII века. В кн.: Материалы по истории земледелия в СССР, т. I. М., 1952, стр. 560.

⁴¹ История Академии наук СССР, т. I (1724—1803). М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 278—280.

Падение интереса к истории в Академии с середины 60-х годов нельзя объяснить только персональными обстоятельствами.⁴² Причины этого надо искать в новой исторической обстановке, связанной с бурным развитием общественно-политической, литературной и исторической мысли с середины 60-х до середины 70-х годов. Подконтрольная царскому правительству Академия не могла удовлетворить те передовые круги русского общества, которые заботились о научной и патриотической разработке национальной истории. Просветительское направление в русской историографии развивалось фактически самостоятельно. Даже те историки (например, М. М. Щербатов или П. И. Рычков), которые были связаны с Академией, все-таки стояли достаточно далеко от нее. Кроме того, нужно учесть, что культурный и научный центр, в особенности в области гуманитарных наук, с середины 60-х годов перемещается в Московский университет, продолжавший и развивавший ломоносовские традиции, в том числе и в теории исторических знаний (работы юристов по философскому обобщению истории), а также и то обстоятельство, что правительство в лице Екатерины II непосредственно берет в свои руки разработку истории (поручение Ф. Эмину, «Антидот», «Записки касательно Российской истории»). Наконец, созданная Российская Академия, причастность к истории которой известна,⁴³ высвобождала Академию наук от необходимости заниматься, как раньше, историей. Нельзя забывать и о реакционном курсе в Академии наук, который восторжествовал там после смерти великого Ломоносова. Сказалось также и несовершенство организационной структуры этого научного учреждения. В Академии после смерти Г. Ф. Миллера (1783) фактически не осталось историков. Хотя неисторики — И. И. Лепехин, Н. Я. Озерецковский и др. — и делали сравнительно много для распространения исторических знаний, но история не была организационно связана с самой структурой Академии наук (только при Павле I в ней вновь был создан разряд истории и древностей). Это неплохо понимали уже современники. В статье «Об академиях» с прискорбием, но не без иронии, говорилось: «С начала между главным предметами Академии была и история народов, но она при обновлении Академии и введении нового регламента во время славного государственования блаженныя и вечныя славы достойныя памяти императрицы Елизаветы Петровны отменена. Однако же и после сего времени были некоторые искусные мужи, упражнявшиеся единственно в истории; они читали в университете лекции, да и в прочем по их науке употребляемы были

---

⁴² В томе первом «Истории Академии наук СССР», думается, дано одно-стороннее объяснение (стр. 397).

⁴³ М. И. Сухомлинов. История Российской академии, вып. 2. СПб., 1875.

с пользою. А как по том некоторые из оных от Академии отошли, другие померли, то теперь на место их никто не произведен».⁴⁴

Успехи в развитии русской исторической мысли, а в еще большей степени практические потребности в дальнейшем совершенствовании и углублении различных наук, привели к необходимости создания истории науки, точнее истории ее различных отраслей. История науки, как считали еще в середине 20-х годов XVIII в., была нужна прежде всего для того, чтобы не открывать открытого, а также в дидактико-просветительских целях.⁴⁵ Уже в середине XVIII в. были предприняты попытки осветить историю различных наук с исторической или математической точки зрения. Например, С. П. Крашенинников в речи 1750 г. «О пользе науки и художеств» исходил из признания принципа историзма, когда говорил о происхождении «мастерства и художества» от самого простого: корабля от лодок, архитектуры от шалашей и т. д. С. К. Котельников в 1761 г., обращаясь к истории математических наук, доказывал преимущество математического познания перед философским и историческим.⁴⁶ Однако, в конечном итоге, ученые XVIII в. (М. В. Ломоносов, С. К. Котельников, С. Я. Румовский и др.) придерживались распространенной в то время классификации ступеней познания: историческое, философское и математическое.⁴⁷

В «Месяцесловах» помещались самые различные статьи по истории науки. Например, в 1777 г. была опубликована сумбурная статья о главнейших изобретениях в Европе, но в 1779 г. П. Б. Иноходцев напечатал серьезную статью «О древности, изобретателях и первых началах астрономии». В. П. Зубов справедливо считает, что статьи по истории науки и изобретений в «Месяцесловах» уступали по своим научным достоинствам рассуждениям Н. Г. Курганова в его знаменитом «Письмовнике», в котором последний с убеждением писал, разделяя светскую историю на историю гражданскую и историю наук, что история «без ученых дел подобна человеку, лишившемуся одного глаза». Сравнительно большое количество переводных статей по истории наук помещалось в «Ежемесячных сочинениях» и позже в «Новых ежемесячных сочинениях». Когда в 1779 г. при Академии наук начал выходить новый журнал «Академические известия», то в нем предполагалось самым широким образом освещать историю наук. Однако журнал

---

⁴⁴ Собрание сочинений, выбранных из «Месяцесловов» на разные годы, ч. VIII. СПб., 1791, стр. 53—54.

⁴⁵ См.: В. П. Зубов. Историография естественных наук в России (XVIII — первая половина XIX в.). М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 17—18 и 30—31.

⁴⁶ Там же, стр. 31—32.

⁴⁷ Н. Ф. Уткина. Взаимоотношение математики и естественных наук в России в XVIII веке. «Вопросы философии», 1964, № 8, стр. 145.

просуществовал два с половиной года и по неизвестным причинам был закрыт. Тем не менее ряд статей, опубликованных в нем, представлял интерес довольно долгое время.⁴⁸

Самые ценные и интересные мысли по истории наук высказали ученые Московского университета. Речи И. А. Третьякова о происхождении университетов в Европе (1768), П. И. Стрехова о влиянии наук на человека и общество (1788), А. А. Проксеповича-Антонского о начале и успехах наук (1791) и многие другие ставили большие вопросы, например о темпах прогресса, о влиянии естественных наук и техники на умственное развитие и т. д.⁴⁹

Историк естествознания в России В. П. Зубов впервые оценил значение деятельности Н. И. Новикова в распространении и пропаганде естественноисторических знаний в стране. Анализ новиковских журналов — «Московского ежемесячного издания» (1781) и «Прибавлений к Московским ведомостям» (1783—1784) свидетельствует о прогрессивной постановке вопроса о необходимости изучения истории науки.⁵⁰ Н. И. Новиков в статье «О главных причинах, относящихся к приращению художеств и наук» высказывал мысль о народе как первом собирателе результатов науки и вольности как непременном средстве распространения ее. «Науки, — писал он, — перенесенные на другое место, уподобляются полевым, скоро иссыхающим, цветам. Они не иначе процветают, как усиленным старанием садовника, не привыкают к новому климату и не соображаются свойствами той земли. Они удобно прозябают, и сильный ветер их не беспокоит. Народ есть первый собиратель плодов, науками приносимых: к знатным же они приходят весьма поздно. Не должно думать, чтоб оные вдруг процветали в каком-нибудь народе или чтобы для сего довольно было только ученых людей из других государств. Они могут украсить царский двор; но весьма редко бывает, чтоб они могли и все государство сделать ученым».⁵¹

* * *

*

Значение периодической печати в деле распространения и развития русской исторической мысли изучено еще недостаточно. Не ставя перед собой задачу рассмотрения сложной картины борьбы историографических направлений на страницах русских журналов во второй половине XVIII в., мы ограничимся анализом тематики наиболее видных журналов и статей исторического содержания, помещенных в них. При этом наибольшее внимание в разделе мы уделили журналу «Ежемесячные

⁴⁸ В. П. Зубов, ук. соч., стр. 34—39.

⁴⁹ Там же, стр. 40—42.

⁵⁰ Там же, стр. 46—48.

⁵¹ Н. И. Новиков. Избр. соч., стр. 414—415.

сочинения». Такой подход вызван двумя обстоятельствами: во-первых, тем, что целое десятилетие — с 1755 по 1764 г. — произведения русских историков чаще всего появлялись в журнале; во-вторых, тем, что только в дальнейшем историческая тема стала по-настоящему достоянием книжной продукции, не покинув, разумеется, совсем страницы журналов.

Литературно-политическая борьба, развернувшаяся в молодой русской журналистике, не могла не отразиться на исторических произведениях. Однако вряд ли будет правомерным механически переносить расстановку литературных течений и группировок на историографические споры. Тем не менее определенное совпадение легко проследить. Так, близость А. П. Сумарокова, И. П. Елагина и Г. Ф. Миллера во многих вопросах установлена в истории журналистики П. Н. Берковым.⁵² Но их исторические произведения не так легко сблизить историографически, хотя, казалось бы, между ними много общего. Первые два из них были популяризаторами в истории, а последний — Г. Ф. Миллер — настоящим ученым. Однако борьба историографических мнений сказывалась и на отборе статей для журналов и, безусловно, на содержании их. Интерес к истории экономики, антикрепостнические тенденции, соображения о содержании предмета истории и настойчивое стремление к критике источников свидетельствовали об укреплении нового историографического направления, связанного с просветительской идеологией, требующей знакомства с новинками западноевропейской исторической и экономической литературы.

Журнал «Ежемесячные сочинения» (1755—1764, 20 томов) был положительно оценен в русской исторической литературе. Еще Н. М. Карамзин (1801) подчеркнул, что русская Академия наук во второй половине XVIII в. «сделалась несравненно полезнее для отечества... „Ежемесячными сочинениями“, которые, будучи магазином исторических и других любопытных сведений, распространяли их в государстве».⁵³ Митрополит Евгений (Болховитинов) в «Словаре русских светских писателей» отметил популярность журнала, который читала «вся Россия с жадностью и удовольствием».⁵⁴

В. А. Милютин впервые произвел подробный разбор содержания «Ежемесячных сочинений».⁵⁵ Он остановился на статьях различного содержания, в том числе на исторических, занимавших первое место в журнале. Правда, этот обзор часто не

⁵² П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 94 и др.

⁵³ Н. М. Карамзин. Историческое похвальное слово имп. Екатерине II. Соч. Карамзина, т. I. СПб., 1848, стр. 365—366.

⁵⁴ [Евгений]. Словарь русских светских писателей, т. II. М., 1845, стр. 67.

⁵⁵ В. А. Милютин. Очерки русской журналистики, преимущественно старой. «Ежемесячные сочинения». Журнал 1755—1765 гг. Ст. 2. — «Современник», т. XXV, 1851, № 1, отд. II, стр. 1—52; № 2, стр. 151—182 и № 3, стр. 1—48.

выходил за рамки простого пересказа содержания статей и анализа только некоторых из них. Милютин не смог правильно оценить успехи русской исторической мысли предшествующего «Ежемесячным сочинениям» периода. Он полагал, что до этого «русская история, как наука, находилась в самом младенческом состоянии». ⁵⁶ Русская историография, по его словам, была представлена Хилковым и Татищевым, которые «не могли произвести ничего другого, кроме свода летописей, более или менее обезображенного произвольными вставками». ⁵⁷ Но тем не менее, Милютин достаточно верно определил место «Ежемесячных сочинений» в истории русской культуры, считая, что они положили «прочное начало отечественной журналистики» и заняли одно из первых мест среди журналов XVIII в. по разработке истории и географии России.

П. П. Пекарский в небольшой, но единственной для своего времени работе впервые остановился на закулисной для читателей стороне деятельности этого периодического издания. ⁵⁸ В «Ежемесячных сочинениях», как он справедливо отметил, участвовали все современные писатели, пользовавшиеся большей или меньшей известностью.

В последние годы вышел ряд работ, в которых дается высокая оценка этого первого научно-популярного журнала в России. ⁵⁹ Сейчас никто не станет утверждать, что «Ежемесячные сочинения» были журналом Г. Ф. Миллера, хотя, казалось бы, это и верно. Известно, что Миллер был его бессменным редактором, сотрудником (из 26 крупных исторических статей 17 принадлежат ему), что журнал в какой-то степени выглядит его «собранием сочинений». Но в действительности это не совсем так. Идея журнала принадлежала М. В. Ломоносову. История организации «Ежемесячных сочинений» хорошо изложена П. Н. Берковым. ⁶⁰ В программе журнала, сформулированной в «Предуведомлении» к изданию (январь 1755 г.), предусматривалось помещение в «Ежемесячных сочинениях» самых разнообразных материалов и сочинений, изложенных кратко и общедоступно, «которые только обществу полезны быть могут». ⁶¹

⁵⁶ «Современник», т. XXV, 1851, № 2, отд. II, стр. 151.

⁵⁷ Там же, стр. 152.

⁵⁸ П. П. Пекарский. Редактор, сотрудники и цензура в русском журнале 1755—1764 гг. СПб., 1867.

⁵⁹ А. П. Примаковский. Первый научно-популярный журнал в России. «Вестник АН СССР», вып. 5, 1955, стр. 63—64; М. С. Черепанов. Возникновение периодической печати в России. Изд. МГУ, 1955; В. П. Соболев. Возникновение периодической печати в России и развитие русской журналистики в XVIII в. Лекция ВПШ при ЦК КПСС. М., 1957.

⁶⁰ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 77 и сл.

⁶¹ В «Предуведомлении» отмечалось, что все статьи обязательно должны рассматриваться «особым собранием», которое обязано оценивать «не слова и не слог... но только самое дело, то есть чтоб ничего закону, государству и благовраию противного не было».

Научно-популярный характер журнала виден из того, что в нем предполагалось печатать не только рассуждения «о собственно так называемых науках», но и статьи (по терминологии «Предуведомления») об экономии, купечестве, рудокопных делах, мануфактурах, механических руководствах, архитектуре, музыке, живописи и «разных художествах», а также о других «новых изобретениях». В программе подробно говорилось о задачах литературного отдела и еще больше об исторической части журнала, в которой предполагалось помещать «экстракты из достовернейших российских летописей, списки с старинных грамот и с архивных дел».⁶² Однако на практике журнал не столько занимался изданием документов, сколько помещением оригинальных исторических произведений, что можно было только приветствовать.

«Ежемесячные сочинения» издавались по образцу западноевропейских научно-популярных журналов, которых за границей к середине XVIII в. было сравнительно много. В первом номере журнала был помещен перечень «иностранных журналов, равного с нашим намерения», в котором перечислено, начиная с середины XVII столетия, 5 журналов на французском языке, 6 на английском, 1 на итальянском, 1 на датском, 1 на латинском и свыше 30 на немецком.⁶³

На первом месте по значению и объему в «Ежемесячных сочинениях» стоят статьи по истории. Они вместе с материалами и работами по географии и статистике определяют направление журнала.

Развитие капиталистических отношений в России вызывало повышенный интерес к экономическим вопросам. К началу 60-х годов литература об «экономии или домостроительстве» (по терминологии «Ежемесячных сочинений») так возросла в Англии, Франции, Швеции, Германии, что из нее можно было бы «небольшую библиотеку составить».⁶⁴ Поэтому неудивительно, что в «Ежемесячных сочинениях» печаталось большое количество переводных статей, знакомивших русского читателя с положением купечества и мануфактур на Западе. Так, в журнале помещались из номера в номер такие статьи, как «Гишпанския предложения о приведении в лучшее состояние мануфактур и купечества» — реферат книги, переведенной с испанского языка на французский и изданной в Амстердаме в 1754 г. (январь 1755 г.), «Шведския предложения о приведении в лучшее состояние некоторых всеобщих учреждений, до экономики касающихся» (там же), «О прибытках и убытках комерции в Англии и во Франции» (август 1755 г.); «Английский купец» — о которой сказано, что хотя это только извлечения из английской книги, но содержат «такие полезные правила, которые служить могут для

⁶² «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. 1, стр. 9.

⁶³ Там же, стр. 13—15.

⁶⁴ «Ежемесячные сочинения», 1762, ч. 1, стр. 93.

всякого государства и народа» (март—апрель 1756 г.) и многие другие. В одной из переводных статей в «Ежемесячных сочинениях» русский переводчик, рассуждая о мануфактурах в Афинах, сделал актуальный для России того времени вывод: «Мое намерение есть утвердить вышеописанную повестью из древних времен две причины: 1. Что мануфактуры останавливаются монополиями. 2. Что фабрики, начинаемые немногими главными интересантами, обыкновенно наилучше преуспевают» (1757, ч. II, стр. 383).

Журнал, отмечая два подхода к изучению экономических вопросов — практический и исторический (1755, ч. II, стр. 110), — подчеркивал прежде всего практическое значение статей о купечестве и мануфактурах, но тем не менее уделял большое внимание истории экономики, точнее истории коммерции и мануфактуры. Правда, некоторые работы были наивны. Так, автор компилятивной статьи, составленной из французских и немецких книг, — «Историческое описание о мануфактурах», — подписанной инициалами С. П. (Семен Порошин), начинал историю мануфактурного производства с библейских времен, в прямом смысле этого слова от Адама: «и сотвори господ бог Адаму и жене его. . . ризы кожаны» (1756, ч. I, стр. 125). В ту пору, когда теология еще не была окончательно изгнана из истории, начинать изучение истории мануфактур с текстов священного писания было неудивительно, хотя передовые историки уже давно отделяли священную историю от истории гражданской, истории наук и ремесел, оставляя ее за пределами своего изучения.

В «Ежемесячных сочинениях» верно подчеркивалась мысль, что к середине XVIII в. на Западе не было «всеобщей истории о коммерции», хотя там к тому времени и появились объемистые «купеческие лексиконы» величиной в 5 тысяч листов (1757, ч. I, стр. 52 и 59).

Одна из первых попыток в России написать историю отечественной коммерции появилась на страницах «Ежемесячных сочинений». Она принадлежала П. И. Рычкову. Здесь же был опубликован труд Г. Ф. Миллера — «Известие о торгах Сибирских» (1755, сентябрь и декабрь; 1756, февраль—май). Несколько позже в письме к Рычкову он высказал мысль о желательности составления полного описания «коммерции всея российской империи». Предварительным условием для исполнения этой большой и важной работы, по мнению Миллера, должно стать составление «частных коммерций», — украинской, белгородской, смоленской, рижской, ревельской и др., в частности, архангелогородской, которую, как он писал, ему обещал составить его приятель «из города Архангельского».⁶⁵

За десять лет в «Ежемесячных сочинениях» было опубликовано около трех десятков самостоятельных работ по русской:

⁶⁵ П. П. Пекарский, ук. соч., стр. 37—38.

истории, а также напечатаны некоторые интересные источники и документы. На страницах журнала появились работы В. Н. Татищева, Г. Ф. Миллера, И. Г. Гербера, Ф. И. Соймонова, П. И. Рычкова, И. Э. Фишера, А. П. Сумарокова.

Если учесть монопольное положение журнала, незначительное количество изданных книг по истории за изучаемый нами период, то можно будет оценить характер и определить уровень развития исторической мысли в России на основании трудов, помещенных в «Ежемесячных сочинениях».

Довольно широк и разнообразен круг вопросов, разрабатываемых в журнале. Хронологически он очерчивается временем пребывания древних народов на территории России вплоть до XVII столетия и несколько выше, включая отдельные экскурсии в XVIII в.

В середине XVIII в. вспомогательные исторические дисциплины только начали оформляться. Археология в «Ежемесячных сочинениях» была представлена небольшой переводной статьей «Об остатках города Пальмиры», в которой рассказывалось о результатах частной археологической экспедиции (1755, январь), и работой Миллера, написанной по поручению Екатерины II — «Изъяснение о некоторых древностях, в могилах найденных», в которой были обобщены материалы археологических находок в Сибири и на Украине (в Новой Сербии). Наряду с довольно подробным описанием могильных памятников Миллер привлек этнографические данные. Он пришел к выводу, что в далекие времена народы Сибири не знали железа, с которым смогли познакомиться только в самое последнее время. В статье имеется интересная подробность о партиях-ватагах курганокопателей, которые энергично действовали еще во времена пребывания Миллера в Сибири.

Древнейшим народам на территории России посвящена статья И. Э. Фишера «Рассуждение о гиперборейцах или о народе за севером находящихся» (1755, февраль). Автор полемически заострил статью против «нового писателя» и всех тех, которые описывают «состояние и домоправительство» гиперборейцев «с такою точностью, будто бы они жили несколько лет вместе с ними». Ничего не прибавив к работам Г. З. Байера и В. Н. Татищева, И. Э. Фишер подверг критике свидетельства древних писателей. Так, Аристия, упоминаемого в «Истории Геродота», впервые писавшего о гиперборейцах, он назвал «древним шарлатаном», «непотребным баснословцем». Фишер выступал противником идеализации быта древних народов. Не очень лестно отзываясь о современных ему сибирских и камчатских народах, возвращаясь к Аристее, он ехидно заметил, что, мол, последний писал для того, чтобы «показать пример благополучного состояния диких народов, коих вольность не ограничена гражданскими законами». В заключение Фишер делал вывод: гиперборейцы древних — это не особый народ, а только мечта или миф; «всякая

страна имеет своих гиперборейцев, т. е. северных жителей».⁶⁶ В то время, когда известия древних писателей о России только начали входить в научный оборот, скептицизм Фишера имел не столько критическое, сколько нигилистическое значение, к которому он пришел отнюдь не через самостоятельное и глубокое изучение источников.

В первом номере «Ежемесячных сочинений» и первой по порядку была статья покойного в то время В. Н. Татищева «Краткая роспись в. кн. Всероссийских от Юрика до нашествия татар с показанием родословия», извлеченная Миллером из рукописи «Истории Российской» В. Н. Татищева⁶⁷ и помещенная в журнале без указания имени автора — первого русского историка. Сама по себе генеалогическая схема Татищева не представляла особого интереса (кстати, она была доведена только до начала XIII в.), но факт ее заимствования из «Истории Российской» и помещения в «Ежемесячных сочинениях» не может быть оставлен без объяснения.

На протяжении всего XVIII в. историки проявляли повышенный интерес к генеалогии князей и царей, а также отдельных дворянских родов. К занятиям генеалогией, если отбросить различные родословные притязания родовой и не очень родовой аристократии, побуждали насущные потребности исторической науки, а также практические интересы политики и дипломатии. Когда основные факты русской истории только стали входить в обиход, разобраться в запутанном родословии было делом нелегким, но нужным. Что касается политической или династической актуальности генеалогии, то об этом свидетельствует небольшая статья, опровергающая мнение немецких писателей, доказывающих общность происхождения российского императорского дома и брауншвейгских герцогов от одной фамилии. Напомним, что данное опровержение появилось в царствование Елизаветы Петровны в 1755 г., накануне Семилетней войны.⁶⁸

Серьезной заслугой Миллера является опубликование «Опыта новейшей истории о России» в первых трех книжках «Ежемесячных сочинений» за 1761 г. Но, доведенный до 1604 г., «Опыт» по причинам, от Миллера не зависящим, был приостановлен. Правда, в «Sammlung Russischer Geschichte» он все-таки был опубликован до конца.

В. Н. Татищев и многие другие историки на протяжении всего XVIII в. вынуждены были обходить вопросы новой и тем более новейшей истории России. Уже после времени Ивана Грозного начинался своего рода запретный рубеж. Историю XVII столетия Татищев, например, официально исключил из своей науч-

---

⁶⁶ «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. 1, стр. 133, 123, 135 и 137.

⁶⁷ В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, ч. 2. М., 1768, стр. 555—562; М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 372—376.

⁶⁸ «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. 2, стр. 93.

ной программы. Не случайно такие историки, как М. М. Щербатов и даже Н. М. Карамзин, остановились на начале этого поистине злополучного века в русской историографии. Татищев сознательно намеревался довести «Историю Российскую» только до начала царствования Романовых, хотя и продолжил ее в черновиках до воцарения Петра I. Небезынтересно, как Татищев аргументировал такое решение. Он отмечал, с одной стороны, сравнительную легкость написания современной или новой истории, благодаря значительному количеству сохранившихся материалов, но, с другой стороны, и то, что в современной истории являются «многих знатных родов великие пороки, которые, если писать, то их самих или их наследников подвигнуть на злобу, а обойти оныя — погубить истину и ясность истории. . .»⁶⁹ Но и это не все. Правящие круги царской России в XVIII в. «засекречивали» историю XVII столетия по соображениям государственного порядка, в целях сохранения государственной тайны и поддержания внешнеполитического авторитета страны. Это было во многом необходимо. Некоторые иностранцы, падкие на все, что только могло представить Россию в невыгодном свете, всячески подчеркивали и распространяли были и небылицы о русском народе, пытаясь часто изобразить его архиневежественным, диким, ленивым, отсталым во всех отношениях и пр.

«Ежемесячные сочинения» шли в ногу со временем. Произведения, помещаемые в них, способствовали замене объемистых компиляций по универсальной истории более компактными сочинениями, написанными по единому плану, а также содействовали выработке новых приемов источниковедческой критики. Историческая критика расшатывала старые догматические представления о каноничности любого исторического источника. Классики античной истории были подвергнуты серьезной проверке. В этом отношении примечательна статья в «Ежемесячных сочинениях», подписанная инициалами В. Т., «Об истине сражения у Горациев с Курнациями, бывшего в первыя Римские времена».⁷⁰ Статья, написанная В. К. Тредиаковским, интересна тем, что она впервые знакомила русского читателя с новейшими достижениями западноевропейской исторической критики в области античной истории. Сам Тредиаковский не отрицал достоверности древней греческой и римской истории, но добивался вдумчивого подхода к оценке показаний древних авторов. Первые римские писатели, по его мнению, не могли лгать, так как «выставляли они свои ежегодные таблицы, по Цицеронову свидетельству, на прочтение всему римскому народу». Таков у Тредиаковского своего рода демократический критерий достоверности исторических свидетельств. Правда, Тредиаковский мало самостоятелен в выводах.

---

⁶⁹ В. Н. Татищев. История Российская, кн. I, ч. 2. М., 1769, стр. 551—556; Изд. АН СССР, 1962, стр. 89—90.

⁷⁰ «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. I, стр. 188—213.

Он сам признавался, что взял их почти все из книги «Римская история» иезуитов Кеструя и Рульема.⁷¹

Некоторые места русской летописи также подверглись сомнению. На страницах «Ежемесячных сочинений» профессор Геттингенского университета Геснер в 1755 г. предложил решить вопросы «о некоторых сумнительствах», относящихся к истории Ольги. Поводом к пересмотру канонического толкования летописи явилось издание в Лейпциге в 1754 г. «Церемониальной книги Константина Порфиродного» (на языке подлинника и в латинском переводе). На основании этого источника Геснер относил крещение Ольги к 946, а не к 955 г., как в летописи. В связи с этим редактор журнала Г. Ф. Миллер поставил вопрос о проверке хронологии Нестора.

Значение «Ежемесячных сочинений» для развития русской исторической мысли поистине велико. Оно определяется тем, что этот журнал содействовал распространению исторических знаний, пропагандировал их роль в общественно-политической, экономической и научной жизни страны, осуществлял разработку ряда проблемных вопросов отечественной истории и способствовал подготовке того замечательного нового десятилетия в истории русской науки, когда впервые появились в печати обобщающие труды по русской истории, в том числе лучшие произведения столетия, и когда началась публикация отечественных источников. Кроме того, журнал много сделал для формулировки теоретических положений, столь необходимых для дальнейшего развития исторической мысли. В журнале поднимались вопросы, отразившиеся впоследствии на развитии русской исторической мысли. В заметке о разработке истории мореплавания в Англии и во Франции было высказано соображение о последовательности в создании военного и купеческого флотов. Первым, по мнению автора заметки, возникает купеческий флот, вторым — военный. Единственным исключением является история русского флота. «Один Петр Великий имел успех в заведении военного флота, не имея наперед купеческого», — говорилось в заметке.⁷²

Соображения о значении законодательных актов как источника для отечественной истории впервые были высказаны также на страницах журнала «Ежемесячные сочинения» в связи с выходом в свет в 1762 г. «Собрания указов Петра Великого, Екатерины Алексеевны, Петра II». Автор считал необходимым расширить это издание за счет опубликования законодательных материалов за все время правления дома Романовых до екатерининского царствования включительно. Автор также заметил, что «нынешние историки» очень прилежно «описывают состояние государственных законов при каждом правлении». Ценность законодательных актов, по его мнению, заключается в том, что

⁷¹ Там же, стр. 212. См. также: «Ежемесячные сочинения», 1757, ч. 2, стр. 475.

⁷² «Ежемесячные сочинения», 1763, ч. 2, стр. 374.

благодаря им «сокращенные по другим делам свойства оно го правления наиболее явствует».⁷³

«Новые ежемесячные сочинения» — научно-литературный журнал Академии наук, выходявший с 1786 по 1796 г., был, как и его предшественник, энциклопедическим изданием по содержанию.⁷⁴ Но роль журнала в распространении исторических знаний не шла ни в какое сравнение с «Ежемесячными сочинениями». П. Н. Берков, сделав вывод об эклектичности и реакционности направления журнала и бесцветности его научного отдела, однако, отметил сильную сторону его, а именно: серьезность исторического раздела, в котором печатались материалы, взятые из архива Г. Ф. Миллера, статьи В. В. Крестинина, А. И. Фомина и др. В бурные годы французской революции тираж журнала катастрофически сокращался. Если в 1786 г. он печатался в количестве 621 экземпляра, то в 90-х годах тираж его упал до 146 экземпляров.⁷⁵

Но даже исторический отдел был далеко не на высоте и не свободен от противоречий. В журнале в 1787 г. был помещен краткий обзор русской истории.⁷⁶ Ничего нового ни в периодизации, ни в содержании обзора нет. Тем не менее появление такого краткого изложения истории России свидетельствовало об интересе читателей к историческим произведениям обобщающего характера. Однако по содержанию историческое «Обозрение Российской империи» не могло удовлетворить мало-мальски подготовленного человека. Говоря о периоде, когда Россия «почти 250 лет под тяжким и поносным игом татар находилась, и нередко к совершенному разрушению приближалась», автор, пытаясь объяснить причины спасения ее, ничего не мог больше придумать, как сослаться на провидение, которое «благоразумием и мужеством некоторых достойных ее князей и некоторыми случайными обстоятельствами предохранило». Таким образом, божественное провидение через князей и случайность воздействуют на историю. Такое наивное представление об истории на страницах журнала, издаваемого Академией наук, видимо, смущало читателей XVIII в.

Тем не менее новое властно давало знать о себе. Даже в таком сжатом конспекте русской истории несколько страниц отводилось «художествам и наукам», т. е., как тогда говорили, внутренней истории России. К тому же в «Обозрении Россий-

⁷³ Там же, стр. 552—554.

⁷⁴ См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 342—347. См. также: Т. А. Лукина и А. П. Протасов — русский академик XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 161—169. — Редакторами журнала были Н. Я. Озерецковский, А. П. Протасов, И. И. Лепехин, Я. Д. Захаров.

⁷⁵ Архив Академии наук, ф. 3, оп. 1, № 882, лл. 1, 56, 163 и др.

⁷⁶ Обзорение российской империи от основания российского государства до победоносных времен России от 862 года по 1462 год. «Новые ежемесячные сочинения»; ч. XIII, 1787, июль, стр. 3—16; ч. XIV, 1787, август, стр. 3—21.

ской империи» автор отзывался о Новгороде весьма положительно: «Новгород через свое могущество, которого он при республиканском своем правлении торговлею и храбростию достиг, был защитою, Россию с сей стороны (т. е. с Запада. — С. П.) от неприятельских набегов охраняющею».⁷⁷

«Новые ежемесячные сочинения» обращали много внимания на историю русской культуры. Демонстративно ссылаясь на «Записки касательно российской истории», которые Екатерина II желала видеть обязательным образцом во всех случаях жизни, журнал внушал читателю, что «россияне не меньше просвещены были современными им народами, что великодушнее и все добродетели имели олтарею в сердце их; но что они преимуществовали учением, сие доказует давнее введение писмен в Россию, малая премена древнего языка и многих наших князей и самых простолюдинов изучение наук и познаний, колико полезных, столькож и украшающих сердце и разум».⁷⁸

В середине 80-х годов Академия наук приступила к изданию «Собрания сочинений, выбранных из „Месяцесловов“ на разные годы». В десяти частях, вышедших в 1785—1793 гг., были помещены произведения по различным вопросам науки, напечатанные в свое время в «Месяцесловах», выпускаемых регулярно Академией, начиная с 1726 г. Потребность в подобном издании вызывалась необходимостью популяризации лучших научных работ, отобранных преимущественно из статей 60—80-х годов, разбросанных по различным «Месяцесловам» нескольких видов (обыкновенные, исторические, географические, с наставлениями экономическими и в пользу домостроительства), которые к 80-м годам превратились в библиографическую редкость. Кроме того, в этом собрании впервые было напечатано немало новых работ. Издание выходило под редакцией академика Н. Я. Озерецковского, который не только приложил много труда для подбора произведений, но и участвовал в редактировании, а также в написании новых произведений.

«Собрание сочинений, выбранных из „Месяцесловов“» носило ярко выраженный естествоиспытательский, географический и исторический характер.⁷⁹ Из числа исторических статей, опубликованных в «Собрании сочинений» впервые, обращает внимание своей самостоятельностью «История о взятии города Казани при царе Иване Васильевиче и о разорении Казанского царства».⁸⁰ Она была составлена из «Царственной книги» (СПб., 1768), «Опыта Казанской истории» П. И. Рычкова и исправлена по одной из рукописей Академии наук. К этой статье тематически

⁷⁷ «Новые ежемесячные сочинения», ч. XIV, 1787, стр. 3, 15—21; ч. XIII, 1787, июль, стр. 10—11.

⁷⁸ «Новые ежемесячные сочинения», ч. XVIII, 1787, декабрь, стр. 94.

⁷⁹ См.: Предисловие, написанное Н. Я. Озерецковским. Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. I, 1785, стр. 1—3.

⁸⁰ См.: Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. III, 1789, стр. 228—259.

примыкает другая статья, правда, напечатанная в свое время в «Месяцеслове на 1779 год» под названием «Известие о браках царя Иоанна Васильевича».⁸¹ В ней имелись интересные мысли, особо привлекавшие читателя в 1790 г. Автор подчеркивал, что российские писатели при Грозном не хотели описывать современность по причинам понятным.⁸² Здесь же было приведено известие о намерении Ивана Грозного искать убежища у английской королевы Елизаветы, в случае если бы ему пришлось бы «для упорства своих подданных оставить Россию».⁸³

В «Собрании сочинений» были перепечатаны статьи из «Месяцесловов», посвященные деятельности одного из сподвижников Петра I генерала Гордона и его собственные записки об осаде и взятии Азова с дополнениями из выписок Миллера, разрядных книг, документов архива Коллегии иностранных дел, из книги Г. З. Байера «Азовская история» и других литературных источников. Словом, это была достаточно самостоятельная работа.⁸⁴ Две другие статьи — «Сокращение Российской истории»⁸⁵ и «Сокращение Российского летописца»⁸⁶ — носили обзорный характер, но были бесполезны для читателей. Первая статья являлась уступкой точке зрения М. В. Ломоносова, считавшего, что славяне сыграли главную роль в происхождении русского народа. Но, что касается образования древнерусского государства, то автор по-прежнему стоял на позициях норманистской теории, несколько видоизмененной в интересах русской национальной историографии. Ход рассуждений автора статьи был примерно таков: Новгород, изгнавший непрошенных повелителей, «которых он никогда не призывал», продолжал жить по «законам, им самим установленным». Но «в сем демократическом правлении» Новгород претерпел беспокойство междоусобной брани. Поэтому Гостомysl предложил избрать новгородцам правителей из хозар или варягов⁸⁷ и т. д.

Автор статьи «Сокращение Российского летописца» в традиционном апологетическом духе описывал поступки Ивана Грозного в отношении новгородцев. Он, как и Н. М. Карамзин

⁸¹ См.: Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. IV, 1790, стр. 126—136.

⁸² Там же, стр. 126.

⁸³ Там же, стр. 131.

⁸⁴ См.: Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. V, 1790, стр. 34—86, 165—206 и 319—363 (из «Месяцесловов» на 1782, 1783 и 1784 гг.); см. также: Гордон И. Второй поход и осада Чигирин турками в 1678 г. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XXXVII, 1789, июль, стр. 68—87; ч. XXXIX, 1789, сентябрь, стр. 48—98; ч. XL, 1789, октябрь, стр. 3—63.

⁸⁵ См.: Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. III, 1789, стр. 1—10 (из «Месяцеслова» на 1768 г.).

⁸⁶ См. там же, стр. 14—37 (из «Месяцеслова» на 1769 г.). См. также: Государи российские. Там же, стр. 11—13 (из «Месяцеслова» на 1768 г.). — Эта небольшая статья является хронологическим перечнем правления великих князей и царей, составленным в духе «Краткого Российского летописца» М. В. Ломоносова.

⁸⁷ Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. III, 1789, стр. 3 и др.

несколько десятилетий спустя, считал, что резкая перемена характера в Иване IV произошла после смерти Анастасии Романовой. Поэтому «безмерная запальчивость» обрушилась на беспокойных новгородцев⁸⁸ и т. д.

Антикрепостнические тенденции проникали и на страницы академических «Месяцесловов», издаваемых в 60—80-х годах. Споры в Комиссии по составлению Нового уложения 1767 г. и конкурс, организованный Вольным экономическим обществом в 1766—1768 гг., свидетельствовали о том, что крестьянский вопрос стал главным вопросом всей общественно-политической жизни России. Он не мог не отразиться и на исторических произведениях, написанных в ту пору. В «Месяцеслове на 1769 год» была помещена небольшая статья о плаваниях казака Бузы и других путешествиях по Северному океану в первой половине XVII в.⁸⁹ Автор затронул вопрос о значении правительственной и частной инициативы в русских географических открытиях. Отметив, что казак Буза в 1636 г. был «в своей поездке гораздо щастливее, нежели морские офицеры последней Камчатской экспедиции», он спрашивал, «можно ли искусных и обученных мореплавателей сравнить с незнающими и на море небывалыми козаками, или беглецами, коим именем большую часть оных промышленников назвать можно?» Автор, отвечая, писал: «..великая состоит разность между делами, отправляемыми по своей охоте, и между делами, исполняемыми по приказанию другого или по неволе. В первом случае знают то, что и страх и польза зависит от них самих, в последнем же ведают, что только они подвержены страху, а что их трудами пользоваться будут больше другие, нежели они сами. При том великое ж бывает различие между вольными людьми согласующимися вместе в намерении каком и чрез то учинившимися единомышленниками, и между такими, кои побеждены духом несогласия».⁹⁰ Как видно, автор статьи не ограничивался изложением одних исторических фактов, а ставил историографически важный вопрос о роли частной инициативы в русских географических открытиях.

В «Месяцеслове на 1774 год» появилась не менее интересная статья «О покорении Сибири Российской державе»,⁹¹ проводящая примерно аналогичные мысли, но в завуалированной или

⁸⁸ Там же, стр. 3.

⁸⁹ О кораблеплавании россиян по Ледяному морю и о некоторых явлениях в сих местах на сухом пути, на море и на воздухе примечаемых (Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. III, 1789, стр. 38—51).

⁹⁰ Там же, стр. 43, 44 и 45. — В статье «Догадки о происхождении американцев» (там же, стр. 122—173), в которой высказано много интересных мыслей по существу вопроса, также отмечалось, что русские люди из Якутска «доехали на худых судах» до устья реки Анадыря, тогда как этого «великие и твердые корабли во время Камчатской экспедиции при императрице Анне, на которое несколько миллионов издержано, учинить не были в состоянии» (там же, стр. 164).

⁹¹ «Месяцеслов» на 1774 г. Цит. по: Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. III, 1789, стр. 300—334.

смягченной форме. Ее автор также не пожелал назвать своей фамилии. В статье высказывалась идея отрицания решающей роли правительственной инициативы в завоевании Сибири. Автор начинал с теоретического в своем роде рассуждения о непредопределенности и непреднамеренности в действиях людей и неожиданности результатов от них. «Многokrатно в свете примечено, — писал он, — что самые великие происшествия бесприметное иногда и такое незнатное имеют начало, что важных следствий из того предвидеть не можно». Примером этого, по его мнению, явилось покорение Сибири, «произшедшее под обстоятельствами, чудесам почти подобными, так что нельзя не признавать сильное в том содействие провидения». Но, отдав по необходимости должное религиозному толкованию истории, автор статьи перешел к изысканию реальных причин, побудивших Ермака и его товарищей отправиться в Сибирь. «Ермак, имея великую причину помышлять как о своем спасении, так и о прокормлении себя и товарищей, к гнусной работе не привыкших, получил чрез то надежду набегамн своимн на татар, Российскому государству не подвластных, собирать богатства, сколько впредь ему и его артели потребно будет», — писал автор статьи. «Наглый разбойник» Ермак Тимофеевич не успел превратиться «в усердствующего сына отечеству», поэтому во время похода в Сибирь он «попеченные имел больше о себе, нежели о отечестве».⁹² Называя Ермака «наглым разбойником», автор одновременно отмечал его высокие организаторские способности: «Сей искусный предводитель разбойников усмотрел необходимую надобность и в учреждении строгих законов; а крепких оным наблюдением содержал добрый порядок в подчиненных своих, не взирая на то, что они из давних лет к необузданному житию привыкли». В итоге завоевания Сибирского ханства Ермак Тимофеевич, как считал автор статьи, «сделался владельцем небольшого государства, где он не имел других недостатков, кроме как в людях своего народа и европейских военных припасах».⁹³

Идея о непреднамеренности завоевания Сибири была направлена против религиозной концепции провиденциализма и одновременно против официальной доктрины просвещенного абсолютизма, исходящей из признания решающей роли в истории деятельности правителей. Автор статьи допускал уступки феодальной идеологии (признание роли провидения, казенные характеристики казаков и нелестные эпитеты по адресу Ермака) то ли из-за непоследовательности мировоззрения, то ли по причине цензурных условий, но, как видно, автор, так же как и автор предшествующей статьи, не сводил смысл исторического исследования к пересказу исторических фактов, а занимался самостоятельным анализом сушества исторического процесса.

---

⁹² Там же, стр. 303, 305.

⁹³ Там же, стр. 306—307, 323.

Вывод статьи о решающей роли частной инициативы в завоевании и освоении Сибири, хотя и высказанный по частному поводу, связанному с завоеванием Сибирского ханства Ермаком Тимофеевичем, нашел отражение и развитие в «Кратком повествовании о приобретении Сибири» А. Н. Радищева, в высказываниях А. С. Пушкина, А. И. Герцена, М. Горького и многих других прогрессивных представителей науки и литературы.

Эти статьи о плаваниях русских в Северном океане и о завоевании Сибири (что самое интересное для историков русской общественно-политической мысли и историков исторической науки) были перепечатаны Н. Я. Озерецким целиком в 1789 г. в «Собрании сочинений, выбранных из „Месяцесловов”».

В изучении истории завоевания, освоения и заселения Сибири, а также истории русских географических открытий можно наметить два основных направления: демократическое и так называемое государственное. Еще в «Кратком описании путешествий по северным морям» (1763) М. В. Ломоносов одним из первых выдвинул идею о частнопредпринимательском характере похода Ермака, освоения и заселения Сибири, поскольку главная роль в этом, по его мнению, принадлежала казакам и поморским жителям с Двины и других мест. Взятие Сибирского царства Ермаком и дальнейшие многие «приращения» на Востоке, по словам Ломоносова, были произведены «больше приватными поисками, нежели государственными силами».⁹⁴ Но Ломоносов не преувеличивал роли частных плаваний промышленников в географических открытиях, понимая преимущество хорошо организованных экспедиций, во главе которых стояли подготовленные и опытные морские офицеры.⁹⁵

Когда в конце 50-х годов XVIII в. появились признаки расцвета молодой русской журналистики, в первом частном журнале — «Праздное время, в пользу употребленное» (1758), наряду со статьями по общественно-политическим вопросам, экономике, сельскому хозяйству и заводской технике, довольно подробно освещалась история русской торговли.⁹⁶ В немногочисленных и недолговечных журналах того времени историческая тематика не была забыта издателями. В журнале «Трудолюбивая пчела», — одном из первых частных журналов того времени, издававшемся А. П. Сумароковым (выходил только в 1759 г.), было опубликовано несколько интересных исторических работ. Н. Монтис поместил небольшое «Рассуждение о двух главных добродетелях, которые писателю истории иметь необходимо должно, то есть об искренности и несуетном богопочитании»; Г. В. Козицкий

---

⁹⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 448.

⁹⁵ Там же, стр. 496—497.

⁹⁶ Д. Д. Шамрай. Об издателях первого частного русского журнала (По материалам архива кадетского корпуса). В кн.: XVIII век. Сб. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1935, стр. 377—385.

напечатал статью «О пользе мифологии»; сам Сумароков — «О первоначалии и созидании Москвы» и «Российский Вифлием» и др.

Показателем развития исторических знаний и их проникновения в смежные отрасли духовной культуры в России конца 50-х годов является понимание литераторами необходимости изучения языка для истории, который в их представлении более важен, чем памятники материальной культуры. Так, Сумароков писал: «Древние медали любопытные люди к изъяснению древней истории справедливо драгоценными вещьми почитают, как и всякие древние надписи, также столпы, обелиски, здания, развалины и проч. Но все то меньше служит истории, нежели происхождение и древность языка». Не будем останавливаться на критике этого заведомо одностороннего представления, напомним только, что роль языка как вспомогательной исторической дисциплины высоко оценивала историографическая мысль XVIII столетия. Татищев, Ломоносов и другие много сделали для развития сравнительного языкознания в России. Правда, известная общая недооценка других видов исторических источников и переоценка значения лингвистических, при сравнительно низком уровне развития научной критики, часто приводила к тем схоластическим словопроизводствам, которые в свое время Ломоносов назвал «перевертками».

Статьи исторического содержания можно встретить и в других частных журналах. В «Парнасском щепетильнике», издававшемся М. Д. Чулковым в 1770 г., была помещена статья «Исторические известия польских писателей о провинциях и городах российских, бывших некогда во владении польском и потом опять россиянами взятых, принадлежащие к российской истории», представляющая значительный интерес обстоятельностью изложения.⁹⁷ В журнале Н. И. Новикова «Утренний свет» (1777) была напечатана статья «О письменах славяно-русских и тиснении книг в России»,⁹⁸ автором которой, как установлено П. Н. Берковым, являлся поэт М. М. Херасков. Это небольшое произведение, посвященное истории возникновения и развития письменности, книгопечатания и переводов в Древней Руси, представляет интерес не с фактической стороны, или новизны изложенных мыслей, а как показатель возросшего значения вопросов истории культуры в России в периодической печати второй половины XVIII в.⁹⁹ Как видно из текста статьи, Херасков думал продолжить работу по изучению этой темы в порядке

---

⁹⁷ Ср.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века, стр. 221.

⁹⁸ «Утренний свет», 1777, сентябрь, стр. 55—61; 2 изд., 1779, ч. I, стр. 202—207.

⁹⁹ П. Н. Берков. История русской литературы XVIII века. В кн.: XVIII век. Сб. I, стр. 366; См. также: А. Н. Соловьев. Московский печатный двор. М., 1917, стр. 38.

сравнения «домашних историков с повествованиями внешних».¹⁰⁰ Также заслуживают внимания журналы «Старина и новизна» (1773), издаваемый В. Рубаном, «Растущий виноград» (1783), в котором помещены небесполезные статьи о русских древностях, «Уединенный пешехонец...» (1786 год), являющийся первым провинциальным журналом.

Если для первой половины XVIII в. историки русской критики говорят об усилении, умножении и новом качестве литературно-критических суждений писателей о произведениях художественной литературы, а во второй половине столетия констатируют зарождение русской литературной критики,¹⁰¹ то в историографии дело обстояло несколько иначе. Отметим, что литературная критика, несомненно, благотворно сказалась на возникновении и развитии историографической критики в русской исторической литературе. Однако появление ее в первую очередь было обусловлено требованиями научности самих исторических знаний. Поэтому историографическая критика становится обязательной составной частью работ историков уже с первой половины XVIII в., начиная с Татищева. Историографические справки или обзоры имеются у Эмина, Елагина, отдельные, но содержательные замечания встречаются у Ломоносова, Щербатова и др. Историографическая критика с середины XVIII в. проникает также на страницы русских журналов и предисловий, написанных русскими авторами к переводным книгам по всеобщей истории и оригинальным отечественным сочинениям. Уже в «Ежемесячных сочинениях» печатались разборы книг, например книги Гильмара Кураса, раскритикованной Г. Ф. Миллером. Примером обстоятельного критико-исторического обзора труда иностранного автора может служить предисловие Х. А. Чеботарева к «Краткой всеобщей истории» И. Фрейера.

Нельзя не отметить благотворного влияния некоторых иностранных рецензий на произведения русских историков, вышедшие в России или в переводах за границей. А. Л. Шлецер в «Геттингенских ученых ведомостях» прорецензировал 13 работ, в том числе книги П. И. Рычкова, С. П. Крашенинникова, полный комплект «Ежемесячных сочинений» и др.

Значение деятельности Ломоносова для развития научно-литературной критики и необходимости создания критико-библиографических отделов в журналах достаточно освещено в нашей литературе. Уже в 1755 г. он в «Ежемесячных сочинениях» выступил со статьей «О качествах стихотворца рассуждение». В ней Ломоносов выдвинул мысль о необходимости отбора лучших произведений для «руководства в науках и в чтениях многих книг». Как установлено, Ломоносову принадлежат рецензии,

¹⁰⁰ «Утренний свет», 1777, сентябрь, стр. 59.

¹⁰¹ П. Н. Берков. Развитие русской литературной критики в XVIII в. В кн.: История русской критики, в двух томах, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1955, стр. 46.

помещенные в «Ежемесячных сочинениях», на 31 произведение, из которых 13 относится к истории и географии.¹⁰²

Автор только конспективно мог остановиться на фактах, показывающих огромное влияние исторических знаний на русскую литературу и искусство во второй половине XVIII в.

Отражение исторических знаний в художественной литературе и изобразительном искусстве не только способствовало их распространению в обществе, но и содействовало их совершенству. Литература и искусство, вынося на суд общественного мнения произведения, написанные на исторические темы, заставляли читателей, слушателей или зрителей задумываться над прошлым, настоящим и будущим. Однако нужно учитывать, что в литературе и искусстве часто можно найти только отражение или преломление исторических взглядов в художественной форме, но не научно обоснованные произведения. Специфика науки требует доказательности, особых средств, которые отличают научное мышление от художественного. Конечно, наука не отделена от литературы или искусства непроходимой стеной. Вспомним Лукреция, который в поэтическом произведении «О природе вещей» изложил философию атомистического материализма, или М. В. Ломоносова, высказавшего в поэтической форме мысль о бесконечности вселенной. Но, тем не менее, когда во второй половине XVIII в. наука дифференцировалась и специализировалась, отказываясь от беспредельного энциклопедизма, когда научные труды приобретали научную форму, т. е. сопровождалась необходимым аппаратом, тогда произведения литературы и искусства в значительной степени теряют значение источника для изучения истории русской исторической мысли.

Поэтические произведения на темы из русской истории или высказывания, встречающиеся в ненаучных трудах, не следует игнорировать при изучении исторических взглядов, но анализ их должен занять все-таки второстепенное место при характеристике исторической концепции того или иного деятеля культуры.

Что касается исторической темы в литературе, то ограничимся следующими соображениями, опираясь на современную литературу.¹⁰³ История нашла наиболее широкое отражение в рус-

¹⁰² М. И. Слуховский. М. В. Ломоносов и книга. «Советская библиография». Сб. статей и материалов, 1962, № 4, стр. 56; См. также: П. Н. Берков. Ломоносов и литературная полемика его времени. 1750—1765. М.—Л., Изд. АН СССР, 1936, стр. 159—167; Его же. Непользованные материалы для истории русской литературы XVIII века. В кн.: XVIII век. Сб. I, стр. 327—351.

¹⁰³ История русской литературы, т. III. Литература XVIII века, ч. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941; т. IV. Литература XVIII века, ч. 2. 1947; Д. Д. Благой. История русской литературы XVIII века. М., 1955; История русской литературы, в трех томах, т. I. Литература X—XVIII веков. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958; Б. Н. Асеев. Русский драматический театр XVII—XVIII веков. М., изд. «Искусство», 1958; Русские драматурги XVIII—XIX вв. Монографические очерки, в трех томах. Русские драматурги XVIII века, т. I. М.—Л., изд. «Искусство», 1959.

ской литературе во всех ее жанрах, особенно в драматургии и поэзии. В силу особых условий общественной жизни России историческая тематика, тем более относящаяся к древней русской истории, была более доступной и для историков, и для писателей, и поэтов.

Видное место в распространении исторических знаний занимает историческая драматургия А. П. Сумарокова, получившая восторженные оценки как русских, так и иностранных современников. М. М. Щербатов в рассуждении «О способах преподавания разных наук» писал о его драматургических произведениях на темы отечественной и всемирной истории: «В святилище драматического стихотворства мы хотя не столь изобильны в сочинениях исторических, как французы, однако гоподин Сумароков, который начал наш трагический театр, его вдруг в совершенство привел, и первое его сочинение Хорев почти равняется с лучшими сочинениями французских писателей. Гамлет и Семира сего же писателя и более славу его возвысили».¹⁰⁴ Так же положительно отнесся к одному из первых произведений Сумарокова глава немецкого классицизма И. Х. Готшед. В 1753 г. в статье-рецензии на французский перевод исторической трагедии Сумарокова «Синав и Трувор» он сетовал на то, что «немецкие поэты не могут найти трагических героев в нашей собственной истории и вывести их на сцену, тогда как русский нашел таковых в своей истории».¹⁰⁵

Исследователи истории литературы отмечают, что из девяти исторических трагедий Сумарокова семь были посвящены сюжетам русской истории. Вслед за первой русской трагедией — «Хорев», — написанной в 1747 г. на полуисторический сюжет, и трагедией «Синав и Трувор» (1750), основанной на предании о начале древнерусского государства, драматург обратился к событиям новой истории. Новаторство Сумарокова в исторической драматургии сказалось не только в том, что в лучшем своем произведении, переведенном на европейские языки, в «Дмитрии Самозванце» (1771), он изобразил события своей страны, отказавшись от классических сюжетов и персонажей, но представил события сравнительно недалекого прошлого, напоминающие о тяжелых для России временах.¹⁰⁶ Известное совпадение точки зрения Сумарокова с мнением Миллера, считавшего необходимым освещать все исторические эпохи — и положительные и отрицательные, — в данном случае налицо, что свидетельствует не столько о влиянии историка на драматурга, сколько об общности их взглядов.

Историческая трагедия «Дмитрий Самозванец» была написана с позиций такого «просвещенного абсолютизма», который исходил из признания за подданными права низвергать монар-

¹⁰⁴ М. М. Щербатов. Соч., т. II. СПб., 1898, стб. 484—485.

¹⁰⁵ Г. А. Гуковский. Русская литература в немецком журнале XVIII века. «XVIII век». Сб. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 387—388.

¹⁰⁶ История русской литературы, т. III, ч. 1, стр. 400.

хов-тиранов. В интерпретации Сумарокова, расходящейся с обычной историографической оценкой того времени, главной виной Лжедмитрия I было не то, что он самозванец, а то, что он не заботился о «всенародном блаженстве» и был орудием папской политики.¹⁰⁷

Не останавливаясь на трагедиях Я. Б. Княжнина и его знаменитом «Вадиме», драматургических подделках на исторические темы Екатерины II, а также на других многочисленных художественных произведениях, написанных на исторические сюжеты, заметим только, что вопрос о взаимовлиянии исторических знаний на литературу и литературы на исторические знания заслуживает стать предметом монографического изучения.

Историческое изобразительное искусство в России XVIII столетия¹⁰⁸ (историческая живопись, скульптура и графика, а точнее, живопись, скульптура и графика на исторические темы) имело своим предметом не только сюжеты из отечественной или всемирной истории, но, главным образом, до середины века, мифологические и библейские, а также сцены из античного эпоса. Такое преобладание неотечественной тематики в русском историческом изобразительном искусстве во многом объяснялось античной традицией, вновь вызванной к жизни в XVII—XVIII вв. с большой подражательной силой.

Русская историческая живопись, скульптура и графика, как проявление национальной культуры, ведут свое начало со второй половины XVIII в. В этот период русские художники создают значительные произведения на темы русской истории. Однако серьезными недостатками исторического изобразительного искусства XVIII в., как считают историки искусства, были схематизм, идеализация прошлого и отступление от реального изображения деятелей отечественной истории в сторону классицизма.¹⁰⁹

Но нельзя согласиться с теми, кто считает, что несовершенство русского изобразительного искусства было связано с низким уровнем исторических знаний на протяжении всего XVIII в., когда, мол, даже в 90-е годы русская историческая наука делала лишь свои первые шаги, когда об археологии и материальной культуре еще ничего не знали.¹¹⁰ Чтобы правдиво изображать русское средневековье с реалистической полнотой, не стоило совершать путешествия в Рим, а достаточно было посетить музей

¹⁰⁷ История русской литературы, в трех томах, т. I, стр. 465—467.

¹⁰⁸ Русское искусство. Очерки о жизни и творчестве художников. Восемнадцатый век. М., 1952; История русского искусства, т. I. М., 1957; Н. Молева и Э. Белютин. Педагогическая система Академии художеств в XVIII веке. М., 1956; История русского искусства, в 12-ти тт., т. V. Русское искусство первой половины XVIII века; т. VI. Искусство второй половины XVIII века. М. Изд. АН СССР, 1960 и 1961; Н. Н. Коваленская. История русского искусства XVIII века. Изд. МГУ, 1962.

¹⁰⁹ Русское искусство, стр. 264.

¹¹⁰ См. там же, стр. 375, 378, см. также стр. 118.

мирового значения с XVIII столетия — Оружейную палату в Кремле.

Русские художники XVIII в. учились у классиков, учились у историков, драматургов, поэтов, и прежде всего у самой русской действительности. Учились, но в силу общих и специальных причин целиком обратиться к русской национальной тематике еще не успели и не могли. Источником исторических представлений художников того времени являлись по преимуществу сравнительно широко распространенные произведения исторической литературы. «Синописис» и Ломоносов были руководителями художников в отечественной истории. Этому содействовала также историческая драматургия, в особенности произведения Сумарокова.

Можно признать, до известной степени разумеется, что историческое изобразительное искусство являлось наглядным воспроизведением исторических знаний эпохи. Живопись, скульптура и графика, благодаря своей доступности, убедительности, большой популярности, способствовали распространению исторических знаний в России. Правда, нужно добавить, что исторический кругозор представителей мира искусства часто определялся не столько работами русских историков, сколько художественной литературой на исторические темы, т. е. исторической драматургией или поэзией. Исторические воззрения, полученные из вторых рук, из произведений часто посредственных и исторически мало достоверных, мешали правдивому воспроизведению событий. К тому же следует помнить, что сами авторы литературных произведений думали не столько о точности воспроизведения прошлого, сколько о связи истории с современностью. Д. С. Лихачев, говоря об исторических трагедиях XVIII в., не относит их к числу таких литературных произведений, которые бы основывались на документальной историчности фактов: «Трагедии эти претендовали не столько на историчность, с которой они считались очень мало, сколько на „аллюзии“, намеки на современную политическую действительность».¹¹¹ Такой же оценки художественной литературы XVIII в., посвященной историческим сюжетам, придерживается В. В. Виноградов: «Обращаясь к историческим темам, русские авторы XVIII века писали на самом деле авантюрные и философические романы, иногда с явным публицистическим уклоном в сторону современности, в сторону тенденциозного отражения мыслей и настроений текущего политического момента. . .»¹¹²

В условиях подъема русской национальной культуры второй половины XVIII в. живопись, по справедливому мнению советского исследователя истории искусства, приобрела более широ-

¹¹¹ Д. С. Лихачев. Когда было написано «Слово о полку Игореве»? «Вопросы литературы», 1964, № 8, стр. 158.

¹¹² В. В. Виноградов. О языке художественной литературы. М., Гослитиздат, 1959, стр. 516.

кий характер, чем в предшествующую половину столетия. Кроме декоративной и портретной, появляются новые виды живописи — историческая, жанровая и т. д. «Наибольшее значение в глазах современников получила живопись историческая», — свидетельствует Н. Н. Коваленская.¹¹³ Это понимали в России уже в конце XVIII столетия. В одном из первых оригинальных русских руководств по эстетике для начинающих художников¹¹⁴ его автор, И. Уранов, писал: «Историческая живопись есть самое совершенное зеркало пороков и страстей и напоминает о должностях, коими государи и подданные обязаны».¹¹⁵ Такое определение, навеянное просветительской идеологией, вытекало из признания особой роли исторической живописи в воспитании современного человека.

Современники также хорошо понимали, что дает искусство для истории. Карамзин в статье «О случаях и характерах в Российской истории, которые могут быть предметом художеств», справедливо писал, что «если исторический характер изображен разительно на полотне или мраморе, то он делается для нас и в самых летописях занимательнее». Тем самым, как видно, он учитывал познавательное значение искусства как средства для закрепления исторических знаний.¹¹⁶ Интересно, что необходимость философии для изобразительного искусства понимали художники и теоретики живописи. Тот же Уранов писал, что художнику надобно более головой трудиться, нежели руками. Художнику «нужны философические знания истории», — резюмировал он.¹¹⁷

Во второй половине XVIII в. возникает такая же закономерная, как и в литературе, реакция на монопольное положение античных сюжетов в русском искусстве. Ломоносов в 1764 г., выступая на открытии Академии художеств, говоря о том, сколь много «произвести может Россия мощию художеств», подчеркивал отрицательную роль односторонней приверженности к античности всего человечества, которое «едва уже не до отвращения духа чрез многие веки повторяет древния Греческие и Римские, по большей части баснотворные деяния». Ломоносов ратовал за национальную тематику в изобразительном искусстве, за изображение «не чужих, но домашних дел».¹¹⁸

К исходу XVIII столетия темы из русской истории начинают

¹¹³ Н. Н. Коваленская, ук. соч., стр. 222.

¹¹⁴ Краткое руководство к познанию рисования и живописи исторического рода, основанное на умозрениях и опытах. Сочинено для учащихся И. У. СПб., 1793.

¹¹⁵ См.: Н. Н. Коваленская, ук. соч., стр. 115—116.

¹¹⁶ См.: Н. М. Карамзин. Собр. соч., в двух томах, т. II. М.—Л., Изд. «Художественная литература», 1964, стр. 188—189.

¹¹⁷ Н. Н. Коваленская, ук. соч., стр. 116.

¹¹⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 8. М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 809. — Однако это, конечно, не означало отказа от античной традиции. См.: Н. Н. Коваленская, ук. соч., стр. 116.

преобладать над античными. Одновременно историки искусства отмечают изменение социального содержания тематики. От сюжетов, прославляющих монархию и церковь, в Академии художеств все чаще обращаются к темам демократического звучания. Н. Н. Коваленская приводит пример о заданных темах в 1766 и 1795 гг. В первом случае молодые художники должны были писать картину на тему «Подношение шапки княжеской и державы великому князю Рюрику», во втором — о летописном юноше-воине, показывающем (по терминологии темы) «опыт своей необычайной силы над разъяренным быком».¹¹⁹

Какие исторические эпохи и события привлекали внимание художников в XVIII в.? Остановимся на сюжетах отечественной истории, как наиболее отвечающих запросам национальной культуры. Это — Древняя Русь, деятельность и жизнь Олега и Владимира I, время борьбы с западными агрессорами и татаро-монгольскими захватчиками в XIII—XIV вв. с Куликовским побоищем в центре. Период реформ и Северной войны представлен могучей фигурой Петра I, заслонившей все остальное. И. Н. Никитин и М. В. Ломоносов — один своим полотном, другой мозаичной картиной — воспроизвели великое событие европейской истории — Полтавскую битву. Героические эпохи — вот что неизменно привлекало художников.

Гравюры первых двух десятилетий XVIII в. свидетельствовали о тесной связи изобразительного искусства с действительностью. Батальные сюжеты, осада крепостей, морские сражения, а также пейзажи новой столицы Русского государства — Петербурга, служили иллюстрациями к тем существенным изменениям, которые происходили у всех на глазах. Исторические гравюры, будучи иллюстрациями к хронике современных событий, долгое время являлись господствующим жанром в историческом изобразительном искусстве.

Одной из первых, или, как полагают исследователи, первой исторической картиной в России была «Куликовская битва» И. Н. Никитина (начало 30-х годов). Она была написана необычно. Но исследователи истории искусства, быть может, несколько преувеличивают, когда утверждают, что художник отступил от признанных образов того времени, стремясь показать активное участие вооруженного народа в защите Родины.¹²⁰

Насколько можно использовать историческую живопись для распространения исторических знаний, показал Ломоносов в работе «Идеи для живописных картин из российской истории»¹²¹ (не позднее 1 января 1764 г.). Он получил приказание императрицы, переданное через И. И. Бецкого, выбрать «из российской истории знатныя приключения для написания картин, кои ми

¹¹⁹ Н. Н. Коваленская, ук. соч., стр. 122.

¹²⁰ См.: Русское искусство, стр. 31; ср.: История русского искусства, т. I, стр. 165.

¹²¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 367—373.

бы украсить при дворе некоторые комнаты». ¹²² «Идеи для живописных картин российской истории» за последние годы стали предметом историкографического изучения. ¹²³ Л. В. Черепнин предложенные Ломоносовым 25 сюжетов картин из русской истории разбил на три группы: 1) темы из истории государственной власти, самодержавия и абсолютизма; 2) темы из истории национально-освободительной борьбы и 3) темы, относящиеся к международному значению России. Следовательно, Ломоносов ориентировал на важнейшие события отечественной истории, ставшие к его времени обязательными в русской историографии. В предложенных Ломоносовым сюжетах преобладала героическая тема, связанная в какой-то степени с участием народа в событиях. Многие картины задумывались с обязательным изображением массовых сцен. Полотен без народа у Ломоносова вообще сравнительно мало. В его представлении народ не только служит фоном для изображения героев, но и выступает активным творцом русской истории. Л. В. Черепнин прав, когда говорит о «некоторой противоречивости мировоззрения» Ломоносова. Являясь сторонником просвещенного абсолютизма, Ломоносов, как считает автор «Курса русской историографии до XIX века», «интересовался вопросом о роли народа в событиях, связанных с объединением Руси и созданием централизованного государства». Но мало сказать, что Ломоносов «интересовался» ролью народа в истории. Следует выяснить, какую роль в представлении Ломоносова играл народ на протяжении многих веков русской истории. Даже редкие реплики Ломоносова в описании поведения народа свидетельствуют о признании им активной роли народа в событиях исторической важности. В оценке роли народа в истории Ломоносов был своего рода «историческим дуалистом» или дуалистом в истории. Он признавал, с одной стороны, что главную роль в истории играют князья, цари и прочие правительствующие персонажи, а с другой — не игнорировал роли народа, считая его одной из двух действующих исторических сил, обязательных для дворцовой живописи. Не случайно в числе деятелей русской истории, имена которых стремился увековечить Ломоносов в художественных произведениях, находим одного из руководителей народного ополчения в начале XVII в. — Козьму Минина, тогда как М. М. Щербатов и другие историки дворянского направления о нем обычно умалчивали, прославляя только Дмитрия Пожарского.

«Идеи для живописных картин из российской истории» являются необходимым материалом для изучения исторических взглядов великого Ломоносова. «Идеи» во многом повторяют

---

¹²² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, 1957, стр. 581.

¹²³ См.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 594—595; Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. М., 1957, стр. 201—203.

изложение событий в «Древней Российской истории», но нередко они изменяют и дополняют их ценными реалистическими подробностями. Если в «Истории» рассказ о кораблях, вытасканных на берег Олегом, представлен по летописи, но сравнительно сухо, то в «Идеях» этот сюжет обогащен художественно и исторически допустимой деталью: к судам припряжены лошади печенегов, пришедших к Царьграду по берегу.¹²⁴ В отличие от летописи и «Истории» Святослав в «Идеях» гибнет, сражаясь в прямом смысле — «в порогах», преодолевая стремительное течение Днепра на судах и отбиваясь от наседающих с берега печенегов. Эпизод «Владимир и Рогнеда» передан в «Истории» несколько иначе, чем в «Идеях». В первом случае сын Гориславы-Рогнеды Изяслав, защищая мать, сам подает Владимиру меч, прося убить раньше его, чтобы не видеть «горького мучения и крови своей матери». Во втором Изяслав выскакивает «из потаенного места с обнаженною саблею» и смелей, чем в первом случае, заявляет: «Мать моя не одна. Я ее должен защищать, пока жив. Убей меня прежде, чтобы я смерти ее не видел». В картине «Совет Владимиру от духовенства» добавлена сцена о прощении разбойника Могута.

«Идеи для живописных картин» характеризуют не только исторические представления Ломоносова, но и его отношение к исторической живописи как действенному средству воспитания патриотизма на важнейших событиях из русской истории, слушающих «к чести российских предков».

Ломоносов был весьма требователен к реализму в исторической живописи. Он, например, добивался правдоподобия в изображении одежды, для чего решил ознакомиться с материалами из архива Коллегии иностранных дел, в которых имелись описания и изображения коронаций и других церемоний.¹²⁵

Историческое искусство второй половины XVIII в., представленное рядом замечательных живописцев и скульпторов, обращалось к событиям средневековой и новой истории России. В начале 70-х годов по заданию Академии художеств ее воспитанники М. И. Козловский и Ф. Ф. Шедрин создали интересные барельефы, изображающие воинские подвиги князя Изяслава Мстиславича. Накануне русско-турецкой войны 1768—1774 гг. Ф. Г. Гордеев исполнил барельеф, имеющий определенный

¹²⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 221—222 и 371. — Весь этот рассказ летописи, несмотря на то, что он расцвечен легендарными подробностями, не противоречит исторической правде. Еще Н. М. Карамзин отмечал достоверность свидетельства летописи и привел в доказательство исторический пример 1453 г. Турецкий султан Мухаммед II, чтобы обойти цепь, закрывающую гавань Золотой Рог, приказал вытащить галеры на сушу и перетащить их по настилу через Галату в Золотой Рог, так как с этого направления город был защищен хуже всего (Н. М. Карамзин. История государства Российского, т. I, пр. 308). Так же истолковывает это известие и Д. С. Лихачев (Повесть временных лет, ч. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, стр. 263).

¹²⁵ См.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 595.

политический смысл: «Заключение мира Олега с греческими царями Львом и Александром под стенами Константинопольскими» (1767 г.). Второй русско-турецкой войне М. М. Иванов посвятил акварели «Штурм Очакова» и «Штурм Измаила».

В 90-х годах Г. И. Угрюмов — первый художник, целиком обратившийся к русской истории,¹²⁶ — написал картины «Торжественный въезд в Псков Александра Невского после одержанной им над немцами победы», «Взятие Казани», «Ян Усмарь», «Венчание Михаила Федоровича на царство» и др. Но и в произведениях лучших художников конца столетия не обошлось без стилизации. Александр Невский не столько воин, сколько святой. Грозный изображен исторически условно. На картине «Взятие Казани» нарисована не сцена боя, а триумф победителей. Ивана IV встречает царь Эдигер у стен горящей Казани. Вполне можно согласиться с распространенным утверждением, что эта сцена заимствована художником из «Россиады» Хераскова.

Одним из центральных сюжетов русского исторического изобразительного искусства в XVIII в. явился хорошо известный в исторической литературе, драматических и поэтических произведениях летописный рассказ о Владимире и Рогнеде. К этому драматическому эпизоду из древнерусской истории неоднократно обращались выдающиеся художники XVIII в., в том числе скульпторы Ф. Ф. Шубин и М. И. Козловский, живописец А. П. Лосенко, с картины которого «Владимир и Рогнеда» русское национальное историческое изобразительное искусство оформляется как самостоятельный жанр в живописи.

А. П. Лосенко — один из зачинателей русской исторической живописи и основоположник национальной школы русской академической живописи, выходец из народа, «Ломоносов русской живописи», первый русский академик исторической живописи, — в 1769 г. получил от Академии художеств задание написать картину на тему из древней русской истории «Владимир и Рогнеда». Картина Лосенко демонстрировалась на первой выставке Академии в 1770 г. и имела большой успех, хотя художник считал, что она была далека от подлинной истории, объясняя это слабой изученностью последней.¹²⁷ Замысел этого произведения был изложен художником в «Изъяснении» к картине. Как видно из этого интересного документа, Лосенко не соглашался с распространенным толкованием взаимоотношений Владимира с дочерью полоцкого князя Рогнедой.¹²⁸

¹²⁶ Н. Н. Коваленская, ук. соч., стр. 230 и сл.

¹²⁷ Там же, стр. 230.

¹²⁸ Ср.: М. В. Ломоносов, Древняя Российская история, Полн. собр. соч., т. 6, стр. 257; Его же. Идеи для живописных картин из российской истории. Там же, стр. 368. — Здесь Ломоносов ближе к истине, чем Лосенко в «Изъяснении» к картине. Екатерина II об этом эпизоде «деликатно», т. е. тенденциозно, умалчивала в «Записках касательно Российской истории».

Историки всех направлений в XVIII в. отказались принять безыскусственное повествование летописи о Владимире и Рогнеде, где с реалистической простотой рассказывалось о бесчинствах Владимира, бывшего в ту пору язычником, насилующего на глазах полоцкого князя Рогволода его дочь Рогнеду. Дворянские историки, отрицая летописную версию, пытались по-своему реабилитировать князя Владимира. Его чудовищный поступок они объясняли чисто психологически, оправдывая в духе романтического сентиментализма. Владимир в их представлении вовсе не варвар, а рыцарь, которого только любовь и оскорбленное самолюбие заставили пойти на такое безобразное преступление, после которого он незамедлительно извиняется перед обесчещенной им Рогнедой.

Лосенко представил Владимира в своем «Изъяснении» как любовника, который, по словам художника, «ведая свою невесту обесчещенную и лишившуюся всего, должен был ее ласкать и извиняться перед нею». Владимиру присуще не только рыцарское, но и общечеловеческое благородство — таков замысел художника.

Такое отступление от исторической правды было закономерно. Историки, поэты и драматурги реакционного направления пытались реабилитировать всех без исключения князей. Но историки и художники демократического направления, выражая свои взгляды и настроения, идеализировали Владимира, благородство которого они старались поставить в пример современным правителям, далеким в нравственном отношении от своих предшественников. Показать губительность произвола, необходимость и возможность его исправления — идея многих просветительских произведений литературы и искусства в то время. В образе Владимира I Лосенко старался представить гуманного, осознавшего свою вину правителя Древней Руси. В его изображении Владимир не воин, не грозный судья, а элегантный шляхтич.¹²⁹ Исторический реализм в картине можно увидеть только в лицах бородатых дружинников, но не в образах Владимира и Рогнеды. По решению темы и художественному исполнению картина все еще далека от исторической правды и реализма. Идеализация сюжета и стилизация типов в духе академической живописи продолжала господствовать и на полотнах выдающегося художника Лосенко.

Успех картины Лосенко заставил Академию художеств продолжить разработку темы «Владимир и Рогнеда». Академия предложила своим воспитанникам задание на сюжет неудачной мести Рогнеды, что и было с успехом исполнено. Ф. Ф. Щедрин получил золотую медаль за барельеф «Посягательство Рогнеды

¹²⁹ Такой же стилизации подвергался, например, образ Святослава. Он выглядел не древнерусским воеводой, а римским военачальником. — Ср. также: А. Л. Каганович. Антон Лосенко и русское искусство середины XVIII столетия. М., Изд. Акад. художеств СССР, 1963, стр. 150—155 и сл.

на жизнь Владимира», а начинающий скульптор М. И. Козловский — вторую золотую медаль за барельеф под названием «Князь Владимир, проснувшись, отклоняет удар, наносимый ему Рогнедой».

Демократические тенденции нашли отражение в картинах конца XVIII — начала XIX в. — «Встреча Игоря с Ольгой» и «Минин и Пожарский», автор которых точно не установлен. В первой художник отступил от традиционной версии, принятой в исторической литературе, о княжеском происхождении Ольги и остановился на версии о престонарном происхождении ее.¹³⁰

Благодаря работам А. П. Лосенко, Ф. Ф. Шедрина и М. И. Козловского в Академии художеств уже в начале 70-х годов произошел поворот к национальной традиции: мифологические и античные сюжеты заменялись тематикой из русской истории. Историческое изобразительное искусство становилось национальным. Но как в живописи, так и в скульптуре античная традиция академической живописи продолжала довлеть.

В итоге скажем, что еще Ломоносов работой «Идеи для картин из российской истории» показал значение изобразительного искусства для распространения исторических знаний. Живописцы и скульпторы в художественной форме восстанавливали, реконструировали прошлое и тем самым помогали историкам в их работе.

Потребность в иллюстрированных изданиях, возросшая во второй половине XVIII и в начале XIX в. — в период больших общественных потрясений, — была продиктована заинтересованностью широких слоев читателей в наглядных пособиях.¹³¹ Правда, основным типом изобразительной хроники, как считают специалисты, являлась не историческая живопись, а модные картинки и портреты современников,¹³² тем не менее история влияла на иллюстративное оформление книг и журналов.

Как художественная литература (речь идет, разумеется, не о суррогатах ее) позволяет проникать в самую суть современного общества, так и историческое изобразительное искусство содействовало установлению исторической истины. Если великое произведение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву» разоблачало самодержавие и крепостничество, то реалистические картины М. Шибанова и И. А. Ерменева из жизни русских крестьян второй половины XVIII в., проникнутые оптимизмом у первого и резкой критикой социальных контрастов у второго, являлись такой иллюстрированной хроникой русской действительности, которая получала большой общественный резонанс.

¹³⁰ Н. Н. Коваленская, ук. соч., стр. 232--233.

¹³¹ Д. Н. Чаушинский. Начало журнального художественного репортажа на Западе и в России. «Книга». Исследования и материалы. Сб. II. М., 1960, стр. 210.

¹³² Там же, стр. 219.

Художественная литература и историческое изобразительное искусство в XVIII в. содействовали не только распространению исторических знаний среди сравнительно широких кругов русского общества, но и способствовали более глубокому пониманию исторических фактов.

Историю исторической науки нельзя изучать, не имея понятия о распространенности исторических знаний и месте их в системе образования в стране. Характер и качество постановки преподавания не только отражают достигнутый уровень в разработке истории, не только свидетельствуют о ее роли в общественно-политической и научной жизни, но и воздействуют на дальнейшее развитие исторической мысли, иногда положительно, иногда, разумеется, отрицательно.

Вопрос о преподавании истории в учебных заведениях России в XVIII в. в нашей литературе все еще изучен мало. За последние годы можно указать всего три работы.¹³³ Что касается содержательной книги Л. П. Бушика «Очерк развития школьного исторического образования в СССР», то о преподавании истории в XVIII в. в ней, к сожалению, фактически ничего нет.¹³⁴ В нашей литературе мы также не найдем ничего похожего на исторический обзор учебных пособий по истории для XVIII в., подобный изданию, посвященному библиографической аннотации учебной географической литературы.¹³⁵

Необходимый, но отрывочный материал по существу изучаемой темы можно извлечь из сравнительно многочисленных произведений дореволюционных историков школьного образования в России. Совершенно особое место занимает публикуемое ныне многотомное издание документов и материалов по истории Московского университета в XVIII в.¹³⁶ Учебная деятельность петербургской Академии наук — университета и гимназии — освещена в хорошо документированной книге Е. С. Кулябко.¹³⁷

---

¹³³ См.: М. В. Сычев-Михайлов. Из истории русской школы и педагогики. М., Изд. АПН РСФСР, 1960; П. Д. Ерик. Преподавание истории в русской школе в XVIII в. «Преподавание истории в школе», 1960, № 4, стр. 67—74; И. В. Поздеева. Изучение древней истории и древних языков в Московском университете в 50—60-х годах XVIII в. «Вестник древней истории», 1962, № 3, стр. 3—21.

¹³⁴ Л. П. Бушик. Очерк развития школьного исторического образования в СССР. М., Изд. АПН, 1961, стр. 7—8.

¹³⁵ См.: Л. Весни. Исторический обзор учебников общей и русской географии, изданных со времен Петра Великого до 1876 года (1710—1876). СПб., 1877. — Здесь дана примитивная аннотация только учебных пособий. См. также: Л. Л. Додон. Учебная литература русской народной школы второй половины XVIII в. и роль Ф. И. Янковича в ее создании. Уч. зап. Ленингр. пед. ин-та им. Герцена, т. 118, 1955, стр. 185—207.

¹³⁶ Документы и материалы по истории Московского университета второй половины XVIII в., т. I (1756—1764), т. II (1765—1766), т. III (1767—1786). Изд. МГУ, 1960—1963.

¹³⁷ Е. С. Кулябко, ук. соч.

Значительную роль в истории русского школьного образования во второй половине XVIII в. играла Первая Казанская гимназия, открытая по указу 1758 г., в которой, насколько можно судить по сохранившимся данным, систематически преподавалась всеобщая и отечественная история.¹³⁸ Правда, не следует преувеличивать место исторических знаний в учебных планах гимназии. Так, в 1800 г. в нижнем и высшем исторических классах всеобщей истории отводилось 3 часа в неделю, а священной истории и катехизису — 6 часов. Казанская гимназия располагала (по отрывочным сведениям в разное время) довольно значительным фондом исторических книг. В 1759 г. в библиотеке имелась «Римская история» Тита Ливия, «Древняя история» Роллена, «Английская история» и др., а также некоторые сочинения Вольтера.¹³⁹ Даже после пожара Казани в гимназии сохранилось небольшое количество исторической литературы.¹⁴⁰

Несмотря на попытки администрации придать гимназии отчетливо сословный характер, разделив ее на дворянскую и разночинскую, они практически успехов не имели. В гимназии обучалось сравнительно много учащихся. Состав их на протяжении XVIII столетия был довольно демократическим.¹⁴¹

В Казанской гимназии обучались известный поэт Г. Р. Державин, С. Т. Аксаков, оставивший в «Семейной хронике» интересные воспоминания о ней, а также выдающийся математик Н. И. Лобачевский и др.

В гимназии время от времени давались различные театральные представления. В 1760 г. в честь 5-летнего юбилея Московского университета была поставлена комедия Мольера «Школа мужей», а позднее — пьесы А. П. Сумарокова на сюжеты из русской истории — «Синав и Трувор» (1767) и «Семира» (1771), в которой действуют Аскольд и Олег.

При оценке роли Казанской гимназии в развитии русской культуры следует помнить, что она долгое время служила подготовительной школой для Московского университета и для Академической гимназии в Петербурге. Эта организационная и идейная связь с двумя столицами, бесспорно, способствовала распространению ломоносовских традиций в Казанской гимназии. Однако не стоит переоценивать успехов Казанской гимназии. В. Г. Орлов, бывший в 1767 г. директором Академии наук,

¹³⁸ В. Владимиров, Историческая записка о 1-й Казанской гимназии. XVIII столетие, ч. 1; XIX столетие, ч. 2. Казань, 1867. См. также: А. Артемьев, Казанская гимназия в XVIII столетии. ЖМНП, 1874, № 5, стр. 32—98; № 7, стр. 1—52; № 11, стр. 1—67.

¹³⁹ В. Владимиров, ук. соч., ч. 1, стр. 155—156. — В 1761 г. были «найжены» у учеников и учителей «Универсальная история» Крапция, «История» Кураса и «Азовская история» Байера.

¹⁴⁰ Там же, ч. 2, стр. 37; ч. 1, стр. 133, 157.

¹⁴¹ Напр., в 1785 г. детей дворян и обер-офицеров насчитывалось 19, солдатских детей — 66 и детей разночинцев — 5. Там же, ч. 1, стр. 151, см. также стр. 161—162.

посетив в свите Екатерины II Казань, нашел гимназию «в очень дурном состоянии».¹⁴² Еще более резкий отзыв оставил Г. Р. Державин. «Нас учили тогда, — писал он, — вере без катехизиса, языкам без грамматики, числам и измерениям без доказательств, музыке без нот. Книг, кроме духовных, почти никаких не читали».¹⁴³

Д. И. Фонвизин, вспоминая лет через тридцать о своем пребывании в гимназии Московского университета в первые годы ее деятельности, видимо, не без сатирической заостренности, рассказывал о системе преподавания и ее результатах. Когда ученика спросили, куда течет Волга, тот ответил: «В Черное море»; когда то же спросили другого, тот сказал: «В Белое», а когда спросили Фонвизина, он чистосердечно признался: «Не знаю». За это ему единогласно присудили медаль.¹⁴⁴

Такая же безотрадная картина была нарисована несколько позже В. В. Крестинным для Архангельска. Приходские, или «букварные», школы, существовавшие, по его мнению, только в городах с древнейших времен до 1786 г., т. е. до учреждения государственных школ, не имели мало-мальски квалифицированных педагогических кадров вследствие плохой обеспеченности учителей. Поэтому преподаватели пополнялись из числа малограмотных старцев.¹⁴⁵ Хотя, как считает М. Ф. Владимирский-Буданов, такие школы существовали и в селах, но обучение в них было поставлено не лучше, чем в городских «букварных училищах».¹⁴⁶ Однако некоторые ученики из этих доморощенных школ вынесли привязанность к чтению исторической литературы.¹⁴⁷ Не удивительно, что еще в 1764 г. в проекте гимназии для Архангельска В. В. Крестинин предусматривал среди предметов, необходимых для общего образования и расширения «коммерческого» кругозора учащихся, дисциплины, служащие воспитательным целям, а именно — историю и право.¹⁴⁸

История преподавалась и в других провинциальных учебных заведениях. Например, в Астрахани к началу 70-х годов была

---

¹⁴² В. Орлов-Давыдов. Биографический очерк графа Владимира Григорьевича Орлова. СПб., 1878, стр. 44.

¹⁴³ Г. Р. Державин. Соч., т. 8. СПб., изд. Грота, 1873, стр. 59.

¹⁴⁴ Д. И. Фонвизин. Избранные сочинения и письма. М., ОГИЗ, 1946, стр. 198.

¹⁴⁵ В. В. Крестинин. Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XVII, 1787, ноябрь, стр. 3—12; ч. XVIII, 1787, декабрь, стр. 20—49. См.: М. Владимирский-Буданов. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерства. ЖМНП, 1873, № 10, стр. 218—219; 1873, № 11, стр. 64.

¹⁴⁶ М. Владимирский-Буданов, ук. соч. ЖМНП, 1873, № 10, стр. 219.

¹⁴⁷ Там же, стр. 219—220.

¹⁴⁸ У. М. Полякова. Василий Васильевич Крестинин и его общественно-политическая деятельность (из общественной жизни Архангельска 60—90-х годов XVIII в.). Автореф. канд. дисс., Л., 1962, стр. 14.

открыта «публичная школа», в которой все желающие, особенно дети солдат астраханского гарнизона, могли изучать европейские и азиатские языки, географические, исторические, философские и математические науки. В Харькове в самом начале 80-х годов, как сообщал проезжавший через город адъютант В. Ф. Зуев, в семинарии, или коллегии, были восстановлены «новые науки», в том числе история и география.¹⁴⁹

Во второй половине XVIII в. в столице Российской империи — Петербурге история преподавалась почти во всех высших и специальных учебных заведениях.

В аристократическом высшем учебном заведении — Морском шляхетском кадетском корпусе, основанном в 1752 г. на базе Морской академии, и Навигационной школе преподавалась только геральдика.¹⁵⁰ Попытка директора Морского кадетского корпуса И. Л. Голенничева-Кутузова в 1762 г. ввести в учебный план историю мореплавания не увенчалась успехом.¹⁵¹ В Сухопутном шляхетском кадетском корпусе, из стен которого выходили не только военные, а также чиновники для всех ведомств, педагоги и артисты, преподавание в котором носило энциклопедический характер, историческое образование еще с первой половины XVIII в. было поставлено значительно обстоятельней. Но, как видно из обзора учебных планов и состояния преподавания в Кадетском корпусе в 1784 г., в действительности дело обстояло значительно хуже, чем это можно было предположить. История, переносившаяся «из возраста в возраст», т. е. из класса в класс, фактически изучалась плохо.¹⁵² История преподавалась также в Артиллерийском инженерном корпусе (с 1762 г.).

В таком специальном и привилегированном высшем учебном заведении, как Пажеский корпус, история изучалась поверхностно. В Учительской семинарии в Петербурге и в Главном российском училище также обучали истории, но из двенадцати нижних училищ ее преподавали только в двух. Этот предмет был и в учебном плане Главного немецкого училища, находящегося при немецком лютеранском приходе св. Петра (которое было открыто Бюшингом в 1762 г.).¹⁵³ Историческое образование предусматривалось и в Смольном институте благородных девиц (с 1764 г.), где, кроме гражданской и священной истории, изучали также истинно дворянскую «науку» — геральдику.

¹⁴⁹ Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание, 1766—1782 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 523.

¹⁵⁰ Д. А. Толстов. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 года. СПб., 1883, стр. 23.

¹⁵¹ Ф. Веселаго. Очерк истории Морского кадетского корпуса. СПб., 1852, стр. 142 и сл.

¹⁵² Д. А. Толстов, ук. соч., стр. 34—35.

¹⁵³ Г. А. Милорадович. Материалы для истории Пажеского корпуса. 1711—1875. Киев, 1876; И. Г. Георги. Описание столичного города Санкт-Петербурга. СПб., 1794, стр. 401. См.: ПСЗ, т. XXII, № 16149, 16421; т. XX, № 15934 и др.

История была включена в учебные планы гимназии чужеземных единоверцев (греческий кадетский корпус), «благородного» и частных пансионов Москвы.¹⁵⁴ Наконец, с 1786 г. с открытием народных училищ история окончательно стала обязательным предметом школьного образования.

До 60-х годов XVIII в. нельзя говорить о централизации школьной системы в России. Правда, заботу об этом проявили ученые Академии наук. Проект М. В. Ломоносова и И. И. Шувалова от 17 ноября 1760 г. об организации гимназий и школ в России, получивший одобрение у академиков, предусматривал изучение истории. В отзыве А. П. Протасова на него подробно говорилось о пользе изучения всех наук, в том числе географии и истории. О них было сказано: «Географию знать всем чиновным людям прилично, а купцам и полезно. Она же, равно как и история универсальная, дворянству нужна».¹⁵⁵

Политика екатерининского правительства в области учебного дела была сформулирована еще в «Генеральном учреждении о воспитании обоюбого пола юношества» в 1764 г.¹⁵⁶ Основная идея этого документа, определившего образовательную политику на протяжении всей второй половины XVIII столетия, сводилась к признанию преимущественного значения нравственного воспитания по сравнению с научным образованием. Как справедливо считает Е. С. Кулябко, эта мысль последовательно проводилась во всех уставах новых и преобразованных учебных заведениях.¹⁵⁷

С созданием Комиссии об учреждении народных училищ в 1783 г. начинается новый этап в истории организации учебного дела в России. Правительство Екатерины II стремилось создать единообразную структуру училищ. Комиссия должна была организовать в Петербурге Главное народное училище, заботиться о подготовке учителей и об издании учебников. В 1786 г. вышел указ об открытии народных училищ в 25 губерниях Российской империи и главных народных училищ в 14 губерниях. Для того чтобы не было никаких преувеличенных представлений в оценке распространенности исторических знаний в России, следует напомнить, в каком состоянии находилось дело народного образования в конце XVIII в. Как видно из «Ведомости о состоянии народных училищ...», в 1786 г. имелось всего 165 училищ, 394 учителя и 10 588 учеников, из них девочек всего 358. Даже в конце XVIII в. во всей Российской империи насчитывалось (включая университет и гимназии, народные училища и пансио-

---

¹⁵⁴ М. В. Сычев-Михайлов, ук. соч., стр. 84 и др. См. также: К. В. Сивков. Частные пансионы и школы Москвы в 80-х годах XVIII в. «Исторический архив», т. 6, 1951, стр. 315—323.

¹⁵⁵ Т. А. Луккина. А. П. Протасов — русский академик XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 128—132.

¹⁵⁶ С. В. Рождественский. Очерки по истории системы народного просвещения в России в XVIII—XIX веках, т. I. СПб., 1912, стр. 332.

¹⁵⁷ Е. С. Кулябко, ук. соч., стр. 123.

ны, духовные семинарии, солдатские и прочие школы) всего около 550 учебных заведения при 62 000 учащихся.¹⁵⁸ Небезынтересно также, что из 498 городов народные училища, по данным на 1802 г., были открыты только в 248 городах, а в 250 они отсутствовали.¹⁵⁹

Преподавание истории во второй половине XVIII в. было, пожалуй, лучше всего поставлено в Московском университете. Университетский устав предусматривал для студентов за три года пребывания на первом, философском, факультете «успеть в так называемых словесных науках, состоящих особливо в знании латинского, греческого и российского языка (присовокупя к оным немецкий или французский), истории, географии, древностей, мифологии». Сюда же входили математика, физика и логика.¹⁶⁰ В подробном методическом пособии, подготовленном для преподавателей Московского университета, особенное внимание обращалось на преподавание латинского языка и истории. Преподавание истории в духе времени и правительственных установок носило определенный морализующий характер. Но не была забыта и научная сторона преподавания, требовалось твердое знание исторической хронологии и параллельное изучение вспомогательных дисциплин — исторической географии, геральдики, нумизматики и родословия царствующего дома.¹⁶¹

Интересно отметить попытку усилить научность преподавания вспомогательных дисциплин. Профессор прикладной математики И. Рост в 1766 г. считал необходимым организовать преподавание математической географии и хронологии, которые, по его мнению, совершенно обязательны для историка. «Поскольку выяснилась неподготовленность студентов в математической географии и хронологии (науках, весьма нужных для изучения истории), — писал он, — не будет ли полезным в следующем академическом году ввести преподавание этих дисциплин вместе с гномоникой (искусство конструировать солнечные часы, — С. П.) и серьезным изучением глобуса и сферы небесной и земной». Однако это представление не было принято университетским начальством. Куратор В. Е. Адодуров, весьма близкий к Екатерине II, поддерживающий в университете реакционную профессию, вместо предлагаемых курсов ввел чтение пространного курса фортификации и артиллерии.¹⁶²

Можно достаточно точно указать то, что читали студенты

¹⁵⁸ Центральный государственный исторический архив (ЦГИА) СССР, ф. 731 (Комиссия об училищах), оп. 1, д. 1, л. 20. См. также: Описание дел архива Министерства народного просвещения, т. I. Пг., 1917, стр. 62; Хрестоматия по истории СССР. XVIII в. М., 1963, стр. 586.

¹⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 731, оп. 1, д. 1, лл. 31—36.

¹⁶⁰ И. В. Поздеева, ук. ст. «Вестник древней истории», 1962, № 3, стр. 6.

¹⁶¹ Ср.: там же, стр. 7—9.

¹⁶² Документы и материалы по истории Московского университета, т. II, стр. 267, 318 и 11.

Московского университета и ученики гимназии по истории в середине 60-х годов. Среди классических авторов, представленных сравнительно широко, встречаются произведения Юлия Цезаря, Саллюстия, Светония, Тацита, Геродота, Фукидида и пр.¹⁶³ По истории, географии и генеалогии использовались книги Фрейера и руководства по всеобщей истории Боссюэта, Цопфенса и Целлария. Обращает внимание, что в числе рекомендуемых книг были произведения Вольтера. Его «Сокращение всеобщей истории» и «История Петра I» предлагались учащимся в качестве учебной литературы.¹⁶⁴

Историю в Московском университете и гимназиях преподавали русские и иностранцы. Среди них — А. А. Барсов, Х. А. Чеботарев, Ф. Г. Дильтей и др. Скажем несколько слов о последнем, так как его деятельность в университете вызвала острый конфликт, свидетельствующий о борьбе двух направлений в науке.

Ф. Г. Дильтей (1723—1781), профессор права и истории Московского университета с 1756 по 1764 и с 1766 по 1781 г., принадлежал к числу тех иностранцев, которые прибывали в Россию, как писал поэт несколько позже, «на ловлю счастья и чинов». Он получил образование в трех европейских университетах и был приглашен в Москву известным Бюшингом. Увольнение Дильтея в 1764 г. было связано с его недобросовестным отношением к своим административным и преподавательским обязанностям. Только вмешательство Екатерины II вернуло его в университет. Дильтей возглавлял реакционное направление в Конференции Московского университета, выступая против демократических предложений ученика Ломоносова Н. Н. Поповского. Дильтея можно назвать предприимчивым дилетантом. Ему принадлежит большое количество работ на всевозможные темы. Даже в буржуазной историографии отмечались недостатки в его научно-преподавательской деятельности.¹⁶⁵ А. П. Шапов считал, что Дильтей проповедовал «антиреалистические доктрины», т. е. задерживал распространение материализма в России.¹⁶⁶ Конференция Московского университета в 1766 г. решительно отвергла составленное Дильтеем в начале 60-х годов учебное руководство в двух частях под заглавием «Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею в пользу учащегося российского дворянства». В протоколе экстраординарной Конференции 11 января 1766 г. записано следующее: «а) принятый им метод вопросов и ответов (катехизический) служит причиною

¹⁶³ Там же, стр. 30 и 32.

¹⁶⁴ Там же, стр. 33—34. См. также: И. В. Поздеева, ук. ст. «Вестник древней истории», 1962, № 3, стр. 13.

¹⁶⁵ Документы и материалы по истории Московского университета..., т. 1, стр. 345—347 и 309—310.

¹⁶⁶ А. Шапов. Естествознание и народная экономия. Казань, 1906, стр. 49.

излишнего многословия, б) вдобавок, история — неполная, поскольку она продолжается только до времен Августа, в) она является ничем, как компиляцией и переложением сочинения Боссюэта с добавлением множества ошибок». Забрав компиляцию Дильтея, Конференция приняла решение поручить студенту Х. А. Чеботареву перевести на русский язык «Всеобщую историю» Фрейера.¹⁶⁷

На чеботаревском переводе «Всеобщей истории» Фрейера непосредственно отразился историографический авторитет Ломоносова. Начиная свой ученую и педагогическую деятельность Харитон Чеботарев — «истории и географии учитель и университетской публичной библиотеки кустос», как он подписал обращение к читателю, предпосланное переводу книги Фрейера, являвшейся одним из распространенных и удачных руководств для первоначального ознакомления с всеобщей историей, — дополнил ее русскими известиями с 1725 г. и данными по всеобщей истории с 1756 по 1768 г.¹⁶⁸ История России, почти совсем опущенная автором в оригинале, переводчиком была «исправлена и умножена» на основании «Краткого Российского летописца» М. В. Ломоносова, использованного «от слова до слова». Кроме того, Чеботарев привлек другой труд Ломоносова — «Древнюю Российскую историю» и произведение Ф. Эмина «Российскую историю». Перевод Чеботарева вытеснил устаревшее пособие по всеобщей истории — известный учебник Г. Кураса «История универсальная».¹⁶⁹

Хотя в перечне учебных книг для народных училищ, «апробированных» Екатериной II в 1782 и 1786 гг., книг по истории нет,¹⁷⁰ но это не означало, конечно, что правительству было не до истории. Наоборот, в 1783 г., как известно, Екатерина решила преподавать урок, как нужно писать историю России, и ревниво следила, чтобы «Записки касательно Российской истории» служили для пишущих руководством. Об этом наглядно свидетельствует инцидент с «Планом» серба Ф. И. Яковича, который был приглашен в Россию, принял русское подданство, стал работать в области народного образования и составил в 1783 г. «План к сочинению Российской истории для народных училищ в Рос-

---

¹⁶⁷ Документы и материалы по истории Московского университета. . . т. II, стр. 207—208. См. также: И. В. Поздеева, ук. ст. «Вестник древней истории», 1962, № 3, стр. 13.

¹⁶⁸ И. Фрейер. Краткая всеобщая история с продолжением оной до самых нынешних времен и присовокуплением к ней Российской истории для употребления учащегося юношества с немецкого на русский язык переведена и умножена при имп. Московском университете. Печатано при оном же университете, 1769 год.

¹⁶⁹ Документы и материалы для истории Московского университета. . . т. I, стр. 322. — Первое издание вышло еще в 1747 г.; во втором издании (1762) книги была добавлена «Сокращенная Российская история», которую составил Иван Барков.

¹⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 731, оп. 1, д. 1, л. 43.

сийской империи».¹⁷¹ Соображения, изложенные видным деятелем европейского просвещения, заслуживают внимания. Учебник должен был состоять из вступления и двух частей. Во вступлении предполагалось «вкратце описать древнейшую историю до времен Рюриковых или до 862 году» и намечалось сказать только о тех народах, которые «по летописцам Российским в десятом столетии содействовали основанию Российского государства». Чтобы не было никаких кривотолков по поводу объема описания древнейшей истории России, Янкович добавил замечание о неуместности критических рассуждений в отношении Геродота и других авторов о древних народах, так как эти подробности противоречат цели составления «сокращенной истории», т. е. учебника. В вопросе периодизации «План» повторял А. Л. Шлецера.

В целях лучшего усвоения материала и наглядности обучения предполагалось составить 5 исторических карт применительно к предложенной периодизации.

Янкович набросал перечень вопросов, которые следовало осветить при составлении истории России: местоположение древних народов применительно к современному территориальному делению, религия, правление, нравы, занятия. Автор «Плана» ориентировал составителей истории России не только на описание религии и нравов, образа правления и жизни, но и подчеркивал необходимость установления причин, приведших к изменению в общественной жизни. По его мнению, нужно было обязательно объяснить, «как ослабевало государство от разделения. какие народы пользовались случаем сих разделений и какой урон понесла от того Россия? Какие были учреждения для заведения чужестранных произведений и для распространения веры, наук, купечества, военного искусства и установлений в пользу человечества? Как и когда произошли фабрики и мануфактуры, что изобретено в России по художествам и истории естественной и как обстоят вообще промыслы». Как видно, последние два вопроса свидетельствуют о требовании Янковича к составителям учебника по русской истории расширить тематику исторического изложения, обогатить ее новым содержанием, неизвестным старым учебным пособиям, включить в него сведения по истории наук, купечества, фабрик и мануфактур, военного искусства и т. д. Также он рекомендовал уяснить, «были ли какие люди памяти достойные и в каком роде? Относительно ли только к пользе России или других народов? Как становилась населенная Россиянами страна лучше и от каких причин хуже? Почему получили Россияне образование свое толь поздно? И каким образом оное толь скоро распространяется?»

Автор плана учебника смело отступил от официального образца, составленного Екатериной II. Поэтому императрица через своего секретаря А. В. Храповицкого возвратила «План» Янко-

¹⁷¹ Описание дел архива Министерства народного просвещения, т. I, стр. 100—101.

вичу и приказала председателю Комиссии об учреждении народных училищ П. В. Завадовскому, чтобы автор переделал его, во-первых, ввиду «непорядочного разделения истории на две части и разные периоды» и, во-вторых, из-за необходимости полного согласования «Плана» с «Записками касательно Российской истории». Таким образом, Екатерина была недовольна периодизацией отечественной истории и намечаемым содержанием учебника, требуя от автора, чтобы тот следовал за ее исторической схемой и выводами, которые были несравненно более скудными и односторонними.

Екатерина II была настойчива в стремлении заставить писать историю России применительно к ее требованиям, канонизированным в «Записках касательно Российской истории». Если план Янковича был забракован надолго, то работа И. Г. Штриттера «История Российского государства», написанная по предложению Комиссии об учреждении народных училищ, пришлось по душе Екатерине II. Она ознакомилась с этим произведением еще в немецкой рукописи, сделала отдельные замечания, но в итоге рекомендовала «из сего немецкого труда (заглядывая непрестанно в «Записки касательно Российской истории») сделать историю, выбирая из того и другого все то, что здравому разсудку не противно будет».¹⁷² Видимо, на этом основании Комиссия 20 февраля 1784 г. сообщила Штриттеру «о высочайшем напечатании онаго соизволения».¹⁷³ Однако учебники для школ по отечественной и всеобщей истории были изданы в самом конце века уже во время правления Павла I.

Опытный преподаватель И. Ф. Яковкин в 1797 г. составил хронологические таблицы по всемирной истории, которые были рекомендованы для использования в школах России.¹⁷⁴ В том же году он представил составленную им по распоряжению Комиссии об учреждении народных училищ «Новую всемирную историю». Яковкин работал над ней четыре года, но ему пришлось ее сократить после того, как рукопись была рассмотрена Янковичем. В 1798 г. «Новая всемирная история» (2 и 3 чч.) была напечатана в 1250 экземплярах. В следующем, 1799, году был поставлен вопрос о дополнительном издании 3000 экземпляров каждой части, что и было сделано в 1799—1800 гг.¹⁷⁵

В октябре 1798 г. Комиссия об учреждении училищ приняла решение напечатать «Сокращенную Российскую историю» с историческими картами (ее авторами были ассессор Шелехов и титулярный советник М. А. Матинский), которая и вышла из печати

---

¹⁷² Соч. имп. Екатерины II, т. XI. СПб., 1906, стр. III.

¹⁷³ Описание дел архива Министерства народного просвещения, т. I, стр. 101 и др. — История Штриттера была написана в 80—90-х годах на немецком языке (в 8-ми частях, доведена до 1594 г.); на русский язык переведены только 3 части и изданы в 1800—1802 гг.

¹⁷⁴ ЦГИА СССР, ф. 730, оп. 1, д. 183, л. 1.

¹⁷⁵ Там же, лл. 15, 33 и 54.

в 1799 г., «на первый случай» в 3000 экземплярах.¹⁷⁶ Это компактное руководство¹⁷⁷ построено по четкому плану, напоминающему военные распорядки павловских времен. Согласно принятой еще в годы Екатерины II периодизации, история России делилась на пять периодов (первый — до основания государства Рюриком, второй — до 1224, третий — до 1462, четвертый — до 1613, пятый — до 1797 г.). В свою очередь каждый из перечисленных периодов делился на два раздела (имеющих, однако, общую нумерацию для всей книги). Первый из них в каждом периоде назывался «О государях» (за исключением первого отделения, который был озаглавлен «О разделении России и известных в ней народах в древности»), второй — «О внутреннем состоянии России» за такие-то годы. Кроме того, вся книга была разделена на параграфы. Выделение для каждого периода особого «отделения», характеризующего внутреннюю жизнь России, свидетельствовало, что новшество, принятое в свое время М. М. Щербатовым в его капитальном труде, повторенное много позже Н. М. Карамзиным, в новых исторических условиях конца XVIII в. стало настолько необходимым, что даже вошло в учебные руководства. Правда, эти характеристики были более чем примитивны и касались преимущественно политического устройства, законодательства и религии, но не оставляли без упоминания «наук и художеств», просвещения, а также включали справки о денежном обращении и торговле. Но в «Краткой Российской истории» тщательно обходились все события, связанные с народными движениями. Так, о восстании в Киеве 1068 г. говорилось буквально следующее: «Неудачное сражение с половцами и дерзость киевлян, кои выпустили сами собою из темницы Всеслава князя Полоцкого, были причиною, что Изяслав отправился в Польшу. . .»¹⁷⁸ Крестьянская война начала XVII в. искусственно выпала из рассказа о самозванцах. О Разине также не говорилось ни слова; даже тогда, когда упоминалось о корабле «Орел», не было ничего написано ни о его сожжении, ни о том, что виновником этого был Степан Разин,¹⁷⁹ как в свое время писал Петр I в предисловии к «Морскому уставу». Также, разумеется, не нашлось в учебнике места и Пугачеву.

Для составителей учебника историографическим авторитетом были Татищев и Екатерина II, правда, использовались ими и произведения Ломоносова и Ф. Эмина.

Таким образом, в учебной литературе отражались определенные общественно-политические взгляды и историографические концепции, главным образом присущие господствующему классу феодальной России.

¹⁷⁶ Там же, лл. 36—45.

¹⁷⁷ Краткая Российская история, изданная в пользу народных училищ Российской империи. СПб., 1799, 191 стр.

¹⁷⁸ Там же, стр. 29—30.

¹⁷⁹ См. там же, стр. 158.

Говоря о степени распространенности исторических знаний на основании статистики вышедших книг, надо учитывать и то, что многие из них не доходили до читателя, десятилетиями залеживались на складах и потом попадали в макулатуру. В своем роде «скорбная летопись» уничтоженных книг, приведенная в сопиковской библиографии, является убедительным, но печальным фактом в истории русской культуры.

Рассмотрев общий ход развития и распространения исторических знаний в России второй половины XVIII в., следует сделать следующие выводы. Основные направления русской исторической мысли были представлены дворянской реакционной и прогрессивной просветительской историографией.

В связи с развитием капиталистических отношений в стране даже историки феодального направления вынуждены были приспособляться к новым запросам, расширять историческую тематику и обращаться к поиску новых фактов и документов. Опубликование многих исторических трудов и источников отечественной истории с середины 60-х до середины 70-х годов обеспечило небывалое для того времени распространение и развитие исторических знаний в России. Несмотря на политическую реакцию, установившуюся после подавления Крестьянской войны, наука русской истории продолжала развиваться и совершенствоваться. Все возрастающее развитие и распространение исторических знаний в различных кругах русского общества способствовало использованию исторических сведений в законодательстве, дипломатии, в общественно-политической жизни, науке, литературе, искусстве.

Особо видную роль из всех журналов, в том числе и академических, сыграли «Ежемесячные сочинения», которые на протяжении десяти лет (1755—1764) были фактически единственным печатным органом, не только отразившим современное развитие исторических знаний, но и формировавшим их.

Показателем и средством распространения, развития исторических знаний в России со второй половины XVIII в. становится художественная литература и изобразительное искусство.

Правительственная политика в области школьного образования была направлена на установление строго регламентированного преподавания истории (ставшей обязательным предметом с середины 80-х годов) в духе официальных «Записок касательно Российской истории».

ГЛАВА II

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИСТОРИЧЕСКИХ ЗНАНИЙ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА. ИСТОРИКИ ОБ ИСТОРИИ

В процессе развития русской исторической мысли исследователи неоднократно останавливались на определении предмета истории. Оно зависело в первую очередь от общественно-политических взглядов и историографических представлений эпохи. Несмотря на то, что теория истории, или философия ее, опережала фактически изучение предмета истории, тем не менее до возникновения марксистского учения об обществе теория исторического процесса у исследователей (разумеется, на базе идеалистического понимания ее) была разработана все еще недостаточно.

Определение предмета истории, изменявшееся с развитием науки, естественно, не могло быть выработано в XVIII в. сколько-нибудь обоснованно. Известно, что определение предмета некоторых дисциплин представляет серьезные трудности. Даже в наше время формулировка, например, предмета искусства и литературы до сих пор является объектом длительных споров.¹

При безраздельном господстве идеализма в истории в XVIII в. передовые люди России считали главной движущей силой общественного развития просвещение, разум, науку. Отсюда не удивительно, что большое число работ по самым различным отраслям научных знаний было посвящено просвещению, наукам, училищам. «Рассуждения», как правильно считает В. П. Зубов, об «успехах просвещения» и о «прогессе человеческого ума», о «пользе науки» являются обязательными. В этом отношении нельзя не вспомнить хорошо известного произведения В. Н. Татищева «Разговор о пользе наук и училищ», которое, без сомнения, являлось своеобразной просветительской энциклопедией своего времени, «Слова о пользе химии» М. В. Ломоносова, произнесенного в сентябре 1751 г., где он показал не только пользу

¹ См.: Г. Л. Абрамович. Предмет искусства и литературы. Известия АН СССР, отд. литературы и языка, 1962, т. XXI, вып. 3, стр. 219.

наук, но и высказал великую мысль о развитии в природе и обществе через посредство науки, которая стала достоянием науки много позднее.

Для первой половины XVIII в. наиболее полное определение значения истории, ее содержания, материалов и методов их использования дал, как известно, первый русский историк, «отец русской истории» — В. Н. Татищев, талантливо обобщивший выводы предшествующей историографии. В 50—60-х годах новое понимание истории было представлено М. В. Ломоносовым, его научным соперником Г. Ф. Миллером и не менее острым антагонистом А. Л. Шлецером, просветителями-юристами и др.

На выработку формулировки содержания истории оказали положительное воздействие западноевропейские просветители. В России хорошо знали точку зрения Вольтера, Д'Аламбера, Мабли и других на историю, ее задачи и материалы.

Признание необходимости истории для самых различных отраслей человеческой деятельности, сформулированное в литературе XVIII в. наиболее полно В. Н. Татищевым, стало обязательным почти для всех исторических трудов. При определении места и роли истории в общественно-политической и научной жизни России сказывалось прежде всего мировоззрение историка. Классовая и сословная ограниченность при решении этого вопроса проявилась у В. Н. Татищева и особенно ярко — у М. М. Щербатова. Представители просветительской историографии (Н. И. Новиков, В. В. Крестинин и др.) расширяли круг применения исторических знаний в практической жизни и науке, а также существенно увеличивали контингент лиц, заинтересованных в познании истории.

В XVIII в. также стало общепринятым утверждение о необходимости вспомогательных исторических дисциплин для науки истории. Хронология и историческая география были практически признаны наиболее существенными из них. За ними следовали генеалогия и геральдика — специфически дворянские вспомогательные дисциплины. Палеография, археография, дипломатика и метрология, нумизматика и археология, как и все вышеперечисленные вспомогательные дисциплины, делали только первые шаги. Без них исторические знания не могли стать научной. В свою очередь, превращение знаний в науку могло осуществляться при обязательном условии взаимосвязи и взаимодействия различных наук и истории. Однако идея о роли различных наук, и в первую очередь философии и социологии, для разработки самой истории начала осознаваться только с середины XVIII в. Даже Татищев в последней редакции «Истории Российской» (конец 40-х годов) считал, что философия и социология являются посторонними для историка.

Определение научных задач истории и значение ее в общественно-политической жизни Татищев сформулировал в предисловии к «Истории Российской», которое он назвал «Предъизвес-

чением о истории общественной и собственно о русской» (1749—1750), отчасти в 45-й социологической главе и в «Разговоре о пользе наук и училищ».²

История, по мнению Татищева, должна включать описание «деяний» или «приключений», т. е. фактическую сторону событий с обязательным объяснением их причин. Но дуалистические взгляды Татищева нашли свое отражение в признании двух видов причинности, происходящих «от бога или от человека». Правда, надо отметить, что хотя Татищев и не считал науку несовместимой с религией, но в практической деятельности по составлению труда по истории России он был далек от теологического объяснения событий, систематически разоблачая средневековые басни и вымыслы невежественного духовенства.

Татищев разделял историю в зависимости от «обстоятельства и намерения писателей», или «по свойствам дел», на четыре главных вида: 1) святую, или божественную, 2) еkkлeзиастическую, или церковную, 3) политическую, гражданскую, или светскую, 4) наук и ученых. Кроме того, Татищев имел в виду и другие виды истории, которые, по его мнению, «не так знатные». Характерно, что к божественной истории Татищев относил историю «натуралистическую или естественную». Что касается светской истории, то Татищев ограничился общей, мало говорящей формулировкой: «В светской весьма много включается, но единственно сказать, все деяния человеческие, благие достохвальные или порочные или злые». В руководстве, специально составленном для П. И. Рычкова в декабре 1749 г. — «Напоминание на присланное описание народов, что в описании географическом наблюдать нужно»,³ Татищев более обстоятельно формулировал определение содержания истории. Всякое географическое описание народов, по его мнению, обязательно должно включать, кроме необходимых собственно географических сведений, политические и исторические данные. «Политическое описание, — писал Татищев, — представляет порядок правительства гражданского, духовного и пр. Потом народы, их нравы, рукоделия и промыслы, сила военная, селения и укрепления». Как видно, Татищев предусматривал не только политическую, но и хозяйственную характеристику того или иного народа. Историческое описание, считал он, должно включать «от начала все времена и приключения, счастливые или несчастные», т. е. всю ту программу, которая предусматривалась для географического описания современных народов. О том, что Татищев действительно стремился к такому расширенному изучению прошлого, в какой-то сте-

---

² В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 79—92 и 359—371; Его же. Разговор двух приятелей о пользе наук и училищ. М., 1887, стр. 38—55.

³ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 229—236.

пени, пусть незначительной, свидетельствует содержание «Истории Российской».

Особенно подробно Татищев останавливался на доводах о необходимости истории. Сообщив, что ему случалось слышать мнения «о бесполезности истории», он решил доказать противоположное. История для него являлась «воспоминанием бывших деяний и приключений добрых и злых». Поэтому история должна учить «о добре прилежать, а зла остерегаться». Известные примеры о рыбаке и воре, по мнению Татищева, подтверждают практическую пользу истории. Необходимость истории он обосновывал признанием универсального воспитательного характера ее. «... В истории, — писал он, — не токмо нравы, поступки и дела, но ис того происходящия приключения описуются, яко мудрым, правосудным, милостивым, храбрым, постоянным и верным честь, слава и благополучие, а порочным, несмысленным лихонмцам, скупым, ропким, превратным и неверным бесчестие, поношение и оскорбление вечное последуют, из которого всяк обучаться может, чтоб первое, колико возможно, приобрести, а другого избежать». Таким образом, абстрактно история необходима для всех: «...никаков человек, ни един стан, промысл, наука, ниже кое-либо правительство, меньше человек единственный без знания оной совершен, мудр и полезен быть не может». В такой постановке вопроса надо признать Татищева рационалистом, поскольку он, как справедливо считает современный исследователь, не ограничивался констатацией «пользы» истории для правителей и подданных, а утверждал, что благодаря истории сам человек может быть «полезен» для общества.⁴ Но практически в первую очередь, по Татищеву, история нужна для богословия, юриспруденции, медицины, политики и военного дела. Он считал, что богослов должен знать не только библейскую или церковную, но и гражданскую историю, чтобы уметь объяснить, «для чего древней церкви некоторые уставы или порядки применены». Юрист обязан быть осведомлен о древнем понимании законов естественных и гражданских и спорах вокруг них. Служителю юриспруденции необходимо знание древних и новых законов и причин их изменений. Медицина, в представлении Татищева, «вся зависит от истории», так как собственный опыт врача не может заменить многовековой практики. Очень интересно соображение Татищева о значении истории для философии. Он ставил историю выше философии. «Вся философия на истории основана и оною подпирается». Когда Татищев переходил к объяснению необходимости истории для «политической части», т. е. для правительства, то он считал, что история нужна для управления «внутреннего или экономии», внешней политики и военных мероприятий. Таким образом, Татищев считал историю необходимой наукой только для господствующего класса.

⁴ А. Н. Робинсон. Историкография славянского возрождения и Панаев Хилендарский. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 24.

Особое внимание Татищев обращал на изучение русской истории, так как справедливо считал, что «всякому народу и области знание своей собственной истории и географии весьма нужнее, нежели посторонних». Однако Татищев не впадал в националистическую ограниченность и не отрицал необходимости привлечения произведений иностранных писателей для изучения истории России. Иностранные историки, по мнению Татищева, могут помочь отечественным, во-первых, потому, что отечественный историк не может быть так осведомлен о действиях иностранных государств, как историк тех стран, во-вторых, потому, что отечественные историки часто должны преднамеренно «за страх» о некоторых обстоятельствах «умолчать, или применить, и другим видом изобразить», боясь наказания, и, в-третьих, потому, что «по страсти, любви или ненависти, весьма иначе, нежели суще делалось, описывают...». Татищев был прав, настаивая на привлечении показаний иностранных писателей в случае отсутствия сведений о русской истории у отечественных историков. Так, например, первая часть «Истории Российской», по его словам, «из иностранных большею частию сочинена, а в прочих частях неясности и недостатки також от иностранных изъяснены и дополнены».

Но Татищев хорошо понимал, что основным материалом для составления русской истории являются все же отечественные источники. Он не соглашался с теми европейскими учеными, которые полагали, что в России не было древних историков. Поэтому, по его мнению, многие историки и отечественные и иностранные, не занимаясь самостоятельно изучением русских древностей, наполняли свои труды всякими домыслами. Рассказы о проповеди апостола Андрея, о построении Киева или Новгорода принадлежат, по мнению Татищева, к разряду заведомых басен, к которым он относился всегда отрицательно. «Басни правость потемняют», — резюмировал он.

Татищев был первым русским историком, который определил научное значение хронологии, географии (исторической) и генеалогии для научной разработки истории. Без них «история ясною и понятною быть не может», — писал он об этих вспомогательных дисциплинах. Без хронологии, научно проверенной, по мнению Татищева, не может быть настоящей истории. «Басни же или романы хронологии не требуют, для того и сушая история без разделения лет за баснь почестья может», — писал он в главе «О счислении времени и начале года», посвященной вопросам древнерусской хронологии. Историческая география, для разработки которой Татищев сделал больше, чем кто-либо в XVIII в., также является практически необходимой для научного изучения. Что касается генеалогии, то хотя Татищев в «Предъизвещении» говорил только о генеалогии правителей, но в тексте «Истории» он большое внимание уделил происхождению славянских и неславянских народов.

Татищев придерживался мнения о взаимодополняемости различных видов историй. Как божественная история не может пройти мимо естественных и гражданских сюжетов, так и светская или гражданская история не может «иногда обойти надлежащего до божественной, естественной, церковной и проч., ибо без того были бы обстоятельства не полны и неясны», — писал Татищев.

Не отрицая для гражданского историка необходимости привлечения материалов церковной истории, которые, как известно, Татищев толковал явно в антиклерикальном духе, он сосредоточил главное внимание на классификации трудов по гражданской истории. Они разделялись им в зависимости от целей авторов («по обстоятельствам или по порядку»): на генеральные, универсальные, партикулярные и специальные, т. е. общие, пространственные, частные и особенные (по терминологии Татищева).

Существенное внимание Татищев уделил вопросу о тех качествах, которым должен удовлетворять историк. Он привел различные мнения в отношении того, «что до потребности историка писателя принадлежит». Татищев не совсем соглашался с теми, кто считал, что самым главным для историка является начитанность, твердая память и понятный язык («внятной склад»), а также и с теми, кто категорически утверждал, что историю без философии писать невозможно. «Сколько первое скудно, столько другое избыточественно», — резюмировал он. Однако он считал, что, кроме чтения книг, более необходимым является разумное использование собранных и изученных материалов. «Смысл к разбиранию» должен стать главным качеством историка; «К писанию истории весьма нужно свободный смысл, к чему наука логики много пользует». Историк, как и строитель, прежде чем приступить к сооружению дома, обязан иметь представление о распределении и употреблении собранных материалов. Так же как и строитель, историк должен «разобрать припасы годные и негодные, гнилые от здравых» для того, чтобы «басен за истину и неудобных за бытие не принять». Для этого историку нужно знать «науку критики». Наконец, как всякое здание требует украшения, так и историческое произведение нуждается в красноречии и понятности изложения. Для выполнения этого требования необходима риторика.

Много о необходимости философии для истории Татищев писал в 80-м ответе на вопрос «Разговора о пользе наук и училищ», который известен в наше время в единственной рукописи этого произведения.⁵ Его характеристики церковников, писавших по истории, заслуживают воспроизведения тем более потому, что

⁵ См.: Архив ленинградского отделения Ин-та истории АН СССР (ЛОИИ), Собрание Воронцовых, оп. 1, № 1313, лл. 23—160. О ней см.: А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, 1962, стр. 13. — Независимо от А. И. Андреева эта рукопись была отыскана Е. Х. Пархом.

этот ответ до сих пор не был опубликован. Дмитрий Ростовский для В. Н. Татищева — «человек доброго состояния», однако «наука его весьма не велика была, как из его книг видимо, что рассуждал не упоминая философии, и критики исторической не доставало»; Стефан Яворский, по его мнению, — ритор, а не ученый, так как «наука же его более состояла в риторике или красноречии . . . противно же тому в философии весьма мало учён был, а мафематики и гистории церковной почитай и ничего». Противоположного мнения Татищев придерживался в отношении Феофана Прокоповича. «О Феофане Прокоповиче можно сказать, — писал он, — что Россия едва так ученого архирея когда имела, ибо как в филозофии, тако в гистории я подобного ему ни по гистории нашей нахожу, а мафематики, хотя он немного учил, но давольно для рассуждения ему помоществует. . .»

Однако нужно сказать, что Татищев не преувеличивал значения знаний философии для историка. В работе более позднего времени — в «Предъизвесчении» к I тому «Истории Российской» — он считал, что мало быть хорошим философом, чтобы стать образцовым историком. Татищев привел в пример Пуффендорфа, Бейля и Витсена, которые, хотя и были «преславными философами», но в исторических работах допускали погрешности, тогда как некоторые люди, по его словам, «в училищах не сидевшие», сумели написать полезные и достойные похвалы произведения.

Вместо научно обоснованной философии истории Татищев выдвинул абстрактный принцип здравого смысла. Для него «наука ни что иное, как достаточное ума нашего искусства», зависящее от навыков и образованности. Тот, кто «более искусился или научился, тем ближе к мудрости, к совершенству». Кроме того, для Татищева главным качеством историка должна быть объективность. Достоверность исторического описания, по его мнению, разделяется в зависимости от многих причин на многие «степени». «Правость писателя» может быть наивысшей, если он сам был участником тех дел, которые взялся описывать, или занимал в то время важное служебное положение («яко министры или знатные правители, генералы и проч., сочиняющие и отправляющие определения и получающие о всем обстоятельная известия, лучше всех могут показать»). На второй ступени стояли современники событий, которые могли много знать сами или от других «достаточное известие слышать». На третьем месте были историки, которые, описывая события недавнего прошлого, могли на основании подлинных документов или с помощью показаний авторитетных свидетелей написать историческое произведение. Следующую ступень, по мнению Татищева, занимал тот историк, который имел возможность из произведений («Истории») отечественных и иностранных написать свой исторический труд. При этом Татищев отдавал предпочтение отечественным историкам перед иностранными, но в том случае, если они не

были заражены «страстно самолюбия или самохвальства». Самая большая трудность для иностранных историков, занимающихся Россией, даже самых беспристрастных, заключалась, по его мнению, не только в недостаточном знании русского языка, но и в незнакомстве с языками татарским, сарматским (финно-угорские языки) и славянским.

В итоге следует признать, что Татищев не вполне понимал значение философии для исторического труда, хотя и признавал ее особо важной наукой, наставляя на математической основе ее.⁶ Он не смог подняться до признания методологического значения философии для истории, хотя практически все явления политической жизни и истории России рассматривал с позиций рационалистической философии. Не смог Татищев подняться и до признания роли социологии в работе историка. Он писал: что «касается до начала сообществ, порядков, правительств и должностях правителей и подданных, оное собственно принадлежит до философии в частях морали, или нравоучения, закона естественного и политики».⁷ Хотя Татищев и считал, что «о власти и порядках правительств историку не потребно бы более писать», но, противореча себе, 45-ю главу своего труда — «О древнем правительстве руском и других в пример» — отвел изложению своих взглядов на общие закономерности развития общества и государства.

Идеалистическое понимание истории у Татищева носило эволюционный и ярко выраженный гуманистический характер. Его просветительские воззрения непосредственно сказались на объяснении общего хода истории и ее главных этапов. В «Предъизвещении» к «Истории Российской» и в «Разговоре о пользе наук и училищ» Татищев считал главной силой общественного развития разум. «Все деяния от ума или глупости происходят» — такова его формула. История знала три величайших «способа всемирного умопросвещения». Эта периодизация умственного развития человечества, несмотря на некоторую уступку религии, носила у Татищева сугубо светский и просветительский характер. «Первая премена мира», писал он, произошла от «обретения букв», т. е. изобретения азбуки, вторая — в результате пришествия Христа, и третья — «чрез обретение тиснения книг и вольное всем употребление». Таким образом, Татищев, различая три этапа и соответствующие им три «способа всемирного умопросвещения», два из них связывал с просвещением и только один с религией.

Рассматривая историю как историю «наук и разума прежних народов», Татищев в духе эпохи сравнивал ее с возрастными ступенями человека (по его терминологии: младенчество, юношество, муже-

---

⁶ См.: Разговор о пользе наук и училищ, стр. 45; см. также: В. П. Зубов. Историография естественных наук в России. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 13.

⁷ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, 1962, стр. 359.

ство и старость). Опровергая легенду «о древнем золотом времени», Татищев считал, что народы в младенчестве «ничего, в юности же мало что полезное показали» и только, «приходя в стан мужества, едва что полезное показывать стали». Младенчество мира, по мнению Татищева, продолжалось «до обретения пеньма и закона Моисеева», юность и мужество — до пришествия Христа и, наконец, время, связанное с изобретением печатания книг, сравниваемое им с «началом старости благоразумной» или «совершенным мужеством» — до современности.

В литературе не без основания подчеркивался практицизм Татищева в определении роли науки в общественной жизни, в том числе и истории. Эта черта сближала его в известной мере с Гуго Гроцием, взгляды которого на историю изложены им в книге «О праве войны и мира» (1625).⁸ Основоположник буржуазной теории международного права и один из зачинателей теории естественного права — Гуго Гроций (1583—1645) — смотрел на историю как на хаотическое и бессмысленное нагромождение случайностей, заблуждений, ошибок. В этом первозданном хаосе, несомненно, могли преуспевать лишь дурные люди. Поэтому сила истории, по Гроцию, заключалась в назидательности для современников. Она дает положительные и отрицательные уроки. Политическая история содержит, как правило, отрицательные образцы.⁹ История для обоснования положений естественного права и права народов, по словам Гуго Гроция, приносит двоякую пользу — «она доставляет и примеры и суждения». Примеры, заимствованные из истории наилучших времен величайших народов, «имеют наибольшее значение; оттого-то мы отдаем предпочтение перед всеми прочими древностями греческим и римским. Нельзя никак пренебречь также суждениями людей, в особенности согласными между собой».¹⁰

Татищев не сводил историю к хаотическому нагромождению случайностей и ошибок. Он настаивал на прогрессивности развития просвещения в истории, но, идеалистически преувеличивая роль отдельных князей, переоценивал значение ошибок государственных деятелей при оценке общего хода исторического развития России. Объясняя все важнейшие явления политической и социальной жизни в истории России с рационалистической точки зрения, Татищев считал, что «неразумение князей» привело после Владимира Мономаха к прекращению древней монархии, а все бунты в стране происходили от ересей, которые являлись прямым следствием невежества.

Однако было бы неправильно считать, что Татищев причины

---

⁸ Гуго Гроций. О праве войны и мира. Три книги, в которых объясняется естественное право и право народов, а также принципы публичного права. М., Госюриздат, 1956.

⁹ См.: А. И. Казарин. Гуго Гроций как политический мыслитель. «Вестник истории мировой культуры», 1958, № 6, стр. 59—81.

¹⁰ Гуго Гроций. О праве войны и мира, стр. 56.

всех явлений общественной жизни видел в просвещении или отсутствии его. Классовая природа историка подсказывала ему, что в восстаниях Болотникова, Разина и расколе действовала «чернь все из самой подлости и невежества», а шляхтич редко когда «в такую мерзость вмешивался». Объясняя причины крестьянской войны начала XVII в., Татищев, не ограничиваясь абстрактной просветительской философией, указывал на крепостнические мероприятия правительства Бориса Годунова как на непосредственный повод «смуты». Поэтому в нашей литературе справедливо не раз повторялось, что Татищев «по праву может считаться первым историком русского крестьянства».

Только после Татищева философия, социология и вспомогательные исторические дисциплины постепенно становятся обязательной составной частью истории. Но тем не менее исторические знания еще не превратились в науку, так как механическое соединение этих трех частей с летописным повествованием, хотя и пропущенным через жернова рационалистической критики, не создавало всех условий для превращения исторических знаний в науку, основанную на философии и учении об обществе.

Говоря о направляющем влиянии философии и социологии на историческую мысль, нельзя не признать огромного воздействия естественных наук на выработку научных воззрений в истории русской исторической науки. Еще сто лет назад историк-демократ А. П. Шапов писал: «... великое, могуче-двигательное философско-натуралистическое движение западного разума в XVIII веке не могло не отразиться возбуждательным импульсом на развитии естествопознавательной мысли в России. То был век не только Вольтера, Руссо, Гельвеция, Кондильяка, Локка, Канта и пр., но и век Бюффона, Линнея, Жюссье, Гаю, Ламарка, Кювье, Лапласа, Лавуазье, Сент-Илера и т. д.».¹¹ Если отбросить некоторое преувеличение роли западноевропейской цивилизации в развитии культуры и науки в России, то вывод Шапова о значении естественных наук наряду с просветительской философией для формирования научного мировоззрения в XVIII в. вообще, как добавим от себя, и для превращения исторических знаний в науку, заслуживает внимания и подтверждается наблюдениями историков науки нашего времени.¹²

Значение естественноисторических знаний было достаточно хорошо понято историком еще в первой половине XVIII в.¹³

¹¹ А. П. Шапов. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Соч., т. III. СПб., 1908, стр. 263.

¹² Б. П. Зубов считает: «Чем дальше развивается наука, чем больше она проникается идеей развития, тем теснее становится контакт между историками и естествоиспытателями» (ук. соч., стр. 7 и др.).

¹³ Однако мысль «о родстве исторических наук с естественными» была высказана позже. Например, в Харьковском университете в начале XIX в. решили, чтобы учителя всеобщей истории изучали естественные науки в такой же степени, как преподаватели политэкономии и философии слушали курс физики (см.: А. П. Шапов. Соч., т. III, стр. 328).

«Естественнонаучный рационализм» Татищева, отразившийся на его исторических взглядах, служит убедительным подтверждением этому.¹⁴ Если обратиться к его схеме «всемирного умопрощения», т. е. к схеме развития средств, «способов» или ступеней просвещения в истории человеческого общества, то нельзя отказать Татищеву в правильной констатации идеи изменяемости или даже развития в истории общества. По мнению А. П. Шапова, Мессершмидты, Палласы и Шлецеры возбуждали и воспитывали «в лучших передовых русских умах мысль о разумном научном познании природы и истории русской земли».¹⁵ Против этого нельзя было бы возразить, если бы Шапов несколько не преуменьшал заслуг русских историков и географов, в частности И. И. Лепехина,¹⁶ хотя, как правило, имена иностранных и русских географов и историков он ставил в один ряд, не выделяя на первое место приезжих.¹⁷

Выдающуюся роль в разработке философии истории сыграл М. В. Ломоносов. Нельзя согласиться с теми, кто считает, что в научном методе Ломоносова главное место занимал эксперимент,¹⁸ так как одновременно с ним Ломоносов настаивал на необходимости теоретических предположений или гипотез. Статья Ломоносова «Рассуждения об обязанностях журналистов» (1755) и другие его высказывания свидетельствуют о том, как высоко он ценил теоретические предположения в научном исследовании. «Они дозволены в философских предметах, — писал он, — и даже представляют собой единственный путь, которым величайшие люди дошли до открытия самых важных истин. Это — нечто вроде порыва, который делает их способными достигнуть знаний, до каких никогда не доходят умы низменных и пресмыкающихся во прахе».¹⁹

Ломоносов отчетливо представлял взаимосвязь и взаимодействие различных наук, философии и литературы. В отношении первых и последней он рассуждал так: «Нет сомнения, что науки наукам много весьма взаимно способствуют, как физика химии, физике математика, нравоучительная наука и история стихотворству, однако же не каждая каждой. Что помогут хорошие рифмы в доказательство Пифагоровой теоремы? Или что пользует знание причины возвышения и падения Римской империи в изъяснении обращения крови в животном теле? Таким же образом Уложение и Кормчая книга ничего не слу-

¹⁴ Там же, стр. 237.

¹⁵ А. П. Шапов. Естественно-психологические условия умственного и социального развития русского народа. Соч., т. III, стр. 18.

¹⁶ А. П. Шапов. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Соч., т. III, стр. 365.

¹⁷ Там же, стр. 321, 327, 261—262 и др.

¹⁸ Ю. Х. Копелевич. Первые отклики зарубежной печати на работы Ломоносова. «Ломоносов». Сб. статей и материалов, т. V. М., Изд. АН СССР, 1961, стр. 249.

¹⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 3, 1952, стр. 230—231.

жат учащемуся астрономии, равно как одно другому не препятствует. Посмеяния достойны таковые люди, кои сего требуют, подобно как некоторые католические философы дерзают по физике изъяснять непонятные чудеса божии и самые страшные таинства христианские».²⁰

Что касается философии для историка, то Ломоносов считал ее наряду с красноречием совершенно необходимой для создания настоящего научного труда по истории. Высказывая в 1764 г. свое мнение об истории как науке,²¹ ученый писал: «Сочинение российской истории полной по примеру древних степенных историков, каков был у римлян Ливий, Тацит, есть дело, не всякому историку посильное, ибо таковых не много было во всех народах на всей памяти человеческого рода, ибо для того требуется сильное знание в философии и красноречии».²²

Признание философии как руководящей науки или как методологии характерно для Ломоносова уже в годы учебы. Еще в 1741 г. он считал, что «истинный химик... должен быть также и философом».²³ Позднее он поставил в один ряд историческое, философское и математическое познание.²⁴ Ломоносов считал, что прежде чем судить о явлениях природы, следует составить представление о начале ее. «Если бы я захотел читать, еще не зная букв, это было бы бессмыслицей, — писал Ломоносов. — Точно так же, если бы я захотел судить о явлениях природы, — продолжал он, — не имея никакого представления о начале вещей, это было бы такой же бессмыслицей».²⁵

В какой-то степени такое рассуждение следует распространить и на историю. Но можно ли, спрашивается, считать, что Ломоносов органически сочетал философию с историей, используя философию в качестве метода при изучении истории? Разумеется, нет. Противоречие всех передовых мыслителей домарксистской поры, как известно, заключалось в том, что, даже будучи материалистами в философии, они оставались идеалистами в объяснении явлений общественной жизни, а также в истории.

Ломоносов отличал исторические труды от литературно-художественных произведений по их отношению к достоверности воспроизведения событий. «Повествования, — писал он, —

---

²⁰ М. В. Ломоносов. Первые основания металлургии или рудных дел. Полн. собр. соч., т. 5, 1954, стр. 618—619.

²¹ См.: Б. Д. Греков. Избранные труды, т. III. М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 413.

²² М. В. Ломоносов. Проект регламента Академии наук. Полн. собр. соч., т. 10, 1957, стр. 148.

²³ М. В. Ломоносов. Элементы математической химии. Полн. собр. соч., т. 1, 1950, стр. 71.

²⁴ М. В. Ломоносов. Заметки к «Системе всей физики» и «микрологии». Полн. собр. соч., т. 3, стр. 495.

²⁵ М. В. Ломоносов. 276 заметок по физике и корпускулярной философии. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 145.

равным образом как описания, разделяются на правдивые и вымышленные: из первых состоят все правдивые истории, из последних все романы и (большая часть), как Барклеева Аргенида, Телемак и большая часть исторических поэм». ²⁶ Из сказанного видно, что Ломоносов большую часть поэтических произведений, написанных на исторические темы, считал мало достоверными, так как вымысел в них преобладал над действительностью. Хотя процитированный текст и не вошел в окончательную редакцию «Краткого руководства к красноречию», тем не менее, думается, что это совершенно верное в историографическом смысле положение Ломоносов не распространял на свои историко-поэтические произведения петровского цикла, так как, будучи ученым, для которого факт был основой познания, он стремился к наибольшей точности в поэтическом разговоре о событиях прошлого.

Ломоносов продолжал традицию прогрессивной историографии, считавшей историю средством для научного предвидения будущего. По его мнению, если один человек не способен даже к написанию собственной биографии, то другой не только «прошедших времен многообразные и почти бесчисленные приключения, в натуре и в обществах бывшие, по летам и месяцам располагает, но и многие будущие *точно* (курсив мой. — С. П.) предвозвещает». ²⁷

Правильное представление о ломоносовском понимании взаимодействия науки и практики позволяет судить, насколько философия и социология оказывали влияние на его историческую концепцию. Разделяя источники человеческого познания на науки и искусства, по терминологии того времени, что примерно соответствует теории и практике в нашем смысле, Ломоносов писал: «Учением приобретенные познания разделяются на науки и искусства. Науки подают ясное о вещах понятие и открывают потаенные действия и свойств причины; искусства к приумножению человеческой пользы оные употребляют. Науки довольствуют врожденное и вскорененное в нас любопытство; искусства снисканием прибытка увеселяют. Науки искусствам путь показывают; искусства происхождение наук ускоряют. Обоим общею пользою согласно служат». ²⁸ Как видно, Ломоносов отстаивал единство теории и практики.

М. В. Ломоносов сделал шаг вперед по сравнению с В. Н. Татищевым в понимании задач изучения русской истории, обусловленных патриотизмом и требованиями научности. Его постановка вопроса о предмете исторического изучения свидетель-

²⁶ М. В. Ломоносов. Краткое руководство к красноречию. Полн. собр. соч., т. 7, 1952, стр. 354.

²⁷ М. В. Ломоносов. Слово о пользе химии (1751). Полн. собр. соч., т. 2, 1951, стр. 350.

²⁸ Там же, стр. 351. Ср.: М. В. Келдыш. Светоч мировой науки. «Правда», 16 апреля 1965 г.

ствует о становлении демократической, просветительской концепции русской истории. Ломоносов еще в «Посвящении», написанном для «Истории Российской» Татищева, несомненно отражавшем его собственный взгляд, считал необходимым в историческое произведение в равной степени включать описание заслуг русских правителей и дела «древнего российского народа».²⁹

Такой же историографический дуализм, связанный не только с той обстановкой, в которой жил и служил Ломоносов, но и со всем его мировоззрением, был присущ и «Древней Российской истории от начала российского народа». Однако констатировать противоречивость исторических взглядов Ломоносова в вопросе о предмете исторического исследования, а именно: что является предметом изучения — народ или цари, еще не достаточно. Если в деизме просветителей XVIII в. классики марксизма и за ними новейшие исследователи отказываются признать капитуляцию перед религией, а рассматривают его как вынужденную уступку, то в деизме и историографическом дуализме Ломоносова мы с не меньшим основанием можем видеть определенную уступку господствующей историографии. Но было бы неверно считать, что это отступление от демократического понимания движущих сил русской истории было сделано Ломоносовым в угоду царизму. Великий русский ученый, как многие просветители, верил в возможности просвещенной монархии, считая, что такие цари, как Петр I, могли обеспечить прогресс в истории отечества.³⁰

В историографическом обзоре литературы о Ломоносове мы уже говорили о том, что истинный патриотизм не является препятствием для науки, а, наоборот, служит могучим стимулом для нее.³¹ Ломоносов в упомянутом «Посвящении» ставил задачу создания «достоверного описания деяний российских»,³² которую он до конца своих дней стремился разрешить в трудах по русской истории.

Научный метод великого естествоиспытателя и выдающегося русского философа-материалиста не мог, разумеется, в полной мере проявиться в истории, но тем не менее отразился на понимании ее. Ломоносов, как известно, в отличие от сторонников

²⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, 1952, стр. 15.

³⁰ См.: История русской литературы, т. IV. Литература XVIII века, ч. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1947, стр. 156, 109; Ю. Я. Коган. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII в. М., Изд. АН СССР, 1962, стр. 71—72.—И. Д. Ковальченко в статье «О содержании университетского курса историографии истории СССР» («Вопросы истории», 1963, № 8, стр. 72) полагает, что М. В. Ломоносов отводил главную роль в истории самодержавному государству.

³¹ См.: С. Л. Пештич. Русская историография о М. В. Ломоносове как историке. Вестник ЛГУ, № 20, серия истории, языка и литературы, вып. 4, 1961, стр. 68 и др.

³² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 15.

норманистской теории, связывал начало русской государственности прежде всего с внутренней зрелостью славянского общества, имевшего к середине IX в. многовековую историю и сравнительно высокий уровень развития культуры.

Г. Ф. Миллер неоднократно имел возможность высказать свое мнение об истории, задачах, стоявших перед ней, тематике исторического исследования и многом другом.³³ Во время полемики с Ломоносовым в 1749—1750 гг. он отчетливо высказал соображения о требованиях к историческому труду. Его не удовлетворяли представления «об историческом писателе и об исторических рассуждениях», которые, по его мнению, были свойственны Ломоносову. Последний якобы хотел, по словам Миллера, «чтобы писали только о том, что имеет отношение к славе». Несправедливо приписав Ломоносову такую ограниченную и националистическую точку зрения, он продолжал: «Не думает ли он, что от воли историка зависит писать, что ему захочется? Или он не знает, каково различие между исторической диссертацией и панегирической речью?» и т. д. (Ломоносов на это, как известно, ответил: «Я не требую панегирика, но утверждаю, что не терпимы явные противоречия, оскорбительные для славянского племени».) Миллер формулировал свое «последнее и высшее правило», опираясь на Цицерона (его «основной исторический закон»), так: «Обширнейшим полем для истории» является сравнительно широкий круг вопросов. «Сюда относятся — происхождение племен, по большей части довольно темное, начало государств — с малого, дикие нравы предков, несчастные войны, притеснения от соседей, пороки отдельных лиц, иногда довольно губительные для государства, общественные бедствия и многое другое, что, по мнению историков, не имеет отношения ни к славе, ни к бесславию: об этом всем нельзя умолчать в истинном историческом повествовании, и мы читаем подобные пространные рассказы у всех известных историков о тех народах, к которым они сами принадлежали». В доказательство Миллер ссылаясь на Фукидида, Ливия, Муратория, Мариана, де Ту, Бурнета, Маскова, Гунфельда, Далина.³⁴ Но, как видно, миллеровское представление о содержании истории было все же уже, чем у Ломоносова.

Хотя Миллер и смотрел на историю как на сумму примеров, однако он упорно отстаивал право историка объективно воспроизводить исторический факт, не считаясь с тем отрицательным психологическим и политическим эффектом, который он может произвести на предубежденного читателя. Он не раз

---

³³ Первым выступлением Г. Ф. Миллера по этому поводу можно считать его проспект 1732 г. «Объявление предложения до исправления российской истории касающегося, которое может учиниться частным изданием собрания всяких известий до истории российского государства принадлежащих» (СПб., 1732).

³⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 67—69.

повторял: «Должность историка требует, чтобы обо всем объявить без пристрастия».³⁵ Если учесть, что Миллер в основу исследования в своих капитальных трудах пытался привлечь критически проверенные факты, профильтрованные с помощью пусть еще примитивной «большой и малой критики», то нельзя не согласиться с тем, что его метод научной работы приближался к положениям буржуазного объективизма, разумеется, прогрессивного в ту историческую эпоху, когда буржуазная идеология подготавливалась с демократических позиций к штурму аристократических твердынь феодальной историографии. Соглашаясь с новейшим исследователем в характеристике и оценке многих сторон деятельности Миллера, мы не можем признать, что философия и методология истории были совершенно чужды последнему.³⁶ Как видно из «Предисловия» Миллера к рукописи «Описания сибирским народам вообще», впервые в историографическом плане удачно использованным В. Г. Мирзоевым,³⁷ историк XVIII в. не только часто обращался к общетеоретическим вопросам, но и некоторые из них успешно решил.

Несомненно историографической заслугой Миллера являлось всеобъемлющее привлечение архивных источников (прежде всего при изучении истории Сибири) и применение им новых научных методов работы над письменными источниками, лингвистическими, археологическими и этнографическими данными. Особенно важно учесть, как правильно подчеркнул Мирзоев, что Миллер «предсказал» появление этнографии как самостоятельной науки, разрабатываемой на основе историко-сравнительного метода, употребленного миссионером-иезуитом Лафито при изучении общественного быта ирокезов и гуронов и изложенного последним в книге «Нравы американских дикарей в сравнении с нравами первобытных людей» (1742).

Когда в 1763 г. в «Ежемесячных сочинениях» в разделе «Известия о ученых делах» было помещено сообщение о выходе в свет книги Гильмара Кураса «Сокращенная универсальная история» (СПб., 1762), предназначавшейся в качестве учебника для учебных заведений, то Миллер указал, что эта книга составлена не «по современным правилам», правда, добавив, что книга, написанной на уровне современных научных требований, вообще еще не существует. Вслед за недостатком в периодизации всеобщей истории Миллер отметил бессистемность книги. В итоге рецензент писал: «Словом сказать, все, чем государства приводятся в цветущее состояние и что для того в истории наиболее наблюдать должно, дабы наивящую из нее получить

---

³⁵ Г. Ф. Миллер. Опыт новейшей истории о России. «Ежемесячные сочинения», 1761, ч. 1, стр. 6, 199 и 147.

³⁶ В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (XVIII век). Кемеровское кн. изд., 1963, стр. 162.

³⁷ ААН, ф. 21, оп. 5, № 6, лл. 1—113 об. См.: В. Г. Мирзоев, ук. соч., стр. 107—173.

пользу, оное либо пропущено у Кураса, или едва упомянуто». Не ограничиваясь критикой, Миллер перечислил основные вопросы, которые подлежали освещению в историческом исследовании или в учебном пособии. Автор рецензии в программу для написания истории включил целый ряд тем, показывающих, насколько повысились требования к историческим трудам и расширилась их тематика. По мнению Миллера, в исследовании нужно освещать (по его терминологии): 1) историю богослужения и противного ему суеверия и идолопоклонства; 2) историю наук и художеств; 3) историю исправления разума, нравов и обычаев; 4) историю учреждения гражданских законов и полезного политического состояния; 5) историю о торгах, мануфактурах и мореплаваниях; 6) историю о военном искусстве и 7) об управлении государственными доходами.³⁸

«Ежемесячные сочинения» много сделали для распространения передовых представлений об истории. Этот научно-популярный орган Академии наук отстаивал демократическую мысль о необходимости науки для широких слоев общества. В статье, переведенной С. А. Порошиным в 1756 г., была высказана мысль о полезности наук не только для особых лиц, но и для «целых народов», а в его «Письме о порядках в обучении наук» не были забыты философия и история.³⁹ Первое, что обращает внимание при ознакомлении с рекомендациями в отношении истории, связано с глубоким и содержательным заявлением о необходимости «читать историю философскими очами», так как философия «сопряжена» с историей, так же, кстати, как история с географией. Историк должен «смотреть» причины, т. е. отыскивать источники «приключений» и быть также судьей прошлого. Например, разбирая причины похода того или иного государя, ему следует обратить внимание на то, «что иной монарх, алкая единственно о похищении чужих владений, невинных народов утеснял своим нашествием». История, по мнению этого наставления, должна играть поучительную роль, особенно своими положительными примерами.

Через несколько лет эти идеи вновь были повторены в «Ежемесячных сочинениях», в которых опять говорилось о том, что история должна «подать правила мудрости для всех состояний и дел человеческих» и пропагандировалась мысль о преимуществе «добрых примеров» для «исправления человеческих нравов» по сравнению с значением законов в общественной жизни. Автор подчеркивал заслуги историков в улучшении нравственной природы людей.⁴⁰

Просветители второй половины XVIII в., не являясь не только историками по профессии, но часто не будучи даже истори-

³⁸ «Ежемесячные сочинения», 1763, ч. 1, стр. 459—461.

³⁹ Там же, 1756, ч. 1, стр. 503; 1757, ч. 1, стр. 126—151.

⁴⁰ Там же, 1763, ч. 1, стр. 469.

камп-любителями или собирателями исторических материалов, в своей общественно-политической, литературной или переводческой деятельности нередко обращались к историческим сюжетам по отечественной и всемирной истории, развивая, разрабатывая, двигая вперед историческую науку, формулируя ее теоретические положения, делая интересные наблюдения и выводы, в частности о задачах истории, критикуя дворянскую историографию.

На страницах журнала «Ежемесячные сочинения» можно было встретить рассуждения деятелей французского просвещения об истории, в частности редактора знаменитой французской «Энциклопедии» — Д'Аламбера. В 1763 г. в журнале был помещен перевод его статьи под названием «Обстоятельное изъяснение системы знаний человеческих». ⁴¹ Ход рассуждений Д'Аламбера таков. История, являющаяся описанием дел, делится на три вида: священную, гражданскую и естественную. ⁴² Гражданская история, которая, по терминологии перевода французского просветителя, «сохраняет примеры предков», изучает перемены государственные, является основанием политических наук. Гражданская история делится в зависимости от степени достоверности на записки, которые в древности часто были повреждены, и на «совершенную историю», которой нужно следовать.

В дальнейшем периодическая печать также не была безразлична к формулировке предмета истории. Правда, высказывания по этому поводу в 80—90-х годах были уже не так актуальны. В одной из частей «Собрания сочинений, выбранных из „Месяцесловов“» за 1790 г. имеются соображения о бесполезности второстепенных подробностей и достоверности как необходимым качеством исторического произведения: «В истории не можно всех пустых мест дополнить; да и в историю ничего принимать не должно, что не основано на достоверных доказательствах». ⁴³

Наука к середине XVIII в. шагнула настолько вперед, что появилась потребность от энциклопедичности изучения перейти к определенной специализации. Реакция против увлечения энциклопедиями, которые рассматривались порой как един-

---

⁴¹ Там же, ч. 2, стр. 134—156. — Через двадцать с лишним лет в 1784 г. в Петербурге появился полный русский перевод этого первого тома труда Д'Аламбера, кстати, без упоминания имени автора, под названием «Собрание разных рассуждений, касающихся до словесных наук, истории и философии». Более новый перевод «Предисловия к энциклопедии» под заглавием «Очерк происхождения и развития наук» см. в кн.: Родоначальники позитивизма. Кант, Тюрго, Д'Аламбер, вып. 1. СПб., 1910, стр. 95—169; В. П. Зубов, ук. соч., стр. 56.

⁴² Кстати, разделение истории на три вида принято также в «Предисловии» к «Лексикону» Ф. А. Полункина, изданного Г. Ф. Миллером в 1773 г.

⁴³ Собрание сочинений, выбранных из «Месяцесловов» разных годов, ч. V. СПб., 1790, стр. 133.

ственный источник всевозможных знаний и сведений, со второй половины XVIII столетия была, несомненно, прогрессивным явлением в истории науки.

«Ежемесячные сочинения» в 1763 г. выступили против переоценки роли энциклопедий в развитии науки и их монопольного положения в распространении различных знаний. Говоря о всевозможных словарях, вышедших в первую очередь во Франции, автор статьи писал: «Нынешний вкус публики наиболее в том состоит, чтобы сочинять и читать Лексиконы о науках; которая мода введена в прошедшем столетии историческими и географическими лексиконами и некоторыми другими». Теперь же, по его мнению, наука требует систематического изложения, а старый алфавитный порядок, принятый в энциклопедиях и лексиконах, только смешивает понятия и затрудняет изучение вопроса. Однако, к чести автора этой заметки, нужно отметить, что он с почтением относился к французской энциклопедии («парижская энциклопедия»). Он считал, что это издание является не столь лексиконом, сколько собранием сочинений «искусных мужей», только напечатанных в порядке алфавита.⁴⁴

Наибольшее влияние в России имели произведения Вольтера, имевшие хождение как на языке подлинника, так и в русском переводе, как опубликованные, так и в рукописных списках. Взгляды Вольтера — одного из самых выдающихся основоположников буржуазной историографии⁴⁵ — на задачи истории оказали серьезное воздействие на формирование и развитие передовой исторической мысли в России второй половины XVIII столетия.

О значении Вольтера в историографии образно сказал А. С. Пушкин: «Вольтер первый пошел по новой дороге — и внес светильник философии в темные архивы истории».⁴⁶ Само понятие *философия истории* было впервые введено в оборот не кем иным, как Вольтером.

Новое понимание истории, направленное против феодальной историографии, Вольтер сформулировал в своем знаменитом «Опыте о нравах и духе народов и о главнейших фактах истории от Карла Великого до Людовика XIII» (1765). В другом произведении — «Новое расположение истории человеческого разума» он обрушивался на коренные положения старой феодально-дворянской концепции всемирной истории. Великий французский просветитель выступил против сведения истории

---

⁴⁴ «Ежемесячные сочинения», 1763, ч. 2, стр. 185, 186.

⁴⁵ См.: М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. Л., Изд. ЛГУ, 1947, стр. 25; В. П. Волгин. Историческое значение Вольтера. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 42 и др.; Е. А. Косминский. Вольтер как историк. Там же, 153—159 и др. См. также: В. Н. Кузнецов. Вольтер и французское просвещение XVIII века. Изд. МГУ, 1965.

⁴⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. X. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 95.

человеческого общества к истории отдельных монархов и против европоцентризма, т. е. сведения всемирной истории к истории одних или даже, точнее, некоторых европейских держав — Греции и Рима. Он утверждал: «Читая истории, кажется, что вся земля сделана только для некоторых самодержцев и ради тех, которые услуживали их страстям; прочее же почти все оставлено». И далее, характеризуя историков, пишущих лишь о монархах, Вольтер зло сравнивал историков с теми тиранами, «о которых они пишут, ибо жертвуют они всем человеческим родом для пользы одного человека».⁴⁷ Его произведения, посвященные истории Карла XII и Петра I, а также переведенные на русский язык уже в XVIII в. — «Летопись империи от Карла Великого до нынешних времен» (кн. 1—8, СПб., 1786—1789) и «История о крестовых походах» (СПб., 1772, 1783 и М., 1782), не могли быть безразличны русским историкам, вырабатывающим передовые взгляды на историю и задачи, стоящие перед ней.

Сравнительный принцип в истории получал все большее и большее распространение в России второй половины XVIII в. Это было связано с развитием экономики и культуры, с изучением обширных просторов русского государства, с увеличением торговых, общественных и культурных отношений с народами и странами Европы, Азии, Америки и Африки. Сопоставление жизни и истории одних народов с другими велось достаточно широко. Сравнились быт и обычай, религиозные верования и язык, законодательство и политический строй. Такая параллель, пусть даже часто случайная, отрывочная, неполная, была серьезным шагом вперед в развитии методологии русской истории. Принцип сравнения в истории — шаг к историзму.

В XVIII в. передовая западноевропейская мысль достигла серьезных успехов в разработке общих теоретических положений о закономерностях исторического развития. В 1725 г. итальянский историк Вико в «Основаниях новой науки об общей природе наций» писал о необходимости соединения истории с философией и впервые сформулировал положение о закономерности исторического развития, доказывая, что все народы проходят путь от первобытного состояния через феодализм. В 1748 г. Монтескье в «Духе законов» заявил о решающей роли географической среды в истории, определяющей непосредственно через психику формы государственного устройства, законы, политические взгляды людей. Дидро, не удовлетворенный таким объяснением, доказывал, что географическая среда воздействует на характер народа не прямо через психику, а через общественную среду. Только Гельвеций в труде «О человеке, его умственных способностях и его воспитании» (1773) отвергнул

---

⁴⁷ Вольтер. Новое расположение истории человеческого разума. СПб., 1775, стр. 3—4.

географический фактор как определяющую силу общественного развития и выдвинул утверждение, что такой силой может быть общественная среда, под которой он понимал политический строй, государственные учреждения и законы, созданные людьми в соответствии с их представлениями. Еще раньше, в 1750 г., Тюрго в речи «Последние успехи человеческого разума» утверждал, что воздействие географической среды осуществляется не через психику и не через государство с его законами, а через хозяйственную деятельность людей, исторически изменяющуюся. Тюрго установил зависимость прогресса в истории от смены форм хозяйственной жизни общества. Его положение о стадиях исторического развития (охотничье, пастушеское, земледельческое) преломилось в творчестве передовых русских мыслителей.

Особое место в разработке теории исторической науки во второй половине XVIII в. в России занимали труды профессоров-юристов Московского университета⁴⁸ С. Е. Десницкого,⁴⁹ И. А. Третьякова⁵⁰ и Д. С. Аничкова,⁵¹ а также Я. П. Козельского.⁵² Из них наибольшее значение для формулирования теоретических положений исторической науки в России имеют труды Десницкого, несомненно оказавшие воздействие на дальнейшее

⁴⁸ См.: И. В. Поздеева. Изучение древней истории и древних языков в Московском университете в 50—70-е гг. XVIII в. Вестник древней истории, 1962, № 3, стр. 3—21.

⁴⁹ А. П. Гагарин. Первая философская диссертация, защищенная в Московском университете (Д. Т. Аничков, последователь Ломоносова). Вестник МГУ, 1952, № 7, см. прил. и коммент. Н. Пенчко, стр. 156—173; С. А. Покровский. Политические и правовые взгляды С. Е. Десницкого. М., 1955; И. С. Бак. Антифеодальные экономические учения в России второй половины XVIII в. М., 1958; Н. К. Каратаев. Очерки по истории экономических наук в России XVIII в. М., 1960, стр. 259—270; Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. М., 1957, стр. 265—283; История русской экономической мысли, т. I, ч. 1, 1955, стр. 570—587; Ю. Я. Коган. Очерки по истории русской атеистической мысли XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1962, стр. 222—227 и 232—250; П. С. Грацианский. С. Е. Десницкий о происхождении государства, семьи и частной собственности. Уч. зап. Всесоюз. ин-та юрид. наук, вып. 17, 1963, стр. 168—198.

⁵⁰ Ю. Я. Коган. Очерки по истории, стр. 227—231; История русской экономической мысли, т. I, ч. 1, стр. 538 и сл.

⁵¹ М. И. Шахнович. Д. С. Аничков — первый русский историк религии. Уч. зап. ЛГУ, серия философ. наук, 1948, № 109, вып. 2, стр. 163—176; А. В. Петровский. Атеистическая диссертация в XVIII веке. «Вопросы философии», 1950, № 1, стр. 276—280; А. П. Гагарин, ук. ст. Вестник МГУ, 1952, № 7; М. Т. Белявский. М. В. Ломоносов и основание Московского университета. М., 1955, стр. 213—234; И. Я. Попова. Забытый труд Д. С. Аничкова по философии и логике. Вестник МГУ, серия экономики, философии и права, 1957, № 4, стр. 99—110; Ю. Я. Коган. Очерки по истории, стр. 246—289.

⁵² Ю. Я. Коган. Просветитель XVIII века Я. П. Козельский. М., 1958; Его же. Свободомыслие Я. П. Козельского. В кн.: Вопросы истории религии и атеизма. Сб. статей. М., Изд. АН СССР, 1950, стр. 155—187; Его же. Очерки по истории... стр. 184—221; С. В. Папаригопуло. О двух Я. П. Козельских. «Вопросы истории», 1954, № 8, стр. 109—112; О. Коробкина. К биографии Якова Козельского. Уч. зап. ЛГУ, 1955, № 200; История русской экономической мысли, т. I, ч. 1, стр. 544 и сл.

развитие русской исторической мысли и в первую очередь на формирование взглядов В. В. Крестинина, И. Н. Болтина и др. Его немногочисленные произведения, относящиеся собственно к истории права, написанные в виде публичных «Слов» и напечатанные в конце 60 — начале 70-х годов,⁵³ поднимали большие проблемной значимости вопросы, частично рассмотренные в литературе последнего времени.

Сравнительный метод при изучении законодательных норм различных государств и народов, бесспорно, оказал влияние и на историческую науку в России, в которой сравнительно-исторический принцип во второй половине XVIII в. получил значительное применение в трудах Ломоносова, Болтина и др. Использование сравнительно-исторического метода в изучении истории права позволило Десницкому обосновать положение об общности законов исторического развития. Десницкий одним из первых, критикуя абстрактные умозаключения теории естественного права, настаивал на «историческом методе» для разработки общественных дисциплин. Он имел полное право считать, что история сможет стать верным руководителем исследователя. По его убеждению, нужно заниматься не теми состояниями «рода человеческого», которые выдуманы теоретиками, но показать, «каким образом собственность, владение, наследство и пр. у народов происходит и ограничивается».⁵⁴ Десницкий одним из первых в России, примерно одновременно с Третьяковым, выдвинул глубокое положение, предвосхитившее развитие науки на много десятилетий, о роли условий хозяйственной жизни народов в истории. Изучение «состояния общительства» (по терминологии Десницкого), является основой для научного исследования. Десницкий, высказывая смелое материалистическое предположение о значении экономики в жизни человеческого общества, считал, что именно из «состояния общительства» следует выводить «историю, правление, законы и обычаи и измерять их различные преуспевания в науках и искусствах».⁵⁵ Данная идея, сформулированная Десницким в итоговом виде в своем роде классическом произведении русской просветительской историографии второй половины XVIII в. — в «Юридическом рассуждении о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общительства» (М., 1781), свидетельствовала о признании идеи развития в истории. Наконец, та периодизация истории общества, которая была сформулирована Десницким и разделялась

⁵³ См.: Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I. М., Госполитиздат, 1952, стр. 187—219 и сл.

⁵⁴ См.: С. Е. Десницкий. Слово о прямом и ближайшем способе к изучению юриспруденции, в публичном собрании Московского университета... говоренное... 1768 года. Изд. Московского ун-та, (1768). Цит. по кн.: Избранные произведения русских мыслителей, т. I, стр. 204.

⁵⁵ Избранные произведения русских мыслителей, т. I, стр. 271.

его коллегами по Московскому университету — Аничковым и Третьяковым, свидетельствовала о таких серьезных сдвигах в развитии русской исторической мысли в 60—70-х годах, которые позволяют сблизить теоретические положения русского просветительства с идеями западноевропейских историков, приступивших к изучению истории «гражданского общества». Не вдаваясь в подробности периодизации истории человеческого общества, данной Десницким, не оговаривая некоторые отличия ее от выводов Третьякова, ограничимся его социологической схемой периодизации истории человечества (см. табл.).⁵⁶ Напомним только, что Десницкий, оставаясь идеалистом в объяснении истории, считая, что даже происхождение форм собственности связано с выработкой понятия о них,⁵⁷ все-таки в качестве главных движущих сил исторического процесса выдвигал труд и разум.⁵⁸

Периоды	Название периодов, или «состояний»	Виды занятий	Формы собственности	Формы брака
1	Охотничье или первобытное	Охота и собирательство	Нераздельная	Отсутствие порядочного супружества
2	Пастушеское	Скотоводство, обмен	Частная, но на землю общественная	Многоженство
3	Хлебопашество	Переход к оседлости; развитый обмен	Частная собственность на землю	Появление парного брака, но и полигамия
4	Коммерческое	Торговля; развитие ремесла и разделение труда	Значительное развитие частной собственности	Совершенное супружество

Десницкий принимал участие как член Российской Академии в работах по составлению «Словаря Академии Российской», отбирал слова из основных законодательных актов средневековой России: «Русской правды», «Судебника Ивана IV» и «Соборного уложения» 1649 г.⁵⁹ Мысли Десницкого о феодализме в России сказались на разработке вопросов феодализма в России в произведениях Крестиннина, Болтина и др.

⁵⁶ См. там же, стр. 268—286. О формах брака и первом варианте «состояния народов» см.: С. Е. Десницкий. Историческое рассуждение о начале и происхождении супружества... 1775 года. Там же, стр. 257—267.

⁵⁷ Избранные произведения русских мыслителей, т. I, стр. 273, 275, 280 и др.

⁵⁸ Там же, стр. 258.

⁵⁹ М. И. Сухомятин. История Российской академии, вып. V. СПб., 1880, стр. 7, 8 и 298.

И. А. Третьяков (ок. 1735—1779), известный тремя дошедшими до нас произведениями, имеющими преимущественно методологическое значение для историков русской исторической мысли, в «Слове о происшествии и учреждении университетов в Европе на государственных иждивениях» (1768), «Слове о римском правлении и о разных его переменах» (1769) и в «Рассуждении о причинах изобилия и медлительного обогащения государства как у древних, так и у нынешних народов» (1772) высказал мысль о разделении труда и изобретении искусства как двух причинах развития («обогащения») государств. Он считал, что феодализм в Европе образовался в результате соединения «остатков римлян» с «немецкими варварскими народами». В это время, по мнению Третьякова, сложилось «правление *февдальное*; подобное почти во всем польскому, состоящему из вельмож и имеющему над собою государя».⁶⁰ Надо думать, что Третьяков избрал современную ему Польшу как классический образчик феодального строя в XVIII в. Также следует отметить, что его выводы о периодизации истории общества и феодализме были менее последовательны, чем у Десницкого, хотя история науки, представленная в его трудах, делает их автору честь известной систематичностью и некоторыми наблюдениями о роли материальных условий в истории человеческого общества.

Д. С. Аничков (1733—1788) — первый русский историк религии, автор нашумевшей атеистической диссертации (она, видимо, не была сожжена на Лобном месте в Москве в 1769 г., как считали до недавнего времени), книги «Начальное основание фортификации или военной архитектуры» (М., 1787) и некоторых других произведений⁶¹ — оказал положительное влияние на развитие русской исторической мысли не только в том смысле, что он был первым историком религии в России, но и своими философскими трудами, в которых основательно разбирал вопрос о причинности, столь важный для историков. Особенно интересна критика Д. С. Аничковым внешнего понимания причинности, распространенной в дворянской историографии, например у М. М. Щербатова и др. Знакомство с трудами Аничкова свидетельствует о его серьезном знании всемирной истории.⁶²

Я. П. Козельский (ок. 1728 — ок. 1795), известный в истории философии как представитель передовой материалистической мысли в России, перевел на русский язык ряд произведений прогрессивных историков: «Историю о переменах, происходивших

---

⁶⁰ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 348. — Второе произведение И. А. Третьякова сюда не включено.

⁶¹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века, т. I, М., 1962, стр. 41—45; Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 111—184 и 666—670.

⁶² Там же, стр. 115, 179 и др. См. также, напр., стр. 114, 118 и др.

в Швеции в рассуждении веры и правления» Верто д'Обера (2 ч., СПб., 1764—1765), «Историю датскую» Л. Гольберга (2 ч., СПб., 1765—1766), «Историю славных государей и великих генералов» Шофина (СПб., 1765), «Государь и министр» Мозера (СПб., 1766), статьи из французской «Энциклопедии» — «О философии» и другие, которые он, как правило, снабжал содержательными предисловиями и примечаниями, а также написал ряд философских и инженерных трудов.⁶³

Л. В. Черепнин сближает представления Козельского об истории с формулировками дворянской историографии.⁶⁴ Особенно наглядно мнение просветителя второй половины XVIII в. перекликается с выводами теории просвещенного абсолютизма в вопросе о практической пользе истории для различных общественных групп. Воспроизводя цитату из предисловия Козельского к «Истории славных государей и великих генералов», напомним, что она созвучна с хорошо известным местом из «Истории государства Российского» Карамзина. История, по мнению Козельского, «низких людей научает быть довольными своим состоянием; вельмож наставляет к трудолюбию, прилежанию к их должности, к исканию пользы и удовольствия их подчиненных, и к поданию своему монарху полезных и спасительных советов; монархам напоминает их должность, учит их правосудию, удерживает от излишеств объявлением печальных примеров...»⁶⁵

Но Козельский, понимая историю как сумму метафизических примеров, не останавливался на повторении этих банальных истин. В «Философических предложениях» (1768) он высказал ценные мысли о познавательной стороне исторического исследования. Козельский относил историю к такой науке, которая основывается «отчасти на истине, а отчасти и на правдоподобии» (в отличие от тех, которые «содержат в себе правила, или генеральные предположения, и называются догматическими»).⁶⁶ «Праведная история», т. е. истинная или объективная, может быть написана только в том случае, по мнению Козельского, если ее автор имеет ряд несомненных достоинств. Историк должен быть человеком «просвещенного разума» и обладать дарованием «изобретательного, а не подражательного духа», он должен быть очевидцем событий, избежать пристрастия в отношении отечества и чужих земель. Историк должен уметь писать хорошо, но не влюбляться в собственное красноречие, чтобы не переменить «строгую правду на красоту своего слогу». Нако-

⁶³ Там же, стр. 411—444 и 687—694.

⁶⁴ Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 274—277.

⁶⁵ История славных государей и великих генералов с рассуждениями о их поступках и делах, собранная господином Шофиным из сочинений Роллена, Кревиера и других... СПб., 1765, стр. I (Предисловие).

⁶⁶ Избранные произведения русских мыслителей второй половины XVIII века, т. I, стр. 445.

нец, историк обязан уметь «приводить свои страсти в согласие с законами справедливости» и не знать «за правду ни какого страха, ни за ложь надежды». Такого человека, удовлетворяющего всем этим строгим требованиям, по верному замечанию Козельского, найти очень трудно и поэтому не менее трудно найти «праведную историю». Не удовлетворяясь одной констатацией трудностей исторического труда, отказавшись от агностицизма, распространенного в дворянской историографии периода упадка ее, Козельский справедливо считал, что историк имеет возможность понять смысл истории, поскольку в истории существует главное, т. е. определенная закономерность. Он писал: «Однако, несмотря на сие, можно в ней верить приключениям и переменам генерально, а не в подробностях».⁶⁷

По пути создания истории гражданского общества пошли те историки второй половины XVIII в., которые обратились к изучению истории экономического развития страны, местных учреждений, городов и т. д. В числе их следует упомянуть В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова, отчасти П. И. Рычкова и некоторых других.

Взгляды архангельского гражданина, как любил себя величать В. В. Крестинин, служат доказательством сознательного отношения со стороны лучших представителей передовой исторической мысли к формулированию теоретических положений. Он близко подходил к пониманию истории как истории гражданского общества, иногда даже употребляя это выражение, но, что самое существенное, находил ему соответствующий эквивалент в русской терминологии. Уже в первых произведениях, написанных в 70-х годах, Крестинин выработал новое понимание истории. «Гражданская история», считал он, это — «история о внутреннем домостроительстве народа», которая должна состоять из двух главных частей — сельского и гражданского хозяйства.⁶⁸ Еще раньше — в начале 70-х годов — он писал, что «надлежит разделять литеральную историю нашего двинского народа на сельскую и городскую».⁶⁹ Гражданская история, или «история о внутреннем домостроительстве», должна была включать, по мнению Крестинина не только историю сельского и городского хозяйства, но и историю мореплавания и коммерции, земского и городского правления, военную, внешней политики, государственного и местного законодательства, культуры и т. д.

Крестинин, относя себя к историкам, пишущим о народе и для народа, предъявлял к авторам исторических трудов такие требования, которые он считал «непреложным естественным за-

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ В. В. Крестинин. Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере. СПб., 1785, стр. 15.

⁶⁹ Путешествия акад. Изана Лепехина в 1772 году, т. IV. СПб., 1805, стр. 427.

коном» для всех историков «народных деяний». «Историк в деле своем, — писал он, — должен быть справедлив и мужествен, чужд похлебства и мщения, дабы истину, где должно открыть, не таить, и дабы справедливость лжею, аки мраком свет, не затмевать. Правило сие есть непреложный естественный закон, общий всем летописателям народных деяний».⁷⁰ Для Крестинина идеалом был такой «городовой историк, который труды свои не соединяет с человекоугождением во оскорбление истины», — писал он в 1791 г.⁷¹ Историк должен обладать «знаниями высоких и словестных наук, знанием политики и безпристрастности».⁷² Правдивость в историческом описании, являющаяся необходимым качеством для историка, должна подкрепляться ссылками на использованные источники. «Должность историка, истину и искренность наблюдающего в своем деле», обязывает его, по мнению Крестинина, опираться на «исторические свидетельства», т. е. источники, о которых непременно следует сказать в начале произведения, если оно невелико (так он сделал в «Краткой истории Архангельска»), а в пространном — делать ссылки на использованные документы в ходе всего повествования (так он и поступал, как правило).⁷³

Крестинин хорошо понимал, что нельзя «обременять» историю «одними собственными именами», а следует давать историческим деятелям характеристики и приводить «историческое о их нравах известие».⁷⁴ Без сомнения, Крестинин был сторонником всесословного изучения и применения истории. В отличие, например, от Щербатова и официальных заявлений екатерининского правительства, «архангелогородский гражданин» полагал, что «история отечества — наука, нужная каждому сыну отечества».⁷⁵ Жалуясь на малое распространение исторических знаний, стремясь использовать историю на благо обществу (разумеется, в интересах купечества и горожан в первую очередь), Крестинин вынужден был с болью заметить: «Все науки полезными своими действиями приносят в нынешнее время Российскому народу пользу и славу», кроме истории.⁷⁶

Крестинин отчетливо различал гражданскую историю от истории церковной, а также выделял в особый предмет историю «ученую», т. е. историю науки и просвещения. Церковную исто-

---

⁷⁰ В. В. Крестинин. Продолжение исторического известия о нравственном воспитании детей у двинских жителей. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XVIII, 1787, стр. 31.

⁷¹ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212, л. 85 об.

⁷² В. В. Крестинин. Исторические начатки о двинском народе, древних средних, новых и новейших времен. СПб., 1784, стр. 3.

⁷³ См.: В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792, стр. III—IV.

⁷⁴ Там же, стр. 93—94.

⁷⁵ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212, л. 1.

⁷⁶ В. В. Крестинин. Исторические примечания о коммерческом кредителе. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XXVI, 1792, стр. 3.

рию Крестинин третировал, не особо стесняясь в выборе доказательств, хотя, говоря о произведениях, вышедших из-под пера духовенства, он был вынужден маскировать свою критику ссылкой на то, что она, мол, относится только к творениям старого времени. Крестинин писал: «Наши церковники прошлых веков, лишённые просвещенного наукам разума, много враждовали против славных наук философии и математики». Церковная история двинского народа, по словам Крестинина, «представляет страшные кровопролитные действия, произведенные жестокими распрями за человеческие предания о церковных обрядах».⁷⁷

Но не только лица духовного звания были врагами гражданской истории. Крестинин неоднократно жаловался на городского голову и членов городской думы, всячески препятствующих работе историка. «История им кажется непримирительным врагом», — писал он А. Р. Воронцову.⁷⁸

Крестинин также энергично выступал против тех, кто приписывал только отрицательные качества русским людям. Он имел в виду отчасти Пуфендорфа и Бюшинга, а особенно Фридриха II. Последний, к примеру, считал, что для русского народа наиболее характерными качествами являются «неверность и лесть». Крестинин понимал ошибочность таких обобщений. Иностранцы, по его мнению, знавшие по преимуществу одних приказных людей, служивших к тому же в ту пору без жалованья (а поэтому тем более склонных к взяточничеству и угодничеству), распространяли свои выводы на весь русский народ. «Явная неправда, — отмечал Крестинин, — приписывать целому народу пороки, ослепляющие малую часть изо всего народа».⁷⁹

Историографическая связь трудов Крестинина и Ломоносова видна уже при сопоставлении первого произведения архангельского историка и последнего труда великого ученого. Ломоносовская «Древняя Российская история от начала российского народа...» (1766) и крестининские «Исторические начатки о двинском народе...» (1784) преследовали в значительной степени общую цель — изучение истории народа. По тематике и источникам работы Крестинина принципиально отличались от произведений дворянской историографии. Персонажи его трудов — купцы-капиталисты, мещане, крестьяне-предприниматели и другие представители первого для Крестинина сословия (это третье сословие во Франции!), «питающего и обогащающего» страну,

---

⁷⁷ В. В. Крестинин. Исторические начатки о двинском народе..., стр. 2—3 и 23.

⁷⁸ См.: Е. М. Эпштейн. Деятельность В. В. Крестинина по изучению русского Севера. Уч. зап. Петрозаводск, ун-та, т. VII, вып. 1. Исторические и филологические науки, 1957. Гос. изд. Карельской АССР, 1958, стр. 155.

⁷⁹ В. В. Крестинин. Исторические примечания о коммерческом кредите. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XXVI, 1792, стр. 3—4.

а не представители феодальных верхов и администрации, с которыми Крестинин продолжал яркую полемическую борьбу на страницах своих исторических произведений.

Признавая несомненный прогресс в решении теоретических вопросов Крестининым, не следует преувеличивать его заслуг в этом. Нужно учитывать, что, несмотря на достижения буржуазной историографии второй половины XVIII в., в целом ей были присущи существенные недостатки, вытекающие, в конечном итоге, из зависимости русской буржуазии от господствующего класса крепостнической России. Незрелость первых буржуазных русских историков проявлялась не только в неспособности сделать общий обзор истории России с новых позиций, с позиций буржуазной методологии, но и в известной зависимости от традиционных сюжетов дворянско-феодальной историографии.

Наряду с этим не следует забывать о слабости русской буржуазии, никогда не игравшей роли революционной силы в истории, что, несомненно, сказалось не только на стремлении Крестинина войти в соглашение с верхами феодальной России, правда, для того, чтобы их использовать в интересах купечества и разработки русской истории в просветительском духе, но и отразилось на известной зависимости исследователя в решении многих общих вопросов, периодизации истории Севера, в изложении истории города как истории борьбы с феодальной администрацией за местное самоуправление, но не как истории борьбы классов и т. д. На работах Крестинина, всю жизнь не покидавшего своего родного Архангельска, несмотря на серьезные связи с Академией наук, на общение с видными деятелями просвещения и хорошее знакомство с современной литературой, сказалась оторванность от главных центров культурной жизни России. Отпечаток провинциализма заметен на взглядах историка и на литературной обработке его трудов, рыхлых по композиции и несовершенных по стилю.

Не следует думать, что теоретическое осмысливание задач, стоящих перед историей, было присуще всем видным историкам того времени. Так, П. И. Рычков, много сделавший для изучения местной истории и истории местных государственных учреждений, не может идти ни в какое сравнение в этом отношении не только с Татищевым или с Ломоносовым, но и с Крестининым и некоторыми другими. Практицизм Рычкова брал верх над его общими соображениями об истории. Правда, нельзя не отметить, что и он неоднократно высказывался, от случая к случаю, об истории. Некоторые из мыслей Рычкова, несомненно, интересны, его отдельные приемы и тем более результаты научной деятельности содержательны и небесполезны. Но к числу теоретиков исторической науки в России его отнести без существенных оговорок, пожалуй, нельзя.

Представления Рычкова о целях и задачах истории в целом носят двойственный характер. В важном вопросе о том, кто дол-

жен заниматься написанием истории, Рычков опирался на французского философа XVI в. Мишеля Монтеня, который считал, что настоящим историком может быть только тот, кто стоял у кормила правления.⁸⁰ В 1771 г. Рычков цитировал это высказывание, ставшее для него в своем роде программным требованием, в письме к Миллеру (оно звучит близко к переводу нашего времени): «...Те одне истории прямо добрыми назвать можно, которые от таких людей писаны, кои сами в правлении дел были или знатное участие в них имели. Римские историки почти все такие».⁸¹ Рычкову настолько понравилась эта мысль, в особенности в той части, которая могла бы быть отнесена к нему самому, как принимающему «знатное участие в правлении», что он ее повторил в книге об Астрахани.⁸²

Такой канцелярско-чиновничий подход к «зачислению в историки» вполне устраивал выходца из купеческого сословия, достигшего сравнительно высоких чинов и должностей в системе колониального управления Российской империи. Но, претендуя на участие в исторической работе для себя лично, он не забывал и о своих собратях по происхождению. Узнав, что в Швеции начали широко практиковать составление автобиографических записок «не только из знатных, но из посредственных людей», Рычков, приветствуя начинание, считал, что такие частные записки со временем могут дать много нужного для составления «народной истории».⁸³

Преувеличение значения «начальствующих лиц» в написании истории с логической закономерностью вело к преувеличению роли этих самых начальников в исторической жизни народов. Рычков рассуждал: «История народов многие примеры представляет и дает нам знать, что от слабостей и невежества начальников происходят часто неурядица, смятения и гибель не только таких малых обществ, каково было и ныне еще есть Яицкое, но и больших городов, и иногда и целых областей».⁸⁴

В последней трети столетия можно встретить значительное количество высказываний и соображений, главным образом, о содержании истории. Социально-экономическое и культурное развитие России оказывало активное воздействие на развитие русской исторической мысли, воздействие не меньшее, а большее, чем произведения западноевропейских историков и теорети-

---

⁸⁰ П. И. Рычков пользовался изданием 1762 г. — Михайла Монтаниевы Опыты... на российской язык переведены... Сергеем Волчковым. СПб., 1762 (перевод неполный).

⁸¹ Ср.: Мишель Монтень. Опыты. Книга вторая. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958.

⁸² П. И. Рычков. Введение к Астраханской топографии... М., 1774, стр. 71—72.

⁸³ Записки Петра Ивановича Рычкова. «Русский архив», 1905, № 11, стр. 298 и др.

⁸⁴ Осада Оренбурга (Летопись Рычкова). В кн.: А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9, ч. 1. М.—Л., Изд. АН СССР, 1938, стр. 206.

ков. Именно социально-экономические закономерности непосредственно отражались на формулировании нового содержания истории, не укладывающегося в узкие рамки требований феодальной историографии с ее почти исключительным обращением к военно-дипломатической и династической теме. Приведем несколько характерных примеров. В 1765 г. была переведена книга под названием «Торжество философии», в которой была приведена подробная «похвала истории», имеющая, однако, не только риторический характер.⁸⁵ Х. А. Чеботарев — один из видных историков последней трети XVIII в. — считал, что нельзя превращать историю в «пустое препровождение времени для праздных и безмозглых голов».⁸⁶ История для него поднимается до универсальной практической философии. «История подает наилучшие правила жизни, — писал он, — и есть как бы на все случаи оной приуроченная философия».⁸⁷ В радищевском переводе книги Мабли (1773) можно найти еще более глубокие рассуждения. Мабли не только осуждал баснословия, но и выступал против сведения истории к исключительно философским поучениям, считая, что историк не только должен морализировать, но и заботиться о восстановлении истины.⁸⁸

Кто бы ни был автором «Писем нравоучительных к друзьям» (1773—1774), введенных недавно в научный оборот Ю. Я. Коганом,⁸⁹ как бы их ни расценивать, нужно признать, что они содержат интересные соображения историографического порядка, направленные против господствующей дворянской исторической мысли, в вопросе, кого относить к положительным или отрицательным историческим персонажам. Автор «Писем», обратившись к всеобщей истории, причислил к «просвещенным монархам» только двух римских императоров — Тита и Марка Аврелия. Все же остальные правители Рима «были частью свирепые волки, частью сластолюбивые козлы, или грязные свиньи и глупые овцы». То же самое и у других народов. Их истории наполнены коронованными злодеями, у них «добродетельные государи столько ж редки, как в наших странах белые вороны; число премудрых скипетроносцев весьма мало было, хотя бы собрать их всех из превеликого множества оных, у всех народов, во все времена».

⁸⁵ Л. А. Готшед. Торжество философии. СПб., 1765.

⁸⁶ Цит. по кн.: И. Фрейер. Краткая всеобщая история. . . М., 1769, Обращение к читателю.

⁸⁷ Цит. по кн.: М. В. Сычев-Михайлов. Из истории русской школы и педагогики XVIII века. М., Изд. АПН РСФСР, 1960, стр. 164—165. В приложении к этой книге см. оба издания «Способа учения» Чеботарева (1771 и 1790 гг.).

⁸⁸ См. в кн.: А. Н. Радищев. Полн. собр. соч., т. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 240. — Произведения Мабли «Размышления о греческой истории», «Об изучении истории», «О способе писать историю» и другие были хорошо известны в России. См. там же, стр. 410—411.

⁸⁹ Ю. Я. Коган. Очерки по истории. . . стр. 290—315.

Понимание истории в новом смысле и признание необходимости философии для нее было присуще не только историкам, но и людям, связанным с точными науками или искусством. Как мы уже отмечали, Н. Г. Курганов, расширявший содержание предмета истории включением в нее истории науки, писал, что история «без ученых дел подобна человеку, лишившемуся одного глаза». Видный теоретик изобразительного искусства конца XVIII в. И. Урванов считал необходимым знание истории и философии для живописца и писал, что художнику «нужны философические знания истории».

Даже представители дворянской исторической мысли, такие как Екатерина II и крупнейший историк второй половины XVIII в. М. М. Щербатов, вынуждены были встать на путь расширения тематики отечественной истории и формулирования многих теоретических положений. Это сказалось на ярком историко-публицистическом произведении «Антидоте» (1770), вышедшем из кругов, близких к Екатерине II, и не без ее участия. В нем высказывались отдельные мысли об общности исторического развития России и стран Западной Европы.

Екатерина II в «Записках касательно Российской истории», которые начали печататься в 1783 г., не останавливалась специально на определении предмета истории, отделавшись несколькими мало значащими замечаниями. Но под влиянием «Плана» Янковича, написанного в качестве проспекта для составления учебника по русской истории для народных училищ, а также учитывая необходимость расширить содержание исторических сведений, преподносимых учащимся, высказалась в этом отношении достаточно определенно. Значительный интерес представляют соображения Екатерины II о роли исторических знаний в образовании. В инструкции Н. И. Салтыкову о порядке воспитания великих князей Александра и Константина Павловичей (13 марта 1784 г.) она много и подробно говорила о необходимости изучения всеобщей и российской истории, генеалогии, мифологии, военного искусства и т. д.⁹⁰ Екатерина II в духе своего времени видела в истории коллекцию поучительных примеров добродетели, но, не ограничиваясь такими общими соображениями, она полагала, что при изучении истории всякого государства следует разъяснять «причины приращения, уменьшения и падения государства и народов». Для этого, по ее мнению, надо, хотя бы коротко, рассказать о некоторых существенных обстоятельствах: о начале государства, о знаменитых происшествиях в нем, о важнейших и «похвальных» делах государей,

⁹⁰ Соч. императрицы Екатерины II, т. I. СПб., 1849, стр. 54—60; Д. А. Толстов. Взгляд на учебную часть в России в XVIII столетии до 1782 г. СПб., 1883, стр. 84—89 и 91—100. — Здесь даны тексты из инструкции Екатерины II и из произведения Локка, у которого императрица многое заимствовала для своего наставления. Шестой том пылинского издания, содержащий педагогические сочинения Екатерины II, был подготовлен к печати, но в свет не вышел.

«о несчастии последствий порочных дел», о порядке правления, о военной, сухопутной и морской силе, «о многолюдстве», доходах, торговле, естественном положении, о законе каждой земли и о намерениях «в рассуждении своих соседей», т. е. о мире и войне, союзах, посольствах, а также об «искусствах и художествах», об «удобрении земли и разрабатывании оных».

Однако идея закономерности в истории в целом была чужда феодальной историографии реакционной поры. Известный духовный писатель Платон Любарский, из произведения которого А. С. Пушкин заимствовал эпиграф для своей «Истории Пугачева», наотрез отказывался от допущения возможности составить правдивое описание восстания Пугачева на том основании, что в действиях вождя Крестьянской войны и его соратников не было никакой закономерности.

Поскольку философия во второй половине XVIII в. была царицей умов, под ее влияние неминуемо попадали даже те, кто боялся ее. Без философии уже трудно было обойтись и служителям культа и чиновникам от науки. Так, директор Академии С. Г. Домашнев считал, что история является «наиполезнейшим из знаний человеческих» в том случае, если она «собрана философией».⁹¹ Но, признавая важность философских знаний в общественной жизни, правящие круги царской России поддерживали реакционные философские концепции, которыми можно было подкрепить религиозные представления, и боролись с просветительской философией.

Свою «философию истории», с позволения сказать, имели и лица духовного звания, пропагандируя с амвона и в печати извечность самодержавия и крепостничества. Более утонченно поступала реакционная часть профессуры Московского университета, призывавшая к смирению в науке и жизни, к примирению с религией. И. М. Шаден, доктор философии, профессор нравственной философии, естественного и народного права и политики, ректор обеих университетских гимназий, в 1767 г. в речи «О душе законов» заявлял: «Препираются философы, законоучители препираются, прения врачи творят... единственно математики в необуреваемом и тихом пристанище наслаждаются покоем... Ученость уподобляться должна солнцу. Как оно все озаряет, все творит плодотворным, оживляет...»⁹² В лекции известного масона И. Г. Шварца, прочитанной им в 1782 г. в узком кругу у себя дома, говорилось следующее: «Одна Библия истинный источник всех человеческих познаний, в себе заключает: в оной сокрыто великое таинство творения, действия праотцев наших, падение, проклятие, искупление, спасение и будущее со-

⁹¹ С. Г. Домашнев. Речь о обязанности, которую имеют ученые общества присоединять к физическим наблюдениям и нравственным, коих важность доказана новейшим периодам истории российской... [СПб., 1777], стр. 4.

⁹² Биографический словарь профессоров и преподавателей Московского университета, ч. II. М., 1855, стр. 571.

стояние человеческого существа».⁹³ Он же вещал: «К научению человека суть тройственные познания: исторические, технические или художественные и живые. Исторические познания суть нравственные, физические и метафизические. Нравственные суть познания деяний человеческих, характеров, возвышения и падения царства и пр. ... И так познания исторические обогащают наш разум. Технические или художественные научают искусством, как-то: стихотворству, красноречию, музыке, живописи, скульптуре и пластике»⁹⁴ и т. д.

Взгляды М. М. Щербатова на историю, ее общественно-политическое значение и задачи заслуживают самого пристального рассмотрения, так как, благодаря сравнительно малой историографической изученности трудов историка второй половины XVIII в., Щербатов оказался как бы затерявшимся между двумя вершинами дворянской историографии — Татищевым и Карамзиным, стоящими в начале и в конце развития дворянской исторической мысли XVIII — первой четверти XIX в. Многотомная история России Щербатова и некоторые другие произведения позволяют с достаточной полнотой остановиться на его представлениях о предмете истории и оценить те сдвиги, которые произошли в господствующей историографии. Хотя щербатовский труд отделен от Татищева временем примерно в четверть столетия, тем не менее новые веяния отразились на нем.

Соображения академика В. П. Волгина о взгляде Вольтера на историю как на политику, опрокинутую в прошлое,⁹⁵ в известном смысле можно распространить не только на всю буржуазную историографию, но и на историков дворянского направления. Общественно-политическая роль истории, ее социальный, классовый, сословный смысл так или иначе, в большей или меньшей степени понимался в разное время. Практическое значение истории стихийно или осознанно признавалось во все эпохи и всеми народами, начиная от глубокой древности. Формула античных авторов «история — учитель жизни» нашла самое широкое и разнообразное применение в русской историографии благодаря тому, что исторические знания XVII и XVIII вв. активно использовались в общественной деятельности, в воспитании и образовании, в военном деле и дипломатии, в законодательстве и искусстве и т. д. и т. п. Поэтому даже тогда, когда историки эпохи позднего феодализма говорили о необходимости беспристрастия (например, безымянный автор «Исторического учения», Татищев и многие другие), то они, как и буржуазные историки, твердившие об объективности исторической науки, неизменно в своих произведениях проводили определенные общественно-политические идеи.

⁹³ Там же, стр. 596.

⁹⁴ Там же, стр. 597—598.

⁹⁵ В. П. Волгин. Развитие общественной мысли во Франции в XVIII веке. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 43.

Впервые о задачах истории Щербатов высказался в «Предисловии издателя» к «Царственной книге» (1769). «Дабы возмочь в кратком протекающем веке снискать великое испытание, то лучший способ к сему есть стараться чрез познание бывших дел в прошедшие века, все разным переменам бывшим в свете научиться», — писал он. Поясняя практическую целесообразность изучения истории, Щербатов дополнил: «Подражая великим примерам и убегая от вредных поступков, мудрость знатных мужей скорым образом себе присвоить». После выхода в свет первого тома «Истории Российской» (1770), в предисловии к которому Щербатов писал о задачах истории, ее средствах и т. п., он в дальнейшем, например, в «Предисловии к читателю» «Царственного летописца» (1772), резонно заметил, что «о полезности истории» уже не следует говорить.

Щербатов, не оставив цельного рассуждения о задачах исторического труда, неоднократно возвращался к уточнению теоретических положений, порой от случая к случаю в тексте многотомной «Истории Российской», а также в других общественно-публицистических и ученых трудах. В представлении Щербатова «должность историка» заключается в соблюдении «строгих правил истории». Понятие «должность историка» являлось в то время, примерно тем же, чем для нас является формулирование целей и задач исторического труда, а также одновременно методом исторического исследования. Конечно, в исторической литературе того времени не могло быть законченного понятия «метод исторического исследования». Тем не менее историки XVIII в. не только формулировали свое понимание значения истории в общественно-политической жизни, но и определяли научные задачи исторического труда и вырабатывали метод исторического исследования.

Давно утвердилось мнение, что теоретической основой исторических взглядов Щербатова была философия истории Юма. Однако оно требует уточнения. Щербатов действительно всю жизнь высоко ценил Юма. Он называл его «именитым писателем», «славным политиком и философом». ⁹⁶ В «Предисловии» к «Истории Российской» (1770) и в «Примечаниях на ответ Болтина» (вышедших только в 1792 г.), т. е. в начале и в конце творческого пути, Щербатов опирался на Юма. Но следует сразу оговорить, что «Предисловие» не дает законченного представления о том, как Щербатов понимал задачи исследования, так как он только процитировал высказывания Юма по этому поводу, оставив их без всякого комментария. ⁹⁷ Возражая Болтину, который обвинял его в том, что он «пишет без предначертания, без правил», автор «Истории Российской» счел необходимым высказать мнение о теоретических основах своего труда

⁹⁶ М. М. Щербатов. Незданные сочинения. М., ОГИЗ, 1935, стр. 59.
⁹⁷ Ср.: Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 229.

по истории России. «...Предначертание о расположении труда своего учинил в своем „Предисловии“ и правила, которым намерен последовать, не из головы своей вытащил, но взял из именитого писателя господина Гума», — писал Щербатов, уверенный в том, что, как ему кажется, «других предначертаний тут и не надобно, ибо сама история, по время исчислениям и по приключениям, предполагает данные, которым должно последовать».⁹⁸ Как видно, Щербатов вторил Юму, считавшему, что история не достойна быть «предметом независимого философского исследования»,⁹⁹ т. е. недооценивал значения философии истории, но был твердо уверен, что руководящие для исследователя «предначертания» заложены в самой хронологической последовательности событий.

Таким образом, Щербатов шел не только за агностицизмом философии истории Юма, но и практически признавал возможность познаваемости истории. В этом вопросе он, как убедимся, мог опираться на выводы Гольбаха. Дело в том, что обзор переводческой деятельности Щербатова с конца 50-х и в 60—70-х годах, которая не могла не отразиться на формировании его мировоззрения и исторической подготовке, подтверждает данное наблюдение. Выбор произведений различных авторов, определяемый самим переводчиком, свидетельствовал о серьезности молодого Щербатова, о его умении найти лучшие образцы в потоке современной литературы. В 1750—1760 гг. Щербатов перевел первые три тома известной в то время «Универсальной истории»,¹⁰⁰ книгу Беккариа «О преступлениях и наказаниях», Александра Попа «Гласности и нравоучения» и «Опыт о человеке», Цицерона «О должностях», Вегеция Флавия «Установления военные» и других авторов.¹⁰¹ Щербатов также перевел первую часть первого тома хорошо известной работы Вольтера «Век Людовика XIV» (1758).¹⁰² Но самый большой интерес, несомненно, представляет перевод труда П. Гольбаха «Естественная политика или беседы о истинных основаниях правления» (1770-е годы).¹⁰³ Он в известной степени может свидетельствовать, что Щербатов испытал на себе не только влияние Юма, но и французского материалиста Гольбаха.

Щербатов, переводя «Естественную политику», не мог не обратить внимание на такое, например, методологически важное место работы, которое автор «Истории Российской» практи-

⁹⁸ Примечания на ответ Болтина, на письмо кн. Щербатова. М., 1792, стр. 585.

⁹⁹ Бертран Рассел. История западной философии. М., Изд. иностр. лит., 1959, стр. 679.

¹⁰⁰ ГПБ, Эрмитажное собрание, № 303, 1—4, автограф.

¹⁰¹ Там же, № 31, 97, 119, 134 и 117, 46. — Книга В. Флавия под названием «О военном деле» была издана в переводе С. Глебова (СПб., 1764).

¹⁰² Там же, № 292.

¹⁰³ Там же, № 229, автограф; см. также копию XIX в. ГИМ, ОПИ, ф. 268, № 1.

чески преломлял в своих научных и публицистических произведениях. Речь идет о высказывании Гольбаха на первой странице перевода Щербатова, которое выглядит так: «Политика или искусство управлять людьми не может быть темная, на догадках основанная и сумнительная наука... Истинные основания правления суть ясны, ощутительны и доказаны...» Однако не будем преувеличивать значение влияния Гольбаха на Щербатова. Можно привести десятки и сотни примеров, когда люди начинали свою деятельность с самых передовых взглядов, но затем с яростью ренегатов обрушивались на них. Хорошо известный в истории масонства И. В. Лопухин, в юности зачитывавшийся Вольтером и Руссо, также с восхищением принимал «Систему природы» Гольбаха, которую даже переводил на русский язык и «рассеивал ее в рукописях», но потом, по его же словам, «вдруг почувствовал неописанное раскаяние».¹⁰⁴

Выясняя место истории среди других знаний о природе и обществе, Щербатов ограничился самым схематическим определением. История для него это — одна «из знатнейших частей познаний человеческих». Особо важно, по его мнению, изучать историю своей страны. Щербатов не задумывался над объяснением такого соображения, а только отметил, что это относится к странам, «подверженным под скипетр» Екатерины II.¹⁰⁵

Аристократизм Щербатова суживал представление о том круге лиц, для которых история являлась практическим руководством. Не стоит сравнивать его высказывание с точкой зрения историков-просветителей второй половины XVIII в., но нельзя не сказать, что даже в отношении «Исторического учения» неизвестного автора конца XVII в. и «Истории Российской» В. Н. Татищева он не продвинулся дальше, а скорее, значительно обеднил область распространения исторических взглядов в России. Щербатов писал: «Познание истории есть необходимо нужно каждому благородному человеку, ибо чрез знание древних деяний не токмо научается человек, как ему в разных обстоятельствах направлять свой поступок, как в политических и военных делах поступать, но, просвещая свой разум, научается из примеров древних добродетели, и к омерзению пороков сердце его обращается».¹⁰⁶

Из тех двух высказываний Юма о методе исторического исследования, процитированных Щербатовым в «Предисловии» к «Истории Российской»,¹⁰⁷ с которыми русский историк был безусловно согласен, можно вывести следующее заключение.

---

¹⁰⁴ И. В. Лопухин. Историко-литературное исследование Александра Дубницкого. Казань, 1889, стр. 9.

¹⁰⁵ М. М. Щербатов. История Российская от древнейших времен, т. I. СПб., 1901, стб. 3—4.

¹⁰⁶ М. М. Щербатов. О способах преподавания разных наук. Соч., т. II. СПб., 1898, стб. 501.

¹⁰⁷ См.: М. М. Щербатов. История Российская..., т. I, стб. 26—27.

История человеческого рода, по Юму, это — великая цепь приключений или деяний. Историк, изучающий какую-либо эпоху или страну, должен взять за основу определенное историческое событие как первопричину последующих «приключений», и, отталкиваясь от него, «коснуться до каждого звена» цепи, имя которой история. Изучение причин и следствий является главным в работе историка. Историк в исследовании, по Юму и Щербатову, должен придерживаться двух правил философии истории. Во-первых, он обязан выявить факты, или, по терминологии того времени, «приключения», во-вторых, выяснить «сопряженности приключений», т. е. взаимосвязь, «которая происходит от *причин и действий*», точнее, установить причинно-следственную связь в истории. Историк должен доискаться до исходных причин, обусловивших последовательность всей суммы явлений. «С сей помощью, — т. е. с установлением первичной причинности, как продолжал цитировать Юма Щербатов, — нам историк изображает последствия деяний в их естественном порядке, восходит до тайных пружин и до притчин сокровенных и выводит наиотдаленнейшие следствия».

«Наукой причин» можно назвать философию истории Юма, которому последовал во многом Щербатов. Для того чтобы понять ее сугубо идеалистический смысл, следует привести высказывания самого Юма в отношении истории и особенно причинности в ней. Надо сказать, что английский философ и историк не отрицал целиком возможности познания исторической истины. Юм утверждал: «Что бы стало с *историей*, если бы мы не могли полагаться на правдивость историка, руководясь при этом опытом, приобретенным нами относительно людей? Каким образом *политика* могла бы быть наукой, если бы законы и формы правления не оказывали однообразного влияния на общество?»¹⁰⁸ Но Юм сводил возможность исследования в истории к механической причинности. «Причина нашего доверия к свидетелям и историкам не основана на какой-либо *связи*, которую мы а priori замечаем между свидетельствами и фактами, — писал Юм, — а на том, что мы привыкли находить соответствие между первыми и вторыми».¹⁰⁹ Юм резюмировал субъективистскую философию истории следующим образом: «Итак, — писал он, — по-видимому, едва ли возможно приступать к наукам или какой-нибудь деятельности, не признав учения о необходимости и возможности заключать о волевых актах на основании мотивов, о поступках на основании характеров».¹¹⁰

Для Щербатова, автора «Истории Российской», главное — «уточнить надлежащую связь в истории и проникнуть в причины

¹⁰⁸ Давид Юм. Исследование человеческого разума. СПб., 1902, стр. 100—101.

¹⁰⁹ Там же, стр. 128.

¹¹⁰ Там же, стр. 101.

деяний»,¹¹¹ особенно «тайных». Замечание Щербатова, что историк не всегда сможет «довольно... проникнуть во все тайные причины прошедших времен»,¹¹² не всегда практически шло от агностицизма Юма, а происходило от многочисленных трудностей исторического исследования и политической осторожности, например, в отношении некоторых подробностей жизни и деятельности царей.¹¹³ Хотя Щербатов писал, что «догадки же все не суть доказательства»,¹¹⁴ но постоянное обращение к рабочим гипотезам, или, по его выражению, к «догадкам», которыми он пользовался весьма широко, свидетельствует об известной независимости щербатовской истории философии от юмовского агностицизма. «История — верная вещательница бывших приключений», — таков вывод Щербатова,¹¹⁵ которому, однако, он часто противоречил.

Щербатов был достаточно самостоятельным и смелым историком, чтобы откровенно заявить о необходимости в равной степени описывать положительные и отрицательные факты отечественной истории. Он с негодованием вспоминал о том времени правления Ивана Грозного, когда, по его словам, умолкли «российские писатели, угасли разумы и страшился человек, чтобы мысли и сновидения его наказаны не были».¹¹⁶ Решительность Щербатова в общественно-политических выступлениях признана всеми. Например, такое мало известное произведение его, как «Оправдание моих мыслей и часто с излишнею смелостью изглаголаных слов» (1789),¹¹⁷ повторяющее почти в каждом абзаце прокурорское: — «Я охуляю!», — можно в какой-то степени сопоставить с серией произведений мировой литературы, озаглавленной «Я обвиняю!». В «Истории Российской» Щербатов писал: «Должность историка понуждает часто равно злые, яко и добрые дела описывать и не упускать без показания сих первых, ежели они некоторую верность имеют».¹¹⁸ В «Рассмотрении о пороках и самовластии Петра Великого» Щербатов еще более решительно заявлял: «История единая, направляемая самую истину, имеет право с равной смелостью похвалять знатные деяния и добродетели царей земных и охулять их пороки, дабы предать в память потомству, чему подражать и от чего уда-

¹¹¹ М. М. Щербатов. История Российская. . . т. III. СПб., 1902, стб. 373.

¹¹² Там же, т. IV, чч. 2 и 3. СПб., 1903, стб. 475.

¹¹³ М. М. Щербатов писал: «Несть прилично истории писателю собирать все слухи охулителные, которые о государях разглашают» (там же, т. V, ч. 1. СПб., 1903, стб. 4; см. также: стб. 140; чч. 2 и 3, стб. 820).

¹¹⁴ Там же, чч. 2 и 3, стб. 475.

¹¹⁵ М. М. Щербатов. Соч., т. II, стб. 127.

¹¹⁶ М. М. Щербатов. История Российская, т. V, чч. 2 и 3, стб. 356—357.

¹¹⁷ М. М. Щербатов. Соч., т. II, стб. 247—268. — Его использовал М. Н. Покровский в «Русской истории с древнейших времен» (т. III, ОГИЗ, 1933, стр. 136 и др.).

¹¹⁸ М. М. Щербатов. История Российская. . . т. IV, чч. 2 и 3, стб. 475; см. также: т. V, чч. 2 и 3, стб. 118, 162.

ляться; учинить достойное и славное бессмертие благим и наказание злым царям».¹¹⁹

Щербатов считал необходимым, чтобы историк непременно останавливался на осуждении пороков, так как, по его глубокому убеждению, сама история является более памятником «бывших злоключений на род человеческий, нежели его благодеяний».¹²⁰ Поэтому он был далек от идеализации деятельности многих правителей прошлого. Щербатов писал, что хотя «должность всякого государя есть наиболее всего пользу и спокойствие своих народов наблюдать, но к несчастью рода человеческого история света нам часто показывает, что благо государства был токмо вид, прямая же причина деяний — или славолюбие, или собственное какое пристрастие государей».¹²¹

Таким образом, историк обязан справедливо хвалить и критиковать государей, должен «равно злые, яко добрые дела описывать». Поэтому неудивительно, что Щербатов «одинаково резко осуждает крайности монаршеского самовластия, буйную и „развратную“ волность новгородцев».¹²²

История, по Щербатову, не только должна описывать «приключения» князей, царей, полководцев, дипломатов и других видных лиц в системе государственного управления. Рассматривая историю в духе господствующей феодальной историографии, как деятельность этих «достохвальных» персонажей, Щербатов, однако, не отказывался упоминать в «Истории Российской» о случаях самоотверженности простых русских людей или даже храбрости неприятелей.¹²³

Историк, по Щербатову, должен не только описывать «приключения», но «также самые нравы и обычаи и умоначертания прошедших веков».¹²⁴ Характерно, насколько сравнительно широко понимал Щербатов «строгие правила истории» в этом отношении. Он считал, что историк обязан обращать внимание даже на «неважные являющиеся вещи», т. е. на второстепенные факты, если они, по его словам, «могут показать умоначертание народное, или правителей государства, или поступки, изъявляющие степень просвещения народного».¹²⁵ Такая новая формулировка задач исторического изучения была, разумеется, прогрессивной. Нельзя сказать, что Щербатов первым в нашей литера-

119 М. М. Щербатов. Соч., т. II, стб. 27.

120 Там же, т. I. СПб., 1896, стб. 687; см. также: История Российская... т. IV, чч. 2 и 3, стб. 603 и 98.

121 М. М. Щербатов. История Российская..., т. IV, чч. 2 и 3, стб. 603—604.

122 Б. И. Сыромятников. Традиционная теория русского исторического развития (исторический очерк). Гос. публ. б-ка им. Салтыкова-Щедрина (ГПБ). Собрание отдельных поступлений, Сыромятников Б. И., стр. 115.

123 М. М. Щербатов. История Российская..., т. VII, чч. 2, 3 и 4. СПб., 1904, стб. 440; см. также: т. V, ч. 1, стб. 470.

124 Там же, т. V, ч. 1, стб. 87—88.

125 Там же, т. VII, ч. 1. СПб., 1904, стб. 120.

туре обратил внимание на изучение быта и нравов. Деятельность и произведения Татищева, Ломоносова, Миллера, Крашенинникова и многих других свидетельствовала о повороте историографии к изучению быта народа еще до Щербатова. Тем не менее следует согласиться с В. О. Ключевским, который вслед за С. М. Соловьевым в отношении щербатовского очерка внутреннего положения России — «Рассмотрения о состоянии России, ее законов и правлений» — писал, что «это была первая в нашей историографии попытка изобразить внутреннюю жизнь общества».¹²⁶ Однако Щербатова интересовал обзор не столько «внутреннего» состояния России, сколько «внешнего». В этом смысле он был верен феодальной традиции.

Составной частью труда по всеобщей истории России, по мнению Щербатова, должна была являться также история военного искусства. О необходимости изучения истории военного искусства Щербатов пространно писал в сочинении «О способах преподавания разных наук». Говоря «о науке истории», он настоятельно рекомендовал преподносить дворянским сынкам «примечания на военное искусство», которые должны были состоять из примеров военной деятельности «военноначальников и победителей», начиная с античности до современности.¹²⁷ В «Истории Российской» Щербатов объявлял «должностью историка» следить за военным искусством русских и их многих противников. Он считал возможным прервать последовательность повествования для того, чтобы «учинить некоторые размышления о тогдашнем военном искусстве, а паче в рассуждении браня градов»,¹²⁸ или, например, «к краткому повествованию наших памятников присовокупить некоторые размышления» о набегах крымцев,¹²⁹ оборонительной войне и т. д.¹³⁰

Щербатов в духе идеалистической историографии преувеличивал полководческие возможности военачальников. Так, он писал, что «часто от единого человека зависит не токмо успех единой битвы, но и успех целой войны».¹³¹ Переоценка роли отдельной личности (коронованной или сановной) была характерна для всех построений Щербатова.

Идеалистическое преувеличение роли личности в истории неминуемо вело к другому методологическому пороку Щербатова — преувеличению значения случая в истории. Об этом, например, свидетельствует анекдот о тех обстоятельствах, при которых был составлен манифест «О вольности дворянской».¹³²

В вопросах религии Щербатов придерживался деизма. «Бо-

¹²⁶ В. О. Ключевский. Соч., т. VIII. М., 1959, стр. 424.

¹²⁷ М. М. Щербатов. Соч., т. II, стб. 550, 554, 614 и др.

¹²⁸ М. М. Щербатов. История Российская..., т. V, ч. 1, стб. 273; т. IV, чч. 2 и 3, стб. 89 и 599.

¹²⁹ Там же, т. VII, ч. 1, стб. 140; т. III, стб. 373.

¹³⁰ Там же, т. VI. СПб., 1904, стб. 266.

¹³¹ Там же, т. IV, чч. 3 и 4, стб. 385.

¹³² М. М. Щербатов. Соч., т. II, стб. 224.

жественному промыслу» в истории он отводил самую малую роль. «Вседержатель по изволению своему судьбу царств устрояет», — писал Щербатов и, конкретизируя сказанное, сводил на нет первоначальное утверждение следующим образом: «но больше видим, что употребляет для сего естественные причины, которые и потребно изыскивать...»¹³³ Отстранив религию от объяснения истории, Щербатов признавал необходимость изучения священной и церковной истории только лицами духовного звания.¹³⁴ Что касалось его самого как исследователя, то он, «отдаляясь» от церковной истории, обращался к ней постольку, поскольку «власть митрополитов российских весьма простиралась и на гражданские дела».¹³⁵

Но уступки мистической судьбе Щербатов, разумеется, делал. Объясняя, например, желание Ивана III разделить государство между своим сыном и внуком — Василием Ивановичем и Дмитрием Ивановичем, — Щербатов писал: «...здесь якобы судьба хотела играть разумами тех», которые могли бы «в совершенную погибель Россию ввергнуть».¹³⁶

Щербатов считал главнейшим долгом историка отыскивать и объяснять «естественные причины» («нести вести без причины»; «совсем не вероятно, чтоб действие не имело никакой причины»)¹³⁷ Чтобы не было никаких кривотолков в понимании причин естественных и сверхъестественных, он обращался к такому примеру. Не имея возможности найти правдоподобное объяснение возникновения пожара при взятии Нарвы в начале Ливонской войны, Щербатов вынужден был отделаться такой тирадой: «Летописцы наши приписуют, что он произошел от варения пива единым нарвским жителем и чудес образа Николая Чудотворца, но я, не изыскивая, от чего сей пожар учинился, ни сверхъестественной причины, продолжаю повествование мое».¹³⁸

Несмотря на то, что на философии истории Щербатова отразился агностицизм Юма, проникновение в историческую истину для первого облегчалось тем, что он сам реалистически смотрел на историю, допуская возможность ее познаваемости и в философском и, тем более, в практическом смысле. Уверенность в достаточно правильном суждении об исторических фактах или событиях у Щербатова проистекала из двух предпосылок: во-первых, из признания общности понимания у людей одинаковых обстоятельств, и, во-вторых, из признания первостепенной важности самих дел исторических персонажей, значущих для историка несравнимо больше, чем субъективные свидетельства современников. Щербатов рассуждал, понимая сложность истори-

¹³³ М. М. Щербатов. История Российская..., т. IV, чч. 2 и 3, стб. 218.

¹³⁴ М. М. Щербатов. Соч., т. I, стб. 730.

¹³⁵ М. М. Щербатов. История Российская..., т. IV, ч. 1, стб. 123.

¹³⁶ Там же, чч. 2 и 3, стб. 360.

¹³⁷ Там же, т. VI, стб. 304; т. IV, ч. 1, стб. 595.

¹³⁸ Там же, т. V, чч. 2, 3 и 4, стб. 46.

ческого анализа, так: «Трудно проникать потаенные причины давно прошедших дел: но, как люди всегда во одинаковых обстоятельствах почти одинаково понимают (обратите внимание: одинаково понимают, но не поступают! — С. П.), то мню возмочь мои догадки о сем представить».¹³⁹ Кроме того, Щербатов справедливо считал, что в истории следует отдать предпочтение не мало авторитетным показаниям тех современников, которые не могли «довольно проникнуть... обычай и разум» правителя, а тем именно делам государя, которые характеризуют его. Говоря, например, об Иване III и о показаниях о нем Контарини, Щербатов писал: «...оставя засвидетельствования чужестранных писателей (но Щербатов, бесспорно, имел в виду не только одних иностранцев. — С. П.)... потщимся из самых дел его, иже есть лучшие показатели расположения мыслей и сердца человеческого, описание его обычая предложить».¹⁴⁰ Таким образом, определенно зафиксированные в конкретных делах результаты деятельности правителей, а не малонадежные соображения современников должны приниматься за основу историком. Отсюда становится понятной видная роль тех «рассуждений» Щербатова, которые разбросаны во многих местах «Истории Российской», и тех предложений, выдвигаемых им для «объяснения тайных причин деяний», в особенности тогда, когда источники или молчат о причинах того или иного события, или немногословны.¹⁴¹ Щербатов был осторожен и рассудителен, заявляя, что его предположения не всегда могли быть бесспорными. Он стремился предупредить читателя о необходимости самостоятельного отношения к его рабочим гипотезам. Задумываясь над объяснением того факта, сколь трудно историку проникнуть в «тайные мысли бояр», поддерживающих на первых порах Годунова, Щербатов писал: «По прошествии толь многого числа лет трудно или, лутче сказать, и не возможно проникнуть в тайные мысли бояр. Но как должность историка заставляет и в самом глубоком мраке ясность и причины деяний изыскивать, то не яко подлинности, но яко токмо мнения мои осмелюсь предложить».¹⁴²

«Наука причинности», являющаяся методологией Щербатова, делает его фундаментальный труд по истории России первым опытом прагматического изложения истории, принципиально отличающимся от всех произведений летописного периода русской историографии. Сам автор «Истории Российской» хорошо понимал, что такое историческое исследование и что такое летопись. Он не раз повторял: «Не летописец пишу, но историю»¹⁴³ — и поэтому часто группировал летописные данные, не

¹³⁹ Там же, ч. 1, стб. 9.

¹⁴⁰ Там же, т. IV, чч. 3 и 4, стб. 429.

¹⁴¹ Там же, т. VI, стб. 283.

¹⁴² Там же, стб. 286.

¹⁴³ Там же, стб. 217.

считаясь с хронологической канвой средневекового памятника, лишь объясняя, почему он переменял «находящийся порядок деяний в летописцах».¹⁴⁴ Например, в одном случае на том основании, что «неудовольствия народные должны иметь какую причину»,¹⁴⁵ Щербатов «для лучшего порядка», как он писал, старался придерживаться правила, «чтобы не все вдруг дела на подобие поденной записки вмещать», а разделять их на «внутренние, а потом на разные бывшие тогда у России дела с чужестранными дворами»,¹⁴⁶ т. е. на внутренние и внешние.

В итоге рассмотрения теоретических представлений Щербатова об истории мы делаем вывод о большей их независимости от агностицизма философии Юма, чем это обычно считалось в литературе, и отмечаем стремление автора «Истории Российской» раскрыть причины сложных событий, корни которых находятся в социальных условиях, например, о закреплении крестьянства и крестьянских войнах в России.

Щербатов, как и его предшественники по дворянской историографии, все же был далек от понимания значения философии для истории и эмпирически придерживался устаревшего для его времени психологического прагматизма.

Серьезный шаг вперед в понимании философии истории был сделан А. Л. Шлецером. В литературе давно утвердилось мнение о том, что для немецкой историографии Шлецер был тем, чем Вольтер для французской, Болингброк для английской.¹⁴⁷ Ценные соображения о философском понимании истории Шлецером выдвинули в последнее время историки ГДР — Э. Винтер, Г. Шильферт и др.¹⁴⁸ По мнению последнего, заслуга немецкого историка XVIII в. заключается в том, что Шлецер отстаивал и разрабатывал теорию прогресса в истории. Хотя он и не употреблял этого термина, но его понимание всемирной истории целиком было построено на признании прогрессивного развития в истории. Характерной особенностью шлецеровского объяснения прогресса явилось то, что он не признавал «кругов исторического движения», т. е. развития по кругу, считая, что после возникновения, расцвета и упадка вновь должен наступить больший подъем. Идею прогресса Шлецер развивал в связи с разработкой системы всемирной истории! (его выражение), которая

¹⁴⁴ Там же, т. VII, чч. 2, 3 и 4, стб. 295.

¹⁴⁵ Там же, стб. 334.

¹⁴⁶ Там же, т. VI, стб. 143; см. также: т. V, чч. 2, 3 и 4, стб. 210.

¹⁴⁷ См.: П. Н. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. СПб., 1898, стр. 82.

¹⁴⁸ Э. Винтер. Ломоносов и Шлецер. В кн.: М. В. Ломоносов. Сб. статей и материалов, т. 5. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 265—271; E. Winter. Schlözer und Lomonosov. In: Lomonosov — Schlözer — Pallas. Berlin. Akademie Verlag, 1962, SS. 107—114; G. Schilfert. Schlözer als Historiker des Fortschritts. Ebd., SS. 115—131; P. Hoffmann. Lomonosov Bedeutung für die Erforschung der alten russischen Geschichte. Ebd., SS. 52—62; C. Grau. Zur Stellung Tatiscevs, Lomonosovs und Schlözers in der russischen Geschichtsschreibung. Ebd., SS. 150—161.

должна являться не суммой отдельных историй, а единой целостной картиной мира и человечества.

Шлецер сопоставлял свою «систему истории» с «системой природы» великих натуралистов XVIII столетия. Его ссылки на Бюффона и Линнея свидетельствовали не только об уважении к этим корифеям науки, но и о законном стремлении использовать и привлечь новейшие достижения естественноисторических знаний для разработки проблем русской истории.¹⁴⁹

Г. Шильферт полагает, что Шлецер ближе к Тюрго, чем к Вольтеру,¹⁵⁰ хотя Шлецер кое-что воспринял и от ранних просветителей, например идею неизменности человеческой природы, идею создания мира богом по определенному плану. Однако у Шлецера нет прямого признания вмешательства бога в историю. Бог действует лишь через посредство человеческого разума.¹⁵¹

Другой характерной чертой историографической концепции Шлецера является историзм. Еще раньше Лессинга он отмечал связь настоящего с прошлым. Историзм Шлецера идет дальше, чем у его предшественников — Вольтера и др. Значительный шаг вперед Шлецер сделал в разработке проблемы казуальной связи в истории, различая случайную связь явлений (давно известную историкам) и связь, обусловленную необходимостью.

Таким образом, идея прогресса в концепции Шлецера, хотя и понималась идеалистически, тем не менее была большим шагом вперед по пути превращения исторических знаний в науку.

Г. Шильферт отмечает влияние исторических принципов Шлецера на Канта, который их развил и углубил, а также большую близость Шиллера к шлецеровской идее прогресса.

Говоря о влиянии на Шлецера, нельзя пройти мимо Давида Юма, исторические труды которого немецкий историк очень ценил. Шлецер в 1768 г. писал: «Юм — один из лучших историков всех времен и стран».¹⁵²

Как справедливо утверждает Э. Винтер, исторические труды Шлецера выгодно отличались от общего уровня немецкой науки третьей четверти XVIII в., так как последний считал, что основным содержанием трудов по истории должно стать не собирание имен и дат и не повествование о государях и войнах, а показ прогресса человечества: сведений о культуре, об открытиях, о законодательстве и т. д. К тому же надо учесть, как пишет Э. Винтер, что Шлецер не замыкался в тесные рамки европоцентризма, что он одним из первых при классификации народов в древности принял в качестве основного критерия языковой.

¹⁴⁹ Lomonosov — Schlözer — Pallas, S. 117.

¹⁵⁰ О зависимости Шлецера от Вольтера писали С. Н. Валк, О. Л. Вайнштейн и др.

¹⁵¹ Lomonosov—Schlözer—Pallas, S. 132.

¹⁵² August Ludwig v. Schlözer und Russland. Berlin, Akademie Verlag, 1961, S. 202.

Однако Шлецер в 60-х годах был еще далек от тех идей философии истории, которые были им высказаны в период создания «Нестора». В 1768 г. после шести лет работы в России Шлецер в «Опыте изучения русской летописи» так формулировал основные положения своего понимания условий критического изучения русской истории. Для того чтобы приобрести «достоверное знание русской истории», необходимо придерживаться определенных соображений. Первое и главное требование, предъявляемое им к историческому труду, заключалось в точности доказательств каждого положения, вводимого ученым в науку. Следуя принципу Г. З. Баейра — «первый закон истории — не говорить ничего ложного», конкретизируя это теоретическое положение применительно к русской истории, Шлецер писал: «Лучше 600 лет подлинной истории, чем 3000 лет сказок и басен».¹⁵³

В популярном «карманном» издании «Истории России» (1769), вышедшем на немецком языке (первая часть, до основания Москвы), Шлецер также остановился на общих вопросах древнерусской истории. Однако он признался, что не способен написать связную русскую историю, тем более для ученых историков-критиков. В предисловии к книге Шлецер еще раз отметил достоинство русских летописей, которые, по его мнению, «не заключают в себе только сухое перечисление имен и чисел, но содержат события, над которыми можно думать».¹⁵⁴

Обращаясь к произведениям Шлецера 60-х годов, следует отметить, что в то время он делал определенные уступки провиденциализму. В резюме русского исторического процесса, сделанном им в «Истории России», в котором во многом повторялись выводы «Опыта изучения русской летописи», немецкий историк, объясняя причины раннего развития Киева, сводил обстоятельства, содействующие этому, к счастливому случаю, т. е. фактически к божественному провидению.¹⁵⁵ Даже в «Несторе», завершнном к началу XIX в., Шлецер не хотел признавать общей с Европой закономерности развития русской исторической мысли. Он обращал внимание на «странный порядок» развития ее. «По всюду шла она вперед... — писал он, — а здесь не один раз возвращалась она вспять».¹⁵⁶

Б. И. Сыромятников, анализируя истоки исторических представлений Шлецера о русской истории, выводит их из двух главных начал: от норманизма Байера и традиционной схемы русского исторического процесса, заимствованной у Тати-

¹⁵³ A. L. Schlözer. Probe russischer Annalen. Göttingen—Bremen, 1768, S. 51. См.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., ОГИЗ, 1941, стр. 155.

¹⁵⁴ См.: С. М. Соловьев. Собр. соч. Изд. «Общественная польза», стб. 1571.

¹⁵⁵ См. там же: стб. 1573; Б. И. Сыромятников, ук. соч., стр. 86—88.

¹⁵⁶ А. Л. Шлецер. Нестор, т. I, стр. РКИ и 391.

щева.¹⁵⁷ Неудивительно, что еще С. М. Соловьев с полным основанием заметил, что Шлецер в «Истории России» смог высказать только «внешний взгляд» на историю русского государства, при котором опускалось изучение внутреннего развития общества и исчезал историзм при характеристике государственных деятелей.¹⁵⁸ Сыромятников, вслед за Соловьевым, писал: «История Шлецера скорее напоминает краткий каталог государей с упоминанием о их добродетелях и подвигах. Это действительно „очищенный Нестор“, где мы не найдем упоминаний ни о вечевом строе, ни об общественных классах, не найдем ни одной бытовой черты, словом, никаких намеков на внутреннюю историю».¹⁵⁹ И далее: «Все его внимание было приковано к политической истории России, к роковому вопросу о начале Русского государства. Его очерк русской истории оказался гораздо беднее летописи, а „очищенный Нестор“ превращался под его пером в своего рода критически переработанную „Степенную книгу“».¹⁶⁰ Главную задачу истории Шлецер, как и все его коллеги, видел в назидательном, морально-политическом поучении. «Да не нарушит история священные свои обязанности, учить и предостерегать людей», — писал он.¹⁶¹

Итак, можно прийти к заключению, что, работая в 60-х годах в Петербургской Академии наук, Шлецер много сделал для распространения критических методов изучения и издания источников. Что же касается его философии истории и его собственных опытов разработки русской истории, то они не всегда являлись даже в ту пору заслуживающими подражания.

Несомненный интерес представляют соображения Ф. А. Эмина о задачах исторического труда, высказанные им в произведении далеко не научном. Они свидетельствуют о проникновении новых историографических представлений даже в те книги по истории России, которые имели официальный характер. Такое сочетание передовых взглядов на задачу исторического труда с повествовательно-летописным изложением истории древней России не должно удивлять. Противоречивость социально-экономического развития страны, обуславливавшая такие историографические парадоксы, отражалась на творчестве Эмина.

Определение содержания истории Эмин дает в предисловиях к первому, второму и третьему томам «Российской истории».¹⁶² Историческим образцом и руководителем для себя он избрал Шлецера, «историков-законописателей» или «историков-фило-

---

¹⁵⁷ Б. И. Сыромятников, ук. соч., стр. 88.

¹⁵⁸ Б. И. Сыромятников, ук. соч., стр. 88; С. М. Соловьев, ук. соч., стб. 1573.

¹⁵⁹ Б. И. Сыромятников, ук. соч., стр. 90.

¹⁶⁰ Там же, стр. 91.

¹⁶¹ А. Л. Шлецер. Нестор, ч. II. СПб., 1816, стр. 244 и сл.

¹⁶² Ф. Эмин. Российская история, тт. I—III. СПб., 1767—1769.

софов», а также произведения видного европейского историка первой половины XVIII в. Роллена.¹⁶³ Эмин имел в виду «Правила» Шлецера, изложенные им в записке в Академию наук,¹⁶⁴ и рекомендации тех историков-теоретиков, или философов от истории, которые, хотя, как правило, и не писали исторических произведений или писали плохо, но заслуживали уважения своим общим подходом к истории.¹⁶⁵ Отдавая дань античным авторитетам, автор «Российской истории» также ссылался на них в качестве образца для подражания. Он намеревался следовать не за Титом Ливием, как, например, Ломоносов, а за Саллюстием, краткость и содержательность которого привлекали его. «Салюстий, — писал он, — кормит своих читателей пищею, а Тит Ливий конфетами».¹⁶⁶

Эмин предъявлял к историку три требования. Историк должен быть политиком, философом и ученым. Развернутое определение этих требований, которым должны удовлетворять историк и исторические труды, заслуживает внимания прежде всего широтой постановки вопроса. «Историку неотменно потребно вникать в политические дела; однакож должно ему быть и философу, и описывать истину ясно и доказательно», — писал он в предисловии к первому тому.¹⁶⁷ Историк России, по мнению Эмина, должен обладать универсальными сведениями и качествами. Ему необходимы «знание общей истории, твердость мысли, прозорливое внимание, великое трудолюбие и подробное знание политического равновесия в Европе и в иных частях света». Без этих качеств, писал далее Эмин, «ни истории писать, ни об оной справедливо рассуждать не можно».¹⁶⁸

Но добиваясь сравнительно широкого освещения событий в истории, а также требуя моральной или политической оценки исторических фактов, Эмин не считал, что историк обязан копаться в подробностях, не имеющих большого значения. «Не говорю я, — писал он, — что историку должно быть Диогеном, в чужих делах малейшую крапинку зрящим». Задача «исторического философа» совершенно иная. «Ему надобно, — писал Эмин, — иметь дело с обществом, и уведомить оное своим описанием о том, что к пользе целого общества касается».¹⁶⁹ Автор «Российской истории» справедливо считал, вслед за Вольтером, что надо описывать добродетели или пороки, имеющие значение для целого общества, а не отдельные слабости человеческие,

¹⁶³ Там же, т. I, стр. XXXIV; т. II, стр. II.

¹⁶⁴ Речь идет о «плане занятий» Шлецера, представленном им в Академию наук в 1764 г.

¹⁶⁵ Ф. Эмин, ук. соч., т. I, стр. XXXIV. — Эмин, в частности, имел в виду произведение «славнейшего исторического законодателя» Маскарди «Dell'arte historica», вышедшее на итальянском языке в Венеции в 1655 г.

¹⁶⁶ Ф. Эмин, ук. соч., т. I, стр. XXXI; см. также, т. II, стр. II.

¹⁶⁷ Там же, стр. XXXVII, XXXVIII.

¹⁶⁸ Там же, т. III, стр. V—VI.

¹⁶⁹ Там же, т. I, стр. XXVIII.

осуждение которых является уделом сатиры, но не истории.¹⁷⁰

Было бы ошибочно думать, что Эмин в своих принципах или правилах для написания исторического произведения ограничился признанием одних политико-моральных рассуждений или оценок. Он, бесспорно, понимал необходимость научного подхода при изучении сложных событий и фактов отечественной истории. Его мысли о трудности разыскания истоков современных явлений, уходящих корнями в далекое прошлое, не лишены интереса. В истории народов, по мнению Эмина, нередко встречаются «безнамеренные обыкновения», т. е. такие обстоятельства, которых «начальные причины пришли в забвение». Эти «первоначальные обыкновения» мало понятны не только потому, что они были забыты, но в результате такого хода событий, при котором «онные обыкновения чрез продолжение времени так преобразились, что никакого сходства с своими началами не имеют, и ныне текут необыкновенными протоками». Далее Эмин приводит такое философическое резюме: «И так каждое обыкновение имеет свою собственную историю, или по малой мере свою баснь». Отсюда трудность отыскания в истории первоначальных причин. Этот «скрытый узел» причинности способен развязать только историк-философ. Но, как думал Эмин, нападая не только на мистиков, но и на историзм естествоиспытателей, этой «истинной связи никогда не узрят очи тех, кои преданиям их отцов слепо веря, к истинному рассуждению и мысли свои обратить страшатся, и те физики, кои видя истинное существо вещей, доискиваются истории оных».¹⁷¹

Нет необходимости говорить о резко отрицательном отношении Эмина к средневековым басням и суевериям. «Особливо, — писал он, — я боялся наполнить историю мою старинными чудесами и многими баснями, дабы вместо исторических описаний не набаять тьму сказок».¹⁷² Это критическое требование, соответствующее духу всей просветительской историографии, Эмин распространял на вопросы этногенеза различных народов. Ему уже было просто писать о своем отношении к представлению о происхождении народов от мифических личностей и богов. В «Российской истории» он писал: «Не старался я праотцев наших производить от аргонавтов, так как богемцы; ниже наших героев кормить волчьим молоком, которым римские историки прежних своих государей воспитали. Не выводил я древних наших предков от богов. . .»¹⁷³

Эмин не пренебрегал важными историческими подробностями. По его мнению, «полезно писать с околичностями, читателям всю истину открывающими и приготавливающими их к ясному понятию того, что было многими непросвещенными пе-

¹⁷⁰ Там же, стр. XXVIII—XXIX.

¹⁷¹ Там же, т. III, стр. V.

¹⁷² Там же, т. I, стр. XVIII—XIX.

¹⁷³ Там же, стр. XIX.

рами закрыто, а суеверными умножено и затмено». ¹⁷⁴ Эмин в «Российской истории» пытался отказаться от высокопарного стиля, правильно заявляя, что историю надо писать, не так, как думают некоторые — «громко», а «простым слогом». ¹⁷⁵

Противоречивость творчества Эмина, незрелость его как историка привели к удивительному парадоксу. Выступая против суеверий, баснословий и мистики, твердя о необходимости философии в истории, он, будучи литератором, некритически переносил приемы литературной работы на исторический труд. Как и многие, он драматизировал историю. Но, если до Эмина историки смело сочиняли речи исторических деятелей далекого прошлого, хотя о своем произволе стыдливо молчали, то Эмин впервые в русской историографии объявил во всеуслышание, что историк имеет право выдумывать речи. Справедливость такого, явно антинаучного метода, Эмин обосновывал доводом об одинаковых исторических обстоятельствах, при которых наверняка герои в истории поступали бы именно так, как это диктовалось самой жизнью. В «Российской истории» он писал: «... должен я всех уведомить, что многие речи, которые в сей истории разные говорят лица, выдуманы; например, речь, которую говорит Гостомысл к мятущемуся народу, уговаривая оный, дабы призвать Рюрика на владение, ни в одном нашем летописце не обращается. Но есть ли Гостомысл оной не говорил, то по малой мере должен был говорить что-нибудь тому подобное, чтобы взволновавшийся, гордый и ничего не разсуждающий народ мог усмирить, и привести к здравому разсуждению». ¹⁷⁶

Таким образом, главным в истории, по Эмину, является «политическое искусство». Оно для него ценнейшее практическое руководство в общественной и государственной деятельности, а также при написании истории.

Морализующая и политическая направленность произведения Эмина вызвала резкую критику. Современники обвиняли его в злоупотреблении «поучительными рассуждениями». Возражая своим критикам (в предисловии ко второму тому «Российской истории»), Эмин подчеркивал нравоучительное значение истории вообще, и в особенности той, которая пишется им, так как она является, по его мнению, первой всеобщей историей России. ¹⁷⁷ Фактическая история плюс нравоучение — такова формула самого Эмина. Этой формуле, как он считал, следовал «новейший и славный историк» — Роллен, который «не пропускал ни одного почти действия в своей истории, не соединив одного с нравоучительными рассуждениями». ¹⁷⁸

Что касается философии истории, то Эмин, понимая значе-

¹⁷⁴ Там же, т. III, стр. IV.

¹⁷⁵ Там же, т. II, стр. II.

¹⁷⁶ Там же, т. I, стр. X, IX.

¹⁷⁷ См. там же, т. II, стр. IV.

¹⁷⁸ Там же, стр. II—III.

ние философии вообще, только подходил к выяснению ее роли в исторических произведениях, но практически в «Российской истории» не придерживался определенной системы, хотя и писал: «Физики в нынешнем веке ищут истории испытываемых им тел в преданиях; а богословы, оставив предания, обращаются к физике. Щастливы те, кои от философической истины не удаляются; таковые упрямство, умствование и своенравие от учености отделив, вещи могут зреть в настоящем их виде и писать историю с желанным успехом».¹⁷⁹ В конечном итоге надо признать, что Эмин был еще далек от философского истолкования и изображения истории, понимая под философией истории политику и мораль в применении к оценке исторических фактов или событий с точки зрения официальной идеологии так называемого «просвещенного абсолютизма».

Несмотря на то, что в позитивной части «Российской истории» Эмин в целом не выходил за рамки господствующей дворянской историографии, его «Предисловие» к работе было написано под определенным воздействием передовой для того времени буржуазной исторической мысли.

Наиболее законченную попытку философского осмысления отечественной истории и формулировку задач, стоящих перед историком, дают произведения И. Н. Болтина. Как видно из предыдущего изложения, Болтин не был первым в русской историографии в вопросе признания закономерности исторического развития. Все предшествующее развитие исторической мысли в России и на Западе логически приводило к признанию этой идеи. Однако нужно учитывать, что Болтин не просто повторял высказывания иностранных или отечественных авторов, но стремился самостоятельно уяснить сложность многих явлений общественной жизни. Он не поддавался модному для того времени увлечению географической теорией исторического процесса, а пытался уточнить степень влияния географической среды на жизнь общества, не оставляя без внимания значение других факторов. В этом смысле Болтина можно признать, не вдаваясь в модернизацию, не только одним из первых историков, формулирующих буржуазную теорию органического развития,¹⁸⁰ но и теорию факторов.

Переходя к анализу понимания Болтиным закономерности в истории, остановимся на его высказываниях о роли географической среды в жизни общества.¹⁸¹ Как может показаться

---

¹⁷⁹ Там же, т. III, стр. V.

¹⁸⁰ Н. Л. Рубинштейн писал: «Своим пониманием единства исторического развития, его закономерностей Болтин фактически предварял идею органического общественного развития, утвердившуюся в XIX в., так же как своим пониманием источниковедческой критики он вплотную подошел к научной критике следующего периода» (см.: Историография истории СССР. М., Соцэкзгиз, 1961, стр. 106).

¹⁸¹ Большинство историков учитывает роль географической среды в концепции Болтина. Но некоторые умалчивали об этом, другие отрицали ее. См.,

странным с первого взгляда, Болтин был не очень многословен в отношении влияния географии на историю. Как уже отмечалось в свое время Сыромятниковым, Болтин оставил без разбора «Введение» к произведению Леклерка, в котором автор высказывал свои соображения о ходе исторического развития, или, как выразился его рецензент-современник, представил несколько задач о «физических, нравственных и политических предметах», не имеющих, якобы, никакого отношения к истории России.¹⁸² Тем не менее, Болтин счел необходимым уточнить свое отношение к теории географического детерминизма. Хорошо начитанный в западноевропейской исторической, философской и социологической литературе, он сделал небольшую историографическую справку о мнениях в отношении роли географической среды в общественной жизни. Болтин был прав, когда две крайние точки зрения по этому вопросу связал с именами Монтескье и Гельвеция. Если, по его словам, сторонники первого «климату более надлежащего могущества присвоили, и все перемены в людях и государствах из него выводили», то последователи второго, «напротив, все от него отняли и оставили без силы и действия».¹⁸³ (Заметим, что врач Леклерк был приверженцем точки зрения Гельвеция, как язвил Болтин, потому, что он, «будучи одного ремесла, восхотел быть и одинакового с ним мнения»)¹⁸⁴.

Болтину были чужды взгляды Гельвеция — выдающегося представителя французского материализма и атеизма. Но, одновременно, не мог он примириться и с устаревшей к его времени социологической теорией Монтескье. Болтин пытался сформулировать среднюю точку зрения. Он писал: «Но я последую тем, кои держатся средния дороги, то есть кои хотя и полагают климат первенственную причину в устройении и образовании человеков, однакож и других содействующих ему причин не отрицают. По их мнению, климат имеет главное влияние в наши тела и нравы; прочия ж причины, яко воспитание, форма правления, примеры и проч., суть второстепенныя или побочныя: они токмо содействуют, или, приличнее, препятствуют действиям онаго».¹⁸⁵

Болтин не дублировал географические теории западноевропейских просветителей. Считая климат определяющей силой общественного развития, он придавал в то же время большое значение нравам и обычаям, времени, местоположению и обстоятельствам в жизни народов и стран. Это видно из следующего его рассуждения: «Делая перемены, или вводя новости, нужно

напр.: В. Юшкo. Очерки из истории русского самосознания XVIII века. Общие исторические взгляды И. Н. Болтина. Киев, 1912, стр. 38.

¹⁸² Примечания на историю древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненныя генерал-майором Иваном Болтиным, т. I. [Б. м.], 1788, стр. 5—11. (Далее: Примечания на Историю Леклерка).

¹⁸³ Примечания на Историю Леклерка, т. I, стр. 5.

¹⁸⁴ Там же, стр. 6.

¹⁸⁵ Там же.

наблюдать, чтоб оные соответственны были нравам, обычаям, времени, местоположению, обстоятельствам, а паче климату; владычество его есть главнейшее из всех...»¹⁸⁶

Таким образом, Болтин не отрицал значение географической среды в формировании «национального характера» (его выражение), признавал ее в конечном итоге определяющей силой, но не игнорировал других существеннейших условий общественного развития. Он считал, что «удобнее законы сообразить нравам, нежели нравы законам; последнего без насилия сделать не можно»,¹⁸⁷ и тем самым солидаризировался с Вольтером, искавшим закономерность исторического развития в общественных нравах.¹⁸⁸

Болтин, придерживаясь общепринятого в русской историографии XVIII в. сравнения организации общества с человеком (Татищев, Ломоносов и др.), приравнивал рекрутские наборы к очистительной функции организма. Он писал: «В теле политическом, яко и в теле человеческом, имеются некоторые проходы, чрез которые низвергаются непотребные влажности. Если же проходы запрутся, то влажности сии остановятся, отяготят твердые части, и причинят телу болезнь и смерть. Надобно, чтоб в каждом обществе гражданском был такой ров, коим бы стекали пороки. Надобно чтоб сей гноевместительный вертеп был публичной; чрез то будет он безопасен, понеже находиться будет пред очми надзирателей, к тому определенных».¹⁸⁹

Как известно, дворянская историография отрицала необходимость и закономерность насильственных изменений и переворотов в истории. Признавая справедливость насилия в отношении эксплуатируемого большинства трудового народа, дворянские идеологи до середины XVIII столетия, точнее до середины 70-х годов, принимали реформы, идущие сверху, осуществляемые по правительственной инициативе. Но во второй половине XVIII в., в условиях начала разложения феодального строя и развития капиталистических отношений в стране, дворянская историография становится реакционной, и поэтому решительные преобразования типа реформ начала столетия для нее уже казались опасными. Однако это, конечно, не означало, что дворянские идеологи целиком отказались от всяких преобразовательных планов. Примеры Щербатова, Болтина и многих других свидетельствуют об этом. Монархист и крепостник Болтин отрицал закономерность и необходимость революционных переворотов истории, хотя и признавал важность медленных, подготовленных изменений в общественной жизни России.

Болтин, одним из первых в России сформулировавший поло-

¹⁸⁶ Там же, т. II, [Б. м.], 1788, стр. 338—339.

¹⁸⁷ Там же, т. I, стр. 316.

¹⁸⁸ См.: Историография истории СССР, стр. 91.

¹⁸⁹ Примечания на Историю Леклерка, т. II, стр. 187—188; см. также, стр. 314.

жение о закономерности исторического развития, говоря о задачах, стоящих перед историком, был не так далек от своих предшественников в постановке этого вопроса. Полемизируя с Леклерком, он писал так: «...не краткость и не пространство составляет достоинство историка, но избрание приличных вещей, точность, беспристрастность в повествованиях, дельность и важность в рассуждениях, ясность и чистота в слоге и проч. Подробности нужны в обстоятельствах достопамятных, в деяниях любопытных и веществах, служащих к объяснению последственных событий, а не в сказках, относящихся между черни...»¹⁹⁰

В другом месте Болтин, детализируя это положение, предупреждал историков о необходимости строго сознательного и критического отношения к источникам. «Весьма те ошибаются, — писал он, — кои думают что всякий тот, кто, по случаю, мог достать несколько древних летописей и собрать довольно количество исторических припасов, может зделаться историком; многого еще ему неостанет, если, кроме сих, ничего больше не имеет. Припасы необходимы; но необходимо также и уменье располагать оными, которое вкупе с ними не приобретается».¹⁹¹

Болтинские рекомендации, как работать по написанию исторического труда, хорошо известны в историографической литературе. Однако нужно признать, что его положение об отличии истории от летописи («Не все то пристойно для истории, что прилично для летописи»),¹⁹² не было новым словом в русской историографии.¹⁹³ Это различие в принципе понимали и Татищев, Щербатов и другие, не говоря о Шлецере.

Основным требованием Болтина к историческому исследованию, как еще раз подчеркнул Л. В. Черепнин,¹⁹⁴ являлась объективность в изображении исторических фактов. «Писать правду о бывших деяниях не есть сатира», — утверждал он, полемизируя с Леклерком, настаивающим на том, что историк прежде всего должен помнить об отечестве, родственниках и друзьях,¹⁹⁵ а посему может быть субъективен. Но нужно сказать, что Болтин, говоря об объективности, сам стоял на позициях классового субъективизма, тогда как Леклерк, субъективный в суждениях, часто был объективней в оценках многих явлений русской

¹⁹⁰ Там же, т. I, стр. 278.

¹⁹¹ Там же, стр. 268.

¹⁹² И. Н. Болтин. Критические примечания на первый том «Истории» князя Щербатова. СПб., 1793, стр. 308.

¹⁹³ В «Историографии истории СССР» сказано, что Болтин впервые выдвинул требование критического отбора исторических фактов историком (стр. 103).

¹⁹⁴ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 237.

¹⁹⁵ И. Н. Болтин писал: «Сказанное правило, что историк не должен иметь ни родственников, ни друзей, имеет смысл такой, что историк не должен закрывать или превращать истину бытий по пристрастию к своему отечеству, к сродникам, к друзьям своим; но всегда и про всех говорить правду, без всякого лицепрятия» (Примечания на Историю Леклерка, т. II, стр. 120—121).

действительности (положение русского крестьянства, самодержавный деспотизм царизма и пр.), чем его оппонент.

Болтин как критик и источниковед, опираясь на рекомендации Татищева, Миллера и Шлецера, наиболее полно и остро подвел итог развитию критической мысли XVIII в. Хотя он и не превзошел в этом своих современников, в том числе Щербатова, тем не менее авторитетом своих полемических выступлений заслуживает признания.

Болтин не был свободен от провиденциализма в объяснении истории.¹⁹⁶ Он писал: «Щастие во все дела наши мешается, не меньше и в войну, как в картошную игру... Называй Фортуну как хочешь, слепую, несправедливую, непостоянную, своенравную, и проч.; не необходимо должен признати бытие ее. По событиям многих дел и приключениям нашей жизни ощутительно познаем, что есть нечто такое, которое вмешивается в наши дела и управляет ими по своей воле, средствами такими, коих ни предвидеть ни отвратить силы наши недостаточны. Одно сие разсуждение довольно сильно, чтоб отразить мнение отрицающих промысл, и власть случая распространяющих».¹⁹⁷ Однако божественное начало занимало в исторической концепции Болтина второстепенное место.

Подчеркивая закономерность истории, отрицая домыслы о том, что могло бы быть, если бы было то-то и то-то, Болтин считал, что «историк же не то должен писать, что могло бы быть, но то, что действительно было; не могущее стать, но сбывшееся»,¹⁹⁸ и приводил при этом народную поговорку, направленную против резонеров в истории: «Если бы небо упало, то всех перепелок передавило».¹⁹⁹ Признание Болтиным феодализма в России свидетельствовало о глубоком понимании им закономерности исторического процесса. Тем не менее прав Черепнин, отмечая причудливое сочетание в мировоззрении Болтина «идеи человеческого „естества“, естественной географической среды и божественного промысла как причин, влияющих на ход исторических событий».²⁰⁰ К этому нужно добавить, что Болтин не игнорировал и значения хозяйственной жизни людей в истории, хотя, в отличие от историков буржуазного направления (московских юристов, В. В. Крестинина, М. Д. Чулкова и др.), уделяя минимальное внимание значению хозяйственной жизни в истории России. В своих апологетических рассуждениях о крепостничестве Болтин старался уверить не только в легком положении крепостных в России, но и пытался пока-

¹⁹⁶ См.: Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 241.

¹⁹⁷ Примечания на Историю Леклерка, т. I, стр. 543—544.

¹⁹⁸ Там же, стр. 575.

¹⁹⁹ Еще задолго до И. Н. Болтина, во время дискуссии 1749—1750 гг. Г. Ф. Миллер высказал соображение, что «в делах исторических одну возможность за настоящее дело почитать» нельзя. — Центральный государственный архив древних актов (ЦГАДА), ф. 199, 48, № 2, л. 18.

²⁰⁰ Л. В. Черепнин, ук. соч., стр. 241.

зять, что побудительным мотивом деятельности русских людей всегда являлся не «страх наказания или тяжелой пени», а «страх стыда», который, как писал Болтин, «больше действовал над сердцами наших предков». Болтин отрицал значение материальной заинтересованности. «Не корысть чтлищем была всегда россов, — писал он, — но слава и честь».²⁰¹

Не отказываясь от учета экономических явлений в истории, Болтин понимал в общем виде, разумеется, воздействие образа жизни на быт и нравы людей. «Первобытные человеки в лесах», по его мнению, жили иначе, чем русские в древности в городах.²⁰² Отсюда различие в законах, вере и пр. Что Болтин признавал значение торговой деятельности в жизни общества, свидетельствует его высказывание о роли коммерции в истории Великого Новгорода. Он писал: «Могущество и слава новгородцев не в пространстве границ состояла, но в пространстве их торговли и промыслов, посредством коих учинили они себя многлюдными, богатыми и соседям своим страшными. . .»²⁰³

Прежде чем подвести итог разработки теоретических положений русской исторической мысли в XVIII в., следует отметить полную несостоятельность метафизического «метода примеров», свидетельствующего о закате феодальной историографии. Напомним, что метод примеров был общепринятым на протяжении всего средневековья в истории и литературе. В 1630 г. немецкий филолог Юстус Липсий выпустил книгу «Политические советы и примеры», которая явилась в своем роде теоретическим обобщением, философией истории.²⁰⁴ Начиная с «Исторического учения» конца 70-х—начала 80-х годов XVII в. до исхода XVIII столетия он являлся универсальным. Однако этот метафизический метод претерпел серьезные изменения. С одной стороны, появление новой просветительской философии и историографии привело к принципиальному изменению характера приводимых примеров, с другой — обогащение содержания истории, выход ее из примитивного биографического описания государственных деятелей, заставлял все меньше и меньше оперировать им. Вся бесплодность и неисторичность его была блестяще доказана Гегелем, который в «Философии истории» писал: «Правителям, государственным людям и народам с важностью советуют извлекать поучения из опыта истории. Но опыт и история учат, что народы и правительства никогда ничему не научились из истории и не действовали согласно поучениям, которые можно было бы извлечь из нее. В каждую эпоху оказываются такие особые обстоятельства, каждая эпоха является настолько инди-

²⁰¹ Примечания на Историю Леклерка, т. II, стр. 526.

²⁰² Там же, стр. 433.

²⁰³ И. Н. Болтин. Критические примечания на первый том «Истории» князя Щербатова, стр. 169.

²⁰⁴ А. Гольберг. Сочинения Юрия Крижанича и их источники. Вестник истории мировой культуры, 1960, № 6, стр. 122.

видуальным состоянием, что в эту эпоху необходимо и возможно принимать лишь такие решения, которые вытекают из самого этого состояния. В сутолоке мировых событий не помогает общий принцип или воспоминание о сходных обстоятельствах, потому что бледное воспоминание прошлого не имеет никакой силы по сравнению с жизненностью и свободой настоящего. В этом отношении нет ничего более нелепого, как столь часто повторяемые ссылки на греческие и римские примеры в эпоху французской революции. Нет ничего более различного, как природа этих народов и природа нашего времени».²⁰⁵

Такое, казалось бы, пессимистическое высказывание Гегеля не означало, конечно, что современники разуверились в практическом значении истории и отказались от использования исторического опыта в общественно-политической, культурной и научной жизни. Наоборот, все развитие философии в общественной мысли, как считает М. Т. Иовчук, и истории (добавим от себя), начиная с середины XVIII в., все более и более характеризуется сближением теории и практики, общественных наук и политической борьбы.²⁰⁶ Но правильного использования опыта прошлого в условиях господства идеалистического и метафизического метода добиться было нельзя.²⁰⁷

Сделаем некоторые выводы. Передовая русская историческая мысль второй половины XVIII в. выросла и развилась на русской почве, однако она подверглась большому и плодотворному влиянию западноевропейской историографии. Источниками формирования русской исторической мысли являлось не только западноевропейское просветительство, но и естествознание, содействующее превращению исторических знаний в науку.

Прогресс в русской историографии второй половины XVIII в., связанный с просветительской концепцией исторической мысли, выразился в формулировке общих представлений об истории: ее целях и задачах, общественно-политическом значении, в использовании источников, методе исторического изучения, т. е. в философии истории в тогдашнем достаточно неопределенном понимании ее.

Прогресс в историографии сказался в появлении новой тематики исторического изучения, в расширении круга историков и исторических персонажей в демократическом направлении, в признании истории одной из важнейших наук, необходимой для всех «сынов отечества», в привлечении новых источников и,

²⁰⁵ Гегель. Философия истории. Соч., т. VIII. М.—Л., 1935, стр. 7—8.— Как известно, В. И. Ленин в своем конспекте этого произведения против того места, в котором говорилось о безрезультатности уроков истории для народов и правительств, написал: «Очень умно!» (Полн. собр. соч., т. 29, стр. 281; см. также стр. 656).

²⁰⁶ См. в кн.: История и социология. М., Изд. «Наука», 1964, стр. 207.

²⁰⁷ Об использовании исторического опыта см. там же, стр. 316—325.— выступление Ю. С. Борисова; о повторяемости в истории: там же, стр. 330—331,— выступление П. Н. Федосеева.

в первую очередь, в изучении истории экономической жизни России. Прогресс в историографии также выразился в признании и применении историко-сравнительного метода, который в сочетании с самостоятельным изучением источников привел к установлению общности исторического развития России и Запада, к признанию феодализма в нашей стране и пониманию значения хозяйственной жизни в истории.

С именем И. Н. Болтина, наиболее удачно и полно сформулировавшего философию русской истории, следует связать возникновение идеи органического развития в истории и теории факторов (разумеется, в самом первом приближении), которые стали основными теоретическими положениями буржуазной историографии уже в XIX в. Такой историографический парадокс, когда представитель дворянской идеологии закладывает (вместе с другими) основы буржуазной историографии, не должен удивлять потому, что противоречивость социально-экономического и политического развития России во второй половине XVIII в. приводила лучших представителей науки из дворянского лагеря на позиции просветительской историографии.

Если до В. Н. Татищева философия истории и социология еще не стали составной частью метода и содержания исторического исследования, то уже М. В. Ломоносов рассматривал философию как руководящую науку для разработки других наук. Но в силу идеалистического понимания истории он все еще не смог органически сочетать свою материалистическую философию с разработкой отечественной истории. То же самое не смогли сделать и лучшие представители просветительской идеологии после него. Даже юристы Московского университета, теоретически поставившие вопрос об изучении истории гражданского общества, а также историки, приступившие практически к написанию ее, признавая роль хозяйственной жизни в истории, не смогли материалистически объяснить историю России.

Первые попытки создать историю России как историю гражданского общества все еще не привели к законченному успеху не только потому, что историки продолжали оставаться идеалистами, но и по причине сравнительной отсталости исторической науки в нашей стране от передовых стран Западной Европы. Процесс окончательного превращения исторических знаний в науку в России был завершён только в результате революционного переворота, осуществленного К. Марксом и Ф. Энгельсом, и реализован в отношении изучения русской истории в трудах В. И. Ленина.

ГЛАВА III

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА

В обширной литературе о В. Н. Татищеве накопилось много ценного материала, характеризующего его жизнь и деятельность. Но тем не менее нельзя сказать, что мы имеем научную биографию выдающегося человека первой половины XVIII столетия. Работы Н. А. Попова и других, написанные сто лет назад, устарели в методологическом и фактическом отношении. В науку все еще не введены документы, собранные к 200-летнему юбилею со дня рождения В. Н. Татищева (комиссия А. А. Куника, Н. В. Качачова и Н. А. Попова)¹ и в наше время (А. И. Андреевым и др.). Между тем, как показали разыскания последнего времени, биография Татищева подлежит уточнению даже с фактической стороны.²

Для научной биографии Татищева, кроме известных работ прошлого века,³ большое значение имеют статьи А. И. Андреева, посвященные работам Татищева по географии и истории России.⁴ Высокую оценку в советской литературе получила книга Конрада Грау «Организатор хозяйства, государственный деятель и ученый Василий Н. Татищев (1786—1750)», в которой впервые после ра-

¹ Они хранятся в ААН СССР, оп. 1, ф. 95.

² См., напр., В. Я. Кривоногов. Новое о жизни и деятельности В. Н. Татищева. В кн.: Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, Средне-Уральское книжн. изд., 1964, стр. 3—10; Л. Д. Голендухин. Новые материалы к биографии В. Н. Татищева (Из ранних лет жизни). Там же, стр. 11—38; В. Г. Федоров. К истории Екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева. Там же, стр. 78—90 и др. См. также: Е. Е. Колосов. Новые биографические материалы о В. Н. Татищеве. В кн.: Археографический ежегодник за 1963 год. М., Изд. «Наука», 1964, стр. 106—114.

³ Нил Попов. В. Н. Татищев и его время. М., 1861; Его же. Ученые и литературные труды В. Н. Татищева. СПб., 1887; П. П. Пекарский. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864, и др. См. соответствующую главу в I части «Русской историографии XVIII века».

⁴ А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по географии России. В кн.: В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950; А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 5—38.

боты Нила Попова была предпринята попытка проанализировать его деятельность по организации горнозаводской промышленности, его общественно-политические, экономические, философские и исторические взгляды.⁵ Автору удалось существенно уточнить и дополнить сведения о пребывании Татищева в Берлине в 1713—1714 гг., что позволило прийти к выводу о том, что интерес к истории у Татищева достаточно определился уже в это время, а также по-новому охарактеризовать отношение долгоруковской группировки к нему в 1728 г. Уделяя большое место рассмотрению экономических представлений Татищева, К. Грау сравнительно много страниц посвятил анализу его заслуг в области изучения русской истории. Считая Татищева «открывателем новых путей в русской историографии», он разделяет мнение тех, кто называет Татищева историком в научном смысле этого слова, но отказывается считать его «Историю Российскую» источником, поскольку Татищев, хотя уже и писал историю, но, в духе историографии своего времени, составлял ее в форме нового своеобразного летописного свода.

Хотя философские, общественно-политические и экономические взгляды выдающегося деятеля русской науки первой половины XVIII в. достаточно изучены в наше время (работы М. Т. Иовчука, Л. А. Петрова, П. К. Алефиренко и некоторых других), но они нуждаются в конкретизации применительно к задачам историографического изучения Татищева. Сказать, как это обычно и делается, что Татищев монархист и крепостник, и ограничиться этим — значит не учитывать серьезных социально-экономических изменений в России во второй четверти XVIII в., оказавших влияние на эволюцию его общественно-политических настроений и определявших не только исторические построения автора, но и истолкование фактов и текстов источников.

Для характеристики общественно-политических взглядов Татищева представляет интерес исследование П. К. Алефиренко.⁶ Выводы автора не вызвали существенных возражений, но требуют некоторых уточнений применительно к интересующим нас проблемам: во-первых, был или не был крестьянский вопрос главным в общественно-политической жизни России во времена Татищева или он стал таким несколько позже и, во-вторых, какова социально-экономическая программа Татищева.

Уместно напомнить высказывание В. И. Ленина о том, когда

---

⁵ Conrad Grau. Der Wirtschaftsorganisator Staatsmann und Wissenschaftler Vasilij N. Tatischev (1686—1750). Berlin, Akademie Verlag, 1963. См. рец. С. Н. Валка («Вопросы истории», 1964, № 11, стр. 192—193) и С. М. Томсинского («История СССР», 1964, № 5, стр. 210—213).

⁶ П. К. Алефиренко. Крестьянское движение и крестьянский вопрос в России 30—50-х годов XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 164—169; См. рец.: В. В. Мавродин, С. Л. Пештич, А. Л. Шапиро. Исследование по истории русского крестьянства в 30—50-х годов XVIII века. Вестник ЛГУ, № 8, серия истории, языка и лит., вып. 2, 1959, стр. 164—169.

крестьянский вопрос стал коренным вопросом общественной жизни на Западе и в России: «Нельзя забывать, что в ту пору, когда писали просветители XVIII века (которых общепризнанное мнение относит к вожакам буржуазии), когда писали наши просветители от 40-х до 60-х годов, *все* общественные вопросы сводились к борьбе с крепостным правом и его остатками».⁷ Из этой формулировки можно сделать вывод, что при Татищеве и Ломоносове крестьянский вопрос только становился центральной проблемой общественной жизни России. Дальнейшее социально-экономическое развитие страны, Крестьянская война под руководством Пугачева, Великая французская революция и проповедь А. Н. Радищева сделали его окончательно таковым.

Поэтому, говоря о Татищеве как идеологе феодальной России, нужно подчеркивать не столько его крепостнические симпатии, сколько то новое, что несло социально-экономическое развитие страны уже во второй четверти XVIII в. Алефиренко справедливо считала, что основной целью многочисленных записок Татищева являлось стремление «вернуть преемников Петра I к политике великого реформатора».⁸ Однако, не ограничиваясь такой констатацией, она сделала шаг вперед в изучении деятельности и творчества Татищева, считая, что последний не только хотел возвращения к старой экономической политике петровского правительства, но стремился к учету всего того нового, что принесла жизнь в 30—40-х годах XVIII в. Но, думается, этого мало. Для правильного понимания социально-экономической программы Татищева следует более отчетливо подчеркнуть противоречивость деятельности и творчества дворянского идеолога.⁹ Алефиренко убедительно показала новизну взглядов Татищева, считавшего основой богатства России не сельское хозяйство, как, казалось, следовало бы дворянскому теоретику, а промышленность и торговлю. Что это действительно так, наиболее ярко, пожалуй, свидетельствует разысканное Е. Х. Пархом татищевское «Доношение о худом состоянии астраханского торгу и пошлинном сборе, особливо в портовом порядке», датированное автором 19 октября 1743 г.¹⁰ Как и обычно, Татищев, составляя служебные документы, начал и на этот раз с исторической справки. Уже волжские болгары, по его мнению, были настолько «пребогатым народом», что «во времена голода в Руси» привозили туда жито «не токмо в продажу, но в доброхотную соседственную ссуду или дар». Богатство волжских болгар, как писал Татищев, «ни от чего иного произойти могло, как от торга и фабрик». Не меньший интерес

⁷ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 520.

⁸ П. К. Алефиренко, ук. соч., стр. 335.

⁹ Это и сделал Б. Б. Кафенгауз в рецензии на указанную выше работу П. К. Алефиренко. Он писал, в частности, следующее: «Во взглядах В. Н. Татищева сочлелись элементы дворянско-крепостнической и передовой буржуазной идеологии» («История СССР», 1959, № 3, стр. 195).

¹⁰ Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, № 1179; там же, Собрание Витберга., № 30, д. 1.

в этом «Доношении» имеет показание Татищева о его беседе с Петром I в 1723 г., в которой царь высказал свои соображения об условиях экономического могущества некоторых европейских стран. Петр, по словам Татищева, рассуждая «о силе аглинского и галанского государств», считал, что «оное все зависит на едином несравненном другом богатстве». Богатство «ни от чего иного как от купечества и ремесл происходит. И токмо, что они серые припасы во многих государствах дешево покупая, а переделав их же обратно весьма высокою ценою продают, яко от Испании шерсть овечью, от Персии шелк, от шведов железо, от нас пеньку, лен, кожи и протчая; а особливо о железе, что агличане великое множество железных мелочей делая, по деревням во весь свет развозя, с великою прибылью продают. . .» Суть своих экономических взглядов Татищев резюмировал в «Доношении» следующим образом: «Известно всем знающим не токмо по правилам гражданским, но и по искусству благоразсудным и в гражданских делах знание имеющим, что: 1-е, всякого государства сила, честь и слава рождается от богатства и умножения людей; 2-е, богатство единственно происходит от рукоделей и торгов порядочных; 3-е, торг и рукоделие умножаются от благоразсудной в том свободы и вольности, помощью, содержанием в добром порядке от высочайшей власти. И сии три правила подобно цепи связаны так, что одна без другой никак совершенна быть не может».

Все вышесказанное весьма симптоматично. Оно свидетельствует об успехах развития капитализма уже к середине XVIII в., пожалуй, не меньше, чем соответствующие статистические данные о мануфактурах и пр. Под влиянием развития буржуазных отношений в России даже идеологи дворянского класса вынуждены были ратовать за развитие промышленности и торговли, хотя и под контролем крепостнического государства и с привилегиями для дворян.

Татищев, являясь убежденным сторонником абсолютизма петровского типа, считал государственную власть решающей силой в жизни России: в развитии промышленности, торговли, культуры и пр. Но, как известно, наряду с этим он допускал применение вольнонаемного труда в промышленности и выступал за вольное книгопечатание.¹¹

Несмотря на определенную противоречивость взглядов Татищева, отразившую противоречия эпохи, трудно согласиться с утверждением Алефиренко о том, что Татищев «стал, по-видимому, сомневаться в пользе для помещичьего хозяйства дальней-

---

¹¹ Такой же точки зрения придерживается В. Я. Кривоногов (ук. соч., стр. 9—10); см. упоминание В. Н. Татищева о его «Представлении о учинении вольных типографий». «Исторический архив», VI, 1951, стр. 274. — В связи с этим уместно напомнить, что К. Маркс считал книгопечатание одной из предпосылок буржуазной революции (см.: К. Маркс, Ф. Энгельс. Соч., т. 30, стр. 262).

шего существования в настоящем виде крепостного права». ¹² Сам факт признания пороков крепостничества еще не является достаточным основанием для суждения о политической платформе того или иного лица. Хорошо известны высказывания Николая I и Бенкендорфа, которые лет через сто после Татищева признавали всю опасность крепостного состояния для господства помещиков и самодержавия, но не переставали оставаться крепостниками. Татищев, высказывая свои соображения о крепостном строе, так же был далек от практического применения их, как, скажем, рассуждая о пригодности республики для территориально-небольших государств, от допущения республиканского строя в России.

Говорить о монархизме Татищева — это значит повторять давным-давно известные истины. Но уместно поставить вопрос об эволюции политических взглядов историка во второй четверти XVIII в. Участие Татищева в событиях 1730 г. отмечено в литературе. Представители шляхетских кругов, выступая против верховников, были сторонниками монархии, однако они не останавливались перед тем, чтобы в какой-то степени ограничить самодержавие, придав ему новые вспомогательные околонституционные (скажем мы) учреждения. Татищев, исходя из сложившейся ситуации, объясняя необходимость нововведений в системе государственного управления, как сторонник теории естественного права, считал, что если «несмысленный государь случится, что ни сам пользы не разумеет, ни совета мудрых не принимает и вред производит», то его нужно рассматривать как божье наказание, как нарушителя естественного договора, а посему его следует заменить благоразумным правителем. Буржуазную теорию естественного права Татищев использовал как обоснование для правомерности дворцовых переворотов. Отпустив в «Рассуждении о правлении государственном» положенное количество комплиментов в адрес Анны Ивановны, он переходил к существу дела. «Однакож, — писал Татищев о новой императрице, — как есть персона женская, к так многим трудам неудобна; паче же ей знания законов не достает; для того на время, доколе нам всевышний мужескую персону на престол дарует, потребно нечто для помощи ее величеству вновь учредить». ¹³

Что Татищев, как и некоторые представители господствующего класса из лагеря и верховников и шляхетства, действительно стоял за ограничение самодержавия, также свидетельствует его подпись под основным проектом дворянства, поданным в Верховный тайный совет 5 февраля 1730 г. ¹⁴

¹² П. К. Алефиренко, ук. соч., стр. 353, 390.

¹³ В. Н. Татищев. Произвольное и согласное рассуждение и мнение собравшегося шляхетства русского о правлении государственном. «Утро». Лит. сб. М., 1859, стр. 369—379.

¹⁴ Г. А. Протасов. Записка Татищева о «Произвольном рассуждении дворянства в событиях 1730 г.». «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 237—265.

Выводы современного исследователя, заставляющие отбросить традиционное представление о «Записке» Татищева, как документе, составленном в ходе событий 1730 г., и признать ее результатом «позднейшего осмысливания автором записки планов дворянства», позволяет прийти к заключению о том, что Татищев стоял за ограничение самодержавия не только во время воцарения Анны Ивановны. Строго говоря, следуя за Г. А. Протасовым, «Записка» Татищева является одним из первых исторических очерков, посвященных дворцовому перевороту 1730 г., написанным тенденциозно и не без практической цели реабилитации Татищева перед монархом. Правда, нельзя согласиться с датировкой татищевского произведения, данной в статье (тот же 1730 г., хотя и позже событий), так как по смыслу и форме рассуждений, связанных с историей самодержавия в России, нужно признать, что «Записка» стоит ближе к окончательной редакции «Истории Российской», чем даже ко второй редакции (1736) «Примечаний» Татищева на книгу Страленберга.¹⁵ В «Примечаниях» Татищев не считал возможным говорить о периоде «беспорядочной аристократии». В 34-м примечании он писал: «О самовластии же равно от тех времен видим, что было непресекаемо и хотя на многие княжения государство было разделено, но всегда един великим князем всея Руссии писались, а прочие князи того титула ни один не употреблял, но именовались просто по уделам...»¹⁶ Такое «непресекаемое и наследственное самовластие» продолжалось до Федора Ивановича. По мнению Татищева, даже Борис Годунов, «хотя вольными голосами за пресечением прежних царей рода избран был», но «без всяких обязательств и договоров, которые бы самодержавство нарушали». Первая попытка ограничить самодержавную власть была сделана только «по убиении ростриги, как люди своевольство пришед, оставя надлежащее к пользе отечества рассуждение, умыслили Шуйскому правила правления предписать и его присягою обязать...»

Опираясь на материалы и соображения Г. А. Протасова, зная, что почти все труды Татищева имели по крайней мере две редакции,¹⁷ можно с большей вероятностью отнести разбираемую «Записку» опального автора в том виде, в котором она до нас сохранилась, ко второй половине 40-х годов, разумеется, до окончательного оформления «Истории Российской».

¹⁵ Ссылка Г. А. Протасова (ук. соч., стр. 257) на Н. А. Попова (Ученые и литературные труды Татищева, стр. 16) подтверждает то, что историк XIX в. пользовался рукописью татищевских «Примечаний» во второй редакции. — См.: Библиотека Академии наук (БАН), 17. 9. 7., прим. 56.

¹⁶ Ср.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 366—367.

¹⁷ «Примечания на Геродота», «Русская правда», «Разговор о пользе наук и училищ» и т. д., не говоря уже об «Истории Российской», причем последняя редакция хронологически часто датируется болдинским периодом творчества.

Таким образом, оставаясь сторонником абсолютистской монархии, Татищев дважды — в начале 30-х и во второй половине 40-х годов — практически отходил от принципа неограниченного монархизма. Во время правления Елизаветы Петровны он, как и многие его современники, обратился к изучению истории Петра, деятельность которого Татищев ставил в пример незадачливым преемникам императора. Хотя Татищев и не сводил историю России конца XVII — первой четверти XVIII в. исключительно к личности Петра Великого, признавал значение «совета мудрых» — сподвижников и помощников Петра I (например, в черновике письма конца 40-х годов, как и в других многочисленных случаях), но идеализировал царя, сравнивая его с всевластным дирижером оркестра. Так, Татищев спрашивал неизвестного нам адресата: «... сие я тебе всех людей тех показал, с кем сей великий государь и судеб возблагодаримую России пользу и преудивительную честь вечно незабвенную славу себе и своему отечеству принес. Скажи, кто оными его советникам и помосчникам или ему самому та честь слава и благодарение надлежит? Кто бы был безумец, чтобы органы за согласие играемого на них концерта хвалил, а не игроителя искусного, рассудя, что они токмо бы ревели каждая своим голосом, а мудрый игрец управляет всех голоса как ему потребно; если которая труба беспорядочно или надлежащего голоса не дает, он может поправить и, негодную выкинув, годную и согласную вставить».¹⁸

Историографические представления Татищева складывались на протяжении нескольких десятилетий и отразились в его самых различных произведениях. 30 лет потребовалось ему, чтобы составить многотомную историю России. В ходе работы над ней Татищеву пришлось неоднократно обращаться к разработке смежных вопросов отечественной истории: исторической географии и этнографии, хронологии и генеалогии. Он составлял также различные исторические справки о государственном устройстве России, ее законодательстве, постановке монетного дела в стране, по геральдике, истории взаимоотношения с многочисленными народами, населяющими Россию, истории просвещения и т. д. Поэтому, характеризуя исторические взгляды Татищева, надо принимать во внимание не только «Историю Российскую» и другие его исторические труды, но и многие произведения, написанные на неисторические темы, но изобилующие историческими сюжетами. Например, такое энциклопедическое произведение Татищева как «Разговор о пользе наук и училищ» интересно и в историографическом отношении. В нем мы находим ценные соображения автора по философии истории или социологии, а также наблюдения и выводы по поводу отдельных важнейших событий русской истории: о крестьянских восстаниях, расколе и пр.

¹⁸ БАН, 1. 5. 66. В главе о Страбоне.

Истоки философских и историографических взглядов Татищева впервые и наиболее исчерпывающе были рассмотрены Н. А. Поповым. Прямым философским наставником Татищева он считал «Философский лексикон» И. Г. Вальха. По его мнению, целый ряд положений Татищев заимствовал именно из него.¹⁹ Также широко использовал он известные лексиконы Буддея, Морери, Пьера Бейля, Мартиньера и Иохера. В своих философских взглядах Татищев, по мнению Попова, был последователем Декарта и Томазия, а в политических убеждениях — Христиана Вольфа, Пуфендорфа и Гуго Гроция.²⁰

Н. А. Фирсов в юбилейной речи (1886), посвященной взглядам Татищева на историю, доказывал решающее влияние Петра I и эпохи преобразований на всю его деятельность, в том числе и на занятия историей. Программа истории Татищева, по мнению Фирсова, сводилась к созданию политической истории России, т. е. такой, при которой главным объектом изображения должны были стать князья и цари, их ближайшие приближенные. Другим еще более важным фактором, сыгравшим большую роль в формировании Татищева как общественно-политического деятеля и историка, по мнению Фирсова, являлось влияние западноевропейской культуры.²¹

П. Н. Милюков отказался признать за «Историей Российской» право называться историей. По этому поводу он в свое время писал: «Татищев представил нам в своей истории не историю, и даже не предварительную ученую разработку материала для будущей истории, а ту же летопись в новом татищевском своде».²² Поэтому Милюков не считал нужным особо останавливаться на выяснении историографических истоков татищевских представлений.

Наиболее полный историографический разбор «Истории Российской» был сделан Б. И. Сыромятниковым.²³ Для него, как и для Милюкова, труд Татищева являлся не чем иным, как «сводной летописью», «татищевским сводом». Все события в истории, по мнению Сыромятникова, Татищев объяснял с точки зрения прагматической историографии, т. е. с психологической точки

¹⁹ См.: Н. А. Попов. Предисловие к книге: В. Н. Татищев. Разговор о пользе наук и училищ. М., 1887. — Н. А. Попов считал, что начало «Разговора» (до 55 вопроса) представляет ряд заимствований, а иногда и дословный перевод из иностранных писателей и прежде всего из энциклопедических словарей по философии и истории. Наибольшее число заимствований, считал Попов, относится к Вальху.

²⁰ Н. А. Попов. Ученые и литературные труды В. Н. Татищева, стр. 21—23.

²¹ Н. А. Фирсов. Воззрения В. Н. Татищева на историю вообще и русскую в особенности и связь их с реформой Петра Великого. Казань, 1886.

²² П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, стр. 106.

²³ Б. И. Сыромятников. Традиционная теория русского исторического развития (исторический очерк), стр. 68—78. (ГПБ, Собр. отд. поступлений).

зрения. Сыромятников считал Татищева приверженцем просветительской философии XVIII столетия, сочетавшейся у него с русской летописной традицией. Политические и исторические взгляды Татищева, по его мнению, сложились под влиянием Гоббса, Гуго Гроция, Пуфендорфа, Вольфа и Лейбница. Сравнивая историческую философию Татищева со взглядами немецких историков первой половины XVIII в., Сыромятников пришел к выводу об общности их историографических представлений: прагматическое понимание истории, стремление к исторической правде, история — «учительница жизни», морализирование и национальный патриотизм. Он имел основание считать, что историческая схема Татищева заимствована им «из основных своих чертах» из древнего летописца и его продолжателей эпохи Московского государства. Вывод об определенной близости концепции Татищева к средневековой историографии принят в нашей литературе.

Историографическому значению «Истории Российской» значительно меньше уделили внимания и советские историки, которых, как правило, больше интересовало источниковедческое значение этого труда.

Н. Л. Рубинштейн проследил за влиянием философской и исторической концепций европейского рационализма на развитие русской исторической мысли в XVIII в.²⁴ Он показал прямое воздействие взглядов Вольфа и Лейбница на Татищева. В новом учебном пособии по историографии, говоря о характерных чертах рационалистической государственной концепции русской истории, развитой дворянской исторической наукой XVIII в., Рубинштейн отметил присущую для нее идейную ограниченность, связанную с абстрактностью и подчинением реальной действительности намеченной схеме. Критикуя психологическое понимание Татищевым причинности, он подчеркивал прогрессивность прагматического понимания истории, окончательно преодолевшего средневековый провиденциализм.²⁵

Проблематика татищевских трудов обуславливалась общественно-политическими и научными запросами того времени. Хотя Татищев и не оставил сводной работы, по которой можно было бы систематически проследить за его отношением к главным вопросам и событиям русской истории, но, если хронологически и тематически сгруппировать его высказывания о них, то нужно прийти к выводу, что все или почти все проблемы русской историографии XVIII в. были им сформулированы — одни поставлены, другие так или иначе разрешены.

Все произведения Татищева в историографическом отношении можно условно разделить, примерно следуя Л. В. Черепнину, на 4 группы: 1) труды обобщающего характера; 2) ком-

²⁴ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., 1941, стр. 51—64.

²⁵ Историография истории СССР. М., 1961, стр. 78, 80.

ментарии к текстам исторических памятников и произведений; 3) исторические справки или обзоры в трудах политического, экономического и энциклопедического характера и 4) исследования по исторической географии.²⁶ К первой группе относится фундаментальная «История Российская», которая является не только результатом многолетних трудов Татищева, но и итогом развития русской исторической мысли второй четверти XVIII в.; ко второй — комментарии к «Русской правде», «Судебнику» Ивана IV, «Книге Большого чертежа», «Примечания» на Страленберга и некоторые другие; к третьей — исторические справки в записке «Произвольное и согласное рассуждение и мнение собранного шляхетства русского» (в рукописи оно называется именно так. — С. П.), в «Представлении о купечестве и ремеслах», исторические статьи в «Лексиконе историческом, географическом и политическом» и др.; к четвертой — цикл работ по географии и исторической географии России.

Первостепенное значение для характеристики исторических взглядов Татищева имеют его многочисленные примечания ко второй и третьей книгам «Истории Российской», а также к «Судебнику» и «Русской правде». Кроме того, не менее важны для оценки представлений Татищева об основных событиях и проблемах отечественной истории его опубликованные и неопубликованные письма, доклады и другие материалы. Для исчерпывающего изучения взглядов историка нельзя обойти так называемых татищевских известий, т. е. таких, которые встречаются только в его труде, но не подтверждаются источниками.

Изучение процесса формирования Татищева как историка должно помочь выяснению эволюции его исторических представлений, а также определению источниковедческой ценности и историографического значения двух редакций «Истории Российской». Для этого автор настоящей работы счел возможным остановиться на малоисследованных и неопубликованных произведениях Татищева, например, на его «Примечаниях» на книгу Страленберга и некоторых других, а также на долго остававшейся в рукописи первой редакции «Истории Российской».

Впервые общий взгляд на ход отечественной истории, как истории самодержавной власти, Татищев изложил в 1730 г. в уже упомянутом «Рассуждении о правлении государственном».

Развитие Татищева как историка связано с его напряженной работой над историей России в первой половине 30-х годов. Не будет преувеличением, если мы скажем, что произведение Страленберга «Северная и Восточная части Европы и Азии» (1730)²⁷ сыграло значительную роль в формировании взглядов Татище-

---

²⁶ Ср.: Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. М., 1952, стр. 174.

²⁷ Das Nord und Ostliche Theil von Europa und Asien. Stockholm, 1730.

ва как историка. Уже в 1730—1731 гг. он написал первую редакцию «Примечаний» на нее.²⁸ В «Примечаниях на книгу, учиненную господином Страленбергом, имянуемую северной и восточной страны Европы и Азии, напечатанной 1730-м году в Стокгольме» Татищев высоко оценивал труд шведского автора.²⁹ В 1736—1737 гг. (во второй редакции «Примечаний») он писал: «Сей господин издатель по его любопытству и трудам весьма похвалы достоин и подлинно можно сказать, что он другим подал немалую причину о происхождении и переселениях народов, обретающихся в сих странах, далее истины искать и древние бытности изъяснить, которым он во многих обстоятельстве света окно отворил...» Одновременно Татищев заметил, что «некоторые погрешности» Страленберга происходили «наиболее от недостатка подлинных ему известий и знания русского и татарского языков». Отметил Татищев также и то, что положение Страленберга в качестве пленного не позволяло ему привлечь необходимые материалы. В итоге он писал: «...и тако по истине ему тех погрешностей в поношение никаких почитать не могу, но что я приметил неисправно или сумнительно, оное хощу равным образом без всякого пристрастия представить и рассуждению искуснейших предать, да либо кто обоя лучше рассмотря и мою погрешность исправить».

Следовательно, по мнению Татищева, Страленберг плохо знал языки, совершенно необходимые для изучения истории и географии России. К их числу он относил арабский, персидский, турецкий, латинский и другие «тому подобные дальние языки». Правда, Страленберг, по Татищеву, «лучше нежели других разумел» русский, татарский и финский, но знания русского языка у автора книги о Сибири оставляли желать много лучшего. Поэтому Татищеву пришлось сделать десятки исправлений погрешностей в русском языке, в «неправильном изречении имен», воспроизводимых Страленбергом в латинской транскрипции, а также 125 примечаний к «неисправным мнениям». Однако методологически важное положение Страленберга о языке как надежнейшем средстве для исследования вопроса о происхождении народов, общее для всей историографии XVIII в., Татищев целиком разделял. «Что оной издатель о произшествии народов тщился доказывать языками, — писал он, —

---

²⁸ Об отношении В. Н. Татищева к труду Страленберга см.: А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по географии России. В кн.: В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России. М., 1950, стр. 7—8 и в кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 8, 9, 11, 19, 23, 450 и др.; см. также: Э. П. Зиннер. Известия шведских военнопленных о Сибири. Уч. зап. Иркут. гос. пед. ин-та, вып. XVIII (10), 1961, стр. 31—50; ср.: В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (XVIII век). Кемеровское книжн. изд., 1963, стр. 20—21.

²⁹ См.: ЦГАДА, портфели Миллера (ф. 199), № 149, ч. 2, д. 4, лл. 1—18; БАН, 17. 9. 7 на 75 лл. и ГПБ, Эрмитажное собрание, № 555, лл. 451—463 об., лл. 442—446.

оное есть между всеми наилучший способ, а особливо в случае недостатка деесписаний».

Татищев не соглашался со Страленбергом, производившим название славян от латинского слова «невольник» (slaves). Русский историк писал: «Ни по какой гистории доказать неможно, чтоб сей народ когда-либо от кого завоеван и в неволе содержан был, но паче всегда хотя под разными именами, яко волгары, венды, истры и протчие в делех военных и мужествах славимы были и от того имя себе приобрели». В подтверждение правильности такого вывода он ссылался на Стрыйковского, историографический авторитет которого признавался многими историками XVIII в.

При сопоставлении книги Страленберга с «Историей Российской» Татищева невольно обращает внимание некоторое совпадение тематики, которое не обязательно является результатом прямого заимствования русского историка у шведского, но так или иначе свидетельствует о близости научных интересов двух ученых первой половины XVIII в. В основной части книги Страленберга имеются такие, например, главы: о старом и новом разделении Русского государства... (глава III); о старых и новых резидентах и резиденциях в России (глава IV); о различии между титулами «царь» и «великий князь»; о русском гербе (глава VII); о духовном правлении в России (глава IX) и некоторые другие, соответствующие и по названию и в какой-то мере по содержанию 43—48-й главам «Истории» Татищева.

Если Татищев, подвергнув критическому разбору труд Страленберга, признал полезность его, то некоторые историки XVIII в. считали его вредным. И. И. Голиков в своем «Опровержении страленберговых нареканий на Петра Великого» назвал шведского историка «злым клеветником». Г. Ф. Миллер также указывал на неточность и сомнительность некоторых сведений у Страленберга,³⁰ признавая, однако, что без его книги некоторые данные были бы долго неизвестны науке.³¹

Татищев в момент написания «Примечаний» на книгу Страленберга, видимо, не имел еще текста «Русской правды», но, опровергая мнения иностранного автора, считавшего, что в России не было письменных законов до Ивана Грозного, утверждал: «Оное написал от недовольного известия; законы бо были в Русь письменные от Ярослава или Владимира Мономаха, которые до днесь еще в некоторых руках находятся; но общие ль оные всем были, или каждой князь собственные имел, о том известия не видно, кроме что новгородцы, псковичи и полочане,

³⁰ Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., 1937, стр. 174—175, 184—188, 221—247, 249, 473, 512, 526 и др.

³¹ Г. Ф. Миллер, ук. соч., стр. 534; Э. П. Зиннер, ук. соч., стр. 36; Разделы книги Страленберга, относящиеся к «Сибирским древностям», были опубликованы. См.: В. Радлов. Сибирские древности, т. I, вып. II. СПб., 1891, стр. 24—50.

хотя вместе не сбиранные, но по разнице записанные, собственные законы имели, о чем в гисториях оных княжений упоминается».

В «Истории Российской» Татищев только кратко и глухо упомянул о «Русской правде». Он считал, что этот законодательный свод «в историю вносить неудобно». Такое невнимание к замечательному памятнику древнерусского законодательства, как заметил С. Н. Валк, не должно удивлять, поскольку Татищев, исходя из дворянско-монархического понимания истории, не касался внутренней жизни народа, а описывал «почти исключительно только военные и дипломатические деяния государей, рассматривавшихся в качестве основных двигателей исторического развития».³²

Сравнение «Примечаний» Татищева на книгу Страленберга с его «Историей Российской» в первой редакции дает интересный дополнительный материал для изучения эволюции исторических взглядов первого русского историка.

В «Примечаниях» (1736) Татищев еще не решался достаточно определенно подвергнуть критике версию о Мосохе как праотце россов. Он, вслед за Стрыйковским, воспроизвел мнения различных историков по этому вопросу и, ссылаясь на отсутствие многих источников на латинском и греческом языках, опасаясь довериться немецкому переводу библии, только заметил: «Сие все оставляю другим более о древностях известным ко исследованию. . .», — обещая вернуться к этой проблеме пространно в «гистории русской». В рукописи первой редакции «Истории» он вновь остановился на вопросе о Мосохе. Татищев внимательно изучил тексты пяти немецких переводов библии, один французский и один польский и доказал, что толкования «Степенной книги» и Стрыйковского о Мосохе — «князе роском» основаны на неверном переводе соответствующего места библейского текста. Татищев показал, что славянский переводчик еврейское слово «рос», означающее «главу или верховность», ошибочно принял за имя народа. В результате Мосох стал князем роским, или праотцом славян.³³ Однако Татищев свое суждение, опровергающее каноническую версию о Мосохе, проводил таким дипломатическим оборотом: «Сие я ни в какое суждение привести и опровергать мудрейших мнения намерения не имею и нужды мне нет, но токмо то к рассмотрению полагаю, что в других обретаю».³⁴

³² С. Н. Валк. Татищевские списки «Русской правды». В кн.: Материалы по истории СССР, т. V. Документы по истории XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 610.

³³ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 288, 312 и др. — Обстоятельное изложение вопроса о Мосохе в славянской историографии и у В. Н. Татищева см.: А. Н. Робинсон. Историография славянского Возрождения и Паисий Хилендарский. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 100 и сл.

³⁴ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 288. Ср. там же, т. IV, 1964, стр. 86.

В некоторых случаях предположения, сделанные Татищевым в «Примечаниях» 1736 г., были пространно развернуты во время работы над «Историей Российской». Если в рукописи первой редакции этого труда историк еще, например, не решил, на каких болгар (волжских или дунайских) ходил войной Владимир I в 985 г., то в «Примечаниях» на Страленберга и во второй редакции «Истории Российской» Татищев определенно говорил о дунайских болгарях.³⁵

В середине 30-х годов Татищев только пополнял свой фонд летописей, который лег в основу его «Собрания из древних русских летописей». В 1735 г., уже получив от Академии наук для работы над русской историей три летописи, он просил выслать в Екатеринбург «старого киевского летописца, именуемого Феодосиева».³⁶ По этому можно судить, что Татищев, повторяя ошибку И. В. Пауса и Г. Ф. Миллера, неправильно называвших летопись Нестора летописцем Феодосия, еще не был достаточно ознакомлен с историей русского летописания. С другой стороны, письмо Татищева к В. К. Третьяковскому из Екатеринбурга от 18 февраля 1736 г., опубликованное не полностью,³⁷ свидетельствовало о большой исторической эрудиции автора «Истории Российской» уже к этому времени. В небольшой исторической справке о переводе библии и исправлении церковных книг Татищев высказывал много интересных соображений, небезполезных для изучения истории и истории культуры в России. Перевод библии на церковнославянский язык, по мнению Татищева, был сделан неудовлетворительно, ввиду того, что в нем много было выпущено или прибавлено, «иное весьма в другом разумении положено, некоторое же так смятно в речении или странными словами наполнено, что на многих местах сущей силы разуметь не можно». Кроме того, в библии были оставлены слова «иноязычные без нужды». Татищев старался систематически проследить историю исправления церковных книг и языка. Попытка царя Ивана Васильевича вместе с русскими духовными иерархами «о исправлении языка и книг», по его мнению, была «малоуспешна» из-за недостатка ученых людей. Греческие епископы, привезшие канонические богослужебные книги в Москву, хотя, как писал Татищев, «Собор учинили, но ничто полезное сделали, тем что греческие русского, а русские греческого языка не знали, через переводчиков же говорить и толковать было трудно». В свою очередь Борис Годунов, «как неумеющий грамоте, мало о неисправлении книг думать причину имел, а паще готовя себе путь к престолу», свергнув митрополита, добился

³⁵ Там же, стр. 48—49; см. также: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1, стр. 240—241.

³⁶ ААН СССР, ф. 1, оп. 3, № 17, л. 169. См.: Conrad G. G. а. у. к. соч., стр. 210.

³⁷ ААН СССР, ф. 11, оп. 1, № 206, лл. 94—97; С. П. Обнорский, С. Г. Бархударов. Хрестоматия по истории русского языка, ч. 2, вып. 2. М., Учпедгиз, 1948, стр. 86—92.

избрания угодного ему иерарха и на этом закончил, по мнению Татищева, свою церковно-реформаторскую деятельность. Когда началось «великое смятение и разорение русское», ни о каком исправлении языка и книг не было разговора, так как даже многие «знатных людей дети читать и писать учиться не могли и остались безграмотны». Осуждая патриарха Никона за неумеренное любочестие и стремление «искать власть над государем», Татищев положительно отнесся к его намерению исправить церковные книги, но решительно осуждал его диктаторские методы проведения церковной реформы. «Как он неразумно самовластием, а не советом и довольным рассуждением, не истолковав перво неправостей, начал, — того ради великой вред нанес тем, — писал Татищев, — что многие неразумные начали оное за применение веры почитать, а он яко властолюбивый, не кротостью и учением, но мечом и огнем стал принуждать, и тем новой ереси или расколу капитонов — они же и пустосвяты — укрепляться и умножаться причину подал».

В «Предложении о сочинении истории и географии российской» (1737) Татищев кратко сформулировал свое понимание задач, стоящих перед историей. В произведении 1739 г. «Россия или как ныне зовут Россия» он, опираясь на свои разыскания в отечественных древностях, конспективно изложил взгляд на периодизацию всей истории России, которую он рассматривал шире, чем вопрос о периодизации государственности в нашей стране.³⁸

Первоначальная редакция «Истории Российской» 1739 г., сохранившаяся в немецком переводе (рукопись ЦГАДА, портфели Миллера, 42, № 6), и первая редакция в рукописи 1746 г. (БАН 17. 17. 11) имеют самостоятельное научно-литературное значение. Как уже говорилось в первой части «Русской историографии XVIII века», эти рукописи по характеру изложения и использованным материалам следует отнести к одной редакции, которую мы называем первой. Окончательный вариант первой редакции по Академической рукописи отражает в целом уровень развития исторической мысли в России 30-х годов, тогда как вторая редакция — 40-х. Первую редакцию нельзя игнорировать при изучении исторических взглядов Татищева не только потому, что она является определенным этапом в их развитии, но и потому, что в ней есть много интересных и ценных материалов и выводов, не вошедших по разным причинам во вторую редакцию «Истории Российской». Первая часть «Истории Российской», названная Татищевым в первой редакции «Предъизвесчением», состояла из 40 глав или параграфов, большинство из которых и по названию и в значительной степени по содержанию совпадали с текстом второй редакции, но отличались объемом, характером аргументации, использованными источниками и привлеченной литерату-

³⁸ В. Н. Татищев. Избранные труды по географии России, стр. 77—97 и 107—137.

рой. (Листаж первой книги в печатном издании в несколько раз превышает текст первой части в первой редакции.)

В первой редакции отсутствуют те теоретические соображения Татищева о задачах истории, которые были изложены в «Предисловии» или «Предъизвещении» ко второй редакции, не нашли в ней места и социологические соображения автора, которые Татищев включил как отдельную — 45-ю главу во вторую редакцию. В первой редакции, например, в главе о хронологии нет четкого вывода, сделанного им уже во второй редакции «Истории Российской», о роли хронологии в истории: «Басни или романы хронологии не требуют, для того и сущая история без разделения лет за басни почестья может». В ней нет и главы «О варягах» (глава 32-я печатного издания). В главе «О географии русской» в первой редакции отсутствует широкое теоретическое обоснование географии как самостоятельной научной дисциплины, но зато имеется ряд интересных данных из биографии Татищева, из истории географического изучения России, не перешедших во вторую редакцию, например об окончании дополнения «Книги Большого чертежа» к 1680 г., о помощи Татищеву в его первоначальных географических разысканиях со стороны не только Брюса, но и Феофана Прокоповича и математика Фарварсона.

Если можно говорить, что критицизм Татищева возрастал от середины 30-х к началу 40-х годов, то в последние годы жизни в болдинском уединении, когда он заканчивал оформление рукописи первой редакции и усиленно работал над второй, историк стал отходить от выработанных им же принципов научной критики при подготовке к печати источников и их использования в историческом труде. Такая эволюция взглядов Татищева должна быть объяснена рядом причин. Вместо того, чтобы следовать первоначальному плану и составлять «Сводную летопись» («Собрание из древних русских летописцев»), строго придерживаясь текста летописных источников, оговаривая каждое слово своего толкования, комментируя и объясняя исторические события и чтения летописей в «Примечаниях», как он обещал, Татищев стал писать историю в форме летописного свода. Отказ от подготовки научного свода летописных известий и замена его историей в форме летописного свода имели печальные для русской науки последствия. Татищев стал перерабатывать первоначальную редакцию своего летописного свода, в результате чего появилась рукопись БАН 17. 17. 11 — рукопись первой редакции, уже отошедшая от первоначального текста 1739—1740 гг. и поэтому в значительной степени утратившая свое значение первоисточника. С другой стороны, его «История Российская», являющаяся историей, а не летописным сводом, была уже в XVIII в. объявлена сводом источников, до нас не дошедших, и в связи с этим введена в ранг достоверного исторического источника. Правда, последний вывод был бы односторонним, если бы мы не сказали,

что «История Российская» уже тогда признавалась крупнейшим событием в развитии русской исторической мысли XVIII в., поскольку она была первым опытом написания русской истории с древнейших времен. Для второй редакции татищевского труда отход от строгих принципов использования летописных источников облегчался тем, что Татищев, отказавшись от составления прокомментированного летописного свода, начал писать историю в форме летописного свода, широко используя нелетописные данные.

Хотя Татищев поместил Иоакимовскую летопись отдельно от основного текста «Истории Российской», но в его концепции идея преемственности государственной власти от Гостомысла Рюриком, заимствованная из «Степенной книги» и «Синописа», а также позже из Иоакима, получила полную поддержку. Он также отдавал предпочтение показаниям Иоакимовской летописи перед Несторовский в отношении характеристики Ярополка. Отход от Нестора к Иоакиму Татищев объяснял тем, что Нестор «не весьма хваально» описал житие и дела Ярополка, так как неверность и предательство вельмож киевского князя он приписал слабости и нерассудительности Ярополка, тогда как Иоаким представил этого же князя кротким, благоверным и христианолюбивым. Из этого видно, что к концу своего творческого труда Татищев еще более, чем в первой редакции, был озабочен реабилитацией деятельности князей, для чего, отказываясь от Нестора, обращался к источникам сомнительного происхождения.

Уже в первую редакцию Татищев включал тексты, которые заведомо нельзя отнести к древним летописным источникам. В этом отношении примечателен эпизод из истории римской католической церкви с папой Анной. Сюжет о женщине-папе, якобы занимавшей папский престол между смертью папы Льва IV (855 г.) и Бенедиктом III, был широко распространен, начиная с XI до XVIII в. включительно. В достоверности рассказа до этого времени никто не сомневался. Его в разных вариантах повторяли Боккаччо, Петрарка, Ян Гус и другие авторы, всего более двухсот человек. Впервые историк XVIII в. Давид Блондель доказал, что легенда о женщине в папской тиаре является одним из памфлетов, направленных против распущенности верхов католического духовенства.³⁹ Татищев знал книгу Блонделя, но не преминул использовать эту версию для разоблачения духовных пастырей церкви.

Татищев не всегда правильно читал текст «Повести временных лет», правда ему приходилось пользоваться копией с Радзивилловского списка, наполненной многими ошибками и дефектами, как он сам хорошо видел. Так, объясняя ошибки и неясности исторической географии «Повести», он относил их за счет пере-

---

³⁹ См.: В. А. Бильбасов. Женщина-папа. Средневековое сказание. Киев, 1871; В. Н. Татищев. История Российская, т. IV, 1964, стр. 138.

мены или «угасания» древних названий, недостатка греческой образованности, которой следовал Нестор и, наконец, переписчиков, перепортивших текст. Татищев так и не смог объяснить, что такое вира (ни в «Истории», ни в комментариях к «Русской правде»).

«История Российская» (во второй редакции) Татищева, являясь закономерным итогом развития исторических знаний в России в первой половине XVIII в., одновременно была итогом многолетней деятельности самого русского историка.

Первая книга «Истории» Татищева имеет большое методологическое значение в историографии XVIII столетия. В ней впервые систематически были сформулированы основные теоретические положения исторической науки в России. Татищев не только остановился на определении предмета истории и ее содержания, но и попытался сформулировать общие закономерности исторического развития, выяснить изменение форм общественного и государственного устройства. Татищев не только выявил источники, необходимые для отечественной истории, но и заложил основы целого ряда вспомогательных дисциплин: хронологии, исторической географии, генеалогии и т. д. Наконец, он отвел целую книгу для изучения древнейших судеб нашей страны, введя в круг исторического исследования период истории народов России «до Рюрика». Таким образом, решительно порвав с провиденциальным воззрением на историю, Татищев впервые в русской историографии создал произведение по всеобщей истории России, написанное на уровне современной науки.

Первая часть, или первая книга, «Истории Российской» по содержанию распадается на несколько тем. Во-первых, Татищев останавливается на теоретических вопросах; во-вторых, на вспомогательных дисциплинах, органически необходимых для составления исторического труда; в-третьих, на истории народов, обитавших на территории России в древности, начиная со скифов и сарматов до соседей славян в IX столетии, и, в-четвертых, на вопросах разного содержания.

Татищев начал «Историю» с трех обычных еще в XVII в. сюжетов: о древности письма славян, об идолослужении, о крещении славян и Руси (главы 1, 2 и 3-я). Сопоставление первых трех глав труда историка с Густынской летописью и «Синописом» неопровержимо свидетельствует о том, что исторические знания в XVIII в. далеко ушли по пути превращения в науку.

Главы источниковедческого характера, посвященные истории русского летописания до начала XIII в. (5 и 6-я), описанию списков летописей, использованных автором (глава 7-я), и хронологии (глава 8-я), положили начало научной разработке истории русского летописания и созданию основ научной хронологии отечественной истории.

В 1747 г. Татищев включил в свой труд (во вторую редакцию «Истории Российской») главу «О истории Иоакима Новгород-

ского епископа» (глава 4-я), произведшую огромный историографический резонанс, не затухающий вплоть до нашего времени.

Прежде чем приступить к изложению сведений о древнейших народах России, Татищев остановился на вопросах, имеющих большое теоретическое значение: «О происхождении, разделении и смешении народов» (глава 9-я) и «Причинах разности званий народов» (глава 10-я). Далее следовали главы, посвященные описанию древних народов, обитавших на территории России — скифов, сарматов и славян, которых Татищев считал «главными народами», и тех, которые произошли от них. Некоторые из глав являются сокращенными переводами или выдержками из лучших античных и современных авторов: Геродота, Страбона, Плиния, Птоломея (главы 12—15-я), Константина Порфирогенита и книг северных писателей (главы 16 и 17-я — перевод статей Г. З. Байера). Главы 11, 18—28-я отведены историческим справкам о древних и средневековых народах (включая болгар, печенегов, половцев и пр.). Руси и варягам посвящены главы 29—32-я, причем последняя является переводом статьи Байера «О варягах». Вопрос о славянах рассматривался в ряде глав (33—42-я). В заключительных главах Татищев остановился на общих и специальных вопросах исторической науки. Две главы (43, 44-я) отводились истории географических работ в России и исторической географии, социологии (глава 45-я), истории государственного герба (глава 46-я),⁴⁰ родословию русских князей и церковной организации на Руси (главы 47 и 48-я). Заканчивалась книга этнографическим опытом — главой (49-я) «О чинах и суевериях древних».

Источниковедческая и историографическая база «Истории Российской» Татищева свидетельствовала о том, что ее автор стоял на уровне современной науки. Хотя Татищев и работал в то время, когда он не имел возможности ознакомиться с памятниками древней русской письменности многих центральных и местных архивохранилищ и библиотек (за исключением «архивы» Казанской, Астраханской, Сибирской, Библиотеки Академии наук, частных библиотек А. П. Воынского, Феофана Прокоповича, Д. М. Голицына и др.), но чутье талантливого источниковеда и наблюдательность большого историка позволили ему правильно отобрать важнейшие источники отечественной истории.⁴¹ Татищев впервые ввел в научный оборот «Русскую прав-

⁴⁰ Сохраняем нумерацию глав, начиная с 45-й главы, по изданию XVIII в.

⁴¹ Об отечественных источниках Татищева см.: М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 39—53; с критическими приемами работы Татищева с источниками знакомит А. Т. Николаева в интересной статье «Некоторые вопросы источниковедения в „Истории Российской“ В. Н. Татищева» (Тр. Гос. историко-архивного ин-та, т. 17. Вопросы источниковедения истории СССР. М., 1963, стр. 337—374). — К сожалению, автор не смогла проанализировать приемы работы Татищева с летописными памятниками на основании рукописного фонда «Истории Российской» и сопоставления двух редакций ее.

ду», «Судебник 1550 г.», «Книгу Большого чертежа» и, главное, летописи. Для своего труда он привлек те летописные источники, без которых и по сей день невозможно обойтись при изучении истории России: «Повесть временных лет» для событий до первого десятилетия XII в., Киевскую, или Галицко-Волынскую, летопись для XII столетия и Никоновскую для последующих. Правда, Татищев использовал не лучшие списки этих памятников. Так, мы уже указывали, что он использовал копию петровского времени Радзивилловской летописи и Ермолаевский список Ипатьевской. Однако нужно учесть, что Татищев употреблял не все то, что ему попадало под руки, а умело отбирал лучшие тексты. Если в начале своих исторических разысканий Татищев положил в основу своего труда «Собрания из древних русских летописцев» — Кабинетскую летопись (один из лицевых списков), то вскоре он переключился на более надежный и древний текст — «Повесть временных лет» по Радзивилловской летописи. Также следует помнить, что историк еще до Н. М. Карамзина в основу описания событий XII в. положил текст Ипатьевской летописи по Ермолаевскому списку. Как видно, Татищев устоял перед соблазном использовать универсальный текст Никоновской летописи для изложения истории до XIII в., но вынужден был прибегнуть к ее тексту как основе «Истории Российской» после того, когда два указанных выше источника себя исчерпали.

Иностранные источники отечественной истории Татищев использовал с присущим для него размахом и основательностью.⁴² При написании «Истории Российской» он привлек важнейшие источники: произведения античных и византийских историков, средневековых писателей, авторов польских хроник и восточных историков. Он также хорошо был знаком с исторической литературой нового времени, трудами европейских историков XVI—XVII вв.

Вообще следует отметить, что русский исследователь был в курсе достижений новейшей исторической мысли своего времени. Литература XVIII в. — века энциклопедий — была представлена в библиотеке Татищева двумя десятками различных энци-

⁴² Каталог библиотеки В. Н. Татищева последних лет его жизни был опубликован П. П. Пекарским в кн.: Новые известия о Татищеве, стр. 56—63; см. также: ЦГАДА, ф. 17, д. 255, лл. 15—18, 25—27. — Значительный интерес для уточнения произведений различных авторов, известных Татищеву, представляет «Дополнка росписи „Лексикона гражданского“» (ЦГАДА, портфели Миллера, № 46, д. 17), в которой Татищев перечислил в алфавитном порядке авторов и произведения, заслуживающие быть отмеченными в «Лексиконе»; см. также: Наркиз Чупин. Библиотека В. Н. Татищева. «Московские ведомости», 1860, № 203; Книги В. В. Татищева в фондах краеведческого музея (Предварительная информация). Свердловск, 1962; см. также: «Примечания» к первому тому «Истории Российской» В. Н. Татищева, составленные И. В. Валкиной; В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 444—462; О необходимости разыскания уральской библиотеки В. Н. Татищева см.: Библиотека основателя города Свердловска. «Известия», 26 ноября 1961 г.; В. Г. Федоров. К истории екатеринбургской библиотеки В. Н. Татищева. В кн.: Материалы к биографии В. Н. Татищева. Свердловск, 1964, стр. 78—90.

клопедий и лексиконов, начиная от всеобщего исторического лексикона Буддея, «Словаря исторического и критического» Пьера Бейля, исторического лексикона Морери, философского лексикона Вальха, географического лексикона Мартиньера до лексикона, посвященного поварским рекомендациям.

Корпус античных авторов в «Истории Российской» Татищева был представлен Геродотом (к которому он составил «алфаветическую роспись»), Страбоном, Плинием (два издания), Птоломеем, Плутархом, Юлием Цезарем, Тацитом, Иосифом Флавием, Квинтом Курцием и др., которых он использовал в переводах, в большинстве своем сделанных специально для него в середине 30-х годов К. Кондратовичем; византийские писатели — Константином Порфирогенитом, Георгием Кедриным, Зонаром, Никитой Хониатским, Прокопием Кесарийским и Львом Грамматиком. Татищев знал многих авторов средневековых анналов: Иордана, Павла Диакона, Лиутпранда, Титмара Мерзебургского, Адама Бременского, Гельмольда, Снорре Стурлусона. Были известны ему описания путешествий Платона Карпини, Рубрика, Марко Поло и др. Татищев хорошо знал «Записки о Московских делах» Сигизмунда Герберштейна и пр.

Польские хроники систематически привлекались Татищевым. Знание русским историком польского языка существенно облегчало ему знакомство с произведениями Стрыйковского, Бельского, Кромера. Хорошо ориентировался Татищев и в произведениях Длугоша, Гвагвина, Меховия и некоторых других, изданных на латинском языке, но частично доступных ему в переводах и извлечениях, сравнительно распространенных в России уже в XVII в.

Историки нового времени занимали видное место в библиотеке Татищева. Не говоря о Баронии и некоторых других авторах, чьи произведения были переведены на русский язык и изданы в XVIII в., Татищев располагал в своей личной библиотеке «Исторической хроникой» немецкого историка Готфрида, специально приготовленным для него переводом К. Кондратовича произведения голландского филолога и философа Антония Далена «Об оракулах древних народов», «Военной книгой» Дилиха, известным произведением Страленберга, «Введением к московитской истории» плодовитого немецкого автора Трейера, «Кратким изложением всеобщей истории» немецкого историка А. Л. Имгофа, названного Татищевым «Исторический Сал», первым томом известного произведения по древней истории Ш. Роллена и др. Из восточных авторов укажем только на «Историю татарскую» хивинского хана Абдулгази Багадура (XVII в.), переведенную с французского издания В. К. Тредиаковским, исправленную и прокомментированную Татищевым.

В итоге следует отметить, что Татищев, хотя и был в курсе современной исторической литературы, но вряд ли мог с библиографической полнотой следить за всеми новинками, тем более

появляющимися за границей. Изучение иностранных источников, использованных Татищевым, — дело специального научного разыскания.

К русским и иностранным источникам и произведениям, имеющим отношение к русской истории, Татищев всегда подходил с точки зрения рационалистической критики их. Еще строго не отличая источник от собственно исторического произведения, Татищев тем не менее достаточно определенно видел тенденциозность того и другого. Известны его высказывания о Никоновской летописи, о произведениях польских историков и др.

Следует подчеркнуть, что Татищев первым использовал всю совокупность разнообразнейших источников и литературы по русской истории. Он был первым русским историком, обратившимся к показаниям Геродота о древнейших народах Северного Причерноморья и Восточной Европы. Имея своим предшественником Байера в изучении геродотовской «Скифии», Татищев, однако, самостоятельно подошел к свидетельствам греческого историка. Он заинтересовался «Историей» Геродота еще в 1736 г., когда собирал материал для первоначальной редакции «Истории Российской», и до конца своих дней продолжал обращаться к его труду, называя Геродота вслед за Цицероном «отцом всех историков». Татищев считал, что свидетельства Геродота о Скифии были положены в основу произведений Страбона, Плиния и Птоломея. Одновременно он отмечал баснословность некоторых рассказов греческого писателя.⁴³

Татищев обвинял Тита Ливия в том, что тот не рассмотрел «многих противоречасчих обстоятельств»,⁴⁴ отмечал неясность сказаний у древних, в том числе и Плиния, приводящую к тому, что «истину за басню почесть можно» и т. д. Но Татищев справедливо считал, что у Плиния много полезного и нужного для истории.⁴⁵

Татищев называл Птоломея первым «в порядочных географях». Опираясь на его показания, он выдвигал мысль о трех главных народах Восточной Европы: скифах, сарматах, славянах.⁴⁶

С большим уважением Татищев относился к свидетельствам Константина Багрянородного, поскольку они помогали преодолеть «Нестеров недостаток» в географическом описании Древней Руси.⁴⁷

Интересно отношение Татищева к Прокопию Кесарийскому. Он считал его «мало годным свидетелем». Татищев писал: «Прокопий в древностях не верен».⁴⁸ Если автор «Истории Российской» недооценивал его показания, то Ломоносов, как известно,

⁴³ См.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 137, 251.

⁴⁴ Там же, стр. 434.

⁴⁵ Там же, стр. 154; см. также стр. 147, 427, 231, 162.

⁴⁶ Там же, стр. 175, 130.

⁴⁷ Там же, стр. 350.

⁴⁸ Там же, стр. 185.

широко использовал свидетельства Прокопия о славянах.⁴⁹

Особое место в работе Татищева, как и у других историков XVIII в., заняли произведения польских хронистов. С одной стороны, Татищев признавал их ценность, считая, что в их трудах сохранились показания русских летописей, до нас не дошедших. Это подтверждается, по его мнению, в первую очередь «Хроникой» Стрыйковского. Татищев писал: «Наипаче удостоверяет о том Стрыйковский, который, перед 170 леты прилежно в русской и литовской истории трудясь, из русских 15 разных летописцов собрал, и хотя он порядок переменял и во многом сокращал, однако ж у него много таких обстоятельств находится, которых в собранных мною нет».⁵⁰ Но, с другой стороны, Татищев обращал внимание на общий недостаток всех польских средневековых историков, связанный с недооценкой необходимой точности в хронологии и географии. «В польских историях есть главная и всем им обшчая погрешность, — писал Татищев, — что хронологии и географии в их сказаниях не наблюдали».⁵¹ Вольное обращение Стрыйковского с летописными текстами Татищев объяснял тем, что польский историк «был поэта» и поэтому «часто далеко от порядка и правости отдалялся», в результате чего у него «многое весьма нужное пропущено, а невероятное внесено».⁵² Недооценка исторической хронологии и географии у польских хронистов, по мнению Татищева, приводила к большому количеству баснословных сказаний. «Безстыдные лжи и басни» Кадлубека, Кромера, Длугоша и других польских писателей, как писал Татищев, «все обличать скука наводится».⁵³ В результате такой оценки, Татищев в одних случаях сомневался в показаниях польских хроник,⁵⁴ в других критиковал их,⁵⁵ но некоторые известия признавал достоверными.⁵⁶

⁴⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, 1952, стр. 183 и сл.

⁵⁰ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 121. См. также: А. И. Рогов. Древнерусские переводы «Хроники» Стрыйковского. В кн.: Археологический ежегодник за 1962 год. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 206—214; Его же. Известия по истории Киевской Руси в Хронике Мацея Стрыйковского и их источники. Краткие сообщения Ин-та славяноведения АН СССР, вып. 42, 1964, стр. 52—64.

⁵¹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 257.

⁵² П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867, стр. 21—22.

⁵³ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 307.

⁵⁴ Татищев, например, сомневался в переводе библии на славянский язык уже в IV в. — Там же, стр. 94.

⁵⁵ Татищев считал, что показания польских историков о крещении славян и руси «ово недостаточны и неясны, ово и недостоверны» (там же, стр. 103); отмечал погрешности в хронологии (там же, стр. 128). Большую ошибку польских средневековых историков Татищев видел в том, что они считали славян сарматским народом. «Погрешность главная польских писателей, что они славян со сарматы мешают...», — писал он (там же, стр. 323; см. также стр. 244).

⁵⁶ Напр., показания Длугоша о походах Владимира I в Польшу (там же, стр. 121; см. также стр. 93, где сказано, по Стрыйковскому, о приходе славян в Европу).

Татищев хорошо понимал пристрастность многих средневековых писателей. Так, о Бельском он писал, что тот у Иордана «видел в глазе сучок, а у себя бревна самохвальства не видит».⁵⁷ По отношению к Иоанну Магнусу (XV в.) Татищев был настроен скептически, так как считал, что тот хотел «все славные дела других народов своему присовокупить».⁵⁸ Автор «Истории Российской» также отмечал предвзятость показаний Иордана в отношении других народов. Он, по мнению Татищева, «яко противник и неприятель угров и гунов будучи, сложил весьма смешную и более глупую басню».⁵⁹ Но надо сказать, что Татищев был далек от национальной ограниченности, когда обвинял иностранных историков в необъективности. Татищев считал, что Нестор, как и его современник Адам Бременский, в равной степени «злоствуя», выдумывал басни о неугодных ему племенах.⁶⁰ Привлекая показания Гельмольда и Саксона Грамматика при характеристике славянских божеств, Татищев подчеркивал католическую тенденциозность их свидетельств.⁶¹ Он опирался на данные Гельмольда о славянском князе Винуле, но не особенно им доверял.⁶²

Писатели XVIII в. также неоднократно критически привлекались Татищевым. Из современных историков он чаще всего обращался к трудам Г. З. Байера. Татищев с благодарностью говорит о его произведениях, которые ему «многое неизвестное открыли».⁶³ Татищев верно оценивал сильные и слабые стороны немецкого ученого. «Преславный писатель» Байер, по его словам, «в древностях иностранных весьма был сведом, но в русских много погрешал», так как он недостаточно знал «историей русских и географии».⁶⁴ Его плохое знание русских источников Татищев объяснял тем, что Байер, хотя «много читал и твердую память имел, но... ему руского языка, следственно русской истории, не доставало...»⁶⁵ Не имея возможности ознакомиться с русскими памятниками в оригинале, Байер вынужден был прибегать к переводам, которые, по мнению Татищева, были неудовлетворительны. «Беер русской истории не читал, — писал он, — а что ему переводили, то неполно, и неправо».⁶⁶ Не мог Татищев пройти мимо некоторых националистических выводов Байера. Он считал, что «пристрастное доброхотство беерово к отечеству» приводило порой к ошибкам.⁶⁷

---

⁵⁷ Там же, стр. 257.

⁵⁸ Там же, стр. 280.

⁵⁹ Там же, стр. 279; см. также стр. 431.

⁶⁰ Там же, стр. 316.

⁶¹ Там же, стр. 100.

⁶² Там же, стр. 372.

⁶³ Там же, стр. 90.

⁶⁴ Там же, стр. 93, 137.

⁶⁵ Там же, стр. 225.

⁶⁶ Там же, стр. 229; см., напр., об ошибках перевода стр. 307, 433.

⁶⁷ Там же, стр. 228.

Учитывая несовершенство статей Байера, Татищев их критически перерабатывал. «Я сие Беера разглагольствие в некоторых местех сократил, — писал он в „Изъяснении“ к главе о сведениях из Константина Багрянородного, — дабы излишним и к нашей истории ненадлежащим пространства избежать, инде же его речения, яко недовольно знающаго русский язык и историю, переправил, дабы не все примечаниями изъяснять, но желающий подлинно оное видеть может в Комментарии».⁶⁸ Но говоря об ошибках ученого, Татищев не переоценивал значения своих критических возражений, стремясь к разрешению сложных вопросов истории и исторической географии в процессе творческой полемики.⁶⁹

Таким образом, рассмотрев литературу о мировоззрении Татищева и ознакомившись с его отношением к русским и иностранным историкам, а также источникам, следует признать, что Татищев вырос на произведениях просветительской общественно-политической и философской мысли XVII—XVIII вв. Его непосредственными руководителями были Христиан Вольф, оказавший сильное влияние на него и в известной мере на Ломоносова, Пуфендорф, приспособивший теорию общественного договора к немецким условиям своего времени, Вальх, философский лексикон которого он использовал целыми кусками, а также Гуго Гроций, Лейбниц и некоторые другие. Политические и исторические воззрения Татищева сложились под влиянием русской передовой общественной мысли и историографии времени реформ первой четверти XVIII в. Поэтому Татищева следует считать приверженцем просветительской философии первой половины XVIII в., сторонником теории естественного права,⁷⁰ которая сочеталась у него с монархистско-крепостническими взглядами, а также летописно-повествовательной традицией.

Просветительство Татищева нельзя сводить к гуманизму и веротерпимости⁷¹ без существеннейших оговорок. Он был не только сыном своего века, но и видным представителем господствующего класса феодальной России. Татищев не останавливался перед жестокостями, усмиряя движение башкир, лично наблюдая за расправой над вождями восстания.⁷² Он присутствовал при

⁶⁸ Там же, стр. 201.

⁶⁹ Там же, стр. 350.

⁷⁰ А. Галактионов и П. Никандров (История русской философии. М., Изд. Соц.-эконом. лит., 1961, стр. 5) называют В. Н. Татищева просветителем и сторонником теории естественного права.

⁷¹ П. П. Епифанов. «Ученая дружина» и просветительство XVIII века (Некоторые вопросы истории русской общественной мысли). «Вопросы истории», 1963, № 3, стр. 41 и др. — Епифанов считает Феофана Прокоповича, В. Н. Татищева и А. Д. Кантемира типичными представителями «ранних стадий формирования просветительской идеологии», объединенных общностью взглядов, в частности в вопросах антиклерикализма, веротерпимости, деизма и гуманизма и «просвещенного абсолютизма».

⁷² См.: Н. В. Устюгов. Башкирское восстание 1737—1739 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, стр. 15, 116.

казни башкирского батыра в 1738 г. не из «поэтического любопытства», как наивно писал в свое время И. И. Дмитриев о Г. Р. Державине, повесившем двух пугачевцев, а как начальник Оренбургской экспедиции, с философским спокойствием интересуясь тем, что будет чувствовать осужденный к смерти и каковы его соображения о жизни потусторонней. Хотя Татищев язвительно высмеивал тех представителей русского духовенства, которые более прилежали к корыстолюбию и разврату, чем к проповеди православной веры, но с вероотступниками поступал беспощадно. По его приказу был сожжен на костре в 1738 г. башкир Тойгильда. Татищев писал: «Татарина Тойгилду за то, что, крестясь, принял снова магометанский закон, на страх другим, при собрании всех крещенных сжечь, а жен и детей его выслать в русские города».⁷³

Татищев, часто знакомясь с идеями передовой общественно-политической и философской мысли из вторых рук, главным образом по произведениям упомянутых авторов — популяризаторов, а также из многочисленных лексиконов, часто схематично отражавших достижения эпохи, хотя и находился на уровне образованности своего времени, но тем не менее в 40-х годах начал отставать от новейших достижений историографии. Напомним, что Татищев вынужден был признаться в превосходстве соображений Роллена о задачах истории перед собственными соображениями, изложенными им в последние годы жизни в «Предисловии» к «Истории Российской».⁷⁴ Уместно также напомнить, что А. Л. Шлецер, говоря о «Римской истории» Роллена, которую он назвал для своего времени классическим произведением, в свою очередь, справедливо отметил, что она к середине 60-х годов отстала лет на тридцать.⁷⁵ Вольтер презрительно отзывался о Роллене, писавшем по старинке и пересказывающем античные басни.⁷⁶

Татищев не знал ни Вольтера, ни Монтескье, так как деятельность великих французских просветителей стала приобретать европейскую известность уже после его смерти.

Прагматическое понимание истории, являющееся новым этапом в развитии русской исторической мысли XVII—XVIII вв.,

---

⁷³ Цит. по журналу: «Наука и религия», 1963, № 4, стр. 86.

⁷⁴ В. Н. Татищев, прочитав «Древнюю историю» Роллена (т. I, СПб., 1749), писал И. Д. Шумахеру в 1749 г. следующее: «Мне особливо в ней то мило, что он в предисловии о пользе истории многим внятнее, нежели я мог, изъяснил, и хотя его превосходный разум я так почитаю, чтоб мне довольно участником между его учениками быть и, чаю, далеко мудрейше меня ему похвалы приписать не отрекутся, и самое удостоверение к переводу на наш язык Академия достаточно то утвердило» (Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. «Исторический архив», т. VI, 1951, стр. 287).

⁷⁵ А. Л. Шлецер. Общественная и частная жизнь... им самим описанная. СПб., 1875, стр. 300.

⁷⁶ См.: Е. А. Косминский. Вольтер как историк. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 161.

высвобождая историю от божественного промысла, сводило причины событий к психологически обусловленной деятельности людей, точнее князей и их сановных советников. Прагматизм Татищева, являющийся одной из форм идеалистического понимания истории, сочетался у него с отдельными эпизодическими элементами материалистического истолкования некоторых явлений общественной жизни и истории. Его объяснение причин первой крестьянской войны и образования городов на Руси, понимание роли ремесла и торговли в истории свидетельствуют о зарождении того нового понимания истории у Татищева, которое оформилось во второй половине XVIII в. в русской просветительской историографии.

Блестящим примером реалистического подхода к оценке серьезных явлений в истории явилось решение Татищевым вопроса об образовании городов в Древней Руси. Его мысль о том, что «ремесла причина градов», стала использоваться в качестве эпиграфа в работах советских историков.⁷⁷ Но было бы ошибочно думать, что в представлении Татищева ремесло является главной причиной образования городов.⁷⁸ В его схеме развития общества в историческом порядке представлены следующие «сообщества»: 1) супружеское, 2) родовое, 3) домовное (единодомовное или хозяйское), 4) гражданство. Особенно интересно объяснение Татищевым происхождения последних двух «сообществ». Домовное сообщество возникает в результате увеличения населения на земле и возникновения имущественного неравенства, происходящего от различной духовной и физической одаренности людей. Люди «с достаточным именем и смыслом», но старые и больные, лишённые возможности не только к большому приобретению, но к «сохранению и обороне», заключают договоры с теми, которые «за недостатком искусства собственного и наставления потребного им приобрести не могли», т. е. с здоровыми, сильными, но не располагающими «достаточным именем». В духе теории общественного договора, приспособленного к условиям феодально-крепостнического строя царской России, Татищев говорил о равной выгодности этого соглашения для обеих сторон, необходимости его соблюдения и т. д. Центральным пунктом рассуждений историка о «сообществах» является его вывод о извечности власти в любом из видов человеческого общежития — «никакое сообщество малое или великое без начальства и власти быть не может».

Что касается причин образования «гражданства», т. е. объединения отдельных домовных или хозяйских сообществ в города, то Татищев на первое место выставляет не ремесло, а, применяя современную терминологию, социальное обстоятельство. Позво-

⁷⁷ Б. А. Рыбаков. Ремесло в Древней Руси. М.—Л., Изд. АН СССР, 1948, стр. 8. См.: М. К. Каргер. Древний Киев, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 369.

⁷⁸ Ср.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 185.

лим привести соображения Татищева. «Сии единомыслие или хозяйские сообщества не могли долго в спокойности и безопасности быть, ибо как оных умножилось, так зависть, ненависть и злость в сердцах нечестивых возросла, оные немощных и неосторожных грабить и убивать начали», — писал он, умалчивая преднамеренно о том, что речь должна идти о людях «с достаточным имением», о которых он совершенно определенно говорил несколько выше. И тогда, продолжал он, «нужда требовала к обороне и засците от таковых наглостей силу присовокуплять, и разным домам, совокупясь, укрепиться оградой, и сие от ограждения град имяновали», — заканчивал Татищев объяснение первой причины образования городов, или гражданского общества. «Другая причина совокупления городов от потребностей, — которую Татищев считал второй по порядку и степени важности, — ибо всякому хозяину различные вещи требовались, которых всяк про себя делать и далеко без остановки в его настоящем промысле искать не мог. Например, неким недоставало припасов на одежды, иной не умел или не был возможен дом себе построить, иному сосудов, оружия и пр. недоставало; для того разных промыслов и ремесел люди совокупились, дабы всяк свободно потребное себе в близости достать и своим промыслом других довольствоваться, яко же и сам потребное получить в близости мог, и все обще о пользе и засците всего сообщества обязались, чрез что гражданство начало возмело».⁷⁹ Таким образом, как видно из текста, Татищев считал первопричиной образования городов необходимость защиты людей «с достаточным имением» от посягательств со стороны «нечестивых». «Злость начало градов», — писал он в оглавлении содержания на полях книги («фонарик») и только ниже добавил: «Ремесла причина градов».⁸⁰

Не менее обстоятельно Татищев рассуждал о формах государственного устройства. Отметив, что все три основные формы государственного устройства: монархия, аристократия и демократия — правомерны, Татищев считал, что организация государственной власти зависит от «состояния и обстоятельства каждого сообщества». Под этим он подразумевал: 1) положение земель, 2) величину страны («пространство области») и 3) «состояние народа» (он имел в виду распространение просвещения).⁸¹ Таким образом, Татищев придерживался не только передовой для своего времени географической теории в объяснении происхождения различных форм государства, но и сочетал ее с признанием решающей роли просвещения в общественной жизни.⁸²

⁷⁹ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 359—361.

⁸⁰ В издании XVIII в. на полях слов «Злость начало градов» нет.

⁸¹ См.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 362—363.

⁸² Ср.: Г. Б. Гальперин. Формы правления Русского централизованного государства XV—XVI вв. Изд. ЛГУ, 1964, стр. 4.

Автор данной работы не считает возможным заняться изучением исторических представлений Татищева, поскольку это станет доступным в полном объеме после выхода в свет нового издания труда историка первой половины XVIII в. «Истории Российской». Ограничившись некоторыми экскурсами, перейдем к выяснению роли татищевского труда в развитии русской исторической мысли XVIII в.

Влияние «Истории Российской» Татищева на дальнейшее развитие русской исторической мысли начало сказываться еще при жизни историка и даже в то время, когда его труд был в рукописи. Современный немецкий исследователь убедительно показал историографическое значение «Истории Российской» для развития исторической науки в середине XVIII в. «Миллер и Тауберт, — пишет он, — имели честолюбивое намерение также написать всеобъемлющую русскую историю: один — открыто, другой — тайно». Но «все, кто занимался в то время русской историей, — утверждает академик Э. Винтер, — широко пользовались рукописью В. Н. Татищева „Русская история“. Однако в ее обнародовании они не были заинтересованы...»⁸³ Действительно, рукописью татищевского труда пользовались М. В. Ломоносов, Г. Ф. Миллер, Ф. А. Эмин, М. М. Щербатов и А. Л. Шлецер.

Недавно опубликованные материалы заставляют в какой-то мере пересмотреть своего рода традиционное и, надо сказать, одностороннее представление об отношении Шлецера к Татищеву. Они свидетельствуют не только об уважении Шлецера к первому русскому историку, но и о понимании им значения труда Татищева в деле разработки русской истории. Шлецеровский план издания татищевского труда весьма интересен. Его автор назвал Татищева «отцом русской истории и первым творцом полного курса русской истории».⁸⁴ Шлецер, намереваясь продолжать работу над русской историей, опираясь на татищевский труд, писал: «Все счастье, весь ход и скорость завершения всех моих будущих трудов положительно зависит от этой книги. Я беспрерывно должен иметь систематически изложенный полный курс русской истории, чтобы суметь объять ее в целом». Шлецер, пожалуй, наивно рассчитывал, что когда будет напечатана «История Российская» Татищева, то ему только останется, что проложить книгу бумагой и, как он выражался, «отшлифовать один период за другим», заносая на вложенные чистые листы необходимые дополнительные известия из отечественных и иностранных источников, что он думал сделать за какие-нибудь три года.

---

⁸³ Э. Винтер. М. В. Ломоносов и А. Л. Шлецер. В кн.: Ломоносов. Сб. статей и материалов. V. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 265.

⁸⁴ Э. Винтер. Неизвестные материалы о А. Л. Шлестере. «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 187—188.

Говоря о влиянии Татищева на развитие русской исторической мысли, следует выяснить значение его «Истории Российской» для формирования исторических представлений Ломоносова. В свое время писавшие об отношениях между этими двумя деятелями ограничивались обычно ссылкой на хорошо известный факт, связанный с эпизодом написания Ломоносовым «Посвящения» к «Истории Российской» Татищева⁸⁵ (каким образом он узнал о его желании, мы не знаем), а некоторые умалчивали или даже отрицали влияние первого русского историка на исторические взгляды великого ученого.⁸⁶ Поскольку мы располагаем считанным количеством фактов, то, говоря о взаимоотношениях Татищева и Ломоносова, бесполезно напомнить, что, быть может, первый сыграл известную роль в судьбе последнего. Как известно, еще Н. К. Чупин считал, что представление Татищева о посылке учеников за границу для ознакомления с горной промышленностью могло иметь непосредственное влияние на поездку Ломоносова и его товарищей в Саксонию.⁸⁷

Не подлежит сомнению, что Ломоносов мог бы сам прийти к многим выводам в русской истории без знакомства с Татищевым, так как основой их взглядов являлась общая историографическая традиция XVII—XVIII вв., но изучение трудов своего предшественника, несомненно, сказалось плодотворно на его собственной работе по русской истории.

Влияние «Истории Российской» Татищева на исторические труды Ломоносова в самом общем виде прослежены Г. М. Дейчем. Он считает, что Ломоносов в своем вступлении и тексте «Древней Российской истории» повторил ряд положений «Истории Российской» Татищева. В частности, Дейч отметил общность взглядов двух исследователей на задачи истории и ее патристическое значение. По его мнению, Ломоносов принял точку зрения Татищева о славянских названиях днепровских порогов и передал прямо по Татищеву договоры с греками.⁸⁸

С этими наблюдениями нельзя не согласиться, но нужно учесть, что Дейч в научно-популярной брошюре, с одной стороны, не сумел раскрыть глубину историографического влияния труда первого русского историка на «Древнюю Российскую историю» Ломоносова, а с другой — не подчеркнул того обстоятель-

⁸⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 13—16; т. 10, 1956, стр. 463—464.

⁸⁶ Д. Гурвич (М. В. Ломоносов и русская историческая наука. «Вопросы истории», 1949, № 11, стр. 107—119) умалчал о всем развитии исторической науки до М. В. Ломоносова. Даже в наши дни мы можем прочесть, например, следующее: «До Ломоносова русской исторической науки фактически не было», — а об «Истории Российской» В. Н. Татищева — тираду о том, что она «была малооригинальной, не самостоятельной» (см.: Р. Б. Сулейманов. Исторические взгляды М. В. Ломоносова. Вестник АН Каз. ССР, 1961, № 11, стр. 64).

⁸⁷ Ф. Н. Загорский. Заметки Н. К. Чупина о Михайле Васильевиче Ломоносове. В кн.: Ломоносов. Сб. статей и материалов. V, стр. 309.

⁸⁸ Г. М. Дейч. В. Н. Татищев. Свердлов. книжн. изд., 1962, стр. 65.

ства, что исторические взгляды великого русского ученого были шагом вперед по сравнению с историческими представлениями Татищева.

Несомненной заслугой Татищева является разработка проблемы происхождения народов и в особенности славян. Н. Н. Степанов четко определил значение усилий Татищева в постановке и решении ее для историографии XVIII и XIX вв. По его мнению, опирающемуся на авторитет П. И. Шафарика и С. М. Соловьева, мысль Татищева о древности славян в Европе была повторена Ломоносовым.⁸⁹ Обращаясь к сравнению произведений этих двух крупнейших историков XVIII в., действительно убеждаемся в этом.

Татищев отвергал религиозные сказки о происхождении и разделении народов. В «Истории Российской» он написал специальную главу «О происхождении, разделении и смешении народов», за которой следовала глава под названием: «Причины разности званей народов».⁹⁰ В «Истории», которая, как известно, предназначалась им к печати, он начинал историю человечества с библейской легенды о происхождении мира и народов. Но Татищев излагал ее вопреки церковной схеме. Отметив, как бы для порядка, что «все народы, колико их разных званый было и есть, по уверению Моисееву, от единого Ноя и его сыноуей произошли», Татищев сразу же внес существенную поправку, которая свела на нет религиозную догму в вопросе происхождения народов. Он, вслед за цитированным, писал: «Но чтоб можно сказать кто от которого сына пошел, оное весьма сумнительно, ибо чрез так много 1000 лет народы преходя мешались, иногда пленниками и покоренными себе размножались, иногда пленением и обладанием от других язык свой переменить и оставить принуждены были».⁹¹ Такую же примерно схему дает Татищев в отношении происхождения языков.⁹²

Не имея возможности останавливаться на сложных вопросах теории происхождения народов, их названий и языков, скажем несколько слов о взглядах Татищева на происхождение славян, сравнивая их с выводами Ломоносова.⁹³ Татищев считал, что славяне такой же древний народ, как и все остальные. «Народ, без сомнения, так стар, как все прочтеи», — писал он, в главе «Славяне от чего, где и когда названы». Этому же мнения придержи-

---

⁸⁹ Н. Н. Степанов. В. Н. Татищев и русская этнография. В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 83.

⁹⁰ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 128—130 и 130—131.

⁹¹ Там же, стр. 313; см.: Е го же. Разговор о пользе наук и училищ. стр. 69—70.

⁹² См.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 130—131; Е го же. Разговор о пользе наук и училищ, стр. 59—60.

⁹³ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 310—315; см.: А. Н. Робинсон. Историография славянского Возрождения и Паисий Хиландарский. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 116—117.

живался и Ломоносов, в свою очередь писавший в главе «О дальней древности славянского народа», что, хотя имя славян стало известно едва ли прежде Юстиниана, «однако же сам народ и язык простираются в глубокую древность».⁹⁴ Оба историка определяли эту «глубокую древность» временами задолго до осады классической Трои.⁹⁵ Одинаково они сообщали и о путях расселения славян в Европу со своей древнейшей прародине.⁹⁶ Татищев, а за ним и Ломоносов настаивали на том, что история славян не может начинаться с того времени, с какого их имя попадает на страницы произведений писателей. Можно найти и другие, не менее важные вопросы, по которым взгляды Татищева и Ломоносова совпадали.

Если Ломоносов сделал решительный шаг вперед в вопросах обоснования проблематики древней истории Руси, то в отдельных случаях ему приходилось, учитывая официальный характер издания «Древней Российской истории», идти на уступки церковной традиции. Так, если Татищев длинную речь философа Константина перед Владимиром I вынес в «Изъятия» уже в первой редакции своего труда, опустив вовсе во второй, то Ломоносов включил ее пересказ в текст, но, правда, существенным образом переделав.⁹⁷

Нет необходимости повторять известные истины о влиянии трудов Татищева на развитие всей историографии XVIII в. Екатерина II и И. Н. Болтин исходили из татищевского понимания русской истории, внося в его историческую концепцию только некоторые изменения.

Мы вынуждены вновь вернуться к вопросу об источниковедческой ценности труда Татищева в связи с тем, что за последнее время вновь высказались сторонники использования его произведения как исторического источника вообще и защитники достоверности так называемого «договора» Владимира I с волжскими болгарами,⁹⁸ а также ввиду того, что текст этого интереснейшего

---

⁹⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 178.

⁹⁵ В. Н. Татищев (История Российская, т. I, стр. 320) считал, что «славяне, во время «войны троянской, из Колхиды и Пафлагоний чрез море Черное пришел, по Дунаю поселились», а М. В. Ломоносов (Полн. собр. соч., т. 6, стр. 180) считал возможным говорить о величестве славянского племени «за многие веки до разорения Трои».

⁹⁶ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 329; М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 178—180.

⁹⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 260—264.

⁹⁸ В. И. Стрельский в брошюре «Основные принципы научной критики источников по истории СССР» (Изд. Киевск. ун-та, 1961, стр. 18), как само собой разумеющееся, пишет: «История Российская» В. Н. Татищева является для нас единственным историческим источником в тех частях, где Татищев сохранил записи, сделанные на основе исчезнувших памятников. В самое последнее время с защитой этой точки зрения выступил А. Г. Кузьмин (Рязанское летописание. Сведения летописей о Рязани и Муроме периода их самостоятельности. Автореф. канд. дисс. М., 1963, стр. 7 и др.; Е го же. Муромо-рязанские известия «Истории Российской» В. Н. Татищева. Сб. научн. работ аспи-

известия в новом издании «Истории Российской» воспроизведен недостаточно точно.

М. Д. Приселков в свое время не раз говорил о потребительском подходе многих историков к использованию так называемых татищевских известий. В этом смысле показательна монография А. Л. Монгайт.⁹⁹ Ее автор без всякой попытки самостоятельного знакомства с рукописями «Истории» Татищева и с его редакционной или авторской работой, как, впрочем, и многие другие историки наших дней, широко оперирует татищевскими данными в своей фундаментальной работе по истории Рязани. Правда, в одних случаях Монгайт считает, что сведения Татищева являются не чем иным, как его догадкой, например перечень городов, якобы основанных Юрием Долгоруким,¹⁰⁰ справедливо замечая, что концепция Татищева о колонизаторской, «устройительской» деятельности князей на Северо-Востоке Руси, повторенная С. М. Соловьевым и В. О. Ключевским, восходит, вероятно, к московским книжкам XV—XVI вв.¹⁰¹ Эти места из татищевской «Истории», как правильно отмечает Монгайт, «не являются цитатами из исчезнувших источников, а его собственными (т. е. Татищева. — С. П.) вставками».¹⁰² Но в других случаях, следуя за И. Сениговым, Монгайт допускает возможность, что Татищев, как и составитель Никоновской летописи, пользовались одной и той же, не дошедшей до нас летописью. Монгайт защищает добросовестность Татищева в рассказе об учреждении рязанской епархии в XII в.¹⁰³ и полностью признает подлинность договора Владимира I с волжскими болгарами в 1006 г. Он пишет: «Кажется, сейчас никто не сомневается в том, что в распоряжении В. Н. Татищева были ценные, затем погибшие, исторические источники. Он обращался с этими источниками очень свободно, но, по-видимому, не „изобретал“ несуществующие факты. К числу ценных и заслуживающих доверия сообщений

рантов истор. фак. МГУ, 1963, стр. 181 и др.; Его же. Об источниковедческой основе «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Вопросы истории», 1963, № 9, стр. 214—218). См. также рец. Б. Мергириан на первые три тома нового издания «Истории Российской» В. Н. Татищева. «Kritika». A Review of Current Soviet Books on Russian History. Camb., Mass., vol. I, No 1, 1964, pp. 22—29.

⁹⁹ А. Л. Монгайт. Рязанская земля. М., Изд. АН СССР, 1961.

¹⁰⁰ Там же, стр. 245; см.: В. Н. Татищев. История Российская, т. III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1964, стр. 44. — Нужно напомнить, что М. Н. Покровский также разделял точку зрения В. Н. Татищева по вопросу обширной градостроительной деятельности русских князей. В статье, посвященной А. Е. Преснякову, он явно не одобрял последнего за отказ признать достоверность свидетельств Татищева о заселении городов Юрием Долгоруким (см.: М. Н. Покровский. Историческая наука и борьба классов, вып. I. М., 1933, стр. 268. — Ср.: А. Е. Пресняков. Образование великорусского государства. Пг., 1918, стр. 28).

¹⁰¹ А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 246.

¹⁰² Там же, стр. 331.

¹⁰³ Там же, стр. 352; см.: В. Н. Татищев. История Российская, т. III, стр. 329.

В. Н. Татищева относится известие о „договоре“ Владимира Святославича с волжскими булгарами в 1006 г.».¹⁰⁴

Если одни историки по-старому не критически относятся к «Истории Российской» как историческому источнику, то другие исследователи присоединяются к выводу автора «Русской историографии XVIII века», настаивающего на невозможности использовать татищевский труд как источник по крайней мере для первых веков русской истории без особой и серьезной проверки. Д. С. Лихачев считает, что «миф об „особых“ источниках „Истории Российской“ В. Н. Татищева разоблачен С. Л. Пештичем».¹⁰⁵ А. М. Сахаров заявляет о необходимости учитывать результаты нашего исследования, «показавшего определенную тенденциозность Татищева в обращении с материалом и причины этой тенденциозности, связанной с общественно-политическими взглядами этого историка».¹⁰⁶ Такой же точки зрения придерживаются Я. С. Лурье и др.¹⁰⁷

Как видно, в литературе до сих пор удерживаются две точки зрения на «Историю Российскую» Татищева. Между тем, если доказано с помощью электронной машины, что «Илиада» и «Одиссея» являются произведениями одного лица, то нельзя ли с помощью современной техники разрешить двухвековой спор о том, чем же являются так называемые «татищевские известия»: то ли извлеченные из источников, до нас не дошедших, то ли авторскими соображениями, построениями и гипотезами, высказанными им в форме летописных известий?

Но независимо от такого исследования нужно признать более убедительным второй вариант, поскольку в процессе работы над русской историей Татищев перешел от составления сводного текста из летописных источников («Собрание из древних летописцев») к написанию истории на основе не только одних летописных памятников, но и нелетописных, на современном ему языке, и в форме летописного свода, прокомментированного и объясненного как в примечаниях, так и в самом тексте, часто без всякого выделения авторских соображений от показаний источников.

Обычно встречаешься с возражением, что Татищев не мог

---

¹⁰⁴ А. Л. Монгайт. Рязанская земля, стр. 327.

¹⁰⁵ Д. С. Лихачев. Изучение «Слова о полку Игореве» и вопрос о его подлинности. В кн.: «Слово о полку Игореве» — памятник XII в. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 64.

¹⁰⁶ А. М. Сахаров. Рец. на кн.: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. «Вопросы истории», 1962, № 4, стр. 143.

¹⁰⁷ См.: Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 77; Его же. Рец. на кн.: Дж. Феннел. Иван Великий Московский. Лондон, 1961. «История СССР», 1962, № 4, стр. 210; см. также: В. И. Корецкий. Об одной «ошибке» архивистов XVIII века. В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 239.

выдумывать те или иные данные, а заимствовал их из неизвестных в наше время источников. Защитники такой точки зрения ссылаются на пожар татищевской библиотеки, последовавший вскоре после смерти историка. Конечно, пожары на протяжении многих веков русской истории уничтожили огромное количество материальных и духовных ценностей. Но вся беда в том, что дым этих пожаров часто застилает глаза современным исследователям, не желающим критически подойти к анализу произведений историков XVIII в.

Если согласиться с тем, что Татищев не располагал древними летописными текстами, в частности сохранившимися чтения недошедшей до нас нестеровской, т. е. первой редакции, «Повести временных лет», то предположение о возможности использования автором «Истории Российской» исторических компиляций XVII—XVIII вв., многочисленных, но к нашему времени все еще мало изученных, нельзя в общем виде отвергнуть. Можно объяснить появление татищевских известий именно за счет их. Однако такое допущение необходимо решительно ограничить. Татищев был настолько квалифицированным историком, чтобы суметь отличить позднейшие компиляции от древних памятников русской письменности, хотя в болдинской глуши, в конце своего творческого пути, он принял Иоакимовскую летопись за памятник древности, которую только в наши дни стали считать позднейшей компиляцией книжников-историков XVII в.¹⁰⁸

Сторонники достоверности так называемых татищевских известий не могут согласиться, что такой выдающийся историк, каким, несомненно, являлся Татищев, мог сознательно заниматься фальсификацией истории. Они еще в крайнем случае могут допустить, что Татищев по-своему интерпретировал факты, вольно истолковывал их в соответствии со своими историческими представлениями, не придерживаясь текста памятника (как доказал С. Н. Валк в отношении татищевских списков «Русской правды»), но сами факты не выдумывал, а заимствовал из источников, якобы до нас не дошедших.

Остановимся только на двух примерах: на фальсификации событий 1113 г. в Киеве и на интерпретации так называемого известия о «договоре» с волжскими болгарами 1006 г.

Поскольку читатель, наконец, уже может ознакомиться с текстом известия 1113 в. в первой редакции и сопоставить его со второй редакцией этого же известия и с вариантами из другой рукописи этой же редакции в новом издании «Истории Россий-

¹⁰⁸ С. К. Шамбинаго. Иоакимовская летопись. «Исторические записки», т. 21, 1947, стр. 254—270; С. Н. Азбелев. Новгородская третья летопись (Время и обстоятельства возникновения). Тр. Отдела древней русской литературы, т. XII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1956, стр. 236—262; М. Н. Тихомиров. О русских источниках «Истории Российской». В кн.: В. Н. Татищев. История Российской, т. 1, стр. 50—52; В. М. Моргайло. Работа В. Н. Татищева над текстом Иоакимовской летописи. В кн.: Археографический ежегодник за 1962 год, стр. 260—268.

ской», мы ограничимся только несколькими замечаниями.¹⁰⁹ Вы-
сказанное в первой части нашей работы соображение о том, что
наличие так называемых татищевских известий в первой редак-
ции, которые имеют много общего с авторскими добавлениями
во второй редакции, нужно относить не за счет источников, до
нас не дошедших, а за счет редакторской работы Татищева, це-
ликом применимо к оценке событий 1113 г. в «Истории Рос-
сийской».

Антисемитская заостренность рассказа о решении Владимира
Мономаха выселить евреев из России была обусловлена непо-
следовательностью просветительского мировоззрения Татищева,
веротерпимость которого, как видно, не распространялась на все
религии. Заведомо извращенным описанием событий 1113 г. Та-
тищев пытался исторически обосновать реакционное законода-
тельство царизма в национальном вопросе. Достаточно ознако-
миться с законодательными актами первой половины XVIII в.,
чтобы убедиться в совпадении точки зрения их авторов и Тати-
щева.¹¹⁰ Актуальность татищевской фальсификации доказы-
вается широким использованием его описания событий в Киеве в про-
изведениях Эмина, Екатерины II, Болтина, в журнале «Новые
ежемесячные сочинения», в «Краткой Российской истории, из-
данной в пользу народных училищ» и др.

В заключение заметим, что И. И. Смирнов, принимающий та-
тищевский рассказ о Владимире Мономахе и святославичах, на
наш взгляд, недоучитывает того, что такой глубокий историк, как
каким, несомненно, являлся Татищев, столь хорошо разбирающийся
в тонкостях княжеских взаимоотношений и понимающий тен-
денциозность летописных источников, основываясь на Ермолаев-
ском списке Ипатьевской летописи и Патерике, смог настолько
реалистично реконструировать схему событий времени правле-
ния Владимира Мономаха, что некоторые современные историки
опираются на нее как на источник.

Автор в первой части данной книги не коснулся вопроса
о «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 г. и огра-
ничился ссылкой на свою статью, опубликованную в 1946 г. По-
этому остановимся на этом вопросе подробней.

¹⁰⁹ И. И. Смирнов (Очерки социально-экономических отношений Руси
XII—XIII веков. М.—Л., Изд. АН СССР, 1963, стр. 236—266) целиком дове-
ряет сообщению «Истории Российской» о событиях в Киеве 1113 г., считая,
что известия, не подтверждающиеся дошедшими до нас источниками, восхо-
дят к Раскольниковой летописи. Однако ни М. Н. Тихомиров, ни следующий
за ним И. И. Смирнов по существу не привели ни одного довода против отожд-
ествления Голицынской летописи Татищева с Ермолаевским списком Ипатьев-
ской летописи (см.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. I,
стр. 257—258). Сближение Раскольниковой летописи с Голицынской, сделанное
еще А. А. Шахматовым, существенно ограничивает возможности относить все
так называемые татищевские известия к загадочной Раскольниковой летописи.

¹¹⁰ См. указ от 2 декабря 1742 г. (ПСЗ, т. XI, № 8673, стр. 727—728)
о выселении евреев из России; см. также аналогичный указ от 26 апреля
1727 г. (ПСЗ, т. VII, № 5063, стр. 782).

В новом издании «Истории Российской» ошибочно воспроизведены только две редакции текста известия 1006 г.,¹¹¹ не встречающегося в сохранившихся памятниках. В действительности первоначальная редакция записи о послых от волжских болгар, появившаяся в процессе переработки текста первой редакции во вторую, читалась в первом варианте короче: «6514 (1006) прислали болгары волские послы, дабы Владимир позволил им во градах торговать без опасения, на что им Владимир охотно соизвол и по всем градам послал грамоты».¹¹² Затем Татищев заменил последнее слово словом *печати*, видимо по аналогии с практикой русско-византийских отношений, и, не ограничившись этим, другими чернилами приписал то, что вместе с только что воспроизведенным текстом в новом издании татищевского труда передано как первая редакция этого известия. На самом же деле это дополнение является второй переработкой, т. е. второй редакцией одного и того же известия. Эта вторая распространенная редакция осталась неоконченной не по причине отсутствия места на полях, а в результате намерения Татищева еще раз переосмыслить ее текст. В итоге появилась третья редакция, которая воспроизведена в новом издании как вторая и, думается, не совсем точна в отношении пунктуации в одном случае.¹¹³

Таким образом, мы имеем дело с тремя редакциями, а не с двумя известиями о послых от волжских болгар в 1006 г., но все еще не о договоре Владимира I с ними, о котором мы пока не встречаем ни слова. В «Хронологической росписи», составленной Татищевым, а не Г. Ф. Миллером, к соответствующему тому «Истории Российской», к сожалению, не вошедшей в новое издание, так и читаем: «Владимир дал дозволение болгарам торговать в России».¹¹⁴ Однако позднее Татищев уже совершенно определенно писал о договоре 1006 г. Эта четвертая редакция одного и того же известия первоначально была сформулирована в теперь хорошо известном «Представлении о купечестве и ремеслах» не позднее 12 мая 1748 г., т. е. до получения двух летописей от

---

¹¹¹ См.: В. Н. Татищев. История Российская, т. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1963, стр. 69, 282.

¹¹² Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых (36), оп. 1, № 647, л. 73.

¹¹³ В издании XVIII в. (В. Н. Татищев. История Российская, кн. 2. М., 1773, стр. 88—89) интересующее нас место напечатано ошибочно: «...а болгарам все их товары продавать во градах купцам, и от них купить что потребно, а по селам не ездить тиуном вирником, огневшине и смердине продавать (надо: „не продавать“.— С. П.), и от них не купить». В издании 1963 г. читаем: «...купить, что потребно; а по селам не ездить тиуном, вирником, огневшине и смерди не продавать и от них не купить». — По смыслу следовало бы точку с запятой поставить в другом месте, так как речь шла о том, чтобы болгары продавали свои товары только купцам в городах, а не в селах, а именно: «...купить, что потребно, а по селам не ездить; тиуном, вирником, огневшине и смерди не продавать и от них не купить».

¹¹⁴ В. Н. Татищев. История Российская, кн. 2. М., 1773, стр. 485. Автографы татищевских росписей.— См. ЦГАДА, портфели Г. Ф. Миллера, (ф. 199), д. 284, ч. 1, № 15, 16, 17, 18.

П. И. Рычкова,¹¹⁵ а потом перешла в виде бокового заголовка в «Историю Российскую». Этот «фонарик» появился не по произволу редактора издания XVIII в. — Миллера, а перешел из татищевской рукописи.¹¹⁶

XVIII век знает отнюдь не единичные факты сознательной фальсификации целых исторических произведений, отдельных исторических фактов и документов. Примером первого рода является подделка официальными кругами русской православной церкви «Соборного деяния 1157 г.»¹¹⁷ примеры второго рода приведены, например, в статье В. Л. Немировского, посвященной вопросу о начале русского книгопечатания и некоторым легендарным датам его.¹¹⁸ Правда, нужно сказать, что автор статьи не ставил вопроса о сознательной фальсификации фактов о начале книгопечатания на Руси, но материалы, приводимые им, не оставляют никакого сомнения в их происхождении. Так, из статьи Немировского узнаем, что в 1773 г. Сенат потребовал, чтобы ему сообщили, на каком основании и когда были основаны типографии. Синод, отвечая в отношении типографии Киево-Печерской лавры, писал, что ее типография была основана в 1159 г., «на что и грамоты в Киево-Печерскую лавру пожалованы от всероссийского князя Андрея Юрьевича Боголюбского...». Стремление отодвинуть начало книгопечатания в нашей стране на несколько веков видно также из «Исторического словаря» И. В. Нехачина (М., 1793). Его автор, прочитав произведение Манкиева о начале книгопечатания в Маинце перенес этот факт в Россию, приурочив к времени правления Василия Темного, точно датируя, по аналогии с Германией, 1440 г.

Если подобные примеры не считать сознательной фальсификацией фактов, а отнести к произвольной интерпретации их, то, по-видимому, все-таки придется признать, что такая интерпретация ничем практически от фальсификации не отличается. Между тем, попытки обосновать аналогичные легендарные даты, как показала статья Немировского о начале книгопечатания в России, до сих пор встречаются сторонников.

---

¹¹⁵ См.: С. Л. Пештич. О «договоре» Владимира с волжскими болгарами 1006 года. Исторические записки, т. 18, 1946, стр. 329 и сл. — «Представление» впервые было напечатано под курьезным названием: «Например представление о купечестве и ремеслах» в «Историческом архиве», т. VII, 1951, стр. 410—426.

¹¹⁶ См.: БАН, ф. Текущих поступлений, № 649; ср.: В. Н. Татищев. История Российская, т. II, стр. 69, 282, вариант 13-13, взятый из печатного издания XVIII в., а не из рукописи.

¹¹⁷ См.: С. Л. Пештич. Русская историография XVIII века, ч. 1, стр. 101.

¹¹⁸ В. Л. Немировский. Историографические заметки к вопросу о начале книгопечатания на Руси. «Книга». Исследования и материалы. Сб. VII. М., Изд. Всесоюз. книжн. палаты, 1962, стр. 239—263; см. также: А. А. Зимин. К изучению фальсификации актовых материалов в Русском государстве XVI—XVII вв. Тр. Московск. гос. историко-архивного ин-та, т. 17. Вопросы источниковедения СССР. М., 1963, стр. 399—428.

XVIII век знает также случаи выдумывания славянского пантеона языческих божеств. М. Д. Чулков и В. А. Левшин дополнили реальную языческую мифологию изобретенными именами, появившимися на свет в результате произвольного применения абстрактного сравнительно-исторического метода.

В XVIII в. историки не останавливались перед составлением якобы речей исторических деятелей (Татищев и др.) и, более того, отстраняли за историком право восстанавливать, реконструировать или, проще сказать, выдумывать речи исторических деятелей даже в том случае, если источники не давали никаких оснований для такого антинаучного произвола (Ф. Эмин). Однако не всегда легко уловить грань между сознательной фальсификацией и произвольной интерпретацией фактов или выяснить субъективные и объективные причины, побудившие автора к тому или другому. Но главное в исследовании не это. Конечно, важно установить, пользовался ли, например, Татищев позднейшими компиляциями при изложении событий времен Древней Руси или выдал свои гипотезы и предположения за летописные известия, но еще более существенно определить, насколько приведенные им факты соответствуют исторической истине.

Главным выводом из изучения источниковедческого и историографического значения «Истории Российской» Татищева и всей его деятельности на поприще русской истории является то, что Татищева по праву следует признать отцом русской истории. Большая начитанность и талант энциклопедического размаха позволили ему впервые в развитии русской исторической мысли приступить к изучению истории России почти в полном объеме на основе выводов прогрессивной историографии своего времени и критического изучения русских и иностранных источников, а также использования вспомогательных и самостоятельных исторических дисциплин (историческая география, хронология, генеалогия, история летописания, геральдика и др.), возникновение которых во многом обязано деятельности его самого.

По пониманию исторического процесса и повышенному интересу к тематике, связанной с историей просвещения и экономической жизни России, Татищева нужно считать предшественником просветительской историографии, оформившейся уже во второй половине XVIII столетия. Не порывая с дворянской идеологией и историографией, Татищев много сделал для истолкования истории России в духе раннепросветительской исторической мысли. Он подготовлял утверждение просветительской историографии так же, как, скажем, аристократ Монтескье способствовал развитию антифеодальной идеологии второй половины XVIII в. во Франции.

Однако многие татищевские предположения или гипотезы, нашедшие подтверждение в науке нашего времени, поскольку они были высказаны в «Истории Российской» в форме летописных известий, заимствованных якобы из источников, до нас не

сохранившихся, надолго затруднили правильную историографическую оценку его творчества. Только завершение нового издания «Истории Российской» Татищева создаст возможность такого критического анализа, который сможет достаточно верно определить, что является творчеством самого автора «Истории Российской», а что принадлежит источникам, нам не известным.

Точка зрения историков, признающих достоверность татищевских известий, принципиально уязвима с источниковедческой и историографической стороны. Как правило, все или почти все исследователи, признающие труд Татищева историческим источником, использующие его свидетельства в своих исторических разысканиях, не задумывались над характером редакционной и авторской работы историка XVIII столетия, самостоятельно не изучали многочисленных рукописей «Истории Российской», доверяясь изданию XVIII в., а также не занимались выявлением летописных и нелетописных источников, положенных в основу его многотомной работы. В лучшем случае только некоторые из авторов прикасались к рукописному наследству Татищева.

В историографическом отношении сторонники канонизации «Истории Российской», «основывающиеся на вероятностях исследователи», как их называл в свое время А. А. Шахматов, исходят из предположения о том, что Татищев располагал источниками, до нас не дошедшими. В общем виде возможности такого допущения абстрактно отрицать, конечно, нельзя. Но сводить весь огромный фонд так называемых татищевских известий к источникам, безнадежно исчезнувшим с научного горизонта, нет фактического основания. Круг источников «Истории Российской» в первом приближении уже достаточно определен, а редакционная манера Татищева, писавшего уже не летописный свод, а историю, хотя все еще в форме летописного свода, уже также достаточно выяснена, и не только в отношении его многотомного исторического произведения, но и «Русской правды».

Кроме того, в методологическом отношении сам факт ссылки на возможность нахождения у Татищева каких-то особых источников не всегда может служить убедительным доказательством. В. И. Ленин, как известно, неоднократно подчеркивал, что марксизм стоит на почве фактов, а не возможностей. Также напомним, что еще Гегель писал о двух видах возможности: реальной и абстрактной. В качестве последней он приводил пример с римским папой, который, формально рассуждая, мог превратиться в турецкого султана, но в действительности такая возможность была явно абсурдной.

ГЛАВА IV

РАБОТА М. В. ЛОМОНОСОВА НАД РУССКОЙ ИСТОРИЕЙ

Историографический раздел главы был изложен автором в статье «Русская историография о М. В. Ломоносове как историке».¹ Тем не менее следует повторить высказывание М. В. Ломоносова о месте истории в его творческой биографии и привести справку о юбилейной литературе, вышедшей к 250-летию со дня рождения великого русского ученого.

История для Ломоносова была таким же делом всей его жизни и творчества, как физика, химия и литература. Равноправность истории с другими видами научной и литературной работы засвидетельствована самим Ломоносовым и подтверждается фактами. В письме к М. И. Воронцову от 30 декабря 1759 г., имеющем исключительное значение для определения места и роли исторических произведений в его творческой деятельности, он заявлял: «Через пятнадцать лет нес я на себе четыре профессии, то есть в обоём красноречии, в истории, в физике и в химии. И оные, (т. е. четыре профессии. — С. П.) отправлял не так, чтобы только как-нибудь препроводить время, но во всех показал знатные изобретения...»²

Конечно, надо учесть, что великие заслуги Ломоносова как естествоиспытателя все-таки не сопоставимы с его достижениями в области разработки русской истории. В условиях безраздельного господства идеализма в объяснении явлений общественной жизни, в период становления исторической науки Ломоносов практически не мог сделать в отечественной истории больше того, что ему удалось совершить.

---

¹ С. Л. Пештич. Русская историография о М. В. Ломоносове как историке. Вестник ЛГУ, 1961, № 20, серия истории, языка и лит., вып. 4, стр. 60—74; см. также: А. М. Сахаров. Ломоносов — историк в русской историографии. Вестник МГУ, серия 9, «История», 1961, № 5, стр. 3—18.

² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10. М.—Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 535.

К 250-летию юбилею со дня рождения Ломоносова появилась сравнительно большая литература, требующая специального рассмотрения. Хотя бывает и так: когда наступает юбилей, отстывает наука, однако в большинстве вышедших работ достаточно объективно рассматриваются заслуги Ломоносова.

Биография и творческий путь М. В. Ломоносова освещается в книгах А. А. Морозова, Б. Г. Кузнецова и М. И. Радовского.³ Мировоззрению Ломоносова посвящена монография Г. С. Васецкого, несколько брошюр и статей.⁴ Проблемы: Ломоносов и история русской экономической мысли, Ломоносов и его государственно-правовые воззрения,⁵ Ломоносов и журналистика, Ломоносов и русская этнография, Ломоносов и русский язык, стиль и грамматика, Ломоносов в странах Востока — привлекли внимание исследователей различных специальностей. Не осталась без внимания деятельность Ломоносова по организации народного просвещения.⁶ Интересна и статья, посвященная изучению отражения произведений Ломоносова в народном творчестве XVIII в.⁷ Характеристика политических воззрений Ломоносова как родоначальника русского просветительства нашла место в работе В. П. Лысцова и др.⁸

³ А. Морозов. Ломоносов (сокращ. изд.). М., «Молодая гвардия», 1961; Б. Г. Кузнецов. Творческий путь Ломоносова (изд. 2). М., Изд. АН СССР, 1961; М. И. Радовский. М. В. Ломоносов и Петербургская академия наук. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961.

⁴ Г. С. Васецкий. Мировоззрение М. В. Ломоносова. Изд. МГУ, 1961; Л. Барулина. Великий философ-материалист. М., Госполитиздат, 1961; И. Д. Глазунов. М. В. Ломоносов — основоположник русской материалистической философии. М., изд. «Знание», 1961.

⁵ И. Д. Мартысевич. Вопросы государства и права в трудах М. В. Ломоносова. Изд. МГУ, 1961; Г. Б. Гальперин. Государственно-правовые воззрения М. В. Ломоносова (К 250-летию со дня рождения). Вестник ЛГУ, серия экономики, философии и права, № 23, 1961.

⁶ Н. А. Пенчко. Создатель Московского университета (к 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова). Вестник высшей школы, 1961, № 11, стр. 71—76; С. И. Зиновьев. Основатель отечественной высшей школы. К 250-летию со дня рождения М. В. Ломоносова. Там же, стр. 66—70; А. В. Предтеченский. М. В. Ломоносов и Академия наук. Там же, стр. 77—80; И. И. Лихолетов. Педагогические взгляды и деятельность М. В. Ломоносова. «Советская педагогика», 1961, № 11, стр. 128—136; Н. Рыков. Великий просветитель народа (О роли М. В. Ломоносова в организации народного просвещения в России). «Народное образование», 1961, № 11, стр. 107—108.

⁷ А. В. Позднеев. Произведения М. В. Ломоносова в рукописных песенниках XVIII века. Тр. Московск. пед. ин-та, вып. 7, 1961, стр. 119—138.

⁸ В. П. Лысцов. М. В. Ломоносов — родоначальник русского просветительства (1711—1961). Изд. Воронежск. ун-та, 1961; П. В. Иванов. К вопросу о политических взглядах М. В. Ломоносова. Уч. зап. Курск. пед. ин-та, вып. 13, 1961, стр. 165—194; Ю. М. Лотман. Ломоносов и русское просветительство (Доклад на юбилейной сессии в Институте русской литературы); см. информацию: К. Давлетов, В. Степанов. Юбилейная сессия в Институте русской литературы. Известия АН СССР, отд. литер. и языка, т. XXI, вып. 2, 1962, стр. 176—179. — А. Галактионов и П. Никандров (История русской философии. М., Изд. соц.-экон. лит., 1961, стр. 71) считают М. В. Ломоносова наиболее выдающимся просветителем в России XVIII в.

Собственно историческим трудам Ломоносова посвящено всего лишь несколько статей и брошюр, из которых надо отметить уже упомянутую брошюру В. П. Лыцова, работы Г. Г. Фруменкова,⁹ М. Т. Белявского,¹⁰ Ф. И. Черняховского,¹¹ П. В. Иванова,¹² В. П. Глаголева¹³ и некоторые другие.¹⁴ Нельзя пройти мимо интересных соображений Ю. К. Новожилова, относящихся к анализу представлений Ломоносова, связанных с вопросами перехода от античности к феодализму.¹⁵

Особо следует отметить статьи историков ГДР, имеющие большое значение при изучении творчества М. В. Ломоносова, В. Н. Татищева, А. Л. Шлецера и их взаимоотношений и влияний. Мы имеем в виду статьи Э. Винтера, П. Гофмана, К. Грау и некоторых других, которые мы широко используем в соответствующих главах данной работы. В частности, Гофман поставил вопрос о необходимости изучения методов работы Ломоносова как историка и об отношении к его трудам современных ему русских и иностранных историков.¹⁶ Добавим от себя, что мы до сих пор также не имеем ясного представления об отношении Ломоносова к историографическому наследству и к современным ему историкам.

---

⁹ Г. Г. Фруменков. «Древняя Российская история» М. В. Ломоносова. В кн.: М. В. Ломоносов. 1711—1961 (Сб. статей). Архангельск, 1961, стр. 45—71; Его же. Михаил Васильевич Ломоносов — основоположник русской исторической науки. Архангельск, 1960.

¹⁰ М. Т. Белявский. История России XII—XVII веков в литературных произведениях М. В. Ломоносова. Вестник МГУ, 1961, № 5, серия 9, «История», стр. 19—33; Его же. М. В. Ломоносов и русская история. «Вопросы истории», 1961, № 11, стр. 91—106.

¹¹ Ф. И. Черняховский. Михайло Васильевич Ломоносов. 1711—1961. Архангельск, 1961 (см. также издания 1953 и 1954 гг.).

¹² П. В. Иванов. М. В. Ломоносов — выдающийся историк своего времени. Уч. зап. Курск. пед. ин-та, т. 14, 1962, стр. 7—22; Его же. М. В. Ломоносов о роли народа в истории. Курск, 1961.

¹³ В. П. Глаголев. Борьба М. В. Ломоносова против норманизма и разработка им антинорманской теории. Тр. Московск. заочного пед. ин-та, 1961, вып. 7, стр. 71—98.

¹⁴ К. Рахманов. М. В. Ломоносов и русская историческая наука. Известия АН Туркм. ССР, 1961, № 6, серия обществ. наук, стр. 12—17; Р. Б. Сулейманов. Исторические взгляды М. В. Ломоносова. Вестник АН Каз. ССР, 1961, № 11, стр. 64—72. — Автор не имел, к сожалению, возможности ознакомиться с неопубликованными работами И. И. Полосина о Ломоносове, которым Л. В. Черепнин дал высокую оценку (см.: Л. В. Черепнин. И. И. Полосин как историк. В кн.: И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Сб. статей. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 28).

¹⁵ Ю. К. Новожилов. М. В. Ломоносов о переходной эпохе от античности к феодализму. Уч. зап. Архангельск. пед. ин-та, вып. 12, 1962, стр. 145—155.

¹⁶ П. Гофман. Значение Ломоносова в изучении древней русской истории. В кн.: Ломоносов. Сб. статей и материалов, т. V. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 206. Этот пробел восполняет книга: М. В. Ломоносов в воспоминаниях и характеристиках современников. Сб. Состав. Г. Е. Павлова. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962.

Обобщающие выводы по изучению творчества Ломоносова были сделаны президентом Академии наук СССР М. В. Келдышем на торжественном заседании, посвященном 250-летию со дня рождения Ломоносова. «Трудно назвать какую-либо отрасль науки из существовавших в XVIII веке, — говорил он, — в которую бы Ломоносов не внес крупного творческого вклада. В физике, астрономии, метеорологии, химии, геологии, горном деле, металлургии, географии, истории, теории словесности и литературе он либо создавал капитальные труды, совершил выдающиеся научные открытия, либо выдвинул новые идеи, высказал гениальные прогнозы. Многие идеи Ломоносова на десятки лет и столетия опередили свое время». В перечне заслуг великого русского ученого достойное место занимает его деятельность по разработке русской истории: «Как историк, Ломоносов осуществил обширные исследования о происхождении славян, установил глубокую древность пребывания славян в Европе, высокий уровень их экономического, политического и культурного развития — в противоположность реакционным историкам, начинающим историю славян лишь с VI века».¹⁷

Несмотря на то, что о Ломоносове как историке написано сравнительно много, мы все еще не имеем сводной работы о его деятельности в области изучения отечественной истории.

Постараемся проследить, когда у Ломоносова проявился интерес к истории России, в чем он выразился, когда и над чем он работал. Знание фактов о работе Ломоносова над историей может убедительно показать степень его источниковедческой подготовленности и историографической зрелости.

В последнее время появились некоторые новые материалы, позволяющие рассмотреть работу Ломоносова над русской историей более систематически и подробно, чем, скажем, это было доступно лет 10—15 назад. Выход в свет последнего полного собрания сочинений М. В. Ломоносова в 10-ти томах (1950—1957), «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова» (1961), книги Г. М. Коровина, которая является опытом реконструкции «Библиотеки М. В. Ломоносова» (1961), и особенно ценные разыскания Г. Н. Моисеевой дают возможность исследователю восполнить пробел в изучении длительного и плодотворного пути Ломоносова как выдающегося историка нашей страны.¹⁸

---

¹⁷ М. Келдыш. Великий пример служения народу. «Правда», 22 ноября, 1961.

¹⁸ Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961 (далее: Летопись); Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова. Материалы для характеристики литературы, использованной Ломоносовым в его трудах и каталог его личной библиотеки. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961; Г. Моисеева. Ломоносов в работе над древними рукописями (По материалам Ленинградских рукописных собраний). «Русская литература», 1962, № 1, стр. 184—185; Е е же. К вопросу об источниках трагедии М. В. Ломоносова «Тамира и Селим». В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 253—257;

Выяснить обстановку, в которой складывались первые представления Ломоносова об истории, проследить его ознакомление с источниками русской истории особенно важно, если вспомнить, что в старой литературе и в современной буржуазно-фальсификаторской недооценивалась степень подготовленности его к занятиям по отечественной истории. Начинать изучение надо не только с тех немногочисленных и не всегда убедительных свидетельств о его первоначальном знакомстве с историческими произведениями и источниками, а с той среды, в которой протекало его детство и юность. Это уже сделал А. А. Морозов. Былинный эпос, многочисленные собрания рукописных книг на русском Севере, Двинский летописец, которого не мог не знать Ломоносов, уже в 14 лет основательно грамотный, создавали благоприятные условия для пробуждения интереса и любви к отечественной истории.¹⁹

О пребывании Ломоносова в Славяно-греко-латинской академии в 1731—1735 гг. сохранилось мало известий, однако новые данные существенно расширили наши представления о его интересе к русской истории в те годы. Ломоносов уже в 1731—1732 гг. занимался в монастырской библиотеке, где читал летописи, богословские и церковные сочинения, светские книги. Но Заиконоспасская библиотека не могла удовлетворить любознательности пытливого юноши.²⁰ Тогда по его просьбе он был послан в Киев, где прожил около года (1733—1734). В библиотеке Киевской академии он упражнялся «в чтении древних летописцев и других книг, написанных на славянском, греческом и латинском языках», — свидетельствовал современник Ломоносова, один из первых добросовестных его биографов, М. И. Веревкин.²¹

Е е ж е. М. В. Ломоносов на Украине. В кн.: Русская литература XVIII века и славянские литературы. М.—Л., Изд. АН СССР, 1963, стр. 79—101; Е е ж е. М. В. Ломоносов и польские историки. Там же, стр. 140—157.

Отсылая читателя к исследованиям Г. Н. Моисеевой, разыскавшей большое количество исторических и литературных памятников древнерусской письменности, над которыми работал в различные годы М. В. Ломоносов, автор данной книги ограничился по пренебрежению опубликованными источниками, считая, что даже они позволяют сделать обоснованный вывод о степени источниковедческой и историографической подготовки автора «Древней Российской истории».

¹⁹ Напомним, что об этом писал В. И. Ламанский, обративший внимание на благоприятные условия Двинской земли для формирования исторического сознания юного М. В. Ломоносова (Вл. Л а м а н с к и й. Михаил Васильевич Ломоносов. Биографический очерк. «Отечественные записки», 1863, т. 146, кн. 1, отд. 1, стр. 277 и др.).

²⁰ А. А. К у н и к. Сборник материалов для истории Академии наук в XVIII в., ч. II. СПб., 1865, стр. 391; П. П. П е к а р с к и й. История Академии наук в Петербурге, т. II. СПб., 1873, стр. 284.

²¹ А. А. К у н и к. Сборник материалов..., ч. II, стр. 392; П. П. П е к а р с к и й. История Академии наук..., т. II, стр. 284. — Спор о том, был или не был М. В. Ломоносов в Киеве, разрешен удачными находками Г. Н. Моисеевой.

Как установлено Г. Н. Моисеевой, Ломоносов еще до отъезда за границу смог ознакомиться со многими памятниками древнерусской литературы.

1736—1741 г. Ломоносов провел за границей. И здесь не покидал его интерес к истории своей Родины. В Марбурге в феврале 1740 г. он получил книгу П. Петрея «Московская хроника». 7 апреля 1741 г., уехав оттуда, он просил своего студенческого товарища Виноградова переслать ему книги, в том числе Петрея.²²

В июне 1741 г. Ломоносов вернулся в Петербург, в 1742 г. он был произведен в адъюнкты по физическому классу, а в 1745 г. назначен профессором химии. Вернувшись на родину, Ломоносов наряду с другими науками и литературой по-настоящему стал заниматься историей. Подготовительный период в жизни историка Ломоносова к этому времени был закончен.

Из недавно опубликованного «Описания живописных изображений настенных и блафонных», датированного 1742 г., являющегося руководством для росписи конференц-зала Академии наук, узнаем, что Ломоносов уже тогда хорошо понимал значение истории. Он писал, что тремя главными науками являются математика, физика и история. В «Описании» обращают внимание две детали. На одной картине изображалась «Похвала, от наук происходящая, так и Похвала, что от художеств рождается». Первая держала книгу с надписью: «Жизнь Петра Великого». На щите с гербом и эмблемой Академии наук три ангела символизировали «три главные науки», на которые «по учреждению Петра Великого Академия разделена, а именно, математику, физику и историю». Разрядка последних слов, сделанная Ломоносовым, свидетельствует не только о его интересе к Петру, но и показывает, какое важное место отводил он истории и ее роли в Академии наук, утвержденной «во веки».²³

В феврале 1746 г. Ломоносов согласился по просьбе Делиля при занятии русской историей выписывать из документов известия о необычайных небесных явлениях. В октябре 1746 г. Ломоносов прочел книгу Вольтера «Элементы философии Ньютона» и одновременно обработанную Г. Ф. Миллером рукопись митрополитов Киприана и Макария «Генеалогия великого князя».²⁴

Когда в 1746 г. было приступлено к изготовлению серебряной раки для мощей Александра Невского, это явилось

---

²² Летопись, стр. 51, 58; см. там же, стр. 350; см. также: М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII, 1948, стр. 66. — Речь шла о книге шведского посланника, выпустившего в 1620 г. в Лейпциге книгу на немецком языке под названием «История и известия о великом княжестве Московском».

²³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 391—400 и 815.

²⁴ Летопись, стр. 98, 106. Это произведение было издано Г. Ф. Миллером в 1775 г. под названием «Книга степенная царского родословия».

как бы толчком к собиранию материалов о жизни и деятельности выдающегося русского полководца и дипломата. Духовное ведомство и Миллер представили нужные материалы. В числе проектов надписи для раки был и Ломоносовский. К работе над ней Ломоносов возвращался в 1750 и в 1751 гг. Оценка исторических заслуг Александра Ярославича Невского дана Ломоносовым достаточно правильно. Надпись содержит такие выразительные строки: «Александр у россос храброму на земли защитнику... укротившему свирепое варварство на Востоке... поразившему продерзостную зависть на Западе...»²⁵ В октябре 1751 г. Канцелярия вновь поручила Ломоносову, Штелину, Третьяковскому и Фишеру сочинить надписи к раке Александра Невского, так как составленная ранее Ломоносовым надпись оказалась выгравированной на задней стороне раки и поэтому плохо была видна.²⁶ Примечательно, что государственные деятели внимательно следили за составлением таких надписей на исторические сюжеты. Например, кабинет-секретарь И. А. Черкасов, просмотрев представленные Ломоносовым и другими тексты, предложил дополнить надписи на раке Александра Невского словами, что Александр Невский «был у царя Батыя...»²⁷

Ломоносов уже в «Кратком руководстве к красноречию» (1748) указывал на сочинение античного географа Помпония Мелы как на образец достоверного описания. «Правдивые описания», по мнению Ломоносова, встречаются во многих «писателях подлинных историй и географических книгах».²⁸ Следовательно, у Ломоносова еще до обсуждения миллеровских работ сложилось определенное представление об объективности в истории как необходимом качестве научного описания.

В. Н. Татищев через советника Канцелярии Академии Шумахера обратился с просьбой к Ломоносову написать посвящение великому князю Петру Федоровичу к его «Истории Российской». Интересно, что в ответном письме от 27 января 1749 г. Ломоносов, ознакомившись с «Предъизвесчением» (точнее с вступлением ко второй редакции) к «Истории Российской» и «Прочими примечаниями», целиком их одобрил, считая, что «что до предъизвещения надлежит, то оно весьма изрядно и во всем достаточно и поправления никакого не требует».²⁹

Хотя взгляды Татищева и Ломоносова на задачи истории в ту пору были во многом близки, но все же они существенно отличались. Ломоносов в «Посвящении», написанном для Татищева, писал о необходимости включать в историческое описание

²⁵ П. П. Пекарский. История Академии наук, т. II, стр. 460—461, 479—480 и 907—908.

²⁶ Летопись, стр. 187—188.

²⁷ Там же, стр. 189.

²⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 347.

²⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 461—462.

как заслуги государей, так и деяния «древнего российского народа». При этом Ломоносов сделал только одно замечание по существу. Он тонко напомнил Татищеву, что тот отступил от своего правила — не касаться современности, в частности истории петровского времени, чтобы, «упомявая худые дела некоторых людей, не досадить бы их фамилии» (речь шла об известном эпизоде разговора Петра I с Долгоруким на пиру в 1717 г.).³⁰ Татищев был доволен «Посвящением», составленным Ломоносовым, и благодарил его через Шумахера.³¹

Остановимся несколько подробнее на трех выступлениях Ломоносова во время дискуссий 1747—1751 гг., так как они имели большое значение для формирования его исторических взглядов и признания его авторитета как историка.

Первое выступление Ломоносова состоялось в 1747 г., когда он вместе с профессорами Ф. Г. Штрубе де Пирмонтом и В. К. Тредиаковским принял участие в рассмотрении спора между П. Н. Крекшиным и Г. Ф. Миллером.³² Петр Крекшин — историк-любитель, собиравший материалы о Петре Великом, подал в Сенат в 1746 г. составленное им «Родословие великих князей, царей и императоров»,³³ написанное в подобострастном и угодническом тоне. Вопреки историческим фактам он силился доказать прямое происхождение династии Романовых от династии Рюриковичей, как писал он несколько позже, от «великого князя Гостомысла и Великого царя Владимира Святославича».

Чтобы понять всю остроту спора, нужно взвесить политическое и научное значение его. Генеалогические разыскания в историографии XVIII в. занимали особое место, так как они непосредственно обслуживали династические интересы самодержавной власти в России, потомственной и непотомственной аристократии. Нужно учесть и то, что этот генеалогический спор не случайно разгорелся между Крекшиным и Миллером. Последний начал составлять родословные таблицы «по должности историка», по его свидетельству, еще с 1730 г. и до отъезда в Сибирь передал в Академическую канцелярию «генеральную таблицу». Генеалогических разысканий Миллер не оставлял и находясь в экспедиции. Ко времени спора с Крекшиным он нако-

³⁰ В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 87.

³¹ П. П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова, стр. 38. — Любопытна подробность: Ломоносов в свою очередь благодарил через Шумахера Татищева, который сделал ему «подарок в 10 рублей». Эта деталь свидетельствует о том, что принцип буржуазного гонорара начал входить в практику литературной работы.

³² Об этом споре см.: А. И. Андреев и В. Р. Свирская. Примечания к замечаниям М. В. Ломоносова на 6 и 7 главы «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера. В кн.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 541—545.

³³ См.: ЦГИА СССР, ф. 1341, оп. 303, № 578; см. также: П. Н. Крекшин. Родословие высочайшей фамилии государыни императрицы Елизаветы Петровны... СПб., 1883.

пил новые материалы по родословию дома Рюриковичей, литовских, пришлых и удельных князей. В прошении на имя президента Академии наук Миллер подчеркивал свою личную инициативу в сборе генеалогических материалов, которые он черпал из родословных и разрядных книг и летописей.³⁴ К этому надо добавить, что между Миллером и Крекшиным еще до спора сложились более чем недружественные отношения. Дело в том, что Крекшин взял у Миллера его выписки из иностранных писателей по русской истории и заявил, что «книгу выписок» не отдаст владельцу «за написанными Миллером в оной поносительными, ложными и укорительными делами, чего-де ему, Миллеру, ниже писать, но и мыслить не надлежало». Миллер вынужден был неоднократно обращаться к президенту Академии с просьбой вернуть выписки, присвоенные Крекшиным. Миллер, понимая, что отношение к нему русских ученых настроенное, оговаривал, что эти выписки ему нужны «не для публикации в народ», а для своих научных занятий.³⁵ Но и это не помогло. Президент Академии наук К. Г. Разумовский приказал объявить, чтобы Миллер «ни в какие родословные исследования не токмо высочайшей фамилии ее и. в., но и партикулярных людей без особливого на то указу не вступал и никому таких родословий, под опасением штрафа, не подносил».³⁶ Такой запрет мотивировался, в частности, опасением, что работа по составлению родословий отрывает Миллера от его непосредственных занятий, от «настоящей должности» по Историческому департаменту.³⁷

Не будем вдаваться в подробности этого генеалогического спора, а только заметим, что еще Татищев опровергал домыслы Крекшина по поводу родословия дома Романовых,³⁸ и остановимся на позиции Ломоносова в этой дискуссии.

Ученым Академии наук нужно было иметь большое гражданское мужество, чтобы выступить против демагогических и карьеристских писаний Крекшина. Ломоносов в этом споре поддержал Миллера. Ему удалось доказать, что Крекшин не смог обосновать своих выводов о том, что «все великие князи от Владимира до царя Ивана Васильевича были цари, венчаны венцом царским и помазаны».³⁹ Но следует отметить, что Ломоносов, отказываясь признать Владимира Святославича царем, считал Владимира Всеволодовича Мономаха «первовенчанным царем», основываясь на авторитете устарелого «Синописа». Если на основании этого можно сделать вывод о недостаточной историографической подготовленности Ломоносова к тому времени, то

³⁴ ААН СССР, ф. 21, оп. 1, № 18, л. 82.

³⁵ Там же, л. 85.

³⁶ К. С. Веселовский. Запрещение историографу Миллеру заниматься генеалогией. «Русская старина», 1896, № 9, стр. 626.

³⁷ ААН СССР, ф. 21, оп. 1, № 18, л. 82.

³⁸ В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 371.

³⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 7—12.

источниковедческий авторитет его был бесспорным. Об этом свидетельствует следующий эпизод. Когда летом 1747 г. Сенат разбирал спор, то Ломоносову был поручен перевод выписки из Длугоша, принадлежавшей Миллеру, так как она, по доносу Крекшина, была объявлена клеветой на русских князей (речь шла об унижительном обычае для великого князя при приеме татарских послов).⁴⁰ Никакого практического решения по этому спору Сенат, насколько известно, не принял.

Вторым выступлением Ломоносова на поприще исторической науки явилось его участие в рецензировании и обсуждении «Истории Сибирской» Г. Ф. Миллера. Ход обсуждения работы Миллера в рукописи и во время издания книги достаточно полно и обстоятельно изложен А. И. Андреевым.⁴¹ Поэтому остановимся только на существовании выступления Ломоносова во время дискуссии.

Ломоносовские возражения шли по двум направлениям: по линии историко-политических оценок некоторых событий русской истории и по вопросу о роли подробностей в историческом исследовании. Один из спорных вопросов был связан с оценкой деятельности Ермака. Когда четыре члена собрания высказали несогласие с утверждением Миллера о том, что «Ермак грабежу и разбою, чинимого от людей своих в Сибири, не почитал за погрешение»,⁴² то Ломоносов высказал свои соображения по этому поводу. Он не хотел, чтобы у читателей складывалось впечатление о разбойном характере деятельности Ермака («разбойничества не приписывать»).⁴³ Миллер согласился с этим замечанием, однако на следующем заседании он вновь поставил вопрос о том, как освещать роль Ермака, заявив, что «умягчить свои изображения ему никак невозможно». На это Ломоносов ответил, что «подлинно неизвестно, для себя ли Ермак воевал на Сибирь или для всероссийского самодержца». ⁴⁴ В конечном итоге данное место из «Истории Сибири» было выброшено, так как, по мнению Ломоносова, с которым согласилось большинство, рассуждения Миллера о делах Ермака «с несколькими похулением написаны». В целом, «освидетельствовав» начало миллеровского труда, Ломоносов писал, что «помянутая книга напечатанная достойна». ⁴⁵ Правда, несколько позже, во время горячих

⁴⁰ Там же, стр. 543; П. Пекарский. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 22—24; см. также: Летопись, стр. 111.

⁴¹ А. И. Андреев. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири. В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 78—101; А. И. Андреев и В. Р. Свирская. Примечания к замечаниям М. В. Ломоносова на 6 и 7 главы «Сибирской истории» Г. Ф. Миллера. В кн.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 559—568.

⁴² Протоколы Исторического собрания от 3 и 6 июня 1748 г. (см.: Библиографические записки, 1862, т. III, стр. 515—517).

⁴³ Летопись, стр. 121.

⁴⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 560—561.

⁴⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 620.

прений по поводу диссертации Миллера «Происхождение имени и народа российского», Ломоносов в отзыве на нее высказал отрицательное мнение о первой части «Истории Сибири», которая «едва ли меньше недостатков имеет, как настоящая диссертация». ⁴⁶ Такой категорический отзыв вряд ли свободен от преувеличения. На нем, несомненно, сказалась обстановка ожесточенной полемики 1749 г. Однако и впоследствии Ломоносов не изменил своего отношения к автору «Истории Сибири». ⁴⁷

Во время обсуждения второй части «Истории Сибири» конфликт между Ломоносовым и Миллером не утихал. В результате Ломоносов вынужден был просить Канцелярию освободить его от участия в работе Исторического собрания в связи с враждебным отношением к нему Миллера и загруженностью другими делами. Однако он не отказывался от рецензирования, но просил разрешить ему читать рукопись дома. ⁴⁸ Ломоносов добился освобождения от участия в работе Исторического собрания, но Канцелярия продолжала посылать ему на отзыв новые главы «Истории Сибири». Ломоносову так надоели споры в Историческом собрании, что он не хотел, чтобы его отзывы на работу Миллера попадали туда. ⁴⁹

Критика Ломоносовым второй части миллеровского труда, на первый взгляд, малопринципиальна. Как писал Ломоносов, он «свидетельствовал и приметил в ней следующие непристойности». Во-первых, Миллер много говорил о пушкаре Ворошилке, которого Ломоносов зачислил в разряд «подлых бездельников», и умалчивал о «знатных делах и приключениях», например о посольстве во время царя Михаила Романова к «Золтому царю», т. е. в Китай; во-вторых, по мнению Миллера, церкви строились для украшения города, тогда как, по словам Ломоносова, они создавались «для приношения славословия божия и молитвы»; в-третьих, надо говорить не «праздность все-российского престола», а междуцарствование. ⁵⁰

Казалось бы, замечания Ломоносова носили по преимуществу политический характер и сочетали патриотизм с охранительным монархизмом и официальной религиозностью. Известная противоречивость общественно-политических убеждений Ломоносова не подлежит сомнению. ⁵¹ Материалист в философии, демократ в жизни и по целям своей научно-литературной деятельности, он продолжал оставаться сторонником просвещенной монархии.

Однако приведенными выше замечаниями Ломоносов не исчерпал критику серьезных недостатков произведения Миллера.

⁴⁶ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 24.

⁴⁷ М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII, 1948, стр. 223.

⁴⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 347—348.

⁴⁹ Летопись, стр. 185.

⁵⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 83—84.

⁵¹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века, стр. 192, 211 и др.

На рукописной копии 6-й главы «Истории Сибирской», которой пользовался Ломоносов, имелась его пометка, раскрывающая главные претензии русского ученого к Миллеру. «Много Миллеров надобно и тысячи лет, чтобы все мелочи описать»,⁵² — заметил Ломоносов, требуя от историка излагать самое существенное и характерное, отбрасывая второстепенные подробности, тем более такие, которые задевают авторитет государственной власти, национальное самолюбие и патриотические чувства русских людей.

Ломоносовская оценка «Истории Сибири» была созвучна характеристике, данной Канцелярией Академии наук первому тому этого труда. В указе Канцелярии от 19 июня 1750 г. отмечалась перегруженность тома документальными материалами, приведшая к тому, что «большая часть книги не что иное есть, как только копия дел канцелярских».

Спор о месте подробностей в историческом труде имел большое значение для выработки приемов научного изучения. К вопросу о главном и второстепенном в исторических трудах неоднократно обращались историки XVIII в. (Ф. А. Эмин, И. Н. Болтин, М. М. Щербатов и др.), старающиеся провести отчетливую грань между летописной манерой исторического описания и научным исследованием.

Третьим по счету, но первым по глубине и значению выступлением Ломоносова по коренным вопросам русской истории явилось его участие в обсуждении в 1749—1750 гг. диссертации, точнее — подготовляемой торжественной речи Миллера «Происхождение имени и народа российского». Об этом сюжете много писалось в литературе, но всестороннего и объективного изучения вопроса мы все еще не имеем по целому ряду причин, главным образом благодаря наличию объективистской тенденциозности в старой литературе и своеобразной неославянофильской точке зрения, имевшей место в советской литературе в годы господства культа личности. Последнее обстоятельство вело к односторонней подборке источников.

В середине XVIII в. вопрос о происхождении древнерусского государства был научно и политически актуален. В период развития национальной историографии передовые русские люди ревниво относились к проблемному вопросу о начале отечественной истории. Патриотические побуждения прогрессивных историков не только придавали национальную заостренность их выступлениям, но и правильно в научном отношении обращали исследование вопроса не к внешним факторам, а к внутренним.⁵³

---

⁵² Л. Б. Модзалевский. Рукописи Ломоносова. М.—Л., 1937, стр. 110—116.

⁵³ Ход обсуждения произведения Миллера наиболее подробно изложен В. Р. Свирской в «Примечаниях» к шестому тому полного собрания сочинения М. В. Ломоносова, вышедшему в 1952 г. (М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 546—559).

По распоряжению президента Академии К. Г. Разумовского диссертацию Миллера, напечатанную на латинском и русском языках, должны были прорецензировать И. Э. Фишер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, В. К. ТрEDIAKОВСКИЙ, Н. И. Попов, С. П. Крашенинников и М. В. Ломоносов. Последний 16 сентября 1749 г. представил свой первый отзыв в Канцелярию Академии наук.⁵⁴ В этом рапорте Ломоносов категорически утверждал, что речь Миллера «весьма недостойна, а российским слушателям и смешна и досадительна» и ни в коем случае «не может быть так исправлена, чтобы она когда к публичному действию годилась».

Этот документ показывает принципиальное отличие в подходе к оценке основных событий древней русской истории, а также ее источников у Ломоносова и Миллера. Ломоносов строго и рационально подходил к пониманию степени ценности исторического памятника для науки. Говоря о древнерусских летописях, справедливо считая их главным источником отечественной истории, он писал: «Правда, что и в наших летописях не без вымыслов меж правдою, как то у всех древних народов история сперва баснословна, однако правды с баснями вместе выбрасывать не должно, утверждаясь только на одних догадках».⁵⁵ Миллер действовал иначе. Не отвергая целиком показания русских источников, он иногда отдавал предпочтение иностранному, считая, что отдаленная эпоха не освещается, как ему казалось, русскими летописцами. Это, естественно, вызвало возражения Ломоносова, который заметил: «Обещается он иностранных авторов тут приводить, где своих к тому недовольно (стр. 6); однако в противность того российских авторов не токмо просто, но нередко с поношением опровергает».⁵⁶ Ломоносов считал Миллера малосведущим в русских источниках. «Из всего видно, — писал русский ученый, — что он весьма немного читал российских летописей, и для того напрасно жалуется, будто бы в России скудно было известиями о древних приключениях».⁵⁷ Ломоносов отметил также, что Миллер с каким-то оsobым удовольствием описывал все неудачи славян.

Рапорту незамедлительно был дан ход. В тот же день его послали президенту Академии наук Разумовскому в Москву. Не прошло и недели, как Теплов выслал из Москвы указ Разумовского (21 сентября), который распорядился, чтобы диссертация

⁵⁴ Там же, стр. 19—25; см.: П. С. Биллярский. Материалы для биографии Ломоносова. СПб., 1865, стр. 130—132, 755 и сл.

⁵⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 20.

⁵⁶ Там же, стр. 19. — Ломоносов ссылается на печатный текст «Происхождения имени и народа российского». Корректирный экземпляр в ААН СССР, ф. 3, оп. 1, д. 817, лл. 347—374 об.; латинский рукописный текст см. там же, ф. 21, оп. 6, № 19; ср. также: ГПБ, Эрмитажное собрание, № 541/2, лл. 3—38 об.; см. также в кн.: Торжество Академии наук... празднование публичным собранием октября 6 дня 1749 года. СПб., 1749.

⁵⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 20.

Миллера была сдана в архив Исторического собрания, а печатные экземпляры ее «ни под каким видом, ни единого экземпляра» не были бы выпущены в свет. 28 сентября Канцелярия приняла решение уничтожить отпечатанную речь Миллера.⁵⁸

Таким образом, на основании мнения Ломоносова и отзыва астронома Н. И. Попова (тоже отрицательного) Канцелярия Академии изъяла из обращения уже напечатанный труд Миллера.

Когда Миллер узнал об этом, он обратился к президенту Академии с просьбой обсудить его диссертацию на широком собрании. Просьба была удовлетворена, и чрезвычайное собрание академиков и адъюнктов на 29 заседаниях на протяжении пяти месяцев (с 23 октября 1749 г. по 8 марта 1750 г.) обсуждало диссертацию. 23, 24, 26, 27, 30 октября и 3, 9 ноября Ломоносов присутствовал на этих заседаниях. На первых трех заседаниях он зачитал свои «возражения» на диссертацию, а 3 ноября представил новый письменный отзыв о произведении Миллера.⁵⁹ Во втором отзыве Ломоносов писал, что «указом ее величества, данными из Академии наук, повелено мне в собрании с прочими господами профессорами вторично исследовать сочиненную г. профессором Миллером диссертацию». При этом он подчеркивал, что пишет «не по пристрастию и не взирая на лицо, но как верному сыну отечества надлежит, по присяжной должности»⁶⁰ поступает.

Так как Миллер задерживал ответы на замечания Ломоносова, а в Академии наук уже составилось отрицательное мнение о диссертации, то 29 ноября Канцелярия Академии наук постановила: «Профессорскому и Историческому собранию заниматься текущими делами, поскольку мнение о диссертации надобно ныне не в скорости». 4 декабря было принято решение ввиду болезни Миллера временно прекратить обсуждение его речи.⁶¹ Лишь в конце января 1750 г. Историческое собрание возобновило обсуждение диссертации. Споры, было затихшие, вновь возгорелись с прежней силой.⁶² 1, 2, 5 и 6 марта 1750 г. на чрезвычайных заседаниях Академического собрания Миллер отвечал на «возражения» Ломоносова.⁶³ После окончания заседаний в марте 1750 г. протоколы были посланы для обсуждения всем профессорам, в том числе и Ломоносову, который сделал

---

⁵⁸ Летопись, стр. 149.

⁵⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25—42.

⁶⁰ Летопись, стр. 152—153; М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 25.

⁶¹ Летопись, стр. 156.

⁶² Имеются данные, что прерванные 4 декабря 1749 г. чрезвычайные заседания Академического собрания были возобновлены 20 января 1750 г. (Полн. собр. соч., т. 6, стр. 549), однако неизвестно, сколько было таких заседаний и присутствовал ли на них Ломоносов. — Летопись, стр. 158.

⁶³ Летопись, стр. 158; М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 550.

свои замечания на полях протокола. Это третий документ Ломоносова.⁶⁴

21 июня 1750 г. Крашенинников на чрезвычайном заседании Академического собрания предложил всем профессорам снова представить письменные мнения о речи Миллера, так как последний не согласился с оценкой его диссертации Ломоносовым. В тот же день Ломоносов представил четвертый документ на речь Миллера, в котором отметил, «что оной диссертации никоим образом в свет выпускать не надлежит», так как «вся она основана на вымысле и на ложно приведенном во свидетельство от господина Миллера Нестеровым тексте и что многие явные между собою борющиеся прекословные мнения и нескладные затей Академии бесславию сделать могут».⁶⁵ Но только 12 сентября 1750 г. на основании заключительного отзыва Ломоносова и отзывов других профессоров Канцелярия подтвердила свое решение об уничтожении тиража речи Миллера.⁶⁶ 24 сентября был издан указ об уничтожении диссертации Миллера, «так как она предосудительна России».⁶⁷

Из анализа упомянутых четырех основных документов, вышедших из-под пера Ломоносова во время этой дискуссии, видно, что его возражения касались широкого круга вопросов, в частности отношения к источникам древнерусской истории, политического акцента в описании некоторых событий на заре русской истории. И, наконец, — и это, разумеется, самое главное — в дискуссии с Миллером 1749—1750 гг. Ломоносов выступил впервые с критикой лженаучной и реакционной «норманской теории». Он «положил начало антинорманскому направлению в русской исторической науке», — писал В. В. Мавродин.⁶⁸

Было бы упрощением сводить возникновение норманской теории исключительно к деятельности немецких ученых на службе в русской Академии наук в 30-х годах XVIII столетия, т. е. ко времени господства клики Бирона при русском дворе. Летописная легенда о призвании варяжских князей действительно была возведена в ранг теории благодаря работам Г. З. Байера, Г. Ф. Миллера, А. Л. Шлецера и др.

Но она никогда бы не смогла стать официальной исторической доктриной для правящих кругов царской России, если бы ее не поддерживали и не разделяли реакционные круги русского общества, если бы, наконец, у нее не было прочной историографической традиции в средневековой отечественной литературе и летописании.

---

⁶⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 550; текст там же, стр. 42—79.

⁶⁵ Там же, стр. 550, 80.

⁶⁶ Летопись, стр. 164.

⁶⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 550.

⁶⁸ В. В. Мавродин. Борьба с норманизмом в русской исторической литературе. Л., 1949, стр. 11.

Лженаучность и реакционность «норманской теории» в наши годы не подлежит никакому сомнению. Ее социологическая или теоретическая несостоятельность доказана советской исторической наукой с исчерпывающей убедительностью, хотя важный, но все-таки частный вопрос о конкретной роли норманнов в создании древнерусской государственности все еще требует серьезных исторических разысканий.

Самым крупным и наиболее выдающимся трудом М. В. Ломоносова является «Древняя Российская история». Начало и ход работы над ней могут быть прослежены с достаточной полнотой. Следует напомнить, что в отчете о своих занятиях за 1751—1756 гг. Ломоносов в равной степени останавливался на работах по химии, физике, истории и словесным наукам.⁶⁹ На основании этого уникального документа, неоднократно использованного в литературе, в частности А. С. Пушкиным, и материалов, привлеченных только в последнее время, можно наметить этапы работы Ломоносова над этим произведением. Начало работы над составлением «Древней Российской истории» надо датировать 1751 г. В письме к И. И. Шувалову от 10 сентября Ломоносов сообщал: «Делаю план российской истории».⁷⁰

Когда Ломоносов взялся за составление истории России, отечественная наука имела определенную положительную традицию, на которую он опирался в своих самостоятельных разысканиях. Источниковедческой и историографической основой для Ломоносова стали русские летописи (в первую очередь, Нестор), корпус античных и средневековых авторов и первое обобщающее произведение по русской истории — рукопись «Истории Российской» В. Н. Татищева.⁷¹

В 1751—1752 гг. Ломоносов «для собрания материй к сочинению „Российской истории“» читал, делал выписки и замечания из рукописных и печатных источников и первого тома «Истории» Татищева. Нельзя не заметить, что выбор источников Ломоносовым во многом был предопределен рукописной работой его предшественника. В 1751 г. он ознакомился с «Нестором» по копии Кенигсбергской летописи, положенной Татищевым в основу начала «Истории Российской», с законами Ярослава, т. е., по-видимому, с рукописью «Русской правды»,

⁶⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 388—393. — «Рапорт» впервые был напечатан в «Московском телеграфе» (1827, № 22), отсюда его заимствовал А. С. Пушкин, поместив в «Путешествии из Москвы в Петербург».

⁷⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 471, 472. — Сохранились два наброска плана истории, точнее — ее периодизации (см.: Полн. собр. соч., т. 6, стр. 87).

⁷¹ Это следует подчеркнуть, поскольку новейший исследователь — Г. Н. Монсева (М. В. Ломоносов и польские историки, стр. 144 и 156), по-видимому, переоценивает значение влияния приемов и методов работы М. Стрыйковского на Ломоносова. Между тем ей удалось убедительно доказать, что Ломоносов знал рукописи двух редакций «Истории» Татищева.

подготовленной Татищевым,⁷² с лицевым царственным, или Остермановским, древним летописцем,⁷³ а также с книгами Крамера, Вейсселя, Гельмолда, Арнольда⁷⁴ и другими сочинениями, какими — нам неизвестно. В 1752 г. Ломоносов продолжал чтение средневековых писателей — Кранца, Иордана, Прокопия, Павла Дьякона, Зонара, Феофана Исповедника, Леона Грамматика, писателей XVII—XVIII вв. — Претория и Муратория, а также других авторов,⁷⁵ нам неизвестных. При всей своей занятости, он, по его словам, «по досугам делал разные приуготовления и примечания к сочинению „Российской истории“».⁷⁶

Таким образом, в 1751—1752 гг. Ломоносов собирает необходимые материалы для составления «Древней Российской истории». Не ограничиваясь предшествующим историографическим опытом — «Историей» Татищева, он самостоятельно занялся изучением древних и средневековых источников. Источники по истории скифов, сарматов, готов, аланов, вендов, прибалтийских племен и других изучались им систематически и глубоко: в 1751 г. он сделал 653 выписки и написал примечания к прочитанному на 15 листах, а в 1752 г. — 161 выписку на 5 листах.

Второй этап работы М. В. Ломоносова над «Древней Российской историей» начинается, насколько можно судить, примерно с 1753 г. Как видно из отчета, Ломоносов начал систематизировать собранный в прежние годы материал («записки из сочиненных прежде авторов приводил под статьи числами»), а также знакомиться с летописями Академии наук (без конспектирования), чтобы «общее понятие иметь пространно о деяниях российских».⁷⁷ Одновременно он продолжал изучение источников: «Всемирной географии» Птолемея и «Писем и панегирика» Плиния Младшего.⁷⁸ В это же время он особенно заинтересовался Татищевым. В октябре 1753 г. Ломоносов повторно просит И. И. Шувалова прислать второй том «Истории» Татищева, мотивируя это тем, что его предшественник «в первом много на второй ссылается».⁷⁹

Насколько правящие круги тогдашней России интересовались работами Ломоносова в области русской истории, свидетельствует оживленная переписка между ним и Шуваловым. Ломоносов в письме к последнему от 4 января 1753 г. сообщал

---

⁷² Архив ЛОИИ АН СССР, к. 115, № 434.

⁷³ БАН, 31. 7. 30.

⁷⁴ См.: Г. М. Коровин. Библиотека Ломоносова, стр. 236—239, 238, 228, 249—250, 289—290, 258—259, 242—243.

⁷⁵ Там же, стр. 262—265, 274—275, 268—269, 261—262, 275—276, 271, 291, 287, 266.

⁷⁶ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 387.

⁷⁷ Там же, стр. 391.

⁷⁸ Летопись, стр. 206, 210; Г. М. Коровин, ук. соч., стр. 276—277, 361.

⁷⁹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 490.

о перспективах и трудностях своей работы над историей.⁸⁰ В недошедшем до нас письме Шувалова к Ломоносову от 28 декабря предыдущего года он, по-видимому, предложил Ломоносову ускорить занятия по русской истории, прекратив на время физические и химические исследования. Ломоносов с этим не согласился, он ответил, что «от всего сердца желал бы иметь такие силы, чтобы оное великое дело совершением своим скоро могло охоту всех удовлетворять, однако оно само собою такого есть свойства, что требует времени. Коль великим счастьем я себе почесть могу, ежели моею возможною способностию древность российского народа и славные дела наших государей свету открываются, то весьма чувствую». Здесь же Ломоносов сообщал о своем намерении окончить в 1753 году первый том «Российской истории».

31 мая 1753 г. Ломоносов вновь сообщил Шувалову, что первый том «Российской истории» будет готов в рукописи к новому году.⁸¹ Но свое обещание, как говорят, по причинам, от него не зависящим, он не сдержал. Во-первых, он был занят «множеством других дел»: в 1753 г. «чинил наблюдения электрической силы на воздухе с великой опасностью», во время которых погиб профессор физики Г. Ф. Рихман, составлял проекты пллюминации и фейерверков и т. д. Во-вторых, следует учитывать, что Ломоносову тогда приходилось фактически одному трудиться над историей России.⁸² И, в-третьих, по нашему мнению, в 1753 г. он не обладал достаточной историографической и источниковедческой подготовкой, чтобы составить руководство по русской истории, стоявшее бы на уровне современных научных требований, с использованием всего корпуса известных источников. Отчеты и материалы о работе Ломоносова над историей в последующие годы служат убедительным подтверждением сказанному.

Спор, долго длившийся в нашей историографии по поводу в своем роде первопричины, заставившей Ломоносова взяться за якобы не свойственный и чуждый ученому труд по составлению русской истории, в работах последнего времени решался в пользу признания личной инициативы Ломоносова. В. Р. Свирская считает, будто версия самого Ломоносова о правительственном поручении написать историю России противоречит дей-

---

⁸⁰ Там же, стр. 474—476.

⁸¹ Там же, стр. 482—483.

⁸² В 1754 г. Ломоносов просил определить ему в помощь для работы над «Российской историей» кого-либо из студентов. В марте 1757 г. Ломоносов добивался, чтобы ему был выделен студент в качестве помощника. Ему определили С. Введенского. И. С. Барков, переписывавший для Ломоносова в апреле 1756 г. копию Кенигсбергской летописи, видимо, делал это только для ее издания (см.: Летопись, стр. 232, 265, 268, 256 и Полн. собр. соч., т. 9, стр. 403—404). Только в феврале 1758 г. Баркову дано было указание придти к Ломоносову для переписывания набело «Древней Российской истории» и выполнения других поручений.

ствительности, поскольку он «занимался подготовкой „Российской истории“ задолго до поручения двора и независимо от него».⁸³ С этим нельзя не согласиться, но ее утверждение, что Ломоносов настаивал на такой версии «в своих практических интересах», не может быть принято.⁸⁴ Великий русский ученый-энциклопедист, посвятивший всю жизнь борьбе за лучшее будущее России, не мог оставаться безразличным к изучению истории Отечества, тем более тогда, когда ее пытались монополизировать в своих руках иностранцы, находящиеся на службе русской Академии наук. Нет особой необходимости повторять, что Ломоносов в истории видел большую воспитательную силу и пр. К тому же стремления Ломоносова создать научную и общедоступную историю России совпали с желанием правительства получить столь необходимое руководство или пособие по отечественной истории.

Таким образом, при решении вопроса о причинах, заставивших Ломоносова взяться за исторический труд, нельзя не учитывать его патриотической инициативы, но нельзя и игнорировать роли правительственного поручения. Если в современной историографии справедливо подчеркивается противоречивость исторических взглядов Ломоносова, то и в этом вопросе будет правильным признать дуалистическую позицию Ломоносова. Он хотел привлечь правительство, направить его для общего блага и в деле разработки истории (не будем говорить об его утопических иллюзиях в этом отношении), а правительство, в свою очередь, желало использовать Ломоносова в собственных целях. Правительство намеревалось увидеть в «Истории» восхваление самодержавия, а Ломоносов стремился прославить «славные дела» государей и народа. В первом случае — цари, а во втором — правители и народ должны были стать персонажами «Древней Российской истории». Взгляды Ломоносова на содержание предмета истории выходили за пределы феодальной историографии.

Хронологическим сопоставлением известных фактов легко уничтожается легенда о том, что Ломоносов начал заниматься историей по приказанию свыше. Уже только после того, как Ломоносов более двух лет работал над историей и продвинулся настолько, что даже думал закончить первый том своего произведения (к концу 1753 г.), он получил официальное распоряжение работать над ней. Во время пребывания Ломоносова в Москве Шувалов, по-видимому, в марте 1753 г. доложил Елизавете Петровне о занятиях ученого русской историей. Им-

---

⁸³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 573—574.

⁸⁴ Кстати, П. П. Пекарский считал, что И. И. Шувалов «сбил» Ломоносова с правильного научного пути, побуждая его взяться за разработку истории «до того времени ему посторонней». М. Ломоносов, мол, пошел на это, желая «улучшить материальное существование» (История Академии наук, т. II, стр. 505—506).

ператрица, по словам Ломоносова, «охотно бы желала видеть российскую историю, написанную его штилем».⁸⁵ Данное известие подтверждается и другим современным источником. В письме к знаменитому математику Леонарду Эйлеру от 12 февраля 1754 г. Ломоносов писал: «Императрица, удостоив меня милостивейшей беседы, заявила, между прочим, что ей приятно будет, если я напишу моим слогом отечественную историю. Итак, вернувшись в Петербург и составляя недавнюю мою речь, я часто за самой работой ловил себя на том, что душой я блуждаю в древностях Российских».⁸⁶

В 1754 г. Ломоносов энергично продолжал изучение источников и литературы для «Древней Российской истории». В январе, феврале и марте он взял из библиотеки Академии наук около двух десятков различных книг, которые были использованы в первых главах первого тома. Он ознакомился с «Историей датчан» Саксона Грамматика, «Языческой религией кимров» Арикила, двухтомной «Сокращенной историей» Кедрина, «Хронографией» Феофана Исповедника, с двумя томами «Истории о северных королях» Снорре Стурлезона, двумя томами сборников «Писатели венгерской истории», с «Анналами» Зонара, томами исторических сочинений Альбрехта Кранца, книгой Кромера «Тридцать книг о происхождении и деяниях поляков», сборником Линденброга «Писатели северной истории германцев и соседних с ними народов», с работой Иордана «История о происхождении и деяниях гетов или готов», с «Северной историей», Л. Паулина, с «Деяниями и следами датчан вне Дании» Понтюпидано, «Готическим миром» Претория, «Историей Норвегии» Торфеуса, а в мае — с двухтомником «Представление о древних или полная география, разъясняющая лик земного круга от начала Рима до времен Константина» Целлариуса и с книгой Реенхельма «Сага об Олафе Трюгвасоне».⁸⁷

В 1754 г. Ломоносов, по его словам, написал «Опыт истории словенского народа до Рурика: Дедикция, вступление, глава 1, о старобытных жителях в России; глава 2, о величестве и поколениях славенского народа; глава 3, о древности славенского народа, всего 8 листов». Это составляло по объему примерно $\frac{1}{4}$ первой части первого тома.

Работе Ломоносова мешала та обстановка, которая сложилась в результате борьбы против него Шумахера, Тауберта, Теплова и Миллера. Русский ученый вынужден был даже просить Шувалова либо поставить его в независимое положение в Академии наук, либо перевести его служить в другое учреж-

⁸⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 285—286.

⁸⁶ Там же, стр. 503.

⁸⁷ Летопись, стр. 228—229, 230, 231, 232, 235; см.: Г. М. Коровин, ук. соч., стр. 279, 241—242, 247, 287, 281—283, 281, 290—291, 264—265, 249—250, 266; 262—263, 271, 273—274, 274—275, 288, 247—248, 277—278.

дение, чтобы избавиться от бесконечных склок и преследований. В письме от 30 декабря 1754 г., говоря о возможности перехода в Иностранную коллегию, он надеялся принести там не меньше «пользы и чести отечеству», так как рассчитывал «употреблять вспоможение архивы к продолжению „Российской истории“». ⁸⁸

Таким образом, можно предположить, что Ломоносов не ранее середины 1754 г. закончил первый вариант начала первой части первого тома «Опыта истории словенского народа до Рурика», а именно «Дедикцию» и «Вступление», а также три первых главы, соответствующие в основном по названию известным в печатном издании. ⁸⁹ (В печатном издании всего 10 глав.)

В 1754, 1755 и 1756 гг. Ломоносов продолжал работу над «Российской историей». Он собрал 15 исторических манускриптов, которые «сличал между собою для наблюдения сходств в деяниях российских». ⁹⁰ О чем шла речь, трудно сказать: то ли Ломоносов сопоставлял известия древней русской истории по различным летописным источникам для первого тома произведения, то ли занимался работой над продолжением труда. Скорее всего, он завершал первый том и, быть может, трудился над сбором материалов для продолжения истории. Уже в эти годы Ломоносов успешно изучал и византийские источники. Позднее он писал: «Что же надлежит до исторических изысканий из византийского корпуса, то на сей конец уже несколько лет изыскано мною не токмо все, что до славенских и с ними сплетенных народов надлежит в константинопольских писателях, но и в древнейших греческих, как в Геродоте, Страбоне, Птоломее и в других, мною прискано для примечаний на древнюю часть российския истории». ⁹¹

К концу 1755 г. у Ломоносова был готов опыт описания «владения первых великих князей российских Рурика, Олега, Игоря», что совпадало с первыми тремя главами второй части «Древней Российской истории». (В печатном издании всего 11 глав.)

12 марта 1757 г. Ломоносов подвел итог своей работы над историей за время с 1753 по 1756 гг. В этот период, по его словам, он упражнялся «в собирании и чтении надлежащих к тому документов, оные разобрав по главам, и первого тому семь глав привел в порядок, при том сочинил вступление и дедикцию». Уже в январе 1757 г. появилась возможность выпустить в свет первый том «Древней Российской истории». ⁹² Намерение сдать в печать свой труд в 1757 г. Ломоносов подтвердил и в марте,

⁸⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 519.

⁸⁹ Первая глава в 1754 г., как сказано в «Отчете», называлась «О старобытных жителях в России», а в печатном издании 1766 г. к этому было прибавлено «и о происхождении российского народа вообще».

⁹⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 393.

⁹¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 428—429.

⁹² Летопись, стр. 261.

присутствуя в Канцелярии.⁹³ Тогда же в январе началось переписывание набело предисловия к «Российской истории».⁹⁴

Ломоносов обратился в Синод с просьбой представить в Академию копии с хранящихся в монастырях исторических документов о времени их постройки, мотивируя свою просьбу тем, что это необходимо для составления истории России.⁹⁵ Ломоносов по-прежнему продолжал изучение рукописи «Истории Российской» Татищева.⁹⁶ Обращает внимание, что Ломоносов тогда же заинтересовался «Рисовальными портретами российских государей и великих князей» И. Штенглина, сброшюрованными в библиотеке Академии наук.⁹⁷

Первый том «Древней Российской истории» был закончен только к середине 1758 г. 22 июля рукопись была отдана для переписывания набело.⁹⁸ Распоряжение о напечатании в академической типографии труда Ломоносова последовало 9 сентября. Было решено выпустить книгу большим для того времени тиражом — 2400 экземпляров. В октябре 1758 г. типография приступила к печатанию первого тома «Древней Российской истории».⁹⁹ Однако после того как было отпечатано всего 3 печатных листа, 8 марта 1759 г. Ломоносов взял рукопись из типографии для переработки примечаний. Печатание его труда было приостановлено, а напечатанные листы уничтожены.¹⁰⁰ Только в 1763 г. возобновилось печатание книги.

Спрашивается, почему потребовался столь большой срок для продолжения набора? На этот историографически важный вопрос обычно отвечают следующим образом. Как известно, Ломоносов уделял большое внимание оформлению книги. Академия в этом шла ему навстречу. Но Ломоносова не удовлетворяла избранная им форма «примечаний», что и явилось причиной невыхода книги.¹⁰¹ К сожалению, мы располагаем очень немногочисленными документами, относящимися к этому еще не совсем ясному эпизоду. Можно только сказать, что практика издания книг в то время была действительно несовершенна. Например, диссертация Миллера 1749 г. печаталась по очень громоздкой системе, т. е. ссылки на источники делались на полях,

⁹³ Там же, стр. 264 и 263.

⁹⁴ Там же.

⁹⁵ Там же, стр. 311—312.

⁹⁶ Там же, стр. 262.

⁹⁷ Там же. — В марте 1761 г. Ломоносов вновь взял в книжной лавке Академии эту «рисовальную книгу» (там же, стр. 354).

⁹⁸ Летопись, стр. 295; М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 575—576. — Распоряжение о переплете экземпляра, предназначенного для поднесения Елизавете, было сделано еще 4 сентября.

⁹⁹ Летопись, стр. 297—298.

¹⁰⁰ См.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 575—576.

¹⁰¹ Там же, стр. 576. — 28 февраля 1763 г. Ломоносов писал в Канцелярию: «Сию книгу не намерен я печатать, как она начата с примечаниями и с сокращениями на поле, но токмо с одними цитациями авторов, а примечания просовокуплю назад» (Полн. собр. соч., т. 9, стр. 409).

с примечаниями и изъяснениями под основным текстом. Но так или иначе, объяснять столь длительную задержку выхода книги Ломоносова одними «техническими причинами» вряд ли можно. Небезынтересен отзыв Я. Я. Штелина о той обстановке, в которой происходила подготовка к изданию «Древней Российской истории» в 1758 г. «История русского государства была отдана тиснению при Академии осенью 1758 года, без всякого предварительного прочтения и одобрения, — писан он. — Даже историческая конференция при Академии не знала ни слова более тех, которые видели это сочинение и печатали его. Один потаенный приказ президента Академии утвердил его печатание».¹⁰²

Можно высказать еще одно предположение. Вероятно, прекращение печатания «Древней Российской истории» в 1758 г. связано не только с тем, что Ломоносов не был удовлетворен формой издания, но и содержанием. Работа Ломоносова над материалами для Вольтера, стремящегося к самому широкому описанию экономической и культурной жизни Российской империи при Петре I, возможно, заставила Ломоносова подумать о доработке своего труда.

Данных о продолжении Ломоносовым работы над «Древней Российской историей» после того, как он взял рукопись книги из типографии (т. е. с 1758 по 1763 гг.), почти нет. В 1760 г. он готовил к изданию «Краткий Российский летописец» и вряд ли имел возможность серьезно заняться своим главным трудом по истории России. Известно только, что в 1761 г. Ломоносов взял из Академической библиотеки книгу «Московская хроника» Петрея, а из книжной лавки Академии «Рисовальную книгу князей» Штенглина. В начале 1762 г. он получил в библиотеке первый том «Генеалогических таблиц» Гюбнера.¹⁰³

В феврале 1763 г. Ломоносов представил в Канцелярию Академии наук записку о печатании первого тома «Российской истории» и рукопись своего труда, которая заключала «российские деяния от самой древности даже до кончины великого князя Ярослава Первого, т. е. до первого главного разделения самодержавства Российского».¹⁰⁴ В этой же записке Ломоносов не совсем ясно для нас писал еще о двух частях «сего ж тома», из них «первая до Батыева нашествия, то есть до порабощения Российского татарами, вторая до великого князя московского Ивана Васильевича, когда Россия вовсе освободилась от татарского насилия». Однако вряд ли эти две последние части первого тома к 1763 г. были написаны.

Академическая канцелярия дала указание типографии напечатать «с крайней поспешностью» первый том «Древней Российской истории» в количестве 2425 экземпляров. К работе было

¹⁰² А. Кунник. Сборник материалов..., ч. II, стр. 389; см.: П. С. Биллярский, ук. соч., стр. 373, 375.

¹⁰³ Летопись, стр. 350, 354, 372.

¹⁰⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 408—409.

приступлено уже 11 марта, но книга увидела свет после смерти великого Ломоносова только в 1766 г.¹⁰⁵

Сдав в типографию второй вариант первой книги, отличавшийся, наверняка, от первоначального текста, Ломоносов, по-видимому, усиленно взялся за работу над продолжением «Древней Российской истории». В 1764 г. он получил из библиотеки Академии «Летописец большой», т. е. «Степенную книгу», рукопись «Хроники» Стрыйковского.¹⁰⁶ В том же году он предложил послать в Старую Руссу вместе с профессором химии И. Г. Леманом студента Шпынева, который должен был собрать некоторые исторические сведения, касающиеся «древностей» этого города.¹⁰⁷

Итоговым документом о результатах работы Ломоносова в области истории до начала 1764 г. является известная «Роспись сочинениями и другим трудам советника Ломоносова», приложенная, по-видимому, к его письму М. И. Воронцову от 19 января 1764 г. Из нее узнаем, что, кроме «Краткого летописца Российского» и первого тома «Российской истории», он собрал «многие рукописные известия, до российских дел надлежащая, собственным коштом» и прочел «многия книги домашних и внешних писателей; из них выписаны всякие надобности в продолжении „Российской истории“». ¹⁰⁸ Других материалов о продолжении ломоносовского труда мы не имеем.

Необходимость заменить давным-давно устаревший «Синописис» была понятна многим. Ломоносов, хотя неоднократно и ссылался на авторитет этого исторического произведения, не мог не видеть его недостатков.

В «Росписи упражнений» за 1759 г. Ломоносов отметил, что он: «1. Сделал самый краткий перечень российской истории. 2. Сочинил таблицу российской императорской фамилии». ¹⁰⁹ Это значило, что Ломоносов подготовил две части из трех «Краткого Российского летописца». Произведение было напечатано к осени 1760 г. Считают, что с 1760 по 1775 г. вышло три издания «Краткого Российского летописца» большим для того времени общим тиражом — 4200 экземпляров. ¹¹⁰ Кроме того, произведение получило довольно широкое распространение в списках, часто встречающихся в различных библиотеках. ¹¹¹

¹⁰⁵ Летопись, стр. 386, 387.

¹⁰⁶ Там же, стр. 399.

¹⁰⁷ Там же, стр. 410.

¹⁰⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 401.

¹⁰⁹ Там же, стр. 395.

¹¹⁰ Д. Д. Шамрай. О тиражах «Краткого Российского летописца с послесловием». В кн.: Литературное творчество М. В. Ломоносова. Исследования и материалы. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 282—284; ср.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 588—591; Летопись, стр. 343 и 355; см. также стр. 348.

¹¹¹ Например, в Библиотеке им. В. И. Ленина, в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и др.

«Краткий Российский летописец» был написан М. В. Ломоносовым при участии помощника библиотекаря библиотеки Академии наук А. И. Богданова — библиографа и историка. В автобиографии, известной благодаря П. П. Пекарскому,¹¹² Богданов, в частности, сообщил, что «краткий экстракт о державных российских князьях и с славными их делами написал, которая и напечатана... Ломоносовым».¹¹³ Все исследователи долгое время относили это показание Богданова к третьей части книги. Только Л. Б. Модзалевский считал, что речь идет о второй, т. е. основной части «Краткого Российского летописца».¹¹⁴ Однако не менее основательно соображение, что Ломоносов подверг собранный Богдановым материал редакторской обработке. Его почерк чувствуется в нескольких местах, например в статье о Петре Великом.

В «Кратком Российском летописце» имеется совершенно определенное показание Ломоносова о том, что это произведение есть не что иное, как «сокращение из сочиняющейся пространной истории», т. е. «Древней Российской истории». Материал, изложенный Ломоносовым в шести параграфах «Показания Российской древности», с которого начинается «Краткий Российский летописец», не только по объему, но и по характеру значительно разнится с его выводами десяти глав первой части «Древней Российской истории». Основное соображение Ломоносова о варягах-россах, одноплеменных пруссам, т. е. мысль о славянском происхождении варяго-русов, вышедших из Пруссии, в «Кратком Российском летописце» проведена куда менее отчетливо, чем в «Древней Российской истории», хотя, в первом случае, говоря об успехах России в Семилетней войне, он уже считал прусскую землю отчиной «первоначальных российских государей».

В связи с признанием самого Ломоносова о том, что в 1760 г. он еще «сочинял пространную историю», а также в результате сопоставления выводов двух его произведений можно заключить, что «Краткий Российский летописец» является более ранним произведением, чем «Древняя Российская история». Эволюция взглядов Ломоносова может быть прослежена на этих произведениях достаточно убедительно. Поэтому, если Шлецер в предисловии к «Древней Российской истории», озаглавленном «К читателю», тенденциозно создавал впечатление, что Ломоносов только после «Краткого Российского летописца» взялся за составление «пространной истории российского народа», то современные исследователи, поместив «Древнюю Российскую

¹¹² П. П. Пекарский. История Академии наук., т. II, стр. 198—200.

¹¹³ См.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 589.

¹¹⁴ Л. Б. Модзалевский. Об участии А. И. Богданова в составлении «Краткого Российского летописца» М. В. Ломоносова. В кн.: М. В. Ломоносов. Сборник статей и материалов. II. М.—Л., Изд. АН СССР, 1946, стр. 267; см. еще: И. Н. Кобленц. Андрей Иванович Богданов. 1692—1766. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 65—75.

историю» прежде «Краткого Российского летописца», допустили большую ошибку. «Краткий летописец» не является шагом вперед по сравнению с «Древней Российской историей». Сам Ломоносов, перечисляя свои труды по истории (1764 г.), хронологически на первое место поставил «Летописец».¹¹⁵

Не следует преувеличивать историографического значения «Краткого Российского летописца». Если он стал на короткое время пособием по изучению отечественной истории, то на последующее развитие русской исторической мысли «Краткий Российский летописец» серьезного влияния оказать, конечно, не мог. Его первая часть была конспективна, вторая — главная часть — давала только самые сжатые справочные данные о князьях и царях (хронологию правления, важнейшие события и иногда характеристику князя или царя), а третья, хотя и была актуальна, как генеалогическая справка, но только расширяла и уточняла работу Татищева и «Родословные таблицы» Иоганна Гюбнера, хорошо известные в России. Тем не менее появление даже такого упрощенного в историографическом смысле пособия по русской истории было столь своевременно и необходимо, что Ломоносов, выпуская в свет первое издание, думал об исправлении и дополнении «Краткого Российского летописца». Сознавая недостатки своей книги, Ломоносов в примечании на последней странице «Летописца» писал: «При втором издании сея книжицы все, что еще в летописцах и известиях сыскаться может, присовокуплено будет; и если что по другим надежнейшим известиям иначе найдется, без поправления не останется».¹¹⁶

В октябре 1760 г. Ломоносов, собираясь продолжать работу над третьей частью «Краткого Российского летописца», где должны были быть помещены гравированные портреты всех русских князей и царей, обратился в Канцелярию с просьбой послать в Новгород, Тверь, Москву, Переславль-Залесский, Ростов, Ярославль, Нижний Новгород, Муром, Суздаль, Владимир, Переславль-Рязанский, Чернигов, Киев, Смоленск и Псков, «в древние столичные государственные и владетельных князей города», «способного живописца», «для собрания российской иконологии бывших в России государей обоего пола и всякого возраста», т. е. для снятия копий в церквах и монастырях с изображений русских князей и царей и надгробных надписей.¹¹⁷ Ломоносов также проявлял интерес к надгробным надписям в городе Брно в Моравии.¹¹⁸ В январе 1761 г. Академия наук получила от Синода разрешение снимать копии с надгробий и «портретов» князей и царей в церквах и монастырях (для этого ду-

¹¹⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 401.

¹¹⁶ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 358.

¹¹⁷ Там же, т. 9, стр. 406—407; Летопись, стр. 342.

¹¹⁸ Летопись, стр. 343.

мали послать художника Андрея Грекова).¹¹⁹ Целью данного мероприятия являлось составление «полного родословия российских государей», которое предпринималось Академией. Известно, что Ломоносов был неудовлетворен «родословными гротированными таблицами», изданными Академией наук в начале 40-х годов в исполнении И. Штенглина,¹²⁰ так как они давали изображения только некоторых правителей, причем исполненные без всякого сходства с оригиналом.

Следует напомнить, что история в картинах или изображениях правителей привлекала внимание не только Ломоносова. Изучение серии татишевских портретов князей, «рисовальных портретов» Штенглина, ломоносовских характеристик к «Идеям для живописных картин российской истории» и «Медалической истории» М. М. Щербатова может дать очень ценный материал не только для истории искусства в России, но и истории исторической мысли. Наблюдения И. И. Полосина над портретными характеристиками холопов по кабальным книгам XVI—XVII вв.¹²¹ позволяют сделать вывод об устойчивой традиции «словесного портрета» в русском быту и несомненном влиянии ее на творческие интересы и приемы историков XVIII в.

Предложение Ломоносова встретило поддержку, но по ряду причин выполнено не было,¹²² хотя Ломоносов считал сохранение памятников старины важным не только для «позднейших потомков», но и для того, «чтобы показать и в других государствах российские древности».

Работа над составлением родословной таблицы русских царей, однако, не остановилась. В начале 1762 г. президент Академии К. Г. Разумовский через Ломоносова приказал «для поднесения е. и. в. (Петру III. — С. П.) написать при Академии всей государственной фамилии родословную таблицу в лицах живописною искусною работою...» Никаких следов конкретных результатов этого распоряжения мы не находим.¹²³

Для полного обзора деятельности Ломоносова как историка следует представить его работу над различными сюжетами русской истории в 50—60-х годах. Имея в виду, что все его творчество проникнуто глубоким и серьезным историзмом, перечислим, однако, только те труды Ломоносова, в которых он непосредственно касался отечественной истории.

Нельзя пройти мимо выступления Ломоносова по поводу статьи переводчика Синода Г. А. Полетики «О начале, возобновлении и распространении учения и училищ в России и о нынеш-

¹¹⁹ Там же, стр. 346, 349.

¹²⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 590.

¹²¹ И. И. Полосин. Древнерусский литературный портрет. В кн.: И. И. Полосин. Социально-политическая история России XVI — начала XVII в. Сб. статей. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 261, 323 и др.

¹²² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 822.

¹²³ Там же, стр. 407—408, 822; Летопись, стр. 372.

нем состоянии», предназначенной для помещения в журнале «Ежемесячные сочинения» в 1757 г. Не вдаваясь в оценку напряженной борьбы Ломоносова с его противниками, которая вновь накалилась, укажем, что главное возражение русского ученого автору статьи по истории просвещения в России заключалось в замалчивании Полетикой деятельности школ в X—XVII вв.¹²⁴ Ломоносов, в объяснении истории русской культуры, как и Татищев, исходил из признания наличия школ, ремесел и законодательства на Руси с древнейших времен. Поэтому он писал, что «пизсу» Полетики по причине «разных непристойностей» печатать не следует.¹²⁵

Борьба «с неприятелями русских наук» занимала большое место в жизни и творчестве Ломоносова. В «Краткой истории о поведении Академической канцелярии в рассуждении ученых людей и дел с начала сего корпуса до нынешнего времени» Ломоносов подверг резкой критике администраторов Академии наук, тормозивших развитие науки и просвещения в России.¹²⁶ В письме Л. Эйлеру, написанном в феврале 1765 г., незадолго до смерти, Ломоносов, как бы обозревая свой тернистый путь в науке, писал о препятствиях, чинимых ему Шумахером, Миллером, Таубертом и Разумовским.¹²⁷

Особое место в научной биографии Ломоносова и в историографической литературе занимает вопрос об его отношении к А. Л. Шлецеру. Почти весь 1764 г. Ломоносов неоднократно выступал против Шлецера. 10 мая 1764 г. последний подал в Канцелярию рапорт с просьбой присвоить ему звание профессора. К рапорту был приложен сборник исторических и филологических этюдов, объединенных под названием «Опыт изучения русской древности в свете греческих источников». Ломоносов не замедлил написать отзыв на сборник Шлецера, в котором весьма резко осуждал положения шлецеровской работы.¹²⁸

Когда Шлецер подал свой план научных работ, достоинство которого было несомненным, Ломоносов написал отрицательный отзыв.¹²⁹ Он был очень обеспокоен, чтобы Шлецер не использовал копии неизданных рукописей в ущерб авторитету России, боясь злоупотреблений с его стороны.¹³⁰ В этом новом конфликте Сенат поддержал Ломоносова и направил указ президенту Академии наук, требуя произвести расследования по поводу того, собирается или нет Шлецер увезти с собой за границу неопубликованные материалы по русской истории.¹³¹

¹²⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 191—194 и 645—646; *Летопись*, стр. 265.

¹²⁵ См.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 191—192.

¹²⁶ Там же, стр. 267—316.

¹²⁷ Там же, стр. 597—598.

¹²⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 824, 409.

¹²⁹ Там же, стр. 414—416 и 827—831; *Летопись*, стр. 407—408.

¹³⁰ Там же, стр. 416—417 и 831—834.

¹³¹ П. П. Пекарский. История Академии наук, т. II, стр. 830—831.

Когда Шлецер подал в Академическое собрание записку об отъезде на родину и представил новый план научных занятий, намеченный им для работы за границей, то Ломоносов сразу же не без удовольствия написал, что он не думает его задерживать в России, а что касается отзыва на план Шлецера, то он вновь не одобрил его.¹³²

После того как Шлецер был назначен ординарным профессором истории и получил особо выгодные условия для работы, в частности, право представлять свои труды Екатерине II, минуя Академическое собрание и Канцелярию, Ломоносов в январе 1765 г. написал записку о своем отрицательном отношении к этому назначению.¹³³

Еще раньше он написал отзыв на «Русскую грамматику» Шлецера. Это был наиболее резкий документ, вышедший из-под пера русского ученого и направленный против немецкого автора.¹³⁴ Тогда же Ломоносов высказался по поводу шлецеровского перевода маньчжурского сочинения «Обстоятельное описание происхождения и состояния маньчжурского народа и войска, в осьми знаменах состоящего».¹³⁵

Тема Петра I в русской историографии XVIII в. была одной из проблемных. Историческая оценка эпохи, связанной с деятельностью Петра I, органически сочеталась с общественно-политической значимостью ее. Идеализация Петра и его политики в 40—60-х годах XVIII в., мало сказать, имела политический смысл, но носила порой оппозиционный характер. Требование передовых общественных деятелей следовать по пути, проложенному Петром, отнюдь не означало возврата к пройденному этапу исторического развития России. По их представлению, только Петр смог обеспечить все необходимое для развития страны. А поскольку царский престол замещали тогда далеко не авторитетные персоны, то преемникам Петра I следовало идти по его пути во что бы то ни стало. Такое категорическое утверждение, исходившее от передовых кругов русского общества, если субъективно звучало как панегирик, то объективно означало рекомендацию действовать не так, как практически поступали правящие верхи царской России.¹³⁶

Петровская тема в первой половине XVIII столетия, точнее до 70-х годов, естественно, не достигла такой остроты как, скажем, в 80-х годах того же века. 1782 год является значительной вехой в развитии русской исторической мысли. Открытие непревзойденного монумента Петру I — «Медного всадника» — вы-

---

132 М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 429—433, 844—846.

133 Там же, стр. 433—434, 846—847.

134 Там же, стр. 426—427, 838—842.

135 Там же, стр. 423—425, 836—838.

136 См., напр.: П. В. Иванов. К вопросу о политических взглядах М. В. Ломоносова. Уч. зап. Курск. пед. ин-та, 1961, вып. 13, стр. 188.

звало горячие выступления А. Н. Радищева, М. М. Щербатова, И. И. Голикова и др. Если представитель дворянской историографии князь М. М. Щербатов критиковал преобразования Петра Великого справа, т. е. с реакционных позиций, то великий русский революционер и республиканец А. Н. Радищев впервые в историографии выступил с критикой слева, т. е. с революционных позиций. Он осуждал самовластье и деспотизм Петра, который «истребил последние признаки дикой вольности своего отечества». Но больше всего он осуждал преобразователя за то, что Петр мог бы еще решительнее возвысить себя и отечество, если бы утвердил «вольность частную».

До радищевской оценки Петра Ломоносов еще подняться не смог. Потребовался опыт Крестьянской войны и Великой французской революции, чтобы можно было окончательно убедиться в реакционной природе самодержавной власти в России.

Интерес к Петру I у Ломоносова не угасал на протяжении всей его жизни. Как мы могли убедиться выше, Ломоносов уже в 1742 г. думал о написании книги «Жизнь Петра Великого». В речи 1749 г., посвященной Елизавете Петровне, он вложил в уста императрицы призыв к изучению истории и прославлению Петра. «Не описанны еще дела Моих предков, и не воспета по достоинству Петрова великая слава», — заявлял Ломоносов.¹³⁷ Он считал Петра одним из самых великих государей, идеалом, к которому должны стремиться другие правители. Там, где он говорил о Петре, он показывал его героем, характеризовал лишь положительные стороны его деятельности и эпохи.

Известно, что в своей практической деятельности Ломоносов постоянно обращался к Петру. Летом 1754 г. он демонстрировал в Академическом собрании разработанные им проекты медалей в память Петра I.¹³⁸ В конце этого же года он начал писать «Слово похвальное Петру Великому», которое было напечатано и прочтено им в публичном собрании Академии наук 26 апреля 1755 г.¹³⁹ В этом произведении Ломоносов писал о победах и заслугах Петра, идеализируя его, уподобляя богу: «Итак, ежели человека, Богу подобно, по нашему понятию, найти надобно, кроме Петра Великого не обретаю». Надо отметить, что об этом выступлении Ломоносова через два дня появилось довольно обширное сообщение в «Санкт-Петербургских ведомостях». В мае 1755 г. под наблюдением Ломоносова велась работа над мозаичным портретом Петра I.¹⁴⁰ В 1756 г. Ломоносов начал писать героическую поэму «Петр Великий», в первых двух песнях которой описывал путешествие императора на север, битвы со шведами и опасности, которым подвергался Петр. В отчете о трудах

---

137 М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 8, 1959, стр. 254.

138 Летопись, стр. 237.

139 Там же, стр. 241—242, 247.

140 М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 102.

своих в 1756 г. Ломоносов писал: «Сочиняю геронческую поэму, именуемую „Петр Великий”».¹⁴¹

Обращаясь к петровской теме от случая к случаю, хотя и неизменно, Ломоносов смог заняться этой эпохой достаточно систематически в связи с поручением Вольтеру написать историю Петра.

Полемика ученых Петербургской Академии наук с Вольтером — автором «Истории Российской империи при Петре Великом», не прошла бесследно в историографии, хотя из-за неполноты материала не может считаться изученной до конца. Исследования Е. Ф. Шмурло,¹⁴² комментарии к шестому тому «Полного собрания сочинений» Ломоносова,¹⁴³ статья Ф. Я. Приймы¹⁴⁴ и некоторые другие работы последнего времени позволяют вкратце представить ее себе так.¹⁴⁵

В нашей литературе давно покончено с представлением о своекорыстной заинтересованности Вольтера в работе над историей Петра I. М. П. Алексеев, разрушивший эту легенду, считает, что идея взяться за труд «вовсе не была внушена ему из России, а выросла вполне органически из его собственных историко-философских исканий и литературных интересов».¹⁴⁶

Вольтер получил предложение написать историю Петра I в начале 1757 г. Уже в августе он сообщил И. И. Шувалову (которого, напомним, Вольтер называл «вице-императором всея Руси») о высылаемых ему первых восьми главах начатого труда, которые Вольтер считал «легким наброском». В самом начале сентября Ломоносов высказал свое мнение о перспективах работы Вольтера. В письме к Шувалову от 2 сентября 1757 г., которое является основным документом, дающим материал для суждения Ломоносова о Вольтере как историке, он одобрил по-

---

¹⁴¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 393; П. В. Иванов. Политические идеи в поэме М. В. Ломоносова «Петр Великий» (К 250-летию со дня рождения великого русского ученого и мыслителя). Науч. докл. Высшей школы. Филологич. науки, 1961, № 4, стр. 3—11; М. И. Радский. Известия о трудах М. В. Ломоносова в переписке русского дипломата XVIII в. «Исторический архив», 1962, № 5, стр. 219—220.

¹⁴² Е. Шмурло. Вольтер и его книга о Петре Великом. Прага, 1929, стр. 1—13, 54—87, 241—249; Е го же. Петр Великий в оценке современников и потомства, вып. I (XVIII век). СПб., 1912, стр. 58—60 и 72—79 примеч. (далее: Е. Шмурло. Вольтер; Е го же. Петр Великий).

¹⁴³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 563—568 и 592—594.

¹⁴⁴ Ф. Я. Прийма. Ломоносов и «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера. XVIII век. Сб. 3. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 171—186.

¹⁴⁵ См.: Václav Cerný. Pražský nález neznámých spisů M. V. Lomonošova. V: Studie o rukopisech 1963. Praha československá akademie věd komise pro soupis rukopisů, str. 11—175; В. Степанов. О пражской находке проф. В. Черного. «Русская литература», 1964, № 2, стр. 214—216; Р. Белоусов. Находка профессора Вацлава Черного. «Наука и жизнь», 1964, № 4, стр. 133—135.

¹⁴⁶ М. П. Алексеев. Вольтер и русская культура XVIII века. В кн.: Вольтер. Статьи и материалы. Л., Изд. ЛГУ, 1947, стр. 20—21.

ручение Вольтеру написать историю России при Петре.¹⁴⁷ Ломоносов, хотя и относил Вольтера к числу бесспорных классиков французской литературы,¹⁴⁸ но не разделял его радикального свободомыслия.¹⁴⁹ «К сему делу, по правде, Вольтера никто не может быть способнее, только о двух обстоятельствах несколько подумать должно»,¹⁵⁰ — начинал Ломоносов и, сразу переходя к критическим соображениям, писал: «Первое, что он человек опасный и подал в рассуждении высоких особ худые примеры своего характера. Второе, хотя довольно может он получить от нас записок, однако перевод их на язык, ему знаемый, великого труда и времени требует». Поэтому для того чтобы поставить работу Вольтера под известный контроль, Ломоносов внес несколько существенных предложений. Во-первых, Вольтеру следовало составить краткий план, который должен был исходить из его, Ломоносова, материалов: «из сокращенного описания дел государственных» и «панегирика» Петру, т. е. из «Похвального слова Петру Великому». Что касается «сокращенного описания», то оно нам неизвестно, но можно предположить, что речь шла не о работе Ломоносова, до нас не дошедшей, а об одной из многочисленных в ту пору компиляций, составленных на основе «Истории Свейской войны». Во-вторых, по идее Ломоносова, после того как Вольтер составит план, он должен будет прислать его в Петербург, и только после этого ему следовало сообщить «переводы с записок по частям» в соответствии с порядком плана.

Но письмо Ломоносова к Шувалову практического значения иметь уже не могло, так как Вольтер написал начало произведения. А успел или нет Ломоносов ознакомиться с первыми восьмью вольтеровскими главами, прежде чем написал это письмо, судить трудно. Скорее всего нет. Это подтверждается тем, что Ломоносов не смог поставить под контроль работу Вольтера над историей Петра, а вынужден был ограничиться отдельными, пусть даже весьма существенными замечаниями и посылкой некоторых материалов для его произведения. Что касается «Слова похвального Петру Великому», которое Ломоносов рассматривал как своего рода программный документ для произведения Вольтера, то оно, несмотря на настойчивые предложения Ломоносова Шувалову о скорейшем переводе его,¹⁵¹ дошло до автора «Рос-

---

147 М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 524—526, 839—840.

148 Там же, стр. 811; т. 9, стр. 495.

149 См.: Письмо к И. И. Шувалову от 3 октября 1752 г. Там же, т. 10, стр. 473—474, 810—811.

150 М. И. Радовский привел это высказывание неполностью (М. В. Ломоносов и Петербургская Академия Наук. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 90) и тем самым исказил отношение Ломоносова к Вольтеру. См.: Е. Г. же. Ломоносов и Вольтер. «Огонек», 1961, № 47, стр. 12—13.

151 М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 524—526, 839.

сийской империи при Петре Великом» примерно через два года.¹⁵²

Легко понять настороженное отношение Ломоносова к правительственному поручению написать историю России при Петре I иностранцу — пусть даже Вольтеру. Недоверие Ломоносова к трудам иностранных ученых по русской истории проистекало не только из национальной тенденциозности, и не только объяснялось порой откровенной враждебностью «многих внешних писателей». Оно имело более глубокие корни. В эпоху бурного развития национальной историографии во всех странах Европы, в том числе и в России, история часто использовалась в качестве вспомогательной дисциплины в политике, как внешней, так и внутренней. История, можно сказать, перефразируя известное выражение, во многом стала служанкой политики. Само понимание истории как суммы нравоучительных случаев, полезных или вредных примеров, которыми следует руководствоваться, также превращало ее в практическое руководство по воспитанию морали в определенных политических классовых целях. Ломоносов, прекрасно понимая общественно-политическое и государственное, воспитательное и патриотическое значение истории, справедливо считал, что подлинная отечественная история может быть создана только настоящим русским ученым, хорошо ориентирующимся во всей совокупности русских источников, которых не могут заменить даже первоклассные переводы, требующие к тому же много времени и труда.

В свою очередь правительство, естественно, было заинтересовано, чтобы труд Вольтера был написан в благожелательном для России духе. Поэтому подготовка необходимых материалов для «Истории Российской империи при Петре Великом» была возложена на Я. Я. Штелина, Г. Ф. Миллера, М. В. Ломоносова и других. Материалы, присланные из России Вольтеру, хранятся до сих пор в Вольтеровской библиотеке в Ленинграде и состоят из отдельных исторических документов и замечаний на первые восемь глав вольтеровской книги.¹⁵³

Вольтер наотрез отказался признать какое бы то ни было методологическое значение рекомендаций Ломоносова для его исторического произведения. Он неохотно писал о достоинствах «Слова похвального», даже не упомянув имени автора, тогда как несколько позже (1771 г.) «Слово» тверского архиепископа Платона Любарского встретило у него восторженный прием: Вольтер сравнивал русского словописца с древнегреческим философом Платоном.

Вольтер заподозрил Ломоносова в панегирическом отноше-

¹⁵² Перевод на французский язык был издан в Петербурге только в июле 1759 г. и дошел до Вольтера в сентябре (см.: Ф. Я. Прийма, ук. соч., стр. 171, 173).

¹⁵³ Ф. Я. Прийма, ук. соч., стр. 173—174; ГПБ, библиотека Вольтера. № 242, тт. 1—5. Это собрание материалов открывается «экстрактом из журнала Петра Великого» (во французском переводе), т. е. извлечением из «Журнала или поденной записки Петра Великого» (ср., т. 1, стр. 1—412).

нии к Петру, якобы заменившем автору правильную историческую оценку. Вольтер не без едкости писал по этому поводу: «То, что есть одна только похвала, часто служит к единственному показанию сочинителя разума. Одно наименование заставляет читателя быть в осторожности (Вольтер имеет в виду заглавие произведения — „Похвальное слово“. — С. П.); одни истины истории могут заставить рассудок верить и удивляться». Поэтому Вольтер, знакомый с «камер-фурьерским журналом» Петра, т. е. с «Журналом или поденной запиской Петра Великого», отдал предпочтение историческому труду перед историко-литературным. Он продолжал: «Прекраснейшее слово похвальное Петру Великому есть, по моему мнению, дневные его записки, в которых всегда видят его среди войны, занимающегося мирными художествами и науками, и, яко законодателя, пробегающего области свои, между тем он, как герой, защищал их от Карла XII». ¹⁵⁴ Вольтер тогда, по-видимому, мало знал Ломоносова как ученого и, естественно, еще меньше или, вернее, совсем не представлял Ломоносова в роли историка. Правда, несколько позднее, познакомившись с ломоносовскими материалами, присылаемыми ему из Петербурга, и с его «Кратким Российским летописцем», он смог, как полагает М. П. Алексеев, составить мнение о Ломоносове как историке.

Ф. Я. Прийма, сделавший попытку проанализировать отношения между Ломоносовым и Вольтером, объяснял их чисто психологически. Требуя составить план «Историн» и желая Ломоносова идейно воздействовать на французского автора Вольтер, по его мнению, «мог оценить как посягательство на свою авторскую самостоятельность, как претензию члена Петербургской академии на соавторство с ним, Вольтером. Только уязвленное авторское самолюбие Вольтера могло продиктовать... такие оценки». ¹⁵⁵ Но дело, конечно, не в авторском самолюбии.

Однако если для историографии вопрос об отношении Ломоносова к Петру I или Ломоносова к Миллеру нуждается только в уточнении подробностей, то взаимоотношения великого русского ученого и великого французского просветителя в историографическом плане требуют самостоятельного изучения. К сожалению, мы опять-таки располагаем слишком малым количеством материалов для суждения об этом. ¹⁵⁶ Мы не сможем останавливаться на ходе обсуждения рукописей вольтеровского труда и отклик на два тома «Истории Российской империи при Петре Великом», а отошлем к работам Е. Ф. Шмурло. По его

¹⁵⁴ М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII, 1948, стр. 167, 142—143, § 2; Ср.: Полн. собр. соч., т. 10, стр. 839—840.

¹⁵⁵ Ф. Я. Прийма, ук. соч., стр. 175; см. также стр. 183, где читаем, что в критике Вольтера нашли отражение не столько его убеждения, «сколько его раздражение, угнетенное состояние духа».

¹⁵⁶ М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII, 1948, стр. 167, 142—143 втор. паг.; ср.: Полн. собр. соч., т. 10, стр. 811.

подсчетом, русские критики труда Вольтера сделали 1091 замечание (он имел в виду соображения Ломоносова, Миллера и, отчасти, Бюшинга). Учитывая, что многие замечания были идентичны или очень близки между собой, Шмурло сгруппировал их в 490 примечаний, которыми снабдил соответствующие места текста книги Вольтера.¹⁵⁷ И хотя Шмурло интересовало не столько то, «как критиковали книгу Вольтера», сколько как «воспринял сам Вольтер указания критики»,¹⁵⁸ его «Сводку» следует признать основным материалом для изучения полемики между двумя направлениями в историографии 50—60-х годов XVIII в.

Замечания оппонентов Вольтера из России носили различный характер. Одни имели принципиальное значение, другие затрагивали отдельные важные вопросы русской истории, третьи касались подробностей, четвертые — транскрибирования русских слов, типографских погрешностей и т. п. Руководящая роль Ломоносова в рецензировании произведения Вольтера видна из того, что он, прочитав еще в рукописи первые 8 глав первого тома, послал замечания автору, который в какой-то мере их использовал при подготовке книги.¹⁵⁹

Русский ученый упорно стремился воздействовать на характер вольтеровского труда. Он подбирал, редактировал и готовил материалы для французского просветителя. Ломоносов, располагавший значительным фондом источников о Петре, уже при письме Шувалову от 10 октября 1757 г.¹⁶⁰ препроводил для перевода на французский язык и пересылки Вольтеру «Сокращенное описание самозванцев и стрелецких бунтов». Упомянутое в письме «Сокращение о житии государей царей Михаила, Алексея и Федора» Ломоносовым тогда еще окончено не было. Этот экстракт нам до сих пор неизвестен; скорее всего, он был составлен на основании рукописей продолжения «Истории Российской» В. Н. Татищева, попавших позже в известные портфели Миллера и имевшиеся тогда в Академии наук. Ломоносов продолжал заботиться о материалах для исторической работы Вольтера и их переводах в 1759 г., рекомендуя переводчиком профессора Модераха.¹⁶¹ Участвовал Ломоносов и в подготовке для Вольтера «Краткого описания России», и в составлении экстракта из «Описания земли Камчатки» С. П. Крашенинникова.¹⁶²

Замечания Ломоносова шли по двум направлениям: по линии исправления общей оценки деятельности Петра и истории России

¹⁵⁷ Е. Шмурло. Вольтер, стр. 249. Сводку замечаний на 1 и 2 тома см. здесь же, приложение VI, стр. 255—471.

¹⁵⁸ Там же, стр. 248.

¹⁵⁹ Е. Шмурло. Вольтер, стр. 5—6, 240, 241, 243; Е. Шмурло. Петр Великий, стр. 58, 72, 75 примеч.; см.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 564.

¹⁶⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 527.

¹⁶¹ См. письмо к И. И. Шувалову от 8 июля 1759 г. В кн.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10, стр. 533—534.

¹⁶² Там же, стр. 540; т. 6, стр. 566.

и уточнения некоторых событий и фактов, искаженных или утрированных Вольтером. Уже первое замечание Ломоносова свидетельствовало о разных с Вольтером оценках Карла XII и Петра I. Автор «Истории Карла XII» (1730) и «Века Людовика XIV» (1751), приступив к работе над историей Петра, еще, пожалуй, не освободился от обаяния личности шведского короля. Вольтер, начиная труд о Петре в старом духе прославления шведского полководца, писал: «В первые 18 лет нынешнего столетия никакой герой в Севере не был известен, кроме Карла второго надесять». М. В. Ломоносов, цитируя сказанное, отвечал французскому автору: «Геройские дела Петровы, великие предприятия и труды славны учинились еще прежде Левенгауптской и Полтавской баталии. Карл 12 показал бегством своим больше себя героя в Петре Великом задолго до 1718 года».¹⁶³

Как видно, поправка Ломоносова касалась не только национального самолюбия, но прежде всего требования принципиальной оценки важнейших исторических событий начала XVIII в., связанных не только с персональным участием Карла XII и Петра I. В дальнейшем Вольтер, как известно, внес небольшую, но важную поправку: вместо точного указания на «первые 18 лет», т. е. время до смерти Карла XII, он дипломатично исправил: «В первые годы». Вызвала замечание Ломоносова и недостаточно верна, по его мнению, характеристика Москвы. У Вольтера в рукописи Москва была названа «нарочитым городом»; в «Примечаниях» к этому месту Ломоносов написал: «Москва великий город, первого рангу во всей Европе»; в печатном издании Вольтер назвал Москву столицей империи. Из 40 различных замечаний Ломоносова Вольтер принял не все, но некоторые вынужден был учесть при переработке первоначального текста книги.¹⁶⁴

Ломоносов настаивал на показе положительных сторон русской жизни в истории страны, считая неуместным в книге, рассчитанной на широкие круги иностранных читателей, выдвигать на первый план недостатки. В этом сказался не так называемый консерватизм русского гения в общественно-политической деятельности, а его стремление пропагандировать лучшее в целях прогрессивного развития России. Поэтому нельзя согласиться не только с Е. Ф. Шмурло, который считал, что Ломоносов в своих критических замечаниях на работу Вольтера уступает место объективного историка горячему патриоту,¹⁶⁵ но и со всеми теми историками, которые полагают, что патриотизм в XVIII в. являлся тормозом для науки.

Когда Вольтер упорно отказывался принять замечания Ломоносова, а затем Миллера насчет, скажем, того, что Киев не

¹⁶³ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 91, 565.

¹⁶⁴ Там же, стр. 564—568.

¹⁶⁵ Е. Ф. Шмурло. Вольтер, стр. 241.

был построен византийскими императорами, а татарское иго было свергнуто не Иваном IV, а ранее, то здесь мы встречаемся не только с уязвленным национальным самолюбием, но и с негодованием историков, для которых исторический факт является незыблемой основой научного изучения.

Спор между Ломоносовым и Вольтером об истории России времени правления Петра I имел, конечно, не личное, а историографическое значение. Вольтер, как Дидро и многие другие французские просветители, выступал против «варварской древности», а Ломоносов требовал предыстории к эпохе, связанной с именем Петра Великого. Вольтер недооценивал древность славянской культуры и ее сравнительно высокий уровень, а Ломоносов добивался от европейского историка верной картины общественной и культурной жизни России. Вольтер явно переоценивал роль иностранцев при Петре I, недооценивал силы русской армии в битве при Нарве в 1700 г. и т. д. Ломоносов стремился помочь Вольтеру в правильном понимании многих сложных явлений русской истории. И в некоторых случаях, как известно, ему это вполне удавалось. Вольтер вынужден был, например, переделать главу о стрелецких бунтах в соответствии с ломоносовскими материалами.

Вольтер, не игнорируя значения личности в истории, как представитель нового историографического направления буржуазной исторической мысли, отказывался сводить историю к биографии даже такого великого человека, каким, по его мнению, бесспорно, был Петр Великий. Поэтому тематика, характерная для феодальной историографии, с ее подробнейшими описаниями битв, придворных интриг, церковных событий, частной жизни правящих особ, его не устраивала.

Однако непоследовательность буржуазной исторической мысли не позволила Вольтеру, да и не только ему (вспомним более поздние времена, — например, С. М. Соловьева), до конца порвать со старыми представлениями. Для него народ олицетворялся в государстве, а государство в правителе. В лице Петра I он видел воплощение всех лучших сил русской нации. Поэтому, повествуя о «цветущем состоянии Российской империи», он искренне полагал, что все успехи были делом рук одного человека, и таким человеком мог быть только Петр Великий. Культ личности для буржуазной историографии являлся одним из характернейших признаков, так как он вытекал из идеалистического понимания истории, преувеличивающего значение идей и роли отдельных носителей их.

Но тем не менее Вольтер в историографическом отношении далеко ушел вперед по сравнению с многими современниками. Он не только применил философию к истории, но и изменил содержание ее, повернув центр тяжести изучения в область внутренней, гражданской истории. Новая тематика у Вольтера требовала новых источников и новых сведений. Ему понадобились

для написания истории России данные о приросте населения страны, сведения о соотношении дворянства и духовенства к числу крестьян, численность регулярного войска, цифры и факты о торговле, справка о заведении морского дела, сведения о промышленности, финансах, нравах и т. д. и т. п. Его интересовал и такой методологически важный вопрос: что было заимствовано из-за границы и что развивалось на отечественной почве.

Когда в первой половине 1760 г. в Петербурге, наконец, появилось первое издание I тома книги, вышедшей в Женеве в 1759 г., то Ломоносов и Миллер вновь отправили Вольтеру свыше двухсот «примечаний».¹⁶⁶

Материалы по рецензированию второго тома вольтеровской «Истории» также свидетельствуют о том, что в Петербурге критика продолжения работы Вольтера началась еще в рукописи. Миллер сделал «Примечания» (всего около 200 замечаний) по всему тому, за исключением небольшой 7 главы.¹⁶⁷ Шестнадцать новых замечаний, сделанных Ломоносовым, Вольтер не принял, хотя они вносили ряд ценных поправок. Так, например, в пункте третьем Ломоносов писал: «Петра Великого скифом называет. Что отнюдь неправда, затем, что славяне скифами никогда не назывались, не токмо что не бывали». Он заметил также, что «описание Санкт-Петербурга весьма дурно» и т. д.

Новые замечания и соображения ученых русской Академии наук были встречены Вольтером недружелюбно. Он отказался от последовательного разбора критики, ставя под сомнение ее научную ценность. Особый гнев Вольтера вызвало «Показание Российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории». Французский перевод этой книги был направлен ему в начале 1760 г. Как показал Ф. Я. Прийма, это произведение — первая часть «Краткого Российского летописца». Вольтер был в какой-то мере прав, когда язвил по поводу этого труда Ломоносова: «Подобным образом у нас писали историю лет тысячу тому назад; подобным образом через Гектора выводили наше происхождение от Франкуса, и, по-видимому, из-за этого хотят восстать против моего предисловия, в котором я указываю, как следует думать об этих жалких вымыслах».¹⁶⁸

Первая реакция на вольтеровский труд в России была вполне благоприятна для автора.¹⁶⁹ Хотя «История России» Вольтера

---

¹⁶⁶ Е. Шмурло. Вольтер, стр. 243; Его же. Петр Великий, стр. 74, примеч.; см.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 592.

¹⁶⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 361—364 и 592—594.

¹⁶⁸ Цит. по: Ф. Я. Прийма, ук. соч., стр. 181.

¹⁶⁹ И. И. Шувалов писал: «Вы возвели великолепное здание из простых кирпичей. Петр Великий создал грозную империю, руководимый лишь собственным гением. Вы изложили историю этого государя... располагая лишь недостаточными материалами». — Цит. по: Н. С. Платнова. Вольтер в работе над «Историей России при Петре Великом». Литературное наследство, т. 33-34. М., 1939, стр. 18.

действительно является образцом «философской истории»,¹⁷⁰ читатель все же не получил достаточно полного и верного представления о Петре I. Труд Вольтера носил на себе явные признаки «крайне ограниченного представления о России, русском народе и культуре», а также страдал отсутствием необходимых источников.¹⁷¹

В книге Вольтера Петр потерял черты реально существовавшего правителя и человека. Петр I у Вольтера не столько история, сколько идеал «государя-созидателя», того представителя «просвещенного абсолютизма», которого просветители Запада и России тщетно искали.

Если Вольтер мог заподозрить Ломоносова в приукрашивании личности и деятельности Петра I, то обвинение такого рода с не меньшим основанием можно отнести и к самому автору «Истории Российской империи при Петре Великом». Он настойчиво обходил щекотливые для русского правительства эпизоды из жизни и деятельности Петра, фактически сбиваясь на путь такого же панегирика. Только смерть царевича Алексея он не мог замолчать. Но вспомним, что еще правительство Петра I дало огласку этому делу, которое стало известно в Европе и вызвало бесконечные толки. Все произведения о Петре I волевым образом возвращались к этому драматическому эпизоду.

В итоге нужно признать, как сделал К. Н. Державин, что «История Российской империи при Петре Великом» Вольтера имела совершенно ясное политическое и дипломатическое значение. Эта книга Вольтера «явилась поворотным пунктом в отношении европейской исторической науки к русскому историческому процессу». Поэтому Вольтер может быть назван «основателем европейского изучения русской истории и первым из популяризаторов одной из самых великих ее эпох».¹⁷²

Неправильно было бы думать, что русский читатель еще не дорос до понимания произведения Вольтера. Конечно, философия истории великого французского просветителя была доступна далеко не всем, но передовые люди того времени уже понимали смысл истории, приближаясь к Вольтеру. Когда он, говоря о «Истории Российской империи при Петре Великом», писал: «История эта посвящена государственной жизни царя, которая была полезной, а не его частной жизни, о которой существует лишь несколько анекдотов, к тому же достаточно известных. Тайны его кабинета, его постели, его стола не могут быть хорошо раскрыты иностранцем, да и не должны быть раскрываемы»,¹⁷³ — то с этим объективно соглашался и Ломоносов. Его «Похвальное слово

---

170 К. Н. Державин. Вольтер. М., Изд. АН СССР, 1946, стр. 201; ср.: История Академии наук СССР, т. I, 1958, стр. 284, где сказано о холодном приеме в России книги Вольтера.

171 Ф. Я. Прийма, ук. соч., стр. 172.

172 К. Н. Державин, ук. соч., стр. 206.

173 Цит. по: К. Н. Державин, ук. соч., стр. 203.

Петру Великому» и в особенности «Древняя Российская история» являлись ярким доказательством того, что философия истории, так блестяще сформулированная Вольтером, не только не была чужда русской историографической мысли, но и привела к созданию выдающихся исторических произведений.

Как известно, многие гипотезы Ломоносова были приняты в литературе XIX в. и признаны советской историографией. Методология исторического исследования Ломоносова была более научной, чем его оппонентов из норманистского лагеря. Его историографическая концепция базировалась на признании внутренних закономерностей исторического развития славянских и неславянских народов Восточной Европы. В этом она выгодно отличалась от норманистской схемы образования древнерусского государства, исходящей из утверждения о решающей роли в истории влияния извне. Однако было бы неверно считать, что Ломоносов стоял на диалектических позициях в объяснении истории. Речь может идти только об элементах стихийной диалектики в объяснении истории, не выходящих за пределы идеалистического истолкования ее. Механистический материализм Ломоносова не позволял порвать с идеализмом в изучении общественной жизни и истории, а также полностью признать примат внутренних закономерностей над внешними при исследовании исторических событий. Но тем не менее Ломоносов высказал соображения о прогрессивном и скачкообразном развитии в истории. Например, в «Слове о пользе химии» он писал о «внезапные нашествия», превращающих в дым и пепел великие и славы города, села и целые народы.¹⁷⁴

Научная обоснованность историографических выводов Ломоносова обеспечивалась широким использованием различных источников. Высокий уровень экономического, политического и культурного развития славян в древности он доказывал, ссылаясь на летописи, которые изучал долгие годы, как установлено Г. Н. Моисеевой. Не ограничиваясь летописями и другими письменными источниками, русскими и иностранными, а также литературой вопроса, Ломоносов, как известно, пользовался археологическими данными, которые для того времени были еще очень скудны. Однако Ломоносов, как и Татищев, не привлек «Русской правды» как источника для характеристики социально-экономического быта Древней Руси, но этого не сделали и другие историки XVIII в., хотя уже кое-кто и стал понимать важность этого законодательного памятника как исторического источника. Летописи по-прежнему для Ломоносова являлись фундаментом исторического исследования.

Как Ломоносов относился к источникам, известно достаточно. Для него характерно стремление извлечь из источника любую

¹⁷⁴ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 2, 1951, стр. 365—366; см.: И. Д. Ковальченко. О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР. «Вопросы истории», 1963, № 8, стр. 72.

крупницу исторической правды. Он очень осторожно подходил к показаниям многих источников, но не отбрасывал их. Говоря о данных, относящихся к применению металлов в древности, Ломоносов отмечал ненадежность свидетельств некоторых историков ввиду того, что «честолюбие и хвастовство древних народов умаляет вероятность» их. Даже показания священного писания Ломоносов использовал для доказательства своей точки зрения. Он справедливо считал, что их нельзя понимать в прямом смысле, но следует согласовывать с реальными фактами. В этом мы видим не только и не столько уступку церковному мировоззрению, сколько желание привлечь авторитет различных источников для научного обоснования своих наблюдений и выводов. Ломоносов считал, что священное писание «нельзя принимать в литературном грамматическом разуме», а необходимо следовать Василию Великому, которого он называл «глубоким философом», показавшим примеры, «как содружить спорные, по-видимому, со священным писанием натуральные правды».¹⁷⁵

Как отмечалось в нашей литературе, Ломоносов привлекал и широко использовал народное творчество в своих исторических произведениях. Его отношение к фольклору было в значительной степени иным по сравнению с В. Н. Татищевым, В. К. Тредиаковским, А. П. Сумароковым и другими, не говоря, конечно, об И. Н. Болтине. Если Татищев привлекал народное творчество преимущественно как исторический и этнографический источник, а литераторы, занимающиеся историей, смотрели на него исключительно с точки зрения поэзии, то Ломоносов изучал «народное творчество как этнограф, историк, теоретик литературы и лингвист».¹⁷⁶ Этнографические наблюдения Ломоносова привлекают своей новизной. Его суждения о народе, принципы изучения быта, культуры, устной поэзии, по словам современного исследователя, «дают все основания рассматривать Ломоносова как зачинателя демократического направления в русской этнографии и фольклористике».¹⁷⁷ Часто использовал Ломоносов и данные сравнительного языкознания. Но он остерегался от скоропалительных выводов, сделанных на основе произвольного истолкования происхождения того или иного понятия. «Филологические перевертки» в объяснении собственных имен и названий городов, рек и т. п., столь характерные для начальной стадии сравнительного языкознания, были ему чужды. Ломоносов писал: «От знаменования имени неспоримых доводов составлять не можно, кроме одних догадок или мнений, но хотя они и неосновательны,

¹⁷⁵ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 616—617.

¹⁷⁶ Г. И. Бомштейн. Роль Ломоносова в истории русской этнографии и фольклористике. В кн.: Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии, вып. I, М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 88.

¹⁷⁷ Там же, стр. 110. — Культурный уровень народа Ломоносов определял, по мнению автора цитируемой статьи, существенными элементами материальной и духовной жизни общества (орудия труда, одежда, оружие, представления о природе, религии, мышление, язык) (Там же, стр. 91).

однако от сочинителей слова иногда не без пользы употреблены бывают». ¹⁷⁸ Как видно, Ломоносов, требуя строго критического подхода к филологическому анализу, не отрицал необходимости его, а наоборот, подчеркивал результативность такого изучения предмета. Надежность лингвистического исследования обеспечивалась, по его мнению, устойчивостью русского языка. ¹⁷⁹

Достаточно критически Ломоносов относился и к хронологии библейской истории. Если ознакомиться с его рассуждениями о хронологии, находящимися, как ни странно, в книге «Первые основания металлургии или рудных дел», то можно прийти к интереснейшим наблюдениям. Ломоносов, например, не соглашался с христианской хронологией в определении начала истории, отмечал ее противоречия, но признавал хронологические выкладки древних авторов и китайских современных историков. Акцентируя внимание читателя на правомерности выводов их, Ломоносов считал, что отвергать эти мнения нельзя, как недопустимо «за ложь и за басни поставить все древние исторические известия». ¹⁸⁰

Однако не будем преувеличивать зрелости критического подхода Ломоносова к источникам отечественной истории. Он в ходе дискуссий 1749—1751 гг. очень часто опирался на авторитет историографически устаревшего «Синописа» ¹⁸¹ и поздние летописи, в том числе на пресловутый «Новгородский летописец» П. Н. Крекшина. Не освободился Ломоносов вполне от влияния историографических построений XVII в. и в «Кратком Российском летописце», но использовал показание новгородского произведения более осторожно. Говоря о первых князьях в «пределах российских» — Кие, Щеке и Хореве, а также Славяне и Русе, он опирался на Нестора и крекшинский летописец, но сопровождал ссылку на последний источник существенной оговоркой: «И хотя в оном летописце сначала много есть известий невероятных, однако всего откинуть невозможно». ¹⁸²

Конечно, надо учитывать ту обстановку, в которой работал тогда Ломоносов. Многие сюжеты отечественной истории в своих произведениях, приготовленных для печати, он вынужден был излагать в соответствии с догмами официальной историографии, освященными авторитетом феодального государства и православной церкви (басня о Мосохе, прародителе славян; легенда об апостоле Андрее; версия о родстве Рюрика с римскими импе-

¹⁷⁸ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 159.

¹⁷⁹ Ломоносов, подмечая устойчивость грамматического строя и словарного запаса русского языка, считал, что «российский язык от владения Владимира до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуместь не можно было...» (Там же, стр. 590; см. также, стр. 763).

¹⁸⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 617—618.

¹⁸¹ М. В. Ломоносов ссылался на «Синопис»; см., напр.: Полн. собр. соч., т. 6, стр. 9, 10, 23, 26, 30, 46.

¹⁸² Там же, стр. 296.

раторами). Ему оставалось даже в «Древней Российской истории», в которой он отказался от сомнительных источников, только дипломатически заявлять: «Ни положить, ни отрещи не нахожу основания», — или: «Вероятности отрещись не могу; достоверности не вижу».¹⁸³

В то время, когда историко-сравнительный метод только прокладывал путь в русской историографии, Ломоносов достаточно широко пользовался им, правда, еще не окончательно овладев этим приемом при изучении русской истории. Его аналогии древнерусской истории с римской в отношении совпадения или, как он говорил, «уравнения» и «некоторого подобия в порядке деяний российских с римскими», вызывавшие долгое время насмешки, не только выглядят чисто внешне, но и могут быть объяснены указанной выше обязательной или дипломатической данью казенной идеологии. Но совершенно другое значение имеет его сопоставление истории славян с историей других народов Европы. Оно свидетельствует уже о сознательном и научно обоснованном методе исторического сравнения. Ломоносов был, например, прав, когда сопоставлял религию Древней Руси с античной религией.¹⁸⁴ Такое сравнение сказалось на трудах многих историков XVIII в. и сохранило значение вплоть до нашего времени.

Проблемы этногенеза, труднейшие даже для науки нашего времени, были поставлены на научную почву только со времени деятельности первого русского историка — Татищева. Несравненно больше своего предшественника и наставника в этом вопросе сделал Ломоносов. Его выводы о происхождении славян нашли признание в работах известного слависта XIX в. П. И. Шафарика, историков С. М. Соловьева, П. П. Пекарского и др., а также советских: Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, Л. В. Черепнина и др. «Вступление» и глава «О дальнейшей древности славянского народа» в книге «Древняя Российская история от начала русского народа» являются основными источниками и для суждения о взглядах зрелого историка Ломоносова на проблему этногенеза народов.

Если суммировать те построения, наблюдения, выводы и гипотезы Ломоносова, которые приняты нашей наукой в отношении древнейшей и древней русской истории, то необходимо отметить следующее. Ломоносов, опираясь в историографии на Татищева, а в источниках — на русские летописи и свидетельства античных и средневековых писателей, сформулировал для своего времени целостное представление о происхождении славян, русского народа и древнерусского государства. Положение Ломоносова о древности славян в Европе, о сложном составе русского народа, образовавшегося за счет смешения «старобытных в России обитателей» — славянства и чуди (финно-угорские племена) при

¹⁸³ Там же, стр. 180, 216.

¹⁸⁴ Там же, стр. 253; см.: Очерки истории исторической науки в СССР, т. 1, стр. 203.

преобладании славянского элемента, в общем, теоретическом плане не отвергается нашей наукой. Также принята в науке последних десятилетий точка зрения Ломоносова о происхождении термина «Русь», который, по его словам, значительно древнее варяжских князей и связан географически с Югом — т. е. с Причерноморьем и Приазовьем, но не с варягами.¹⁸⁵ Нет необходимости говорить о мнении Ломоносова о великом историческом значении славянских народов в истории Европы. Стоит, быть может, только напомнить, что его суждение о роли славян в разрушении Восточно-Римской империи также прочно утвердилось в историографии нашего времени.

Татищевско-ломоносовское представление о высоком культурном уровне Древней Руси оказалось такой плодотворной гипотезой, которая содействовала успешному развитию наших современных представлений о Киевском государстве, обладающем сравнительно высокоразвитой хозяйственной жизнью, с распространенной торговлей и ремеслом, городами, с более широким применением письменности и летописания, чем это можно было предположить полвека назад.

Соображения Ломоносова о варягах как дружинниках, а не особом народе, разделяются историками самых различных направлений и школ.

Что касается вопроса о происхождении древнерусского государства, наиболее трудного для национальной историографии того времени, то в нем наиболее отчетливо сказалась противоречивость социологических позиций Ломоносова. Мы уже отмечали дуалистичность точки зрения Ломоносова в вопросе о роли народа и государственных деятелей в истории.¹⁸⁶ Отстаивая идею о древнем происхождении государственности у славян Восточной Европы (что, разумеется, подтверждается источниками в наше время), Ломоносов в духе национальной историографии периода «Синописа» и Татищева исходил из признания завещания Гостомысла и славянства князей рюриковской династии. Если Татищев был умеренным оппонентом норманистской теории, считая, что Рюрик с братией прибыл не из Швеции, а из Финляндии, то Ломоносов, как основоположник антинорманизма в русской историографии, пошел дальше и доказывал славянское происхождение Рюрика, Трувора, Синеуса. Призвание варяжских князей Ломоносов объяснял необходимостью прекращения междоусобиц и защиты страны от «недоброхотов». Его заключение о причинах призвания варяжских князей свидетельствует о примирении в духе теории «просвещенного абсолютизма» двух историографических концепций — просветительской, с одной стороны, и феодально-дворянской — с другой. Ломоносов, на-

¹⁸⁵ Б. Д. Греков. Избранные труды, т. III, М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 348—349.

¹⁸⁶ О противоречивости историографических представлений М. В. Ломоносова см., напр.: В. Лысов, ук. соч., стр. 65—69.

помним, писал следующее: «Таким образом, по единой крови и по общей пользе согласные между собою государи, в разных местах утверждаясь, шатающиеся разномысленных народов члены крепким союзом единодушного правления связали».¹⁸⁷

Антинорманистские построения Ломоносова приняты нашей наукой. Однако его вывод о славянстве варяжских князей, опирающийся на русскую национальную историографическую традицию XVII в. («История еже о начале Руссий земли» и, разумеется, «Синописис»),¹⁸⁸ а также на мнение историка и филолога второй половины XVII в. Претория, не выдержал научной проверки. Представление Ломоносова о славянстве пруссов обладало не столько научной обоснованностью, сколько проистекало из политической ситуации времени Семилетней войны, когда Восточная Пруссия входила в состав Российской империи. Русский историк, подобно Вольтеру, рассматривая историю как политику, опрокинутую в прошлое, искал в истории¹⁸⁹ подтверждение прав России на завоеванную территорию.

Главной историографической заслугой Ломоносова, как он сам хорошо понимал, является научное обоснование «глубокой древности российского народа». Его историческая концепция Древней Руси была построена на признании внутренних закономерностей самостоятельного исторического развития славянства, а не внешних, как считали норманисты. Ломоносов, вслед за Татищевым, исходил из глубокой древности славянской истории, сравнительно высокого уровня хозяйственного и культурного развития славян Восточной Европы еще до пресловутого призвания варяжских князей.

Ломоносова нужно считать не только зачинателем демократического направления в этнографии и фольклористике и основоположником антинорманизма в русской науке. Его можно признать родоначальником демократической концепции русской истории, поскольку он начинал «Древнюю Российскую историю» не с призвания варяжских князей, а с выяснения происхождения русского народа, чему он посвятил целую часть своей книги. Однако дуализм Ломоносова в понимании истории как истории пра-

---

¹⁸⁷ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 218. — Нельзя согласиться с утверждением И. Д. Ковальченко (см.: О предмете и содержании университетского курса историографии истории СССР. «Вопросы истории», 1963, № 8, стр. 72), что Ломоносов главную роль в истории отводил самодержавному государству.

¹⁸⁸ Ср.: В. Б. Вилинбахов. Об одном аспекте историографии: варяжской проблемы. В кн.: Скандинавский сборник, VII. М.—Л., Изд. АН СССР, 1963, стр. 334.

¹⁸⁹ Советская историческая наука не признает, как известно, славянства пруссов. Однако И. В. Сталин на Тегеранской конференции 1943 г., говоря о необходимости для СССР иметь незамерзающие порты на берегах Балтийского моря, счел необходимым добавить: «Тем более, что исторически — это исконные славянские земли» (см.: Тегеранская конференция руководителей трех великих держав. «Международная жизнь», 1961, № 8, стр. 158).

вителей, с одной стороны, и народа — с другой, свидетельствует о противоречивости его историографической позиции.

Ломоносов, во многом опиравшийся на «Историю Российскую» Татищева в историографическом и источниковедческом отношении, сделал значительный шаг вперед по сравнению со своим предшественником в разработке русской истории, в первую очередь в разработке целостного представления о древнейшей русской истории до середины XI в. Однако Ломоносова нельзя представлять сразу сложившимся ученым-историком. Его взгляды претерпели серьезную эволюцию, выражающуюся в усилении критического подхода к источникам отечественной истории. В спорах-дискуссиях 1747—1751 гг. Ломоносов часто опирался на позднейшую компиляцию — баснословный «Новгородский летописец» и историографически устаревший «Синописис». Но, работая над «Древней Российской историей», он проанализировал все иностранные источники по русской истории, введенные в научный оборот к тому времени, а также отказался от ссылок на сомнительные русские нелетописные произведения.

ГЛАВА V

МЕСТО Г. Ф. МИЛЛЕРА И А. Л. ШЛЕЦЕРА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (постановка вопроса)

Необходимость выяснить роль иностранных ученых в разработке русской истории обуславливается тем значительным вкладом в науку, который они, несомненно, внесли. Вопрос о роли иностранных ученых, находившихся на службе в Петербургской Академии наук, в изучении истории России имеет такое же значение, как и вопрос о роли иностранцев в России вообще и о значении иностранных военных, инженерных и научных кадров в частности.

Автор в данной главе намерен только конспективно остановиться, главным образом в историографическом плане, на роли Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлецера в развитии русской истории, хотя хорошо понимает, что эти два выдающихся ученых заслуживают специального монографического изучения. Изданный в последнее время сборник документов об Шлещере и появившаяся серия статей о нем¹ заставляют пожелать о напечатании соответствующих материалов также о Миллере. Опубликование документов из «Миллеровских портфелей» будет служить обогащению не только источниковедческой и историографической базы для изучения истории России и русской исторической науки, но и способствовать освещению русско-немецких научных связей второй половины XVIII столетия.

В свое время А. И. Герцен, высоко оценивая труд иностранных ученых, писал: «Такие люди, как Миллер, Шлоссер (здесь, по-видимому, неточность; надо Шлецер. — С. П.), Эверс, Левек, посвятили часть своей жизни изучению истории России с применением тех же научных приемов, какие в области физической применяли к ней Паллас и Гмелин».² Н. Г. Чернышевский из всех историков второй половины XVIII в. и начала XIX в., пожалуй, более всех ценил Миллера. Его отношение к диспуту 1749 г.

¹ August Ludwig v. Schlözer und Russland. Berlin, Akademie Verlag, 1961; Lomonosov—Schlözer—Pallas. Berlin, Akademie Verlag, 1962.

² А. И. Герцен. Собр. соч., т. VII. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 149.

и замечания о том, что Шлецер, Щербатов, Карамзин в оценке деятельности Ивана III только повторяли Миллера, который, считал, что именно Иван III, а не Грозный явился действительным творцом величия России,³ свидетельствуют об этом.

30 лет назад видный советский архивист Г. А. Князев не без основания писал: «Говорить о Миллере — это значит говорить об истории пятидесяти лет существования Академии наук, о разработке научной русской истории, об архивном деле и просвещении в XVIII в.»⁴

Определение исторнографического значения деятельности и трудов Г. Ф. Миллера (1705—1783) не сопровождалось такими дискуссиями как оценка, скажем, роли В. Н. Татищева и А. Л. Шлецера.⁵

В старой исторнографии Миллер часто считался, наряду со своими коллегами учеными-иностранцами, состоящими на службе в Петербургской Академии наук, одним из основоположников исторической науки в России. Такой точки зрения придерживался С. М. Соловьев, который полагал, что без определения вклада в русскую науку, внесенного Миллером, нельзя создать полную историю ее.⁶ Наиболее исчерпывающей биографической и библиографической работой о Миллере до сих пор является труд П. П. Пекарского.⁷

П. Н. Милюков считал невозможным сравнивать значение Миллера с той ролью, которую играли в русской науке Г. З. Байер и А. Л. Шлецер. По его мнению, Миллер — это «здоровый, сильный чернорабочий, от которого ничего не нужно, кроме усердия и здравого смысла». Милюков, характеризуя место Байера, Миллера и Шлецера в истории русской науки, односторонне делил историков на ученых и неученых. «В Байере мы видели колоссальную ученость, ограниченную ученым кругозором его времени, — писал он; — в Миллере — колоссальное трудолюбие, не сопровождавшееся ученостью. Шлецер имеет несравненно большее значение в развитии исторической мысли как реформатор самого взгляда на ученость и науку».⁸

³ Н. Г. Чернышевский. Полн. собр. соч., т. XVI. М., ГИХЛ, 1953, стр. 74, 73.

⁴ Г. А. Князев. Герард Фридрих Миллер. К 150-летию со дня смерти. Вестник АН СССР, 1933, № 11, стб. 29—40.

⁵ Новейший обстоятельный исторнографический обзор о Г. Ф. Миллере как историке Сибири см.: В. Г. Мирзоев. Г. Ф. Миллер как историк Сибири в оценке русской дореволюционной и советской исторнографии. Уч. зап. Кемеровск. пед. ин-та 1963, № 5. Кафедра истории, стр. 45—71.

⁶ С. М. Соловьев. Герард Фридрих Мюллер (Фридрих Иванович Миллер). «Современник», 1854, кн. 10, стр. 115—150; в собр. соч. не вошла; см. также: Н. Сазонов. Об исторических трудах и заслугах Миллера. Уч. зап. МГУ, ч. IX, 1835, стр. 130—148 и 306—324.

⁷ П. П. Пекарский. История Академии наук, т. I. СПб., 1870, стр. 308—430.

⁸ П. Милюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, стр. 81—82; см. еще стр. 74—80 и др.

Много было сделано для изучения трудов Миллера при новом издании «Истории Сибири», предпринятом Академией наук в 30-х годах нашего века. В исследованиях С. В. Бахрушина⁹ и А. И. Андреева¹⁰ давалась высокая оценка этому труду и всей деятельности немецкого историка, нашедшего в России свою вторую родину.

Н. Л. Рубинштейн в курсе русской историографии писал, что «историческое значение Миллера состоит в том, что он впервые показал значение источника во всей широте и во всем объеме», а также «в мобилизации огромного фактического материала».¹¹

С. В. Бахрушин, А. И. Андреев и Н. Л. Рубинштейн, положительно оценивая деятельность и труды Г. Ф. Миллера, быть может, несколько преувеличивали историографическое, но, разумеется, не источниковедческое значение его трудов.

«Очерки истории исторической науки в СССР» (т. I, 1955), сосредоточив внимание на критике норманизма Миллера, отметили бесспорные его заслуги в деле собирания исторических документов и источниковедческую ценность «Истории Сибири». Наряду с этим в «Очерках» показано историографическое значение трудов Миллера. Если С. В. Бахрушин считал Миллера проводником буржуазного исторического метода, то в «Очерках» Миллер охарактеризован как историограф и апологет дворянской России XVIII в.¹² Однако, как показывает изучение работ Миллера, посвященных истории Новгорода и новейшей истории России, а также его некоторых статей в журналах Академии наук, метод и общественно-политические взгляды Миллера, бесспорно, эволюционировали в буржуазном направлении, хотя, разумеется, его ссылки на божественный промысел свидетельствовали о зависимости его взглядов от официальной историографии и идеологии.

Л. В. Черепнин считает, что наибольший след из всех иностранцев, работавших в Академии наук во второй половине XVIII в., оставил Миллер. По его мнению, в историографической концепции Миллера все еще имеет место идея божественного произвола, а также признание большой роли, кроме личных качеств людей, счастья или удачи. Черепнин восстанавливает своего рода историческую справедливость в споре между Ломоносовым и Миллером по поводу «Истории Сибири». Он считает, что Ломоносов отдельными тенденциозными замечаниями, которые свидетельствовали о том, что последний «стоял на охранитель-

⁹ С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер как историк Сибири. В кн.: Г. Ф. Миллер. История Сибири, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 5—55.

¹⁰ А. И. Андреев. Труды Г. Ф. Миллера о Сибири. Там же, стр. 59—144.

¹¹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография. М., ОГИЗ, 1941, стр. 114.

¹² Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 192—193.

ной позиции, отвечавшей политике царизма», не мог поколебать большого значения труда Миллера о Сибири.¹³

В «Историографии истории СССР» (1961) Миллеру также не была отведена отдельная глава. В книге по-прежнему отмечалась его значительная роль в собирании и публикации документов и одновременно подчеркивалось отрицательное значение его работ по общей истории России, в особенности по разработке норманской теории.¹⁴

В книге В. Г. Мирзоева «Историография Сибири», которую следует высоко оценить при решении вопроса о месте Миллера в истории русской исторической науки, а также отчасти в его историографической статье не обошлось без крайностей.¹⁵ Он видит двойственность Миллера в том, что, с одной стороны, «провозгласив факты основной исторических разысканий», он, с другой, чуждый философии и методологии, ничего не внес в историографию Сибири не только в отличие от Татищева, но даже Григория Новицкого («Краткое описание о народе остяцком», 1715). Не отрицая противоречий у Миллера в его научном методе и в общественно-политической позиции, все-таки будем считать его «критический доказательный метод» (по терминологии Мирзоева) новым словом не только в источниковедении, но и в историографии, поскольку установление научно проверенных фактов является совершенно обязательной базой любого научного изучения.

Таким образом, можно признать, что даже те историки, которые видели в Миллере одного из зачинателей русской исторической науки, ограничивали его вклад главным образом источниковедческими и издательскими заслугами, оставляя в тени его историографическую концепцию. Действительно, Миллер был большим и добросовестным тружеником. Если его деятельность по сбору и изучению огромного количества документов делает ему честь и заслуживает высокой оценки в источниковедении, то как историк он не был способен к широким обобщениям и глубокому анализу исторических событий. Нельзя забывать и того, что Миллер до конца своих дней был воинствующим норманистом. Кроме того, он часто использовал произведения своих предшественников в рукописях, не ссылаясь на автора, например на Татищева. К тому же даже в годы обсуждения «Истории Сибири» Миллер по-прежнему недостаточно знал древнерусский язык. Если в начале 30-х годов он приписал «Повесть временных лет» Феодосию вместо Нестора, приняв название монастыря за

¹³ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. Курс лекций. Изд. МГУ, 1957, стр. 217.

¹⁴ Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., Соцэкгиз, 1961, стр. 93—94.

¹⁵ См.: В. Г. Мирзоев. Историография Сибири (XVIII век). Кемеровск. книжн. изд., 1963, стр. 163, 162, 143; см. также: Е. Г. Ф. Миллер как историк Сибири в оценке русской дореволюционной советской историографии, стр. 71.

собственное имя, то в конце 40-х годов он считал Сильвестра игуменом Никольского, а не Выдубицкого монастыря (на эту ошибку в свое время указал еще Татищев¹⁶).

Миллер, как известно, не имел такой блестящей научной историко-филологической подготовки, какую получил Шлецер. Когда в начале 30-х годов он выпустил немецкий перевод русского Нестора, то его соотечественник И. В. Паус был поражен. Э. Винтер впервые приводит интересные данные, характеризующие деятельность в России Пауса — этого мало известного в литературе историка.¹⁷ По его мнению, Паус не только имел большое влияние на Г. З. Байера, которого он пытался ознакомить с русскими летописями, но и явился основоположником норманской теории — той «антиисторической легенды, по которой восточные славяне организовались в государство лишь при помощи норманнов».¹⁸ Не станем разбирать новую версию об авторе так называемой норманской теории, но обратимся к характеристике той обстановки начала 30-х годов, когда появился немецкий перевод русской летописи. В Западной Европе уже давно ждали случая познакомиться с Нестором. Еще Лейбниц в 1709 г. энергично пытался получить в свои руки текст «самой летописи Нестора».¹⁹ Однако дело ознакомления европейских читателей с русскими летописями, по известным причинам, затянулось надолго. Винтер, передавая впечатления Пауса о порядках изданий в России в ту пору, пишет: «Паус был совершенно растерян: русский Адодуров, по его мнению, не знает немецкого языка и притом издаст введение в русский язык для немцев; немец Миллер не знает русского языка и издает сборник документов по русской истории».

В свою очередь Паус имел основания ни во что ставить Миллера. «Я, — писал Паус, — разыскатель источников, составитель и истолкователь русской истории, он же (Миллер) — плагиатор, популяризатор и фанфарон». С такой резкой оценкой вполне солидаризируется Э. Винтер. Он полагает, что перевод Пауса Несторовской летописи на латинский и немецкий языки и «Введение» к нему, переданные Паусом в Канцелярию Академии в 1732 г., были использованы не только Миллером, но и впоследствии Шлецером.

---

¹⁶ Примечания на Сибирскую историю тайного советника Василия Никитича Татищева (Замечания Татищева и ответы на них Г. Ф. Миллера). ЦГАДА, портфели Миллера, 150, ч. IV, № 26, лл. 1—10, примеч. 18; копия ААН, ф. 95, оп. 5, № 21, лл. 1—6.

¹⁷ Э. Винтер. И. В. Паус о своей деятельности в качестве филолога и историка (1732 г.). XVIII век. Сб. статей и материалов, 4. М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 313—322; см. также: Д. Е. Михальчи. И. В. Паусе и его славяно-русская грамматика. Известия АН СССР. Серия литературы и языка, т. XXIII, вып. 1, 1964, стр. 49—50.

¹⁸ Э. Винтер. И. В. Паус..., XVIII век. Сб. 4, стр. 315—316.

¹⁹ П. П. Пекарский. Переписка Лейбница с разными лицами о славянских наречиях и древностях. Зап. Академии наук, т. IV, 1864, стр. 13—15.

Однако десятилетняя археографическая экспедиция Миллера — именно так оценивается его деятельность во время путешествия по Сибири — много дала ему как историку и прежде всего в источниковедческом отношении. Если до 1733 г. Миллер был мало подготовленным новичком (гимназия и год университета до приезда в Россию), правда, со сложившимся интересом к этнографии и экономике,²⁰ то к 1743 г. он уже настолько обогатился материалами, наблюдениями и навыками, что смог в 1750 г. издать «Историю Сибири». С середины 40-х годов начинается самый напряженный период исторической работы Миллера: дискуссии с П. Н. Крекшиным, М. В. Ломоносовым и другими по поводу «Истории Сибири» и речи о происхождении русского народа. Десятилетие издания журнала «Ежемесячные сочинения» (1755—1764) были временем наиболее плодотворной работы Миллера над важнейшими проблемами русской истории: история республиканского Новгорода и новейшая история России. За эти двадцать лет Миллер стал сложившимся ученым, далеко ушедшим от опытов юности.

Как мы уже отмечали, в конце 40-х годов Миллер, несомненно, уступал Ломоносову в понимании предмета истории, но в начале 60-х годов он значительно расширил представление о содержании ее. Уже в проекте организации Исторического департамента для сочинения истории и географии Российской империи (1746) сказался источниковедческий опыт, накопленный Миллером в сибирский период его разносторонней работы.²¹ Если Татищев хорошо понимал значение государственных актов для разработки истории России, но использовать их в своем труде по-настоящему все же не смог, то Миллер практически впервые не только собрал, но и стал систематически вводить их в научный оборот. Правда, как видно из его плана, перечисляя «способы, по которым историю о Российской империи сочинять надлежит», Миллер не представлял всех трудностей, связанных с таким размахом проекта.

Миллер предлагал собирать: 1) все письменные русские исторические книги: степенные, летописцы, хронографы; 2) письменные книги, содержащие татарскую историю на татарском, турецком и персидском языках; 3) архивные дела, находящиеся в Москве, Петербурге и других городах; 4) жития святых, особенно происшедших от великих князей и царей; 5) рукописные известия о построении церквей и монастырей; 6) надгробные и другие надписи в церквях и монастырях; 7) родословные книги княжеских и знатных шляхетских фамилий; 8) всякие российские древности, из которых можно получить сведения о древних временах; 9) словесные повести простых людей о различных событиях, происходивших в России, которыми благодаря наличию

²⁰ История Академии наук СССР, т. I. М.—Л. Изд. АН СССР, 1958, стр. 127.

²¹ См.: Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 103.

в них баснословного элемента, пользоваться следует осторожно; 10) иностранные печатные исторические книги о России, Лифляндии, Курляндии, Пруссии, Польше, Швеции, Дании, Турции, Персии, Китае и других государствах, где русская история описана, и подлинные документы о международных отношениях.²²

Что бы ни говорилось о причинах переезда Миллера в Москву в 1765 г., надо признать, что главнейшей из них является его отставание от все возрастающих требований к современной исторической науке. Но было бы рано говорить о закате Миллера как историка. В 1769 г. Миллер высказал пожелание, чтобы Академия наук под его наблюдением составила историю России, для которой он в течение 45 лет собирал разнообразные материалы. Академия наук согласилась с его предложением²³ (правда, реального ничего сделано не было). Деятельность Миллера в должности директора Московского архива коллегии иностранных дел заслуживает высокой оценки. Он совершил первую археографическую экспедицию по городам и монастырям Московской губернии, подготовил первые кадры русских архивистов — Н. Н. Бантыш-Каменского, М. Ф. Малиновского и др.²⁴ В эти годы он написал книгу «О народах издревле в России обитавших» (СПб., 1773; 2-е изд., 1788), которую он не без основания считал своеобразным реваншем за поражение в дискуссии 1749—1750 гг. Миллер по правительственному заданию работал над историей российского дворянства, писал очерк истории Преображенского полка, о молодых годах Петра I и т. п.

В это же время развернулась издательская деятельность Миллера. Он выпустил три книги «Истории Российской» Татищева, подготовленный им же «Судебник», «Ядро Российской истории», приписав его князю Хилкову и т. д. Одна работа над географическим лексиконом Ф. А. Полунина заслуживает специального исследования.

Наконец, Миллер оказал определенное влияние на М. М. Щербатова. Он передал ему ряд исторических документов. И. И. Голиков, в свою очередь, получил от Миллера около 500 различных документов для «Деяний Петра Великого».

Авторитет Миллера был велик. А. Р. Воронцов, которому не было необходимости заискивать перед ним, писал в 1781 г. (обращаясь к нему с просьбой составить справку об истории чинов и соответствия старых чинов новым), что в «нашем отечестве нет человека» (кроме Миллера), могущего исполнить данную просьбу.²⁵

---

²² См.: Материалы для истории Академии наук, т. VIII (1746—1747). СПб., 1895, стр. 186—187; Ср.: М. И. Радовский. М. В. Ломоносов и Петербургская Академия наук. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 70.

²³ Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века. Научное описание. 1766—1782 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 165, 175.

²⁴ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 105.

²⁵ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 642, лл. 100об. — 101.

Историографическое значение Миллера видно, в частности, из того, что Бюшинг исправлял ошибки вольтеровской истории по миллеровскому «Собранию Российской истории». Рецензент «Истории Российской империи при Петре Великом», писавший в журнале Готшета в 1761 г., считал, что Миллер смог бы написать «гораздо лучшую историю Петра Великого, чем все Вольтеры на свете».²⁶ Этот вывод, разумеется, оставим на совести его автора.

Однако в результате 50-летних занятий по русской истории Миллер не смог составить полного обзора ее, мало-мальски завершенного или оформленного. Когда в 1783 г. И. Г. Штриттер по поручению Комиссии об училищах начал писать опыт русской истории для школ, то, ознакомившись с материалами литературного наследия Миллера, хранящегося в известных «миллеровских портфелях», он не нашел почти ничего, что могло бы ему пригодиться для составления учебного руководства. «Удивительно, однакож, — писал Штриттер, — что покойный историограф, кроме своих исторических таблиц, ничего не оставил обработанного по русской истории». Поэтому он самостоятельно вынужден был из летописей собирать материалы для учебника.²⁷

Для того чтобы разобраться в историографической концепции Миллера, обратимся к его трудам по русской истории, напечатанным в «Ежемесячных сочинениях», так как они, пожалуй, лучше всего характеризуют его как историка.

Миллер выказал на страницах журнала свое отношение к В. Н. Татищеву. Как уже не раз отмечалось, Миллер широко использовал произведения и материалы своих предшественников (Мессершмидта, И. Пауса и В. Н. Татищева) часто без упоминания имени авторов. В статье «Краткая роспись вел. кн. всероссийских от Рюрика до нашествия татар с показанием родословия», которой открывался первый номер «Ежемесячных сочинений»²⁸ Миллер использовал татищевские материалы, позднее вошедшие в его «Историю Российскую». Имя Татищева также было опущено, хотя в начале статьи довольно ясно говорилось о «знатном муже, который в истории и географии своего отечества столь много трудился, что одно объявление имени его довольно было бы к указанию исправности и преимущества росписи».²⁹ Читатель, конечно, догадывался, что речь идет о Татищеве.³⁰ Однако, отдав вынужденную дань покойному историку, Миллер в одном из последующих номеров журнала определил

²⁶ См.: Г. А. Гуковский. Русская литература в немецком журнале XVIII века. XVIII век. Сб. 3. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 412.

²⁷ П. П. Пекарский. О переписке академика Штелина, хранящейся в имп. Публичной библиотеке. Зап. Академии наук, т. VII, 1864, стр. 128—129.

²⁸ «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. I, стр. 1—16.

²⁹ Там же, стр. 1.

³⁰ Автографы татищевских росписей см. в ЦГАДА, портфели Миллера (ф. 199), 284, ч. I, № 15, на 5 лл. Таблицы II, III, IV и V (в новом издании их нет); см. также № 16, 17, 18.

свое истинное отношение к Татищеву. В апрельском номере «Ежемесячных сочинений» он поместил статью под названием «О первом летописателе Российском преподобном Несторе, его летописи и продолжателях оных».³¹ Эта статья Миллера была первой появившейся в печати работой по истории русского летописания. В ней же Миллер впервые печатно высказал свое принципиальное отношение к Татищеву, так как он должен был дать оценку трудам своего предшественника прежде, чем приступить к самостоятельным работам по русской истории, в частности в области изучения русских летописей. «Историю Российскую» Татищева Миллер назвал новой летописью с примечаниями, «своженной» из 8 несторовых списков.

Характеризуя труд Татищева как летописный свод, Миллер отрицал за ним научное достоинство. «Кто историю читает только для своего увеселения, — откровенно полемизируя со своим предшественником, писал Миллер, — тот подлинно сими его трудами будет доволен», а кто «далее желает поступить; тот может справиться с самим Нестором и его продолжателями».³² Он противопоставлял «Историю» Татищева источникам, хотя ее автор в рукописи первоначальной редакции, на которую ссылался Миллер, не давал к этому повода.

Миллер, излагая историю русского летописания, вынужден был, однако, признать, что его руководителем в этой новой отрасли знаний был не кто иной, как тот же Татищев. Миллер составил схему русского летописания только «отчасти из собственного . . . исследования».³³ А. Е. Пресняков в рукописи, к сожалению, до сих пор не увидевшей свет, — «Историографический обзор изучения русских летописей»³⁴ — дал высокую оценку Татищеву как историку русского летописания и не очень лестную Миллеру. Что касается первого, то Пресняков писал следующее: «Круг вопросов относительно летописей как памятников древнерусской письменности надолго остался, в существенных чертах, таким, каким он является в труде Татищева». В отношении же Миллера Пресняков писал: он «ничего не прибавил к пониманию задач исследователя. . . Расходясь с Татищевым в деталях их решения и, особенно, в понимании способа издания летописей и пользования ими. . . Миллер только искажает общия понятия Татищева о летописях некоторой утрировкой», — подводил итог Пресняков.³⁵

Особый интерес представляет работа Миллера «Опыт новейшей истории о России», посвященная истории страны со времени Бориса Годунова «и со внутренних беспокойств».³⁶ Необ-

³¹ «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. I, стр. 275—298.

³² Там же, стр. 277.

³³ Там же, стр. 278.

³⁴ Архив ЛОИИ. Собрание Преснякова, № 65.

³⁵ Там же, лл. 9, 11.

³⁶ «Ежемесячные сочинения», 1761, ч. I, стр. 3—63, 99—154 и 195—244.

Это только 1-я часть немецкого текста работы.

ходимость обращения к новейшей истории России Миллер мотивировал несколькими доводами. Во-первых, самым воспитательным назначением истории, которая, по его мнению, «должна из примеров показать нам правила, по коим учредить и расположить наши поступки».³⁷ Примеры должны быть, по Миллеру, не только положительными, но и отрицательными. Заранее возражая своим вероятным оппонентам, не желающим ничего видеть и знать, что не уместается в рамках казенного благополучия и официальной апологетики, Миллер с достаточной долей гражданского мужества утверждал: «Но есть ли такая земля, либо государство, которое б не имело своих неблагоприятных времен, и в коем бы не переменялись счастье и несчастье, сила и слабость завоевания и опустошения». Историк должен рассуждать беспристрастно — таков итоговый вывод Миллера.³⁸ Во-вторых, Миллер начал «Опыт новейшей истории о России»³⁹ с описания начала царствования Бориса Годунова и «со внутренних беспокойств» потому, что на этом остановился Татищев. Вызывает удивление «неосведомленность» Миллера в окончании работы Татищева. Первый русский историк довел, как известно, свою «Историю Российскую» не только до царствования Василия Шуйского, но и дальше, о чем Миллер не мог не знать, так как татищевские рукописи находились в его «портфелях». В-третьих, Миллер взялся за труд составления новой истории России ввиду недостаточности, пристрастности и ошибочности многих известий иностранцев, писавших о нашей стране XVII в.

Миллер с присущей для него обстоятельностью использовал разнообразные русские и иностранные источники и литературу вопроса. Кроме летописей, хронографов и степенных книг, доведших изложение до Алексея Михайловича, он привлек родословные и разрядные книги, «архивные письма» из Чердынского архива, известную повесть начала XVII в. — «Летопись о мятежах и разорении Московского государства», рукопись книги «Ядро Российской истории», «Российскую историю» из библиотеки Брюса⁴⁰ и произведения примерно трех десятков иностранных писателей: Петрея, Маржерета, Флетчера, Олеария и многих других.⁴¹ Можно с уверенностью сказать, что Миллер использовал широкий круг источников, вполне достаточный для исследования на научном уровне.

Основные события русской истории конца XVI—начала XVII вв. изложены в «Опыте» с достаточной полнотой, но, как и

³⁷ Там же, стр. 6.

³⁸ Там же, стр. 147.

³⁹ «Опыт» первоначально был напечатан в «Sammlung Russischer Geschichte», 1760, Bd. V, Stücke 1—4.

⁴⁰ Быть может, речь идет о рукописи «История Российская от в. кн. Иоанна Васильевича 1450 г. до мира Столбовского... 1617 г.» (см.: Архив ЛОИИ, Коллекция рукописных книг (115), № 543).

⁴¹ «Ежемесячные сочинения», 1761, ч. I, стр. 13—19, 42, 54, 59, 129 и др.

обычно у Миллера, неравномерно, с фактическими ошибками и без всякой попытки осмыслить и оценить дух и характер эпохи, причины и результаты событий. Но, если учесть, что более или менее связное изложение событий так называемого «смутного времени» впервые появилось в печати только в «Ядре Российской истории», вышедшем в свет в 1768 г., то актуальность миллеровского труда станет понятной.

Исследование Миллера в «Ежемесячных сочинениях» до конца напечатано не было. Решительные выступления Ломоносова против публикации «Опыта» Миллера, неблагоприятные отзывы его о «Ежемесячных сочинениях» сыграли решающую роль.⁴² Объективистская декларация Миллера, призывающая под видом научности к знакомству и со светлыми и с темными страницами отечественной истории, не могла быть принята. Вполне понятен выпад Ломоносова против Миллера, который, по его словам, пишет «занозливые речи» и «печатает на немецком языке смутные времена Годунова и Растригины — самую мрачную часть российской истории».

Другим произведением, сыгравшим большую роль своей темой, явился объемистый труд Миллера «Краткое известие о начале Новагорода и о происхождении российского народа, о новгородских князьях и знатнейших онаго города случаях».⁴³ Научное и общественно-политическое значение этой работы заключается вовсе не в том, что Миллер, несколько подновив и приспособив к ломоносовским требованиям свою концепцию, вновь заговорил о происхождении русского государства. Не останавливаясь на норманистских взглядах Миллера, отметим его мысль об общности и отличии истории России и Запада, в частности в вопросе о происхождении названий народов. «Варяги, от коих Новгород получил первых своих князей, — писал он, — названы были россами, и от них имя россиян распространилось на славян, почти таким же образом, как бритты приняли от англов или англосаксов имя агличан, а галлы по франкам прозваны французами. Сравнение в том токмо несходно, что варяги здесь были не победителями и не составляли целого народа, который бы переходил из одной земли в другую. Новгородцы по звали токмо одних варяжских князей, чтобы они приняли у них правление».⁴⁴

Этот труд представляет интерес не в том отношении, что в нем Миллер пытается взять реванш в вопросе происхождения Руси (он, как мы знаем, позже предпринял такую попытку), а как первый опыт изложения истории Новгорода. Работа Миллера, как и предыдущая, написана неравномерно. После пере-

⁴² См.: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 89.

⁴³ «Ежемесячные сочинения», 1761, ч. II, стр. 3—50, 92—158, 197—240 и 291—323.

⁴⁴ Там же, стр. 11—12.

числения новгородских князей с краткой справкой о их деятельности следовал подробный рассказ о присоединении Новгорода к Москве. Описание новгородской истории доведено до середины XVII в., но некоторые замечания Миллера относились к событиям XVIII столетия.

Новгородская тема в русской литературе, художественной и научной, всегда была одной из центральных. Новгород — вечевая республика, долгое время в представлении передовых людей являлся символом свободы, независимости и борьбы с царским самодержавием. С Новгородом связывалось и начало русского государства. Сумароков и Княжнин, Екатерина II и Болтин, Радищев и многие другие, каждый по своему, писали о Великом Новгороде.

Критика еще сто лет назад в качестве главного недостатка миллеровской работы указывала на неполноту описания общественного устройства Новгорода.⁴⁵ С этим выводом нельзя не согласиться, но нельзя не учитывать следующие два обстоятельства: во-первых, быт и государственное устройство в середине XVIII в. все еще не были предметом или объектом научного изучения у историков России, да и не только у историков нашей страны (сделаем это добавление), и, во-вторых, игнорировать положительные наблюдения Миллера в этом вопросе нет достаточных оснований.

В кратком описании государственного устройства Новгорода Миллер высказал несколько соображений: первое — о сходстве новгородского управления с государственным устройством вольных имперских или ганзейских городов; второе — о демократическом характере общественного устройства Новгорода и третье — о необходимости ликвидации «народной вольности» Новгорода.⁴⁶ Общность городского устройства Миллер, исходя из своих норманистских убеждений, объяснял прямым заимствованием. Управление в Новгороде, как, кстати, и в Пскове, по Миллеру, было «точно так распорядено, как в немецких вольных государственных городах или в ганзейских, которые, может быть, и служили им примером сего распорядения». Демократичность новгородского управления Миллером показана при характеристике должностных лиц. Так, например, тысяцкий, по его мнению, «наблюдал, чтобы посадники не присвоили себе лишней власти над народом и защищали народные права. Само название «тысяцкий» Миллер не без наивности объяснял тем, что тысяцкий должен был «стараться о благосостоянии многих тысяч человек». Бояре, по Миллеру, — выборные лица. Наместники обладали большей властью, чем князья, которые являлись «комендантами городского войска», — писал историк. Вечевой

⁴⁵ В. А. Милютин. Очерки русской журналистики, преимущественно старой. «Ежемесячные сочинения». Журнал 1755—1764 гг. Ст. 2. «Современник», т. XXV, 1851, отд. II, стр. 160.

⁴⁶ «Ежемесячные сочинения», 1761, ч. II, стр. 127—131.

колокол «почитался защитой города и явным свидетельством народной вольности».

Не только цензурные строгости, но и внутренние убеждения заставили Миллера объяснить присоединение Новгорода к Москве далеко не с либеральных позиций. Иван III был прав, когда требовал, как писал он, «чтобы оставлена была необузданная вольность народа», так как «сия вольность часто причиняла бунты и вред начальству».⁴⁷

В работе Миллера впервые в русской исторической литературе имеются сведения о городских восстаниях в России середины XVII столетия. Интересно замечание Миллера о патриархе Никоне. Отвечая на вопрос: кто такой Никон — святой или антихрист!? — историк, отметив его достоинства, но указав на непозволительность послушания царю, заключал: «... разумный имеет посредственное (среднее. — С. П.) мнение».⁴⁸

Таким образом, исследование Миллера, несмотря на упрощенное описание новгородской истории и другие не менее существенные недостатки, явилось первой работой по истории новгородской вечевой республики. Поэтому оно объективно оказало прогрессивное воздействие на развитие русской исторической и политической мысли в XVIII в., имело огромный историографический резонанс. А. Н. Радищев, ознакомившись с этим произведением, использовал миллеровские материалы по истории Новгорода для разработки революционной республиканской концепции русской истории. Приведенная нами цитата Миллера о вечевом колоколе в радищевском тексте звучала особенно убедительно: «Вече или народное собрание, — писал он, — на кое созывали особливым колоколом, называемым вечным, и на оных соборищах основывалась наипаче вольность народа».⁴⁹

При изучении хода и результатов дискуссии 1749—1750 гг. исследователи, как правило, пользовались материалами, отражающими мнения оппонентов Миллера, в первую очередь Ломоносова. Поэтому наверняка можно предположить, что новые материалы, освещающие поведение Миллера с его собственной точки зрения, могут представить дополнительные данные для более беспристрастной оценки историографического спора середины XVIII в. Как нежелательно изучать историю войн на основании документов одной стороны, так, тем более, не следует пренебрегать материалами дискуссии, вышедшими из-под пера любого участника ее. В этом отношении особую ценность представляют впервые опубликованные в 6-м томе Полного собрания сочинений М. В. Ломоносова (1952), к сожалению частично, ответы Миллера на сводку замечаний его оппонентов и

---

⁴⁷ Там же, стр. 137, 129.

⁴⁸ Там же, стр. 309.

⁴⁹ А. Н. Р а д и щ е в. Избранные сочинения. М.—Л., ГИХЛ, 1949, стр. 645; ср. с главой «Путешествия из Петербурга в Москву» — «Новгород».

возражения на них Ломоносова.⁵⁰ В свою очередь мы привлечем неопубликованный «Журнал» дискуссии 1749—1750 гг., составленный Миллером,⁵¹ который содержит некоторые сведения о состоянии исторической науки в середине XVIII в., о взаимоотношениях историков и т. д. «Журнал» несколько дополняет «Летопись жизни и творчества М. В. Ломоносова», более отчетливо помогает выяснить отношение Миллера к Г. З. Байеру, В. Н. Татищеву, Феофану Прокоповичу, а также его взгляды на задачи истории и исторической критики. Обращает внимание, например, методологически правильное отношение Миллера к оценке роли возможности в истории. Он писал, что не следует «в делах исторических одну возможность за настоящее дело почитать».⁵² Свое выступление в дискуссии Миллер рассматривал как необходимое средство «для утверждения исторической справедливости».⁵³ Миллер тогда высоко отзывался о Татищеве, «рукописные обсервации» которого он знал хорошо.⁵⁴ Миллер в доказательство своего мнения о неславянских названиях днепровских порогов, писал, что они «по словестному объявлению одного астраханского приятеля, весьма в славянском языке ученого», не имеют никакого признака произношения славянского. Интересно, что Миллер свидетельствовал о том, что Байер «не знал ничего по-славянски», а объяснение названия порогов «взял от астраханца» (так он называл, скорее всего, В. К. Тредиаковского) и от пастора Богемской церкви.⁵⁵

Дискуссия 1749—1750 гг. проходила в двух аспектах: собственно историческом и источниковедческом. Хотя исторический круг вопросов был более обширен, но спор о значении тех или иных источников для раскрытия проблемы «Происхождения имени и народа российского» представляет в наше время значительно больший интерес в связи с тем, что на него обращалось значительно меньше внимания в историографической литературе. Дискуссия вызвала спор по ряду сюжетов: вопрос о роксоланах, о происхождении славян и Руси, о варягах и их роли

---

⁵⁰ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 42—79; см. также: М. М. Гуревич, К. И. Шафрановский. Об издании 1749 г. речи Г. Ф. Миллера «Происхождение русского народа и имени российского». «Книга». Исследования и материалы. Сб. 6, 1962, стр. 282—285.

⁵¹ ЦГАДА, ф. 199 (Портфели Миллера), 48, № 2. «Перевод (черный на российский язык) с рассуждения профессора Миллера „О начале имени россиан и происхождении“, читанного в чрезвычайных академических собраниях с возражениями на оное», на 81 лл. В действительности это журнал Г. Ф. Миллера, который он вел во время первых дней дискуссии и обрабатывал несколько позже. Некоторые места журнала даны в двух редакциях. Журнал начинается словами: «Известие о том, что чинилось в чрезвычайных академических собраниях при исследовании моей диссертации „О происхождении Российского народа и оного имени“».

⁵² Там же, л. 18.

⁵³ Там же, лл. 65, 42.

⁵⁴ Там же, лл. 48, 25, 42об., 19об.

⁵⁵ Там же, лл. 64, 41.

в образовании древнерусского государства, в частности были ли призваны варяги или они завоевали славян Восточной Европы и т. д.

Дискуссия происходила в обстановке резкого научного спора, к которому примешивались патриотические мотивы и личная неприязнь.⁵⁶ В ходе ее выяснилась почти полная изоляция Миллера. Только некоторые участники обсуждения вначале заявили, что у них нет никаких возражений (например, адъюнкт анатомии Клейнфельд), другие, видев, что им в «чрезвычайных академических собраниях» делать нечего, манкировали заседания. М. В. Ломоносова наиболее активно поддерживал астроном Н. И. Попов, с которым Миллеру пришлось спорить более, чем со всеми другими, а также С. П. Крашенинников, А. П. Сумароков, И. Э. Фишер, Ф. Г. Штрубе де Пирмонт. Всесильный Шумахер также сдерживал Миллера. Когда тот сослался на Феофана Прокоповича и В. Н. Татищева в вопросе об Аскольде и Дире, которых они считали за одного князя, то Шумахер запретил ссылаться на эти авторитеты. Только иногда Миллер находил поддержку у присутствующих. Например, когда Попов напал на него за то, что он писал в своей диссертации о бесполезности чужестранных источников в том случае, когда домашние источники ничего не дают, то, по словам Миллера, «сия объекция всем собранием опровержена» была.

Начало дискуссии сопровождалось спором о том, какой принять порядок обсуждения. Ломоносов, выступая 23 октября, предложил, чтобы Миллер читал диссертацию «с начала до конца», с обсуждением каждого параграфа диссертации.⁵⁷ Так и получилось: присутствующие стали высказывать свои соображения, «начиная с младшего чина».

На первом плане в дискуссии был вопрос о происхождении русского народа и его имени. Ломоносов еще на первом заседании обещал не только «истолковать происхождение росиян от роксолан», но и опровергнуть доводы Миллера по всем вопросам, поднятым в диссертации.⁵⁸

Если, начиная с XI—XII вв., средневековая византийская историография, а затем русская и европейская исторические традиции упорно связывали происхождение русского народа с скифским миром, то позднее воспребладала теория сармат-

---

⁵⁶ Например, когда Ломоносов, для того чтобы доказать, что варяги говорили славянским языком, прочел соответствующее место из Нестора, то Миллер попросил его сообщить в копии те места из летописи, на которые он сослался. Однако, по словам Миллера, Ломоносов ничего не сделал и не отказал, но «книгу унес домой» (там же, л. 24 об.). Н. И. Попов и другие помогали, почему Миллер присвоил себе титул «императорского историографа». Не без ехидства Попов спрашивал, читал ли Миллер все «книги партикулярных библиотек» и т. д.

⁵⁷ В «Летописи жизни и творчества М. В. Ломоносова» о его выступлении 23 октября не упомянуто.

⁵⁸ ЦГАДА, ф. 199, 48, № 2, л. 11.

ского происхождения славянских народов, выдвинутая польскими авторами. Опираясь на эту литературную традицию, как считает С. П. Толстов,⁵⁹ М. В. Ломоносов в 1749 г. «сделал попытку заново научно обосновать теорию роксоланского происхождения русского народа», или, по мнению А. Н. Робинсона, что, думается, более точно, Ломоносов пытался объединить «сарматскую» и «балканскую» теории в этом вопросе.⁶⁰

Ломоносов, высказывая мысль о происхождении росиян от роксолан, аргументировал ее ссылкой на показание так называемого «Новгородского летописца» и Нестора, утверждающих, что в «древние годы росияне жили около Черного моря», которое Нестор называл Русским морем. На эти соображения Ломоносова Миллер ответил серьезными доводами: 1) «Новгородский летописец» в отношении к древности наполнен «такими баснями и рассказами, что его в свидетельство принимать не достойно». Но если даже, считал Миллер, в Новгородской летописи о роксоланах написана правда, то в отношении славян все летописцы сходятся в том, что они жили на Дунае, т. е. вблизи Черного моря; 2) свидетельство Нестора о том, что Черное море называлось Русским, относится к его времени, а не к эпохе роксоланов; 3) по поводу того, что роксоланы являются славянами, так как они близки к сарматам, Миллер отказывался спорить, считая, что поляков называть сарматами невозможно.⁶¹

Вопрос об этнической принадлежности варягов был наиболее дискуссионным, так как он подводил к выяснению национальности князей, основавших династию в Новгороде и России. Миллер вслед за Байером повторял мысль о готском происхождении варягов, а не славянском, как думали Ломоносов, Попов и Крашенинников, полагавшие, что славяне владели Новгородом еще «прежде Рождества Христова».⁶² Миллер опровергал эту точку зрения ссылками на Байера и на «Несторову копию» (он заметил, что в Академии имеется несколько «Несторовых экземпляров»)⁶³.

Миллер не считал вопрос о происхождении славян главным в своей диссертации; он полагал, что славяне — народ пришлый, а «чухонцы» — народ «тутошний». С этим не соглашался Крашенинников. Миллер, отвечая ему, ссылался на авторитет Татищева, правда, не называя его имени. В России есть человек, записал он в «Журнале», «в исторических делах весьма „искусной“, находящийся „в немалом почтении“, заслуги которого

⁵⁹ С. П. Толстов. Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий. Вестник древней истории, 1963, № 2, стр. 23.

⁶⁰ А. Н. Робинсон. Историография славянского возрождения и Паисий Хилендарский. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 117.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 199, 48, № 2, лл. 16, 16об., 17, 38.

⁶² Там же, лл. 31, 35, 58 и др.

⁶³ Там же, лл. 27об., 28.

можно признать „за великие”, считающий, что россияне произошли от финнов (чухонцев)». ⁶⁴

Крашенинников настаивал, что достовернейшим объяснением происхождения имени славян является производство этого имени «от славных дел». ⁶⁵ Миллеру надоели бесконечные рассуждения, и он записал в ответе на эту «объекцию»: «Непристойно господину Крашенинникову назначать мне правило, каким бы образом должен производить вопросы о славянах», так же непристойно, как неискусному в ботанике «изобличать его (Крашенинникова. — С. П.) в описании трав». ⁶⁶ Оправдываясь, почему он мало писал о славянах, Миллер заметил, что его задача состояла не в том, чтобы рассуждать о происхождении славян, а изучить вопрос о «происхождении российском». О славянах же нужно писать «особливо», так как это требует немало трудов и времени и не может быть «учинено в краткости». ⁶⁷

В связи с вопросом о происхождении славян встал вопрос о большей древности Новгорода перед Киевом. Миллер писал, что «новгородские славяне всеконечно в России за старейших нежели киевских почитать надобно». ⁶⁸ С этим не соглашались Попов и Крашенинников.

Миллер подметил наиболее уязвимое место у сторонников концепции Ломоносова о славянстве варягов, которая базировалась на авторитете «Синописа». «Ни у кого из писателей в уме никогда не было, — писал он, — кроме автора киевского «Синописа», варягов признавать за славян». ⁶⁹ Говоря о себе, Миллер указывал, что он, в отличие от своих противников, опирался «на историческую справедливость из древних летописей». Он имел в виду Несторовскую летопись и Новгородскую (настоящую, а не баснословную типа крекшинского летописца). Мысль, высказанная Миллером 200 лет тому назад, о том, что в древних источниках ничего нет о славянском происхождении варягов, ⁷⁰ стала одним из главных доводов сторонников норманской теории.

Другим важным вопросом, по которому велись споры, был вопрос о происхождении русского имени. Миллер, связывающий начало русского народа и государства с варягами, ссылаясь в этом вопросе на Нестора. Он писал о происхождении имени россов: «Нестор явно о том свидетельствует, что имя россов началось в России вместе с варягами». ⁷¹ Возражая Попову, кото-

⁶⁴ Там же, лл. 52, 32.

⁶⁵ Там же, лл. 55об., 32 об.

⁶⁶ Там же, лл. 56, 33.

⁶⁷ Там же.

⁶⁸ Там же, лл. 57об., 34об.; ср.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 56—59.

⁶⁹ Там же; ср.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 55—56.

⁷⁰ ЦГАДА, ф. 199, 48, № 2, л. 59об. (39об.).

⁷¹ Там же, лл. 38об., 18об.

рый считал, что варягов-руси — было больше, чем новгородских славян,⁷² а поэтому они и дали имя русскому народу и государству, Миллер отмечал: «Поданные числом бывают хотя и больше, однакож легче имя себе получить от победителей, нежели победителям от побежденных, как о том многие истории учат».⁷³

Что касается наиболее уязвимого места норманской теории — почему варяжский язык не стал господствующим, уступив место славянскому, — то Миллер объяснял, что славянский язык преодолел варяжский потому, что «славяне варяг числом превосходили и что на их языке все божественные книги были написаны».⁷⁴

Вопрос о происхождении русского имени, в свою очередь, связывался Миллером с теорией завоевания варягами-русью славянских племен. Миллер коснулся святого святых феодальной историографии — летописной легенды о призвании варяжских князей. Категорически отрицая признание, он настаивал на варяжском завоевании. «Варяжские князья Рурик и его братья имели над новгородцами владение, не по просьбе, но войною»,⁷⁵ — писал он.

Миллер считал, что варяги «привели в покорение новгородских славян, но затем были прогнаны». Такое завоевание, по мнению Миллера, явление обычное: новгородцы «часто были под норвежским и датским владением».⁷⁶ Для доказательства своей точки зрения он, как ему казалось, представил «сильные резоны из историков, из языка, так и из самого Нестора»: первые варяги были отчасти датчане, отчасти норвежцы и редко из шведов, но все, однако, они были готского происхождения.⁷⁷

Оппонент Миллера — Попов настаивал на преходящей и слабой зависимости славян от варягов. По его мнению, варяги только посылали за данью, но сами в России не жили. Миллер, наоборот, доказывал, что варяги жили в Новгородской земле и имели там свои гарнизоны. В «Журнале» он записал: «На правду то не походит, чтоб новгородцы так легко платили дань варягам, когда б они не принуждены были к тому силою и военною рукою в подданстве удержаны». Следовательно, делал вывод из этого Миллер, «варяги имели в Новгородской стране своих начальных людей, и оные от новгородцев с гарнизонами варяжскими войски были прогнаны».⁷⁸

В научный спор между Миллером и его противниками примешивались политические обстоятельства. «Соперники» Мил-

⁷² Там же, лл. 45, 24.

⁷³ Там же, лл. 46, 23; см.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 36—37.

⁷⁴ ЦГАДА, ф. 199, 48, № 2, л. 51об.

⁷⁵ Там же, л. 34об.

⁷⁶ Там же, л. 30об.

⁷⁷ Там же, лл. 35об., 18об., а также лл. 42, 19 и сл.

⁷⁸ Там же, лл. 35, 35об.

лера считали, что «бесчестие будет их народу», если отстаивать утверждение о покорении новгородцев норвежцами и датчанами, которые, «когда еще не учреждено было Российское государство, часто военною рукою нападали и покорили их себе в подданство». Миллер, наоборот, полагал, что именно от этого «подлинная слава происходит фамилии великих князей, царей и императоров российских», идущей от Рюрика, так как «его прадеды за много прежде сим лет часть России в своем владении содержали и потому Рурик имел над новгородцами владение».⁷⁹

Миллер и его оппоненты расходились и в том, где же искать варягов-русь. Миллер писал, что «по оставлению варягами Новгорода новгородцы устроили совет о выборе себе князя или из хозар, или из поляков, или из живущих при Дунае народов, или из варяг». Попов же, возражая против ссылки Миллера на несогласие у славян, начавшееся после изгнания варягов, говорил, что славяне послали не к тем варягам, которых прогнали, а к другим — к варягам-россам, жившим у Херсонеса Таврического, князь которых «был российского народа».⁸⁰ На это Миллер высказал шесть доводов, которые должны были убедить слушателей в ошибках Попова. Он указывал, что: 1) Попов «обманывается» в показаниях греческих писателей, считая, что они говорили о поселениях руссов у Херсона, тогда как в действительности во время похода Аскольда грекам не было известно местонахождение жилищ русских, так как они только слышали, что руссы живут за Херсоном, а где точно не знали; 2) Попов «обманывается», когда думает, что руссы ходили на Царьград раньше отправления варягов из Новгорода, так как Аскольд «был из варяг»; 3) Попов «обманывается», когда считает, призванного князя происходящим из российского народа; 4) Попов «обманывается», когда приводит свидетельство летописи, что Россия располагалась около Днепра и вершин Двины и Волги; 5) Попов «обманывается», отрицая существование в Скандинавии народа русь и делает ошибочное заключение, что призванные князья были из района Херсонеса Таврического или жили при вершинах Двины и Днепра, тогда как ясно, что они пришли «из-за Балтийского моря»; 6) Попов, наконец, «обманывается», когда говорит, что новгородцы призвали себе князей не из Скандинавии.⁸¹

В ходе дискуссии выяснилось различие в подходе к отбору и оценке источников, необходимых для решения вопроса о возникновении русского народа, его имени и государства у Миллера, с одной стороны, Ломоносова, Попова и остальных, с другой. Нельзя сказать, что для Миллера основным источником древнерусской истории была исключительно летопись Нестора. Однако норманизм автора «Повести временных лет» в вопросе об-

⁷⁹ Там же, лл. 56об., 57, 33об., 34.

⁸⁰ Там же, л. 42 и сл.

⁸¹ Там же, лл. 25—26об.

разования государства у славян Восточной Европы, а также признание Нестора первым русским летописцем привлекали Миллера к этой древней летописи более, чем его оппонентов, которые часто опирались на баснословный «Новгородский летописец», введенный в научный оборот небезызвестным Крекшиным, и давным-давно устаревший «Синописис».⁸²

Миллер достаточно принципиально отмежевывался от религиозного истолкования некоторых событий. Он писал, что не думает согласовывать своих взглядов с церковными версиями, например, с прологами и свидетельством Нестора об апостоле Андрее. Интересное его замечание по поводу частых ссылок оппонентов на духовную литературу в подтверждение своих исторических выводов. «Церковных книг не читывал и не знаю», — писал Миллер, признавая, что в «исторических вещах, которые надлежат до религии. . .», он в должной мере не искушен.⁸³

Миллер, впервые подвергнув критике канонический текст рассказа о призвании варяжских князей, полагал, что его слова «каким-нибудь обманщиком переменены все».⁸⁴ Он сомневался в чтениях Радзивилловской копии на том основании, что призвание варягов всего лишь через три года после их изгнания, с его точки зрения, было мало правдоподобно, что в ней пропущено о построении Новгорода и о совете, собранном по поводу призвания князей, что киевский писатель Нестор не мог сообщить о себе: «у нас на Белоозере» и т. д.⁸⁵

Можно сказать, что критическое отношение Миллера к легенде о призвании варягов происходило не столько из анализа летописных источников, сколько из его норманских взглядов и теории завоеваний одного народа другим. Поэтому не должно удивлять, что Миллер очень часто отказывался от Нестора и обращался к Никоновской летописи только на том основании, что она «подписанием руки Никона патриарха утверждена»,⁸⁶ а «Несторова копия», которой пользовались и Ломоносов и Попов, наполнена многими ошибками, как можно заключить, писал Миллер, из «рукописных обсерваций» Татищева.⁸⁷

Миллер принимал показания сомнительного географа Нубийского и историка Гориона (на что указывал ему Фишер), а также несомненно переоценивал свидетельства северных авторов, на тенденциозность которых ему было указано (Штрубе де Пирмонтом).⁸⁸ В споре об Аскольде и Дире Миллер больше сле-

⁸² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 554—555. — М. В. Ломоносов неоднократно ссылается на авторитет так называемого «Новгородского летописца» (см. там же, стр. 38, 44 и др.), а также на «Синописис» (см. там же, стр. 9—10, 23, 26, 30).

⁸³ ЦГАДА, ф. 199, 48, № 2, лл. 2, 27 и др.

⁸⁴ Там же, лл. 43об., 20об.

⁸⁵ Там же, лл. 44, 21.

⁸⁶ Там же, лл. 42, 19.

⁸⁷ Там же, лл. 42 об., 19об.

⁸⁸ Там же, лл. 23, 40 об. — 41, 33.

довал за историографическими авторитетами, чем доверялся показаниям источников. Если Ломоносов и Попов в соответствии с «Повестью временных лет» говорили о двух князьях, то Миллер вслед за Феофаном Прокоповичем, Байером и Татищевым писал в диссертации об одном.⁸⁹ Миллер ссылаясь на греческий источник, говоривший о походе на Константинополь одного князя, и на Феофана Прокоповича, впервые выдвинувшего соображение об одном князе, а не о двух, правивших в Киеве. Феофан — «первый автор» этого мнения, «человек высокого ума, разума и наук» — сообщил его Байеру. Последний, в свою очередь (о чем неоднократно слышал Миллер от самого Байера), поделился этим соображением с Татищевым, принявшим его в свои «рукописные обсервации».⁹⁰ Два княжеских имени, считал Миллер, произошли благодаря ошибке «списывателя Нестора», что подтверждают древний Новгородский и Патриарший списки.⁹¹

Нельзя не признать, что в источниковедческом отношении позиции Миллера были более серьезно обеспечены, чем точка зрения его оппонентов. Если Миллер, хотя и не всегда, придерживался летописи Нестора, то Ломоносов и его союзники опирались на Новгородскую летопись, точнее на баснословное сказание о начале Новгорода и на киевский «Синопсис», которому нельзя было отказать в настойчивой защите национальной традиции, но научные достоинства которого были взяты под сомнение еще до этой дискуссии.

Норманистская схема Миллера, приводившая его к явно ошибочным выводам в вопросах конкретной истории, заведомо обедняла историю Древней Руси — сводила начало Руси к влиянию извне — и поэтому была не только не приемлема для национального патриотизма, но и противоречила более правильной методологической предпосылке его оппонентов о самостоятельном развитии славянства.

Однако в итоге следует сказать, что заслуги Миллера в изучении истории Сибири и в собирании многочисленных и разнообразнейших исторических документов, хранящихся в знаменитых «портфелях», перекрывают его норманистские заблуждения. Отмечая большой вклад Миллера в развитие русской исторической науки в целом, укажем также на его исследования и материалы по некоторым частным, но важным вопросам, например по сибирской топонимике, которые, как и аналогичные сведения, собранные Татищевым и Ломоносовым, только теперь становятся предметом изучения,⁹² по составлению первой сводной

⁸⁹ Там же, лл. 47об., 24 об.; ср.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 23, 78.

⁹⁰ ЦГАДА, ф. 199, 48, № 2, лл. 48, 25.

⁹¹ Там же; см.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 40.

⁹² В. А. Никонов. А. Х. Востоков и сегодня нашей топонимике (150-летие статьи А. Х. Востокова). Известия АН СССР, т. XXII, 1963, отд. лит. и языка, вып. I, стр. 52.

библиографии карт и атласов, посвященных России (русских и иностранных),⁹³ по изучению историко-революционных сюжетов, в первую очередь связанных с восстанием Емельяна Пугачева.⁹⁴

Выдающаяся роль А. Л. Шлецера (1735—1809) в развитии немецкой историографии XVIII в. и, в значительной мере, русской исторической мысли уже достаточно полно отмечена в литературе. Напряженность и длительность спора о значении работ немецкого ученого для науки в России можно в какой-то степени сравнить с дискуссией, развернувшейся вокруг «Истории Российской» Татищева, продолжающейся свыше двухсот лет.

При изучении вопроса об историографическом значении Шлецера в русской исторической науке никак нельзя пройти мимо работ А. Н. Попова,⁹⁵ С. М. Соловьева,⁹⁶ П. Н. Миллюкова,⁹⁷ В. С. Иконникова,⁹⁸ Н. Л. Рубинштейна⁹⁹ и исследований историков ГДР — Э. Винтера,¹⁰⁰ П. Гофмана,¹⁰¹ К. Грау,¹⁰² Г. Шильферта¹⁰³ и др.

В историографии, начиная с М. В. Ломоносова и Ф. Эмина вплоть до нашего времени, существуют две диаметрально противоположные оценки роли Шлецера в развитии русской исторической науки. Одни исследователи (Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, П. Н. Миллюков и др.), считавшие, что русская историческая наука была заложена трудами иностранных ученых, работавших в Петербургской Академии наук, высоко оценивали

---

⁹³ Г. Ф. Миллер. Известия о ландкартах, касающихся до Российского государства с пограничными землями, также и о морских картах тех морей, кои с Россией граничат. «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие», 1761, ч. II, стр. 387—448, 483—527; см.: С. А. Клепиков. Сводный каталог русских географических атласов XVIII века. Советская библиография. Сб. статей и материалов, 1963, № 1, стр. 60—67.

⁹⁴ Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, стр. 101.

⁹⁵ А. Попов. Шлецер. Рассуждение о русской историографии. Московский литературный и ученый сборник на 1847 год. М., 1847, стр. 397—483.

⁹⁶ С. М. Соловьев. Август Людвиг Шлецер. «Русский вестник», 1856, № 8, стр. 489—533, а также: Собр. соч. Изд. «Общественная польза», стб. 1539—1576; Его же. Шлецер и антиисторическое направление. Собр. соч., стб. 1577—1616.

⁹⁷ П. Н. Миллюков, ук. соч., стр. 82—95.

⁹⁸ В. С. Иконников. Август Людвиг Шлецер. Историко-биографический очерк. Киев, 1911.

⁹⁹ Н. Л. Рубинштейн. Русская историография, стр. 150—166.

¹⁰⁰ Э. Винтер. Ломоносов и Шлецер. В кн.: Ломоносов. Сб. статей и материалов, т. IV. М.—Л., Изд. АН СССР, 1960, стр. 260—271;

¹⁰¹ P. Hoffmann. Lomonosov Bedeutung für die Erforschung der alten russischen Geschichte. Ebd., SS. 52—62; П. Гофман. Значение Ломоносова в изучении древней русской истории. В кн.: Ломоносов. Сб. статей и материалов, т. V. М.—Л., Изд. АН СССР, 1961, стр. 204—211.

¹⁰² С. Грау. Zur Stellung Tatischevs, Lomonosovs und Schlözers in der russischen Geschichtschreibung. Ebd., SS. 150—161.

¹⁰³ G. Schilfert. Schlözer als Historiker des Fortschritts. Ebd. SS. 115—131.

деятельность Шлецера. Другие историки, например (Н. Савельев-Ростиславич, В. О. Коялович и др.), подчеркивая отрицательное значение так называемой норманской теории в изучении истории Древней Руси, фактически отвергали почти всякие заслуги Шлецера и других иностранных ученых, работавших в русской Академии наук.¹⁰⁴ В литературе последних лет начинает складываться третья точка зрения, преодолевающая крайности двух предыдущих, которая исходит из следующего: несмотря на отрицательную роль норманизма в русской историографии, конкретные исследования иностранных ученых играли положительную роль в развитии русской науки.¹⁰⁵

Историографический обзор о Шлещере уместно начать со слов, сказанных свыше века назад. «Прошло много лет с тех пор, как имя Шлещера непрерывно повторяется почти в каждом сочинении по русской истории, — писал А. Н. Попов в 1847 г. — Его влияние так велико, что не только безусловные последователи его направления, но и те, которые дерзают восставать против него, на нем же, большею частию, основывают свои исследования. Уважение к его трудам достигло до такой степени, что его смело величают отцом русской истории. Название так громко, что каждому новому исследователю на поприще русской истории само собой приходит на мысль, в чем же состоит направление Шлещера, что сделал он для русской истории? Одни отвечают: все! Без него русская история не сделала бы шагу вперед; он первый внушил мысль о необходимости издания летописей и других памятников; он первый дал исторической критике ученое значение; он сделал первый шаг к ученой обработке русской истории и указал дальнейший путь своим последователям.

Заслуги Шлещера не так велики, возражают другие. „Резкий и полемический тон, сарказмы при обширной начитанности и весьма часто при справедливых замечаниях приобрели ему тот авторитет, которому не легко решаются противоборствовать юные, еще неопытные умы“. „Его критика основана на предположениях, подкрепляемых часто насильственными толкованиями летописи“. „Он не отец, но злой вотчим русской истории“». ¹⁰⁶

С. М. Соловьев считал Шлещера основоположником «исторического направления» в русской науке, начало которого было положено в шлещеровском «Несторе». «Шлещеру принадлежит

---

¹⁰⁴ См.: В. В. Мавродин, С. Л. Пештич, В. А. Якубский. Ценная публикация по истории русско-немецких культурных связей второй половины XVIII в. «История СССР», 1963, № 3, стр. 225—230.

¹⁰⁵ См., напр.: Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., 1961, стр. 16, 19, 93—95 и др.

¹⁰⁶ А. Попов, ук. соч., стр. 399—400; см. критику на выводы А. Попова у П. Н. Милюкова (ук. соч., стр. 144—145).

первый разумный взгляд на русскую историю», — писал он.¹⁰⁷ Соловьев расценивал отношение Шлецера к его историографическим предшественникам и современным ему историкам как пример достаточно беспристрастной характеристики. Отметив ошибочность утверждения Шлецера о том, что русская историография второй половины XVIII в. сделала шаг назад, Соловьев писал: «...несмотря на то, Шлецер все же умеет найти достоинства и в Татищеве, и в Щербатове, и в Болтине, его отзывы о них далеко не так неблагоприятны, как отзывы, которые мы встречаем во второй четверти XIX в., отзывы людей, не почтивших за нужное перед произнесением суда над писателем познакомиться с его сочинением».¹⁰⁸

П. Н. Милюков называл Шлецера реформатором русской науки.¹⁰⁹ В. С. Иконников также преувеличивал значение Шлецера в истории русской исторической науки.

Глава, посвященная Шлецеру в курсе «Русской историографии» Н. Л. Рубинштейна, несмотря на некоторые недостатки, отмеченные в свое время в печати, в частности, связанные с преувеличенным утверждением о том, что Шлецер стоял впереди не только русской, но и западноевропейской науки в проведении требований научности исторического изучения, является наиболее полной характеристикой научных заслуг немецкого историка перед русской наукой.

Историки ГДР в последнее время поставили ряд интересных вопросов, связанных с историей русско-немецких культурных и историографических связей в XVIII в., предоставив одновременно в распоряжение исследователей неопубликованные архивные материалы, дающие возможность по-новому осветить проблему взаимоотношений Татищева, Ломоносова и Шлецера.

Э. Винтер закономерно поставил вопрос о необходимости пересмотра отношений между Шлецером и Ломоносовым, так как, «несмотря на все противоречия, недоразумения и интриги, которые серьезно омрачили эти отношения», их нельзя сводить к переходящему психологическому недоброжелательству. По его мнению, «высокоразвитые национальные чувства» Ломоносова не могли пойти на уступку претензиям Шлецера потому, что русский ученый считал себя «признанным первым создателем русской истории».¹¹⁰ Ломоносовская антипатия к Шлецеру сказывалась и на характере полемики между ними. Ломоносов, например, «ловко использовал» против Шлецера его неудачное объяснение некоторых слов в «Русской грамматике».¹¹¹

---

¹⁰⁷ С. М. Соловьев. Собр. соч. Изд. «Общественная польза», стб. 1584, 1581.

¹⁰⁸ Там же, стб. 1579.

¹⁰⁹ П. Н. Милюков, ук. соч., стр. 82.

¹¹⁰ Schlözer und Russland, S. 5.

¹¹¹ Там же, стр. 6.

Как нам кажется, Э. Винтер несколько односторонне объясняет возникновение норманской теории слабым знанием Байером и Миллером (в начале) русского языка и той политической обстановкой, которая сложилась в России во время правления Анны Ивановны. Но, по его мнению, первое серьезное противоречие между Шлецером и Ломоносовым возникло не по поводу значения варягов в русской истории (как известно, вначале Шлецер отстаивал хазарское происхождение руси). Только в дальнейшем Шлецер подчеркивал, что варяги — «торговцы и наемники» — основали русское государство.¹¹² Отсюда преувеличение немецкого элемента в вопросе образования русского государства.

Немецкий историк считает, что Шлецер с уважением относился к Ломоносову, хотя и преувеличивал свои заслуги. Говоря о значении Шлецера, не надо впадать в крайность, как это делал, например, Бюшинг.¹¹³

Э. Винтер обоснованно критикует современную западногерманскую историографию (Х. Бренер и К. Биттнер), унаследовавшую от шовинистически настроенных историков XIX—начала XX вв. преувеличение роли Шлецера в развитии исторической науки в России. Вместе с тем он справедливо считает, что нет оснований впадать в противоположную крайность, отрицая положительное значение многолетних изысканий Шлецера в области древнерусской истории. Антиплебейский, бюргерский демократизм и его личное самонение привели Шлецера к ошибке в варяжском вопросе, серьезно помешали ему лучше ознакомиться с Россией и славянскими народами, — таково мнение Э. Винтера.

К. Грау выдвинул не менее важный вопрос: о месте трех виднейших историков — Татищева, Ломоносова и Шлецера в русской историографии. С их деятельностью, которая в основном развернулась в 40—70-х годах XVIII в., связан, по его мнению, «решающий этап в русском историописании» XVIII в. К. Грау в известной мере прав, когда считает, что деятельность Татищева, Ломоносова и Шлецера часто рассматривалась изолированно, тогда как этого делать нельзя, поскольку их творчество является звеньями одной историографической цепи.

Развитие историографии в XVIII в., по мнению Грау, в целом характеризуется переходом от летописного к прагматическому написанию истории. Определяющими факторами прагматического истолкования истории являются здравый смысл, опора на практику, рационализм в объяснении событий. В политическом отношении для историков прагматического направления, по его мнению, характерна поддержка абсолютизма; история всеми прагматиками, как правило, используется для решения злободневных проблем. Татищевский труд, по Грау, является по

¹¹² Там же, стр. 8.

¹¹³ Там же, стр. 28.

сути дела публикацией источников, ломоносовские же работы представляют прагматическое «изображение» истории, хотя, признает он, Ломоносов — превосходный знаток источников. К. Грау рассматривает Татищева и Ломоносова как своего рода соавторов, из которых первый, главным образом, собирал материалы, другой преимущественно обрабатывал. Татищев для него прежде всего практик, а Ломоносов, не историк-профессионал, понимая значение истории, занимался ею, уделяя главное внимание не методу, а цели. У Шлецера отношение к русской истории совсем другое, чем у Татищева и Ломоносова, так как, по мнению Грау, Шлецер ставил политические мотивы в своих трудах по истории, по крайней мере в начале своей деятельности, на второй план, выдвигая на первый науку. Шлецер был прав, считает Грау, когда, видя отставание России в изучении источников, стремился поднять научный уровень критического изучения источников русской истории.

Грау полагает, что неверно видеть в столкновении Ломоносова и Шлецера только национальный момент. Немалую роль сыграли и разница возрастов — это люди двух поколений, и ненормальная обстановка в Академии наук. В научном плане Ломоносова и Шлецера разделяло прежде всего, по мнению Грау, отношение к иностранным источникам по истории Руси. Он считает необходимым подчеркнуть, что критика Ломоносова была направлена не против трудов Шлецера, которые появились в основном после смерти русского ученого, а против его планов разработки древней русской истории и популяризации всеобщей истории и других знаний в России.

В итоге Грау делает вывод о том, что Татищев, Ломоносов и Шлецер — ступени в развитии русской истории. Труды Шлецера являются высшей ступенью, поскольку в них автор пытался синтезировать критику источников с научной разработкой истории. Намечая такую единую линию в развитии русской исторической мысли, Грау подчеркивает, что Ломоносов в большей степени, чем это раньше считалось, был связующим звеном между Татищевым и Шлецером. Однако, как нам представляется, следует более отчетливо подчеркнуть принципиальное различие в понимании Ломоносовым и Шлецером зрелости славянского общества в период образования древнерусского государства, а также то обстоятельство, что Шлецер не учитывал заслуг Ломоносова в разработке древнерусской истории.

А. А. Зимин, характеризуя Шлецера как одного из видных историков XVIII в., которые заложили основу научного источниковедения, пишет: «Исследования Шлецера по истории русской летописи имели большое значение как для развития методов исследования исторических источников, так и для разработки принципов издания летописи».¹¹⁴ По словам Зимина, кри-

¹¹⁴ А. А. Зимин. Schlözer und die russische Cronistik. В сб.: Ломоносов—Schlözer—Pallas, S. 132.

тика текста летописи носила у Шлецера рационалистический характер или, по другой уточненной формулировке, субъективно-рационалистический.¹¹⁵ Как историк Древней Руси, Шлецер намного слабее. Как правильно считает Зимин, в отличие от Грау, Шлецеру не удался синтез русской истории, поскольку в отношении принципиальных вопросов ее он повторял общие места современной ему академической историографии. Шлецер, деливший историков на три или на четыре категории (последнее в предисловии к книге Мабли): историк-собираатель (Geschichtssammler), историк-исследователь или историк-критик (Geschichtsforscher), историк-повествователь (Geschichtserzähler) или историописатель (Geschichtsschreiber) и, наконец, историк-художник (Geschichtsmaler),—не смог сочетать в себе всех этих качеств и подняться до научного обобщения древней истории России. Также нельзя не отметить, что Шлецер, обративший все свое внимание на изучение древнейшего периода русской истории, ограничил круг источников преимущественно летописными памятниками, недооценивая в какой-то степени актовый материал (по крайней мере, в 60-х годах).¹¹⁶

В целом, однако, нельзя не отметить, что деятельность Шлецера для русской исторической науки принесла много полезного и прежде всего в связи с ознакомлением русских историков с теми передовыми источниковедческими приемами, которые были выработаны в Западной Европе. Шлецер дал русской науке, как писал в свое время А. Е. Пресняков, то, чего больше всего ей не хватало, а именно: критический метод в изучении источников. Но заслуги его не исчерпывались этим. Обращаясь в 1768 г. в Академию наук, он писал о нескольких сторонах своей деятельности, идущей на пользу ей и России: руководство обучающимися в Геттингене русскими студентами, труды по изданию различных сочинений, распространение русской литературы и, наконец, «опровержение многих ложных слухов о русских делах и популяризации таких известий, которые бы содействовали славе России...»¹¹⁷ Хотя Шлецеру и не всегда было чуждо стремление несколько возвеличить собственные заслуги, на этот раз никак не скажешь, что он впал в преувеличение. Действительно, Шлецеру принадлежали первые конспективные обзоры русской истории, выпущенные на иностранных языках,¹¹⁸ которые содействовали ознакомлению с русской историей в России и за ее пределами. Недавно опубликованная переписка Шлецера содержит сведения о его статьях и заметках в «Гет-

¹¹⁵ Там же, стр. 135.

¹¹⁶ Ср.: П. Н. Милюков, ук. соч., стр. 54.

¹¹⁷ Schlözer und Rusland, SS. 221, 222; см. № 11, 77, 79, 80, 84, 85, 88 и др.

¹¹⁸ Probe russischen Annalen, 1768; Tableau de l'histoire Russie, 1769, переведенная тогда же на русский, итальянский и датский языки, и Geschichte von Russland, 1769.

тингенских ученых ведомостях», которые некоторое время являлись единственным зарубежным органом, печатавшим серьезные отзывы о трудах русских ученых. В 1766—1770 гг. Шлецер поместил в них рецензии на 13 изданий, в том числе на книгу С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (тт. 1—2, СПб., 1755), работы П. И. Рычкова «Топографию Оренбургскую» (тт. 1—2, СПб., 1762), «Опыт Казанской истории древних и средних времен» (СПб., 1767), на «Календарь или Месяцеслов исторический на 1768 г.», а также на весь комплект научно-популярного журнала Академии наук «Ежемесячные сочинения» за 1755—1764 гг.

В тех же геттингенских «Ведомостях» были напечатаны, видимо, инспирированные самим Шлецером, недоброжелательные рецензии на труды Ломоносова.¹¹⁹ В этих рецензиях упоминается Шлецер, трудам которого автор рецензии отдает явное предпочтение перед работами русского ученого. Произведения Шлецера также рецензировались на страницах геттингенского научного органа. Его «Опыт русских летописей» (1768) получил положительную оценку, хотя вызвал некоторые возражения.¹²⁰

Шлецер не без основания отмечал недостатки трудов по истории России, вышедших за границы. Он писал, что в них встречаются одни глупости о России. Такое категорическое суждение Шлецер распространял на целый ряд авторов, в том числе, и на «Историю Российской империи при Петре Великом» Вольтера. Справедливости ради надо сказать, что он делал известное исключение в отношении работ Миллера, писавшего, конечно, не за границы, а в России, т. е. имеющего необходимые сведения для правдивого освещения русской истории, хотя и считал, как известно, что последний отстал лет на тридцать от современного уровня развития науки.

Особо интересны отзывы Шлецера на публикации важнейших источников русской истории, к которым он, как известно, был сам причастен, а именно на «Нестора» (1767) и «Судебник» Башилова.¹²¹ В этих своеобразных авторецензиях Шлецер не преминул похвалить самого себя,¹²² хотя не обошел и соиздателя Башилова.¹²³ Наряду с этим Шлецер безжалостно критиковал неудачные произведения и издания. Он дал, например, уничтожающую оценку И. С. Баркову, впервые издавшему летопись Нестора по Кенигсбергскому списку. С еще большим пылом Шлецер выступал против поручения публикации «Судебника» А. Я. Полону, которого считал совершенно не подготов-

¹¹⁹ Lomonosov—Schlözer—Pallas, SS. 181—182.

¹²⁰ Там же, стр. 182, 184.

¹²¹ Schlözer und Russland, Nr 71, 90, 94, 104, 108 и др.

¹²² Там же, № 54, 58, 59, 60, 87 и др.

¹²³ С. Башилов, как писал В. П. Семенников (Материалы для истории русской литературы и для словаря писателей эпохи Екатерины II, Пг., 1915, стр. 12), «был одним из первых русских историков, понявших необходимость критического издания памятников старины».

ленным к такой работе.¹²⁴ Он писал: «Поленовский Судебник будет еще более позорной вещью, чем Барковский или Таубертский Нестор». Поэтому он предлагал передать издание Башилову, который сможет подготовить издание один, «поскольку четырехмесячные упражнения в таких вещах, как летописи, делают для него Судебник игрушкой».¹²⁵ Шлецер при этом восклицал: «О если бы Россия имела еще шестерых Башиловых, вовсе не глубоких ученых, не выученных историков, но только таких честных, аккуратных, добросовестных Башиловых».¹²⁶ Шлецер зло обрушивался на претенциозную «Российскую историю» Ф. Эмина, в которой автор путал хронологию, выдумывал писателей, неверно цитировал. «Позорная книга, равной которой не было во всей исторической литературе со времени изобретения книгопечатания», — писал Шлецер об Эмине.¹²⁷ Он высказал сожаление по поводу того, что Академия «жестоко себя протитует одним только тем, что позволяет печатать бесовестную книгу безумного злопыхателя».¹²⁸

Видное место в истории русской исторической мысли середины 60-х годов XVIII в. принадлежит шлецеровским соображениям по разработке русской истории. В автобиографическом произведении «Частная и общественная жизнь...», написанном на пороге XIX в., Шлецер подробно вспоминал о своем пребывании в России в 1761—1765 гг. Несмотря на 30-летний интервал, отделяющий события от их оценки, несмотря на субъективизм характеристик многих фактов и личностей, Шлецер оставил в этом произведении много интересных наблюдений, ценных выводов и соображений, имеющих непосредственное значение при изучении истории русской исторической мысли в России 60-х годов. Документы, относящиеся к планам и трудам Шлецера в области организации и разработки русской истории, представляют еще большую историографическую ценность. Впервые в опубликованном письме к Эпинусу от 6 марта 1764 г. Шлецер набросал обширную и подробную программу своих занятий историей России, рассчитанную на пятилетие.¹²⁹ Три месяца спустя им был представлен в Конференцию Академии наук «План о способе обработки древней русской истории», содержащий большой материал для суждения об историографических принципах Шлецера.¹³⁰ Неоднократно возвращаясь к этому сюжету в дальнейшем, ученый отстаивал свои взгляды на то, как надлежит писать исторические труды, как следует использовать источники, как их надо собирать и печатать.¹³¹ Осо-

124 Schlözer und Russland, Nr 60.

125 Там же, стр. 189, 188.

126 Там же, стр. 232.

127 Там же, № 71.

128 Там же.

129 Там же, № 1.

130 Там же, № 2.

131 Там же, № 71, 83 и др.

бенно любопытно письмо к Штелину (декабрь 1767 г.), в котором Шлецер излагает свою точку зрения на задачи публикации исторического источника, требуя воспроизводить текст без всяких корректив, т. е. с дипломатической точностью.¹³²

Шлецер одним из первых в 60—70-х годах XVIII в. познакомил русских историков с новейшими приемами «малой» и «большой» (т. е. внешней и внутренней) критики, что, в свою очередь, благотворно сказалось на издании первых источников русской истории. Шлецеровские планы организации разработки русской истории, несмотря на то, что они не были полностью реализованы Академией наук, положительно отразились на дальнейшем развитии исторической науки в России.

В упомянутом «Плане» 1764 г.,¹³³ а также в предисловии к первому русскому печатному изданию летописи Нестора (1767),¹³⁴ являющемуся в какой-то мере своеобразной второй редакцией или, точнее, вольным переложением «Плана» 1764 г., Шлецер формулировал знаменитый «критический метод». Если «План» долгое время опубликован не был, то его пересказ, появившийся в печати в середине 60-х годов XVIII в., сыграл значительную роль в распространении и развитии современных критических требований, столь необходимых для дальнейшего развития русской науки. Актуальность шлецеровского плана, в частности, видна из того, что Ф. Эмин сразу же объявил себя его сторонником.¹³⁵

Существенным отличием подлинного «Плана» Шлецера от его переложения явилось то, что составители предисловия к изданию Кенигсбергского списка вытравили критический дух метода, отказавшись от буквального воспроизведения текста источника. Это, как известно, привело к резкому падению научной ценности издания, которое до сих пор считается образчиком некритического отношения к тексту летописи. Издатели, естественно, исключили и антиклерикальные выпады Шлецера. Было выброшено утверждение о том, что без критики источников «английские деисты не одержали бы победы над религией». Но вторая редакция или переложение «Плана» имела и свои положительные стороны. В нем была приведена краткая историографическая справка о развитии исторических знаний во многих странах Западной Европы, в которой содержались интересные

---

¹³² Там же, № 67.

¹³³ Его перевод опубликован: *Общественная и частная жизнь Августа Людвиг Шлецера, им самим описанная*. Пер. с немецкого, с прим. и прилож. В. Кеневича. Сб. ОРЯС АН, т. 13, СПб., 1875, стр. 290—298; см. также, стр. 287—290, стр. 188—190. Подлинник в кн.: *Schlözer und Russland*, SS. 51—60.

¹³⁴ См.: Библиотека Российская историческая, содержащая древняя летописи, и всякия записки, способствующия к объяснению истории и географии российской древних и средних времен, ч. I. СПб., 1767, стр. 1—33.

¹³⁵ Ф. Эмин. *Российская история*, т. I. СПб., 1767, стр. XIII—XIV и сл.

сведения о первых публикациях источников — летописных и законодательных, об издании произведений по истории.

Впервые напечатанная Э. Винтером интереснейшая записка Шлецера об издании «Истории Российской» Татищева,¹³⁶ свидетельствует, что выход в свет труда первого русского историка был ускорен не без влияния шлецеровского представления. Одновременно этот документ подтверждает положительное отношение немецкого ученого (который в письмах не раз говорил об использовании «Истории Российской») к Татищеву. «Татишев — русский, — писал Шлецер, — он отец русской истории, и мир должен знать, что русский, а не немец сломал лед в русской истории». (В русском переводе публикации Э. Винтера в «Историческом архиве» эта фраза переведена не совсем точно: «... русский, а не немец явился первым творцом полного курса русской истории».) Шлецер высказал мысль, что одновременный выход в свет «Истории Российской» В. Н. Татищева, «Древней Российской истории» М. В. Ломоносова и «Казанской истории» П. И. Рычкова произведет «счастливую революцию» в отношении неблагоприятных слухов, распространяемых за границей, якобы в России запрещено публиковать исторические труды, подобные вышеперечисленным. Шлецер считал, что «История» Татищева должна стать основой для научной разработки русской истории, которую должен будет осуществить он, Шлецер. Однако нужно признать, что немецкий ученый был не прав, когда полагал, что ему за три года удастся «объять русскую историю в целом».

Кратковременное пребывание Шлецера в России (он прибыл в конце 1761 г. и уехал окончательно в 1767 г., состоя на службе в Петербургской Академии наук до 1770 г.) оставило глубокий след в русской науке.

Не будем останавливаться на конфликте и спорах между Миллером и Шлецером, его столкновениях с Ломоносовым, которые имели принципиальный характер, а также на причинах, заставивших немецкого ученого покинуть навсегда Академию наук в Петербурге. Ограничимся только финалом. Профессора истории и древностей И. Э. Фишер, математики С. К. Котельников, анатомии А. П. Протасов, не говоря о М. В. Ломоносове и Г. Ф. Миллере, признавали необходимым осуществлять разработку русской истории только в России. К этому мнению присоединялся и И. А. Эйлер, который, однако, считал возможным продолжать переписку по этому поводу с «знаменитым человеком», т. е. с Шлецером. Последний же упорно настаивал разрешить ему работать над русской историей за границей. Академия наук, со своей стороны, с еще большей категоричностью не соглашалась. Академия пошла на отставку Шлецера, что явилось

---

¹³⁶ Э. Винтер. Неизвестные материалы о А. Л. Шлецере. «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 187--188; Schlözer und Russland, Nr 61.

неожиданностью для геттингенского историка, потребовав от него предоставить библиотеке Академии все собранные им сведения и материалы по русской истории.

О том, что Шлецер был раздражен таким исходом дела, свидетельствует тон его ядовитого письма Эйлеру, официально уведомившему его об отставке. Вряд ли можно сказать, что Шлецеру была присуща скромность в оценке его собственных научных заслуг. Так, в этом письме он сообщал о материалах по русской истории, которые он собирал 15 лет, задолго до поступления на русскую службу. Он писал: «Обработана и напечатана лишь 1/50 часть их, так как я никогда ничего не обрабатываю, не будучи уверен, что оно пойдет в печать на следующей же неделе» (последнее вряд ли свидетельствует о научном сподвижничестве историка). Для обработки всего остального материала, находящегося «в таких черновиках, которые не прочтешь ни одному смертному», Шлецер требовал 10 лет времени и наличия универсальной библиотеки. Правда, он великодушно соглашался предоставить любому, занимающемуся в Петербурге русской историей, необходимые сведения, но при обязательном условии: упомянуть его имя при печатании и соблюдении «священного права собственности». Судя по этому же письму, Шлецер предполагал заняться кардинальными вопросами русской литературы: он думал самостоятельно работать над русскими летописями, или взяться за «сравнительное изучение всех славянских диалектов», или представить подробный «план изучения русской истории в последующие 20 лет». Однако вскоре было принято компромиссное решение: Шлецер мог не возвращать Академии наук собранные им материалы по русской истории, но статьи, написанные на основании их, он должен был присылать в Петербург.

В нашей исторической литературе правильно отмечено, что как Шлецер не мог обойтись без Академии наук для продолжения русских исследований, так в нем в то же время нуждалась и Академия. Поэтому они довольно быстро договорились об издании летописи в 8 частях и о написании популярной русской истории в карманном формате.

Решение об отставке Шлецера вступало в силу с 1 января 1770 г., а еще задолго до этого, в апреле 1769 г., Эйлер в письме к Миллеру признавал, что отставка Шлецера — большая потеря для Академии.¹³⁷ Сам Шлецер в 1770 г. писал в Академию, что перерыв в занятиях по русской истории особо недопустим, так как за границей начинают хвалить Академию именно за этот вид научной деятельности, жаловался на препятствия, которые чинятся его историческим работам.

---

¹³⁷ Ученая корреспонденция Академии наук XVIII века, стр. 493—404, 407—408, 134, 28, 112, 127, 266, 279; Schlözer und Russland, Nr 119, 129, 130.

В 1772 г. Шлецер сообщил об окончании «Всеобщей северной истории» и возвращении к работе над русскими летописями. В этом письме к Эйлеру Шлецер вновь напоминал о большом интересе широкой публики в Европе к русской истории. Секретарь Академии ответил немецкому историку, что Академия наук приняла решение немедленно напечатать его критическое издание летописей с особым вознаграждением. Но печатание Никоновской летописи шло медленно. Шлецер в 1775 г. опять жаловался на затяжку в работе над ней. Он доказывал ценность летописей как исторического источника и указывал на особую ценность Псковской и Новгородской летописей для обоснования исторических прав России на Польшу и Литву. История здесь перекликалась с политикой. Беспокойство Шлецера за судьбу своих исторических трудов и его настойчивые обращения в Академию заставляли некоторых думать о том, нельзя ли его заменить более покладистым историком.

В данной главе мы остановились на некоторых аспектах деятельности наиболее видных иностранных ученых, работавших в России. Кроме Миллера и Шлецера, в разработке русской истории во второй половине XVIII в. принимали участие Ф. Г. Штрубе де Пирмонт, И. Э. Фишер, И. Г. Штриттер, Ф. Г. Дильтей и т. д. Одни из них действительно добросовестно и плодотворно трудились над русской историей, другие больше думали «о ловле счастья и чинов», чем о науке.

Деятельность Миллера и Шлецера, несмотря на порочность иерманистской концепции, в целом должна быть расценена как большое положительное явление в русской исторической мысли. Дискуссии, проходившие с ними, также способствовали становлению науки русской истории.

ГЛАВА VI

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ «РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ» Ф. А. ЭМИНА И ПРОИЗВЕДЕНИЙ ЕКАТЕРИНЫ II

Федор Александрович Эмин (ок. 1735—1770) — человек экзотической биографии.¹ До сих пор точно не установлено, где он родился, где бывал до приезда в Петербург (май 1761 г.). Эмин преподавал итальянский язык в Сухопутном кадетском корпусе, затем работал переводчиком в Коллегии иностранных дел. Он был человеком, бесспорно, одаренным. Эмин владел девятью языками и оставил след в литературе не только как переводчик нескольких исторических книг,² но и как один из первых русских романистов, а также как издатель сатирического журнала конца 60-х годов («Адская почта»). В исследованиях последнего времени высказано предположение, что Эмин покончил жизнь самоубийством. Явные элементы авантюризма в его литературной деятельности не мешают в наше время причислять его к разночинскому направлению в общественно-политической жизни России 60-х годов XVIII столетия.³

¹ М. Н. Логинов. Русские писатели XVIII столетия. «Русская старина», 1873, т. 7, № 5, стр. 616—619; А - а - а. Материалы для библиографии о Ф. А. Эмине. «Библиограф», 1892, № 8—9, стр. 320—322; А. Лященко. Публицистический элемент в романах Эмина. СПб., 1898; Русский биографический словарь, т. «Щапов—Юшневский». СПб., 1912, стр. 228—232.

² За свою кратковременную деятельность он издал 25 книг. Эмин перевел с французского «Польскую историю» Солиньяка I и II тт. (СПб., 1763—1769); книги по истории Индии, Англии, Молдавии и Валахии и др.

³ Д. Д. Шамрай. К истории цензурного режима Екатерины II. В кн.: XVIII век. Сб. 3. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 202; П. З. Серман. Из истории литературной борьбы 60-х годов XVIII века (Неизданная комедия Федора Эмина «Ученая шайка»). Там же, стр. 207—225. — Автор этой статьи, говоря о романах Эмина, отметил их общую антидворянскую направленность; см. также: М. Арзуманова. Новое о Ф. Эмине. «Русская литература», 1961, № 1, стр. 182—186. — А. Западов в свое время писал, что Ф. Эмин «подобострастно относился к дворянству и власти» (А. Западов. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сь» и его литературное окружение. XVIII век. Сб. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 120).

Не будет преувеличением сказать, что Эмин с шумом вошел в историю русской исторической мысли, но место его «Российской истории» в развитии русской исторической науки все еще ждет своего определения. Об этом свидетельствует небольшая историографическая справка.

Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о Российских писателях» так писал об Эмине: «Он был человек острого и проныцательного разума, чтением наилучших древних и новых авторов на разных языках приобрел он великое просвещение; имел с природы критический дух и веселый нрав».⁴

В самом начале XIX в. об Ф. Эмине как историке высказались виднейшие историографические авторитеты — А. Л. Шлецер и Н. М. Карамзин.⁵ Шлецер еще в 60-х годах был резко отрицательно настроен против него. Он обвинял его в неверном цитировании, в выдумывании несуществующих авторов, на мнимые работы которых тот беззастенчиво ссылался, в невежестве и т. д. В «Несторе» Шлецер еще раз дал убийственную характеристику Эмина. Карамзин также иронизировал по поводу литературных достоинств романов и научных качеств исторического труда Эмина. В «Пантеоне российских авторов» (1801) он писал: «Самый любопытный из романов г. Эмина есть собственная жизнь его, как он рассказывал ее своим приятелям, а самый неудачный — Российская его история». Не ограничиваясь общим отрицательным отношением к Эмину как историку, Карамзин обвинял его в необоснованных ссылках на произведения, никогда не существовавшие.

В отличие от Шлецера и Карамзина, писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский положительно оценивал исторические труды Эмина. В журнале «Корифей или Ключ литературы», выходившем в Петербурге в 1802 г., он писал, следуя за Новиковым, акцентируя внимание на исторических трудах Эмина: «Муж сей был весьма словесен; знал многие европейские и азиатские языки; просвещен чтением наилучших древних и новых авторов и от природы имел критический дух, толь свойственный истории».⁶ Это дарование Эмина наиболее содействовало ему, по мнению Галинковского, в работе над русской историей, так как «очистило ее от предрассудков и показало светильник философии, от коего доголе отвращало глаза суеверное невежество».

Не оглашаясь с такой преувеличенной оценкой заслуг Эмина в вопросах философии истории, однако, заметим, что его теоретические представления, намного обогнавшие его собственную практику по написанию истории России, свидетельствовали о влиянии

⁴ Н. И. Новиков. Избр. соч. М.—Л., 1951, стр. 367—368.

⁵ См.: А. Л. Шлецер. Нестор, ч. I. СПб., 1809, стр. риз.; Сочинения Н. М. Карамзина, т. I. СПб., 1848, стр. 594, 595—596.

⁶ «Корифей или Ключ литературы», 1802, кн. I, стр. 106; см.: Ю. М. Лотман. Писатель, критик и переводчик Я. А. Галинковский. В кн.: XVIII век. Сб. 4. М.—Л., Изд. АН СССР, 1959, стр. 242.

передовой западноевропейской историко-философской мысли, в частности известного положения Вольтера о необходимости философии для исторического исследования.

Чтобы ярче представить Эмина как историка во всей сложности и противоречивости, не будет лишним привести характеристику, данную ему Г. А. Гуковским, который, проводя параллель Эмин-романист — Эмин-историк, писал: «В связи с романами Эмина должна быть рассмотрена и его „Российская история“. Эмин отнесся, однако, к написанию истории как и к созданию очередного своего романа. Оставив в стороне русские летописи и внимательное изучение трудов В. Н. Татищева и М. В. Ломоносова, он заимствовал факты и освещение их преимущественно из иностранных источников, не указывая последних. Общая концепция его монархическая, верноподданническая».

Ошибки и нелепости в работе Эмина вызвали сатирический стишок М. Д. Чулкова, напечатанный в его журнале «И то и се»:

Кто цифров не учил, по летописи строит
И Волгою берега Санктпетербурски моет, —
Дурак.
Кто взялся написать историю без смысла
И ставит тут Неву, где протекает Висла, —
Дурак.

Но тем не менее, «История» Эмина, по мнению Гуковского, давала читателю связный беллетризованный рассказ о событиях древней русской истории, рисовала фигуры князей и полководцев, изображая их героями, которых автор заставлял разговаривать языком 60-х годов XVIII в. Этот принцип, заключал Гуковский, «по существу не отличался от карамзинской манеры воспроизведения речи исторических персонажей».⁷

Таким образом, противоречивость историкографической оценки Эмина как историка налицо. Хотя научный авторитет Новикова и Галинковского не идет ни в какое сравнение с Шлецером и Карамзиным, но общественно-политическая позиция первых двух выгодно отличается от воззрений автора «Истории государства Российского». Что касается Шлецера, то при оценке того, насколько он был справедлив к Эмину, следует напомнить, что последний был первым критиком его абстрактной периодизации истории России.

В свое время С. М. Соловьев, считая Эмина представителем риторического направления, дал ему резко отрицательную оценку за то, что тот позволял себе «витийствовать», т. е. просто-напросто выдумывать речи, летописи и т. д.⁸ П. Н. Милюков, заостряя оценку, данную Соловьевым, продолжал развенчивать Эмина. Он полагал, что тот, следуя за Ломоносовым по пути

⁷ Г. А. Гуковский, Эмин. В кн.: История русской литературы, т. IV. Литература XVIII века, ч. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1947, стр. 261.

⁸ С. М. Соловьев. Писатели русской истории. Сочинения. Изд. «Общественная польза», стб. 1381.

литературной разработки истории, оставался в ней, как и в жизни, «авантюристом смелым и беззастенчивым». ⁹ «Очерки истории исторической науки в СССР» отнесли Эмина к разряду дворянских историков, а его произведение, основанное на трудах Татищева, Ломоносова и других, к числу работ, написанных на крайне слабом научном уровне. ¹⁰

Заслуживает внимания в историографической справке об Эмине-историке небольшая и малоизвестная статья А. А. Введенского, опубликованная еще в 1930 г. Ее автор назвал Эмина «незаяурядной фигурой» и отнес вместе с Татищевым к числу тех дворянских историков, которые, борясь с фальсификацией исторических источников, впервые выступили против аристократии. Объясняя условия, побудившие Эмина взяться за пужный и смелый для того времени труд, Введенский писал: «...источником его смелости и отваги в деле критики исторических документов была не столько ученая критическая настороженность, сколько нигилистическое отношение ко всем вообще источникам и литературным пособиям». Главной заслугой Эмина как критика традиционных официальных источников, по мнению Введенского, являлось то, что он «один из первых отважился на штурм дворянской, до сих пор незыблемой твердыни — Бархатной книги, где были официально изложены родословия знатнейших родов аристократии Московского царства, не вызывавшие сомнений ни у правительства, ни в широких кругах дворянства». ¹¹ Таким образом, антидворянская источниковедческая направленность выводов Эмина была отмечена в литературе начала 30-х годов нашего века.

В наше время Д. Д. Шамрай высказал предположение, что Эмин присвоил себе продолжение «Древней Российской истории» Ломоносова, нам неизвестное, и поэтому смог с необыкновенной быстротой опубликовать три тома «Российской истории» (I том — январь 1768 г., II том — февраль того же года и III том — октябрь 1769 г.). Изданию произведения Эмина покровительствовала Екатерина II, которая отпустила за счет Кабинета для печатания книги в типографию Академии наук большую для того времени сумму — 3119 рублей. Как установил Шамрай, Эмину покровительствовали также полковник А. А. Дьяконов и П. С. Свистунов, близкие к Екатерине II. ¹²

В «Российской истории» Эмин неоднократно критиковал Ломоносова и его «Древнюю Российскую историю». В предисловии

⁹ П. Н. Миллюков. Главные течения русской исторической мысли. М., 1898, стр. 33.

¹⁰ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 214 — Д. Д. Благой (История русской литературы XVIII в. Изд. 3. М., 1955, стр. 368) считает, что «История» Эмина лишена какой бы то ни было научности.

¹¹ А. Введенский. Фальсификация документов в Московском государстве XVI—XVII вв. Проблемы источниковедения. Сб. I, 1933, стр. 89.

¹² Д. Д. Шамрай. Ф. Эмин и судьба рукописного наследия М. В. Ломоносова. В кн.: XVIII век. Сб. 3, стр. 471—473.

к первому тому своего произведения он называет «Краткий Российский летописец» весьма краткой и темной летописью, а о «Древней Российской истории» говорит, что в ней «немало несходства», так как, по его мнению, Ломоносов не имел достаточного времени для сличения летописных списков. Из этого же предисловия можно предположить, что Эмин воспользовался продолжением ломоносовского труда. После критических замечаний о Ломоносове Эмин писал: «...однако же господин Ломоносов отворил мне путь к поправлению своей истории, к дополнению и продолжению оных». Если учесть, что первая часть ломоносовского труда, вышедшая в свет после смерти автора, в 1766 г., доводит изложение до 1054 г., а Эмин третью книгу заканчивал 1223-м годом, то казалось бы, легко согласиться с Шамраем, что Эмин, по-видимому, по распоряжению Екатерины II получил неизданные рукописи Ломоносова и бессовестно воспользовался ими, выдав труды великого ученого за свои.¹³ Однако вопрос о том, пользовался ли ломоносовским текстом Эмин, может быть решен только предположительно.

Деятельность Эмина как историка по сохранившимся документам может быть прослежена схематично. В 1767 г. он перевел на русский язык и представил к изданию произведение Вольтера «Историю Российской империи при Петре Великом».¹⁴ Однако данный перевод из печати не вышел. Эмин объяснил свой отказ от намерения издать перевод вольтеровского труда тем, что к этому времени появились печатные издания летописей (Несторовская, Никоновская и другие «Записки»). Поэтому он решил самостоятельно взяться за составление истории России. Меньше чем через три месяца Эмин представил в Академию новую книгу — собственный труд «Российскую историю». Несмотря на серьезные недостатки, отмеченные современниками, нельзя не учесть, что эта книга появилась в 1767 г., т. е. сразу же после «Истории» Ломоносова (1766) и непосредственно перед выходом в свет первой книги «Истории Российской» Татищева (1768). Эмин не отличался научной скромностью. Он, ссылаясь на знание польского, литовского, латинского, греческого, турецкого и татарского языков, считал, что они помогли ему написать достойное произведение, по его словам, полную историю «пространнейшего в свете государства, которая первый раз в свете издается».

При решении вопроса о зависимости работы Эмина от труда Ломоносова нужно учитывать совпадение периодизации «Рос-

---

¹³ Ф. А. Эмин сам себя выдает в одном из примечаний (см.: Ф. Эмин. Российская история, т. III, стр. 460), где он сообщает, что Ломоносов, Стрийковский и Петр Могила не соглашаются с Никоновской летописью о продолжительности болезни Всеволода III. В известных нам ломоносовских материалах об этом эпизоде нигде не сообщается (см.: Д. Д. Шамрай, ук. соч., стр. 473).

¹⁴ В. П. Семеновиков. Материалы для истории русской литературы, стр. 138—139.

сийской истории» с делением истории России у Ломоносова. Так, в первой части «Древней Российской истории» имеется глава «О дальней древности российского народа», и Эмин начал свой труд главой «О древности России», в которой в значительной степени повторил Ломоносова. Вторая книга Эмина, как и у Ломоносова вторая часть «Древней Российской истории», начиналась с Рюрика, и хотя он здесь и полемизировал с Ломоносовым по отдельным вопросам, но в целом следовал исторической концепции своего предшественника. Повторять Ломоносова Эмину было нетрудно, так как автор «Древней Российской истории» в этой части не так далеко ушел от традиционной схемы русского исторического процесса феодальной историографии.

Но тем не менее, несмотря на большую близость работы Эмина к труду Ломоносова, можно предположить, что он для продолжения своего произведения пользовался не готовым текстом ломоносовского труда, а теми отметками Ломоносова на рукописях библиотеки Академии наук, о которых в наше время стало известно благодаря разысканиям Г. Н. Моисеевой. По этим следам Ломоносова Эмину было легко воспользоваться материалом, который был размечен автором «Древней Российской истории». Это было сделать несложно еще и потому, как рассказывал сам Эмин, что он на несколько месяцев поселился в помещении библиотеки Академии наук.¹⁵

Таким образом, Эмин, недооценивал значение трудов своих предшественников — Татищева и Ломоносова, но на основании их трудов и, по-видимому, ломоносовских разметок на рукописях летописей, издал в короткий срок три книги «Российской истории», которые некоторое время давали все-таки самый полный обзор русской истории, доведенный до татаро-монгольского нашествия. Поэтому неудивительно, что одно время ссылки на произведение Эмина встречались наряду с ссылками на работы Ломоносова.¹⁶

Историографическую подготовку Эмина нельзя считать ни достаточной, ни систематической. Ознакомление с историей России Эмин начал с труда Татищева, конечно, еще в рукописи. Его отношение к произведению первого русского историка не столь отличается от отношения Шлецера или Карамзина, как это может показаться с первого взгляда. Татищева он без обиняк сравнивал с Нестором, считал его «Историю Российскую» новой летописью, в которой по сравнению с первой русской летописью

¹⁵ Ф. Эмин. Российская история... т. I, стр. XVIII.

¹⁶ Например, в «Краткой всеобщей истории» И. Фрейера, переработанной Х. А. Чеботаревым, русская история излагалась по Ломоносову и отчасти по Эмину (см.: И. Фрейер, ук. соч. М., 1769; «Благосклонному читателю» и стр. 261 и др.; см. также: Хронология, переведенная тщанием сочинителя философа дворянина, из науки, которую сочинил г. де Шеланы, дополнил г. де Лимьер... с прибавлением российской хронологии, подражая... историю г. Ломоносова... Эмина и Несторовой летописи, ч. I, М., 1782).

«несколько... потребных вещей пропущено». Кроме того, Эмин полагал, что Татищев не смог переварить той многочисленной литературы, которой он пользовался, и поэтому часто приходил к ошибочным выводам. Эмин довольно развязно отметил: «Он, собрав до тысячи книг, как сам пишет, так в несогласных оных запутался, что в своем предисловии пишет вещи, совсем с правдою несходные. Часто теми на которых ссылается, опровергает свое мнение, а изъясняя иных мнения, нередко оные затмевает».¹⁷

Правда, после того как критика заявила, что Эмин просто-напросто «ограничил» историю Татищева и «ему принадлежащую славу себе присвоил» (слова самого Эмина), он вынужден был в предисловии к III тому своей книги признать, что Татищев «великого почтения достоин за толь долговременный свой труд». (В I томе Эмин говорил о 10-летней работе Татищева над «Историей Российской», а в III томе — о 30 годах работы историка.) Но, как и раньше, Эмин настаивал на недостатках его труда, вытекавших из того, что Татищев «не знал многих языков, к основательному писанию нашей истории весьма потребных», а переводчики, «спеша получить цену за свои труды», не весьма к переводам были «прилежны».¹⁸

Повторяя Миллера, Эмин по-прежнему считал татищевскую «Историю» сводом летописей, не обработанных исторической критикой. Первая часть «Истории», по его мнению, была написана, как и исследование Г. З. Байера, на основании «мнений разных немецких историков», противоречивых и мало убедительных.¹⁹ Татищев «писал только точно то, — резюмировал Эмин, — что в древних российских летописях нашел, не смея ничего к оным прибавить, или что-нибудь в них политическою разборчивостью изъяснить, либо переменить», кроме, разве, одной хронологии, которую он, действительно, исправлял.²⁰

Эмин считал важным элементом исторического труда критику предшествующих историков. Хотя он и не оставил систематического историографического обзора, но его замечания в адрес историков XVI в.,²¹ высказывания в отношении Байера, Татищева, Ломоносова и других являются существенным показателем критической направленности Эмина. Историк, по его мнению, «в примечаниях критику употреблять неотменно должен, а особливо неправедные авторов мысли должно представлять в собственном их виде», в особенности идеи таких историков, как Байер, который может заразить и других «неправедными рассуждениями».²²

17 Ф. Эмин. Российская история, т. I, стр. XIII—XIX.

18 Там же, т. III, стр. VIII—IX.

19 Там же, стр. X.

20 Там же, стр. XI.

21 Там же.

22 Там же, т. I, стр. XXXIX.

К известным обвинениям Эмина по адресу Ломоносова сообщим еще о некоторых критических замечаниях автора «Российской истории».²³

Как видно из приведенных примеров, Эмин не мог понять степени зрелости древнерусского общества, допускал ошибочные толкования текста летописи и с точки зрения абстрактной рационалистической критики начисто отрицал те рассказы летописи, в которых легендарные эпизоды перемешивались с зерном исторической правды. Эмин не особенно разбирался в тонкостях русского летописания. Он привлек около дюжины рукописных списков летописей, не считая, по его словам, «множественных записок», из которых отдельные были писаны так, что он чувствовал себя как «в некотором темном... лесу», не всегда имея возможность их прочитать.²⁴

Что Эмин действительно плохо понимал летописи, в особенности в начале работы, свидетельствует его мнение о почти полном сходстве между собой тех двенадцати списков летописи Нестора, которыми он пользовался при работе над «Российской историей». Эмин, следуя примеру, как он писал, лучших историков, в том числе Шлецеру, принялся сличать разные летописные списки для того, чтобы «решить дела по большинству голосов». Но был крайне удивлен, когда нашел в них «великое согласие, так что с двенадцать летописей почти списаны с Нестора; и есть ли что в них прибавлено, то до российской истории не столько, сколько до чужестранной принадлежит».²⁵

Хотя неподготовленность Эмина в источниковедческом отношении не подлежит сомнению, тем не менее, он смог понять источниковедческое значение Нестора, летопись которого он считал важнейшим источником древнерусской истории. Эмин ценил в Несторе «беспристрастие и точность» и хвалил за небольшое количество баснословий, что выгодно отличало первого русского летописца, по его мнению, от всех остальных русских и иностран-

---

²³ Эмин не соглашался с Ломоносовым в толковании статьи 911 г. «О же-не»; критиковал за признание древнерусского законодательства во времена договоров с греками; обвинял Ломоносова и заодно Нестора за прибавление к тексту договора; исправлял чтенные летописи (вместо Свенельд писал Свентояд); отмечал ошибку в названии Изкорест вместо нужного Коростень; не соглашался с объяснением сватовства византийского императора к Ольге; сомневался в победе Святослава; протестовал против истолкования эпизода с князем Ильдеем; выступал против использования легендарных сюжетов; указывал на ошибки хронологии; обвинял Ломоносова в доверии к каждому автору (в частности, в отношении истории с Рогнедой и по поводу единороства богатырей, а также к сказанию о белгородском киселе); сомневался в истинности ссоры варягов со славянами и т. д. и т. п. (см.: Ф. Эмин. Российская история, т. I, стр. 126—127 и 130; 128, 130, 137, 186, 204, 248, 280—281, 284, 289—290, 290, 243—244, 305 и 345, 368—369).

²⁴ Там же, т. I, стр. XXVI.

²⁵ Там же, стр. XXIV—XXV. — Эмин жаловался на то, что ему было работать так трудно, что за месяц он не мог написать даже одной страницы (см. там же, т. III, стр. XXI).

ных летописателей.²⁶ Наоборот, Никоновскую летопись, привлекавшую своей полнотой и авторитетностью Миллера, а также в известной мере и Шлецера, он ставил невысоко. Эмин в духе Татищева писал о ней следующее: «...некоторым Никонов список весьма понравился, и издатель оного в своем к оному списку предисловии (издателем и автором предисловия был Шлецер.— С. П.), утверждает, что оный писан обстоятельнее и с правдою сходнее всех прочих российских летописей. А мне кажется, что ни в одной почти российской летописи, которые я в академической библиотеке читал, нет столько забобонов, сколько в оном списке. Оный будет, как объявляет издатель, состоять в девятой частях. Но есть ли из оного выбрать только то, что до российской истории надлежит (я здесь разумею такую историю, которую разумные люди читать могут), то из оного едва выдет один том действий, с правдою сходных; а прочие все будут наполнены грубым суеверием, несправедливым описанием действий греческих царей, и разными, больше смешными, нежели удивительными приключениями множественных колдунов и волшебниц».²⁷

Однако, дав такой отрицательный отзыв о Никоновской летописи, Эмин, когда закончил описание древнего периода русской истории, неизбежно вынужден был обратиться к ней и смягчить свое мнение об этом источнике, как, впрочем, и о Татищеве. «Для новейших писателей полной истории, — писал он о „Истории Российской“, — может быть лучшим основанием, нежели все прочие наши летописи, после Нестора писанные».

Несмотря на благоприятное отношение к Нестору, Эмин не считал его историком, как это делали многие исследователи в XVIII в., а его летопись отличал от истории. Произведение Нестора, по его мнению, это только записки (хотя имеющие государственную важность), так как в них нет ни оценки добродетелей и пороков, ни ссылок на использованные свидетельства, ни рассмотрения того, как из «настоящего проистекает будущее», не указаны и причины изложенных в тексте событий и т. д., т. е. в творчестве первого русского летописца нет «политического искусства».²⁸

«Российская история» Эмина не являлась научным трудом в строгом смысле этого слова. Тем не менее признание необходимости философии для истории, критика баснословных рассказов некоторых источников феодальной историографии и абстрактной периодизации русской истории, данной Шлецером,²⁹

²⁶ Там же, т. I, стр. XVIII.

²⁷ Там же, стр. XVII—XVIII.

²⁸ Там же, т. III, стр. XI, III.

²⁹ См. там же, т. I, стр. XI—XIII. — Пятичленная периодизация русской истории, данная А. Л. Шлецером впервые еще в 60-х годах, неоднократно повторялась в исторических произведениях XVIII в. Ф. Эмин за пятьдесят лет до Н. М. Карамзина подверг ее основательной критике. Он отметил, что такая периодизация заимствована Шлецером у католических богословов, разделявших историю христианства на такие же пять периодов: христианство рож-

а также литературная простота изложения и известная полнота исторического рассказа делали произведение Эммы не бесполезным для ознакомления с основами русской истории и некоторыми передовыми воззрениями на нее, которых, однако, сам автор не смог целиком применить при написании трехтомной «Российской истории».

О роли и месте в истории русской исторической мысли Екатерины II в последнее десятилетие ничего или почти ничего сказано не было. Между тем еще Н. А. Добролюбов писал о необходимости разбора взглядов императрицы, высказанных в «Записках касательно Российской истории». При этом Добролюбов высказал ряд ценных соображений, не потерявших значение до нашего времени.³⁰

Более раннее произведение, приписываемое Екатерине II, — «Антидот» еще менее привлекало историков русской исторической мысли. Заметим сразу же, что для науки не столь важно установить, кто был действительно автором «Антидота» или уточнить степень участия Екатерины в составлении «Записок касательно Российской истории», сколько определить общественно-политическое и историографическое значение этих произведений, памятуя о том, что не только прогрессивные, но и самые реакционные идеи имели большую силу воздействия на общество и науку.

После издания в 12-ти томах «Сочинений» Екатерины II в начале XX в.³¹ исследователи располагают достаточным материалом, чтобы судить об ее занятиях по русской истории, ее исторических интересах и о том, насколько они сказывались на ее публицистических и литературных произведениях.

Екатерина II, умеющая, по словам М. М. Щербатова, «ластовать безмерно и уважать человека, пока в нем нужда состоит,

---

дающее, утешенное, разделенное, победоносное и цветущее. Кроме того, как считал он, такое разделение истории носит абстрактный характер, так как может быть схоластически применено к истории любой страны, но не отвечает специфике русской истории.

³⁰ Н. А. Добролюбов. «Собеседник любителей русского слова». Издание кн. Дашковой и Екатерины II. 1783—1784. Собр. соч. в трех томах, т. I. М., 1950, стр. 5—90.

³¹ Сочинения имп. Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями акад. А. Н. Пыпина, тт. I—XII. СПб., 1898—1907. О работе Екатерины II над русской историей см.: А. Н. Пыпин. Исторические труды Екатерины II. «Вестник Европы», 1901, № 9, стр. 170—202; № 12, стр. 760—808, а также в кн.: Сочинения имп. Екатерины II, т. XI. СПб., 1906, стр. I—XXXVIII; В. С. Иконников. Императрица Екатерина II как историк. Военно-исторический вестник, 1911, № 1—2, стр. 13—24, а также: «Русский архив», 1911, вып. 7, стр. 305—316 и отд. оттиск. Киев, 1911; С. Н. Кологривов. Новонайденный труд Екатерины Великой. «Русский архив», 1908, кн. 6, и отд. оттиск. М., 1910; М. Мурзакевич. Кабинет Зимнего дворца имп. Екатерины II. ЖМНП, 1872, № 8, стр. 327—341; П. А. Гильдебрандт. Разыскания западнорусских летописей для Екатерины II. «Древняя и новая Россия», 1880, № 4, стр. 824—825; см. также: П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 333—334.

а потом, по пословице своей, выжатый лимон кидать», прекрасно понимала государственное значение исторических знаний и использовала их умело и постоянно. «Антидот», «Записки касательно Российской истории» и другие публицистические и литературные произведения ее подтверждают данное мнение. Императрица, занимаясь русской историей около четверти века, без стеснения использовала работы отечественных историков. Непрочь была она для восхваления своей собственной персоны привлечь и перо европейски известных писателей. Она, например, беззащитно обращалась к Вольтеру с предложением написать «Историю Екатерины II», обещая ему выслать необходимые материалы. Ее намерения использовать авторитет энциклопедистов известны. Правда, французские просветители долгое время, в свою очередь, надеялись с помощью Екатерины II добиться распространения наук и цивилизации в России,³² считая, что она осуществит и необходимые социальные преобразования.

Екатерина II интересовалась русской историей не только при «волосочесании», но и в часы, специально отведенные для этой работы. Если даже учитывать, что в составлении «Записок касательно Российской истории» участвовал большой коллектив, тем не менее следует признать, что императрица достаточно самостоятельно и собственноручно написала текст объемистого произведения. Кроме того, нужно помнить, что Екатерина была причастна к «Антидоту» («Противоядию») — яркому историко-публицистическому произведению просвещенного абсолютизма, в котором рассматривались многие общие вопросы русской истории. «Историческое представление из жизни Рюрика» и другие работы императрицы подтверждают ее внимание к истории.

Историографическое значение «Антидота» в нашей литературе почти не учитывалось.³³ Между тем это произведение важно не только для историков русской общественной мысли или для изучения русской истории XVIII в. (здесь представлен один из первых опытов истории дворцовых переворотов), но и собственно для истории исторической науки. «Антидот» является промежуточным звеном между В. Н. Татищевым, с одной стороны, М. М. Щербатовым и И. Н. Болтиным — с другой. Если «Антидот» характеризует взгляды Екатерины II, свойственные первому периоду внутренней политики царизма — до Крестьянской войны, с его политической так называемого просвещенного абсолютизма, то «Записки касательно Российской истории» отразили усиление реакции в стране после поражения Крестьянской войны и начала французской революции. Если в «Антидоте» высказаны предположения теоретического порядка об общности законов исторического развития России и стран Западной Европы, а также о феодализме в России, то «Записки», подготовленные к началу

³² См.: И. К. Луппол. Дени Дидро. М., 1960, стр. 96—97 и др.

³³ См.: В. Г. Мирзоев. Историография Сибирь (XVIII век). Кемерово, 1963, стр. 178—183.

80-х годов и продолженные в 90-х годах, свидетельствовали с начала кризиса в развитии официальной господствующей дворянской историографии, проявившегося в отходе от проблемности в историческом изучении и в затушевывании острых тем русской истории, фактов классовой борьбы в первую очередь.

Обзор литературы об «Антидоте» сделал А. Н. Пыпин.³⁴ История появления этого произведения до сих пор до конца неясна. Посетивший Россию в 1761 г. французский астроном аббат Шапп д'Отерош с целью наблюдения редкого явления — прохождения Венеры через диск Солнца, вернувшись на родину, опубликовал в 1768 г. книгу «Путешествие в Сибирь», наделавшую много шума.³⁵ Еще до ее напечатания М. В. Ломоносов высказал опасения, что те материалы, которые вывез из России французский астроном, могут быть им использованы «России в предосуждение».³⁶

Русское правительство было обеспокоено книгой д'Отероша и решило реагировать на нее. В 1770 г. без указания места печати на французском языке вышла книга под названием «Антидот».³⁷ Одни исследователи приписывали ее авторство Екатерине II (митрополит Евгений, П. К. Щербальский, П. П. Бартнев и в особенности А. Н. Пыпин), другие категорически отрицали (В. А. Бильбасов). Не будем останавливаться на литературе вопроса и отошлем интересующихся к статье А. Н. Пыпина. Со своей стороны скажем только, что вся обстановка появления такой острой книги, какой, бесспорно, является «Антидот», свидетельствует о причастности Екатерины II к ее выходу в свет. Насколько императрица была самостоятельна в написании этого произведения, судить не беремся, но, учитывая ее манеру работать над материалами русской истории, можно предположить, что она вложила большую долю труда в эту книгу и, главное, дала ей определенное общественно-политическое и историографическое направление.

Самые интересные оценки общественно-политической и в известной мере научной ценности «Антидота», пожалуй, даны Д. Дидро и А. С. Пушкиным. Дидро хорошо был осведомлен об отрицательных сторонах государственной и социальной жизни самодержавной и крепостнической России, но верил в великое будущее этой страны, думая, что Екатерина II осуществит необходимые преобразовательные мероприятия.³⁸ Поэтому он реши-

³⁴ См.: А. Н. Пыпин. Кто был автором «Антидота»? В кн.: Сочинения имп. Екатерины II, т. VII. СПб., 1901, стр. I—VI.

³⁵ Chappe d'Auteroche. Voyage en Sibirie, fait par ordre du roi en, 1761. Paris, 1768.

³⁶ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 9, 1955, стр. 416—417.

³⁷ В этом же, 1770, году она вышла на французском языке в Амстердаме. а в 1772 г. — в английском переводе в Лондоне.

³⁸ См.: В. И. Чумарев. Французские энциклопедисты XVIII века об успехах развития русской культуры (По новым материалам). «Вопросы философии», 1951, № 6, стр. 179—193.

тельно осудил книгу д'Отроша, отрицавшего способность русского народа к духовному прогрессу. Но еще больше он возмущался «Противоядием». «Тот, кто писал опровержение на Шаппа, заслуживает еще большего презрения своим низкопоклонством... чем Шапп своими ошибками и ложью», — писал Дидро.³⁹

В небольшой заметке о «„Путешествии в Сибирь“ Шаппа д'Отроша» (1836) А. С. Пушкин отметил, что из иностранцев, посетивших Россию в XVIII в., он «заслуживает особенного внимания», но о его книге — писал не без двусмысленности, объясняемой, по-видимому, цензурными требованиями, следующее: «В 1768 году аббат напечатал свое путешествие, которое смелостью и легкомыслием замечаний сильно оскорбило Екатерину, и она велела Миллеру и Болтину отвечать аббату».⁴⁰ Последнее неточно, но наверняка свидетельствует о том, что Пушкин высоко ставил научно-литературные качества «Противоядия», когда считал, что его авторами были два таких видных историка.

В кругах, близких к Екатерине II, появление в годы русско-турецкой войны произведения д'Отроша было расценено как дипломатическая диверсия, рассчитанная на подрыв военно-политического и экономического авторитета России в глазах общественного мнения Европы. В «Антидоте» читаем: «Видя, что вся Европа имеет высокое мнение о могуществе России и что это мнение может сделаться слишком влиятельным и губительным для вечных проектов враждебной ее политики, они постарались ослабить его в этой книге и доказать, что Российская империя далеко не так страшна, как это думают, за неимением сведений. И под предлогом наблюдений над прохождением Венеры по солнечному диску, они принялись оценивать по-своему источники нашего могущества, то есть выставлять в ненавистном свете образ нашего правления, особенности и характер народонаселения. Кроме того, они занялись умалением годовых доходов государства, его сухопутных и морских сил, численности населения, производительности торговли и рудников, качества земель. За то они постарались, сколько могли, преувеличить протяжение лесов, пустынь и болот. В России, однако же, не более сообщительны относительно подобных текущих правительственных данных, чем где бы то ни было».⁴¹

Автор или авторы «Антидота» были не только критиками, но и апологетами. Накануне Крестьянской войны под руководством Е. И. Пугачева и достаточно грозных событий, предшествующих ей (например, восстание в Москве в 1770 г.), они рисовали идиллическую картину положения народа в России. Обрушиваясь на

³⁹ См.: Дени Дидро. Соч., т. 9. М., Гослитиздат, 1940, стр. 210.

⁴⁰ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в десяти томах, т. 8. М., Изд. АН СССР, 1958, стр. 145—146 и см. стр. 559.

⁴¹ Оснадцатый век. Исторический сборник, кн. IV. М., 1869, стр. 298—299.

Шаппа д'Отероша, Екатерина II писала: «Цель аббата — представить русский народ одичалым и погруженным в крайнюю нищету; он хочет, чтобы все было дурно, подумаешь, что он подкуплен для того, чтобы все представлять в мрачном и ненавистном свете. Откройте глаза, г. аббат: вы обманываете только себя. Эта мнимая нищета не существует в России; русский крестьянин во сто раз счастливее и достаточнее, чем ваши французские крестьяне; он знает, что следует ему платить, между тем как у вас есть провинции, в которых принуждены питаться каштанами и даже не знают названия своих повинностей: столько их возложено на них. В России на народ налагают повинности лишь в той мере, в какой известно, что он их может нести; но у вас на эти мелочи не смотрят; только и хлопочут о том, как бы изобретать новые источники дохода, новые налоги».⁴²

В особенности Екатерину возмущали свидетельства французского путешественника о тяжелом и несправном положении крестьян, мало чем отличающемся от состояния рабов. «Как может г. Шапп говорить, что „человек в России есть товар?“ — вопрошала она. — Не подумаешь ли, что люди продаются у нас на рынке, как в Константинополе, и как французы и англичане покупают негров на берегах Африки? Ничего подобного нет. Земледельцев продают вместе с землею; случается также, что люди небогатые, когда хотят отделаться от лакея, которым они недовольны, уступают его за деньги другому господину. Но когда автор говорит: „часто из объятий матерей вырывают детей для того, чтобы продавать их лицам, преданным разврату“, то он, по своему обыкновению, обобщает совершенно напрасно».⁴³ Из этой цитаты видно, что д'Отерош задел за живое русских крепостников, которые ничего не нашли лучше, как сослаться на то, что положение крестьян во Франции еще хуже. Кстати, такой полемический прием бумеранга был свойствен Болтину в его критике Леклерка.

В теоретическом отношении наиболее ценными являются мысли, разбросанные в «Антидоте», утверждающие общность законов исторического развития России и стран Западной Европы. Хотя они и были высказаны только в порядке отдельных параллелей по некоторым вопросам отечественной истории, тем не менее даже в таком бессистемном изложении они свидетельствовали о стремлении уловить общность законов в истории. Конечно, надо учитывать и то обстоятельство, что теоретизировать легче, нежели практически применять теоретические положения к истории России, но сам факт обращения к вопросам теории исторического процесса весьма знаменателен. Высказывания «Антидота» об общности исторических судеб России и Запада были сделаны в связи с констатацией одинаковых темпов развития до начала XVII в., сходства государственного управления и

⁴² Там же, стр. 246.

⁴³ Там же, стр. 409—410.

правов, судеб власти патриархов и прочего. Но особый научный интерес представляют соображения о феодализме в России. В «Антидоте» читаем: «Россия управлялась, имела приблизительно те же нравы, шла тем же путем и находилась почти на одном уровне, как и все государства Европы». ⁴⁴ Кстати, нужно отметить, что авторы «Антидота» достаточно гибко судили о влиянии западноевропейской культуры на быт и нравы населения России. «Для того чтобы определить, насколько европейские нравы распространились в России, следовало бы войти в большие подробности; лишь тогда можно было бы сказать, что то-то было занесено к нам, а это осталось; то-то выработано нами, а это произошло от смеси старинных нравов с новыми». ⁴⁵ Авторы «Антидота» считали, что Россия развивалась до конца XVI столетия таким же темпом, как и другие народы Европы: «... до царствования царя Федора Ивановича мы шли ровным шагом со всеми прочими нациями Европы, за исключением, быть может, Италии, и лишь смуты, последовавшие за смертью этого государя, замедлили наше развитие». ⁴⁶ Общность исторического развития, по мнению авторов «Антидота», восходит к первым векам русской истории, с момента разделения страны на уделы, имевшего гибельные последствия. «Россия, как и Франция, — писали они, — претерпела много смут от того, что со времени великого князя Владимира существовал обычай давать принципам крови весьма значительные уделы». ⁴⁷

Происхождение феодальных порядков, точнее, поместной системы они целиком связывали с военными потребностями государственной власти в России. Говоря о трех способах комплектования армии, они проводили такие историко-сравнительные параллели: «Первый и самый древний (его теперь употребляют лишь турки), — состоит в том, что раздавались земли, называемые у вас фьефами, у турок тимарами, у нас поместьями с обязательством выводить в поле, по востребованию, известное количество людей. Петр Великий и императрица Анна подарили эти фьефы и связанную с ними повинность дворянам, владеющим ими». ⁴⁸ Авторы хорошо различали два вида земельной собственности: «В России, — писали они, — с незапамятных времен были земли двух разрядов: одни из них были наследственные и принадлежали дворянству на правах собственности; другие были фьефами, которые правительство раздавало за военные повинности. Это владетели фьефов, или помещики...» ⁴⁹

⁴⁴ Там же, стр. 289.

⁴⁵ Там же, стр. 385—386.

⁴⁶ Там же, стр. 424—425, — Позднее Екатерина II уточнила, что «беспорядки» после смерти Ивана Грозного отодвинули Россию на 40—50 лет назад (А. Пыпин. Исторические труды имп. Екатерины II. «Вестник Европы», 1901, № 12, стр. 761).

⁴⁷ Оснадацатый век, стр. 320.

⁴⁸ Там же, стр. 304.

⁴⁹ Там же, стр. 314.

Если мысли, изложенные в «Антидоте», об аналогии развития России и Запада были, без сомнения, новым словом в развитии русской исторической мысли, то взгляды на историю закрепощения крестьян в России были лишены всякой оригинальности. Они были высказаны коротко и откровенно в крепостническом духе. Не утруждая себя ученой аргументацией, авторы «Антидота» писали: «Царь Федор Иванович счел нужным прикрепить земледельцев к земле, ибо так как Россия тогда была менее населена, чем теперь, то те, которым не хотелось работать, уходили в места необитаемые, где жили, как хотели, от чего происходили по дорогам грабежи и разбои. Чтобы устранить это зло, земледельцев прикрепили к земле и подчинили ее владетелю».⁵⁰

История дворцовых переворотов в XVIII в. была более или менее систематически изложена одним из участников последнего дворцового инцидента — Екатериной II. В полемике с аббатом Шаппом д'Отерош она дала общую оценку дворцовых переворотов в России и привела много интересных подробностей. Предвзятость и тенденциозность императрицы не менее односторонна, чем пристрастный рассказ Шаппа, но если последний писал в разоблачительном духе в отношении судеб царского трона, то императрица, разумеется, в апологетическом. По вопросу о месте дворцовых переворотов и революций в истории России Екатерина II имела определенное мнение. Классовую борьбу крепостного крестьянства в начале XVII в. она квалифицировала как смуту, которая, однако, по ее мнению, не могла породить революцию: «Все эти смуты, наделавшие столько шуму в Европе, не произвели революций, и были усмирены без труда». Но Екатерина II считала революциями те дворцовые перевороты, которые опирались на «голос народа». В «Антидоте» имеются пространные соображения по этому поводу: «Аббат сказал: „Безпрестанные революции, испытанные Россиею, подготавливали новые перевороты, облегчали их совершение“. Я на это скажу вещь, которая удивит многих, а именно, что в России никогда не происходило революций, разве когда нация чувствовала, что впадает в ослабление. У нас были царствования жестокие; но мы всегда с трудом переносили лишь царствования слабые. Наш образ правления, по своему складу, требует энергии; если ее нет, то недовольство делается всеобщим, и вследствие его, если дела не идут лучше, происходят революции. У нас никогда не происходило такой, для которой нельзя было бы отыскать достаточных поводов в событиях; никогда они не были делом прихоти. Всякие козни, не опиравшиеся на голос народа, постоянно оказывались несостоятельными».⁵¹

Особенно красноречиво Екатерина описывала дворцовый переворот, в котором она была главным действующим лицом.

---

⁵⁰ Там же, стр. 328.

⁵¹ Там же, стр. 299.

О Петре III она писала: «...этот государь имел вокруг себя людей достаточно безразсудных, чтобы внушать ему против своего народа ненависть, которой он не скрывал... Все видели, что гибель империи была бы следствием царствования, во время которого благоразумие и справедливость не управляли бы государем, и слово „отечество“ сделалось бы преступлением. При таких обстоятельствах всякое государство близко к революции. Она совершилась 28 июня 1762 г. ст. ст., и никогда событие не совершалось более кстати, чтобы спасти государство, близкое к гибели».⁵²

В «Антидоте» можно встретить различные соображения в отношении отдельных сюжетов русской истории. Например, автор произведения сочувственно отзывался о Борисе Годунове, считая, что жестокости, приписываемые ему, являются «мнимыми злодеяниями». Такое несправедливое отношение потомства к Борису, по мнению Екатерины II, связано с тем, что «этот государь был несчастен, а несчастные всегда виноваты».⁵³ Небезынтересно и соображение о предшественниках Петра I в деле преобразования России: «Реформа, предпринятая Петром Великим, была начата царем Алексеем Михайловичем и его старшим сыном царем Федором Алексеевичем. Этот последний уже приступил к изменению одежды и многих других обычаев».⁵⁴ Показательным для характеристики взглядов автора «Антидота» на историю являются соображения об истории законодательства в России. «...Римские законы были введены у нас вместе с христианством, — написано в книге, — ибо они входили в состав законов церковных; что великий князь Ярослав, отец святого Александра Невского, велел изложить письменно составленные им законы, которым служили образцом древние законы новгородские; эти же последние не отличались ничем от тех, которым тогда следовал почти весь Север. Царь Иван Васильевич велел составить новое уложение; царь Алексей Михайлович другое».⁵⁵ (Екатерина II или ее руководители спутали отца Александра Невского с Ярославом Мудрым, приписав первому «Русскую правду».)

Таким образом, «Антидот» сыграл определенную роль в разработке некоторых теоретических проблем (прежде всего, в вопросе общности законов исторического развития России и Западной Европы) и освещении отдельных эпизодов новейшей отечественной истории (например, истории дворцовых переворотов). Кроме того, это произведение, непосредственно вышедшее из правительственных кругов (поэтому неважно, кто был его автором), проникнутое апологией крепостничества и само-

---

⁵² Там же, стр. 317—318.

⁵³ Там же, стр. 290—291.

⁵⁴ Там же, стр. 383.

⁵⁵ Там же, стр. 290.

державия, оказало влияние на последующую историко-полемическую литературу (прежде всего, на Болтина).

Наиболее известным историческим произведением Екатерины II являются «Записки касательно Российской истории», которые заполнили почти половину журнала «Собеседник любителей российского слова», издаваемого Е. Р. Дашковой и Екатериной II. В 16-ти книгах журнала за 1783—1784 гг. они заняли, по подсчету Н. А. Добролюбова, 1348 страниц из 2800 всего двухгодичного комплекта.⁵⁶

В. Н. Бернадский был прав, когда писал, что «упражнения Екатерины II в области истории, не представляющие никакой научной ценности, заслуживают, однако, внимания как попытка дать с высоты престола освещение русского прошлого, отвечающее интересам русского самодержавия».⁵⁷ Действительно, Екатерина II придавала своему труду государственное значение. Отвечая на замечания историка Штриттера, она писала: «Я нашла во многом здравую критику „Записок касательно Российской истории“; но что написано, то написано: по крайней мере, ни нация, ни государство во оных не унижено».⁵⁸ В журнале «Собеседник любителей российского слова» издатели, не стесняясь, подчеркивали эту же мысль: «...сия книга заключает в себе российскую историю, каковой еще не бывало»; «...сии записки, собранные рукой истинного и нелицемерного любителя российского народа, дали сему изданию некоторую степень важности и сотворили оное книгою, полезною каждому россиянину».

Добролюбов справедливо считал, что Екатерина II в этом произведении «дала образец своих взглядов на историю».⁵⁹ Русская императрица в условиях усиления дворянской реакции после подавления крестьянской войны и назревания революционных событий на Западе старалась направить развитие и распространение исторических знаний в угодном ей духе. Добролюбов в подцензурной статье об этом писал достаточно ясно. Сказав о том, что Екатерина II была озабочена «гибельными последствиями» европейских влияний, он отметил: «...императрица продолжала покровительствовать наукам, только решилась сама наблюдать за правильным ходом развития понятий нашего общества. Зная всю важность наук исторических в этом

---

⁵⁶ «Записки касательно Российской истории» были переизданы с дополнением в 1787—1794 гг. в 6 частях. Кроме того, отдельно выходили первая часть «Записок», а также «Выпись хронологическая из истории Русской». О последнем издании см.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800, т. I. М., 1962, № 2133. Третье издание 1801 г. Лучшее и полное издание «Записок» см.: Сочинения имп. Екатерины II, тт. VIII—XI. Под ред. А. Н. Пыпина. СПб., 1901—1906.

⁵⁷ В. Н. Бернадский. А. Н. Радищев об истории Великого Новгорода. Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. Герцена, т. 170, 1958, стр. 72.

⁵⁸ Сочинения имп. Екатерины II, т. XI. СПб., стр. IV.

⁵⁹ Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. I, стр. 33.

случае, она сама принялась за историю и в своем труде дала образец своих воззрений на то, каким путем должны развиваться в России исторические знания». ⁶⁰

Автор «Записок касательно Российской истории» декларативно признавала общность исторического развития России и Запада и сравнивала отдельные эпохи русской истории с современным состоянием стран Европы, но при написании беззащитно пользовалась двумя основными приемами: фальсификацией и реабилитацией. По словам Добролюбова, «автор умел набросить на все темные явления русской жизни и истории какой-то светлый отрядный колорит». ⁶¹

Русская императрица, хотя и была чистокровной немкой, тем не менее в своих исторических штудиях следовала за выводами русской национальной историографии. Это наиболее отчетливо проявилось в вопросе о происхождении руссов и призвании варягов. Екатерина II считала скифов единоплеменными со славянами и объявляла варягов также славянскими племенами. Коренным населением северной России, по ее мнению, были руссы. Между варягами, славянами и руссами издавна установились прочные связи. Поэтому неудивительно, что перед самой смертью Гостомысл указал своим согражданам на Рюрика с братьями как на людей, хорошо им известных и достойных быть их правителями.

Екатерина II, как известно, во всех случаях последовательно проводила идеи реакционного панславизма. В ее представлении славяне в древности были столь многочисленны, что они дали название почти всем или многим горам, рекам и городам европейского континента. В наше время звучат анекдотом соображения Екатерины о происхождении названий городов — столиц некоторых европейских держав. Так, она связывала название столицы Австрийской империи «Вена» с русским словом «веник», а название столицы Испании «Мадрид» — с русским глаголом «мудрить» и т. д. В таком же панславистском духе Екатерина II писала в «Выписках из шести томов Блакстона, толкователя аглицких законов» о славянском происхождении английских учреждений: «...быть может, что Англия и сама Америка славян имела законодавцами, от чего и сходство в учреждениях». ⁶²

Интерес Екатерины II к сравнительному языкознанию сказался в ее активном участии в сборе материалов для «Сравнительного словаря 1784 года». Это, бесспорно, нужное мероприятие было поставлено на широкую ногу. Словник был разослан по всему государству и многим иностранным ученым. Материалы для сравнительного словаря представляли губернаторы и посланники. Сам Г. Вашингтон содействовал в США сборанию

⁶⁰ Там же, стр. 20.

⁶¹ Там же, стр. 22.

⁶² С. Н. Колосгривов. Новонайденный труд... Киев, 1911, стр. 2.

необходимых известий. Словник был также послан в Китай и Бразилию.⁶³

Автор «Записок» изобразил историю России в духе господствующей феодальной историографии как историю князей и царей. Добролюбов по этому поводу в свое время писал, что Екатерина II пыталась представить историю России как результат благотворной деятельности правительства. Поэтому в духе старой летописной историографии она старалась «представить всех князей русских сколь возможно более чистыми и высокими личностями».⁶⁴

Екатерина всячески затушевывала хорошо известные по летописным источникам факты, связанные с классовой борьбой в средневековой Руси. Она пыталась замолчать все известия о вольностях и правах новгородцев. Правда, в числе исторических заметок, не вошедших в текст «Записок касательно Российской истории», имеются более основательные рассуждения Екатерины II по ряду вопросов русской истории, в том числе и о Новгороде, например о причинах «споров и ссоры новгородцев со князи», по вопросу определения «по волостям властителей, судей и сборщиков» или свидетельство о деревнях в районе Копорья и Нарвы, жители которых называли себя даже в XVIII в. варягами.⁶⁵ Однако многочисленные заметки на различные исторические, географические и экономические сюжеты Екатерины, свидетельствующие о разнообразии интересов, показывают ее дилетантизм.⁶⁶

В заключение следует также отметить общую антибуржуазную направленность исторической концепции Екатерины II. Творцами истории в представлении автора «Записок касательно Российской истории» были только князья, а не представители городского сословия. Императрица писала: «Нация отнюдь не повиновалась бургомистрам, но следовала за начальниками или князьями, в которых находили взгляды или личные достоинства, внушавшие ей доверие, нужное для успеха их предприятий».⁶⁷

Из переписки 90-х годов императрицы с Сенак де Мельяном видно, что Екатерина еще более стремилась взять в свои руки историю. Как всегда лицемера, она заявляла: «Я не люблю ни памятников, ни истории живых монархов», — в другом месте: «Что же касается до частной истории моего царствования, то я думаю, что истории монархов, написанные при их жизни, то же

⁶³ См.: Ф. Аделунг. Заслуги Екатерины Великой в сравнительном языкознании. Извлечение из сочинения, вышедшего в СПб., 1815, стр. 13—32; см.: Сравнительные словари всех языков и наречий, чч. I и II. СПб., 1787—1789; 2 изд. 1790 и 1791; см. также: И. Ю. Крачковский. Очерки по истории русской арабистики. М.—Л., Изд. АН СССР, 1950, стр. 60—62.

⁶⁴ См.: Н. А. Добролюбов. Собр. соч., т. I, стр. 24.

⁶⁵ Сочинения имп. Екатерины II, т. XI, стр. 424—425, 409.

⁶⁶ См.: ЦГАДА, ф. Госархив, разряд X, д. 367, л. 1.

⁶⁷ А. Пыпин. Исторические труды имп. Екатерины II. «Вестник Европы», 1901, кн. 12, стр. 790.

само, что монументы, которые им ставят прежде их смерти: неизвестно — будет ли это украшение города или заслуженный памятник. . .» Но, не отказываясь, чтобы иностранец взялся за составление истории России, Екатерина выставляла непременным условием строжайший контроль за текстом с ее стороны, считая, что история или записки «могут принять только такую внешнюю форму и направление, которые бы проистекали из наибольшей славы государства и служили бы потомству как предмет соревнования и поучения».⁶⁸

Таким образом, Екатерина II всегда рассматривала историю как могучее средство идеологического воздействия, не заботясь о ее научной обоснованности.

В заключение остановимся на издании академического «Собрания сочинений Екатерины II» и сравнении ее рукописей «Записок касательно Российской истории» с материалами, положенными в основу их.

В самом конце прошлого века Академия наук задумала издать полное собрание произведений Екатерины II. Естественно, что такое предприятие, несомненно преследующее цель апологии самодержавия, тем не менее должно было получить одобрение со стороны президента Академии вел. кн. Константина Константиновича. В записке на его имя академики А. Н. Веселовский, В. И. Ламанский и А. А. Шахматов высказали мнение, что наиболее интересными из исторических произведений Екатерины II являются ее личные записки, содержащие массу кратких или подробных сведений о «различных событиях ее царствования или о тех или других ее помощниках» и поэтому представляющих значительную ценность для изучения истории России XVIII в.⁶⁹ Составители издания были в затруднении, как быть с теми интимными местами из «Записок» Екатерины II, которые придавали этому произведению специфическую остроту. А. Н. Пыпин, на которого в 1898 г. было возложено издание, и его коллеги считали возможным напечатать полный французский текст в ограниченном количестве экземпляров, а весь остальной тираж выпустить с цензурными купюрами. Августейший шеф Академии наук Константин Константинович согласился с таким предложением. Когда оно было доложено Николаю II, то последний Романов «соизволил» отпечатать «Записки» Екатерины II с полным текстом в количестве не шести, как было предложено, а двенадцати экземпляров.⁷⁰

Сравнение подлинных рукописей «Записок касательно Российской истории» Екатерины II, хранящихся в основном в

⁶⁸ Там же, стр. 785, 761.

⁶⁹ ГБЛ, ф. 16 (Я. Л. Барскова), XII/6, л. 1.

⁷⁰ Большую работу по подготовке издания полного собрания сочинений Екатерины II провели Я. Л. Барсков и А. Н. Пыпин, которые не только подготовили рукописи к изданию, но и снабдили их необходимыми комментариями. «Подготовительные материалы к изданию Полного собрания сочинений Екатерины II» в 12 томах см.: ГБЛ, ф. 16 (Я. Л. Барскова), XII/1—10.

ЦГАДА, написанных, как правило, самим автором, с теми рукописями, которые были использованы для подготовки соответствующих томов исторических трудов Екатерины II, позволяет прийти к выводу, что из семи объемистых томов «Записок» рукой Екатерины II написано примерно около пяти.⁷¹

Насколько Екатерина II была самостоятельна в написании «Записок», можно судить на основании тех материалов по отечественной истории, которые представлялись по ее требованию историками и собирались ее секретарями. Х. А. Чеботарев, в частности, передал в ее распоряжение рукопись, озаглавленную «Сведения о российской истории с 1224 года, выписанные из разных рукописных летописцев», положенную Екатериной II в основу изложения событий за соответствующие годы.⁷²

Сопоставляя находившиеся в распоряжении императрицы материалы с тем, что было написано самой Екатериной II, следует указать, что автор «Записок» не просто переписывала то, что ей представлялось, а в известной степени самостоятельно использовала их: дополняя, исключая и изменяя.⁷³

Подводя итоги, следует еще раз подчеркнуть, что все исторические работы, к которым была причастна Екатерина II, преследовали не научную, а общественно-политическую цель. Однако нельзя не учитывать разницы между «Антидотом» и «Записками касательно Российской истории», поскольку одно произведение было написано в период «просвещенного абсолютизма», а другое — во время усиления дворянской реакции после восстания Пугачева и событий, предшествовавших французской революции. Если в одном все-таки имеются элементы научности (признание общности развития России и Европы), то другое — заведомая фальсификация всей русской истории.

⁷¹ ЦГАДА, ф. Госархив, разряд X, д. 366, чч. 1—7. В семи частях рукописи «Записок касательно Российской истории» из 3071 листа текста 2612 листов являются автографом Екатерины II, что составляет примерно 85%.

⁷² ЦГАДА, ф. Госархив, разряд 3, № 9, д. 363, на 66 стр. — Следует учесть, что эта рукопись, являющаяся «Продолжением XI» была частью необходимых исторических материалов. В ней изложены события с 1374 по 1380 г. Известия даны без ссылки на источники, с указанием содержания на полях рукописи и с комментариями Х. А. Чеботарева. Продолжения см.: Архив ЛОИИ, ф. 203 (Екатерины II), № 63, 64, 65. В них даны материалы за 1380, 1381—1388, 1389—1399 гг; см. там же, № 59, 65; см. также: Сочинения Екатерины II, т. XI, стр. 465 и др.

⁷³ Сочинения Екатерины II, т. XI, стр. 215. — Правда, Екатерина II иногда допускала неточности. Так, в автографе под 1374 г. записано: — «пограбиа все за Сурье» (у Чеботарева было написано правильно — Засурье). Издатели исправили эту ошибку, не оговаривая, поступая так и во многих других случаях.

ГЛАВА VII

РОЛЬ П. И. РЫЧКОВА В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

В какой-то мере предшественником или даже историографической аналогией В. В. Крестинина, творчество которого мы еще рассмотрим, был П. И. Рычков (1712—1777). Он, как и историк Архангельска, принадлежал к купеческому сословию. Его отца, вологодского купца, торговавшего хлебом, также постигло обычное для неокрепшей российской буржуазии неожиданное разорение. Оренбургский историк Рычков, как впоследствии Крестинин, претерпел произвол губернатора, не желавшего видеть среди своих подчиненных самостоятельно мыслящих людей, к тому же работавших над историей.

Рычков получил серьезную общеобразовательную подготовку. Он знал два языка (немецкий и голландский) и одним из первых в России освоил двойную бухгалтерию. Имея навыки в торговом делопроизводстве, обладая недюжинной энергией и исполнительностью, Рычков быстро зарекомендовал себя способным администратором. Его служба на казенных заводах обратила на себя внимание И. К. Кирилова, взявшего его в 1734 г. в Оренбургскую экспедицию. В этой колониальной окраине купеческий сын получил землю, стал помещиком средней руки, приступил к заводскому предпринимательству и дослужился до чина статского советника (по Табели о рангах — чин V класса — выше полковника, но ниже первого генеральского чина). В 1760 г. Рычков вышел в отставку, жил в своем имении Спаском. В 1770 г. он был назначен начальником правления оренбургских соляных дел, а за полгода до смерти, в 1777 г., определен в Екатеринбург на должность «главного командира» екатеринбургских заводов.

Научные заслуги Рычкова, как позднее и Крестинина, были отмечены «учеными» учреждениями: в 1759 г. он был избран корреспондентом Академии наук, в 1765 г. — членом Вольного экономического общества, в 1773 г. — членом Вольного русского собрания при Московском университете.

Дореволюционная историография о видном ученом середины XVIII в. невелика. Подавляющее большинство исследователей смотрели на Рычкова как на провинциального ученого, самоучку, хотя и считали его самородком. Но уже современники высоко отзывались о трудах Рычкова по истории, географии, статистике и хозяйству Оренбургского края. Избрание Рычкова в корреспонденты Академии наук служит тому подтверждением. Как известно, еще В. Н. Татищев в 1749 г. рекомендовал Рычкова «советником или по малой мере почетным членом» Академии наук, но безуспешно.¹ Через десять лет Г. Ф. Миллер дважды ставил вопрос перед президентом Академии наук К. Г. Разумовским (в 1758 г.) о принятии Рычкова в почетные члены Академии наук.² Но М. В. Ломоносов, озабоченный созданием такой структуры высшего научного учреждения в России, которая обеспечивала бы наиболее благоприятные организационные условия для успешного развития науки, считал (как это практиковалось и раньше), что избирать в почетные члены Петербургской Академии наук нужно только иностранцев, а соотечественников следовало определять членами или корреспондентами. Ломоносов предъявлял очень высокие требования к ученым, достойным быть академиками. Он не считал возможным принимать в члены Академии наук тех, «кои общего в ученом свете латинского языка основательно не знают и главных ученому необходимо нужных словесных наук, также математики, по последней мере элементарной, и философии не разумеют». Те же, кто не удовлетворял этому требованию, но мог «какими записками и известиями служить Академии, таких принимать, — по мнению Ломоносова, — в корреспонденты. . .» По рекомендации Ломоносова Рычков в январе 1759 г. стал первым корреспондентом Академии наук (по терминологии Ломоносова, «академическим корреспондентом»)³ Этот ломоносовский документ, опубликованный в подлиннике несколько лет назад, дает возможность правильно подойти к оценке научных заслуг Рычкова. Из этого документа видно, что Ломоносов не считал Рычкова таким ученым, который бы «показал себя ученому свету» (ломоносовский критерий), но все же он смотрел на него как на большого труженика науки, способствующего своими материалами и трудами ее успехам.

Современники высоко оценивали «Топографию Оренбургскую», вышедшую в 1762 г. Г. Ф. Миллер писал в академических «Ежемесячных сочинениях», что эта книга Рычкова должна стать образцом для топографических описаний всех губерний.⁴

¹ Переписка В. Н. Татищева за 1746—1750 гг. «Исторический архив», т. VI. М.—Л., Изд. АН СССР, 1951, стр. 290; П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова. СПб., 1867, стр. 29.

² М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 10. М.—Л., Изд. АН СССР, 1957, стр. 619—621.

³ Там же, стр. 76—77.

⁴ См.: «Ежемесячные сочинения», 1763, ч. I, стр. 269—270.

В 1766 г. А. Л. Шлецер в «Геттингенских ученых ведомостях» поместил большую положительную рецензию на эту работу.⁵ Он откликнулся и на другое произведение Рычкова. Как известно, Шлецер считал, что одновременный выход в свет «Истории Российской» Татищева, «Древней Российской истории» Ломоносова и «Казанской истории» Рычкова, произведет «счастливую революцию» в отношении неблагоприятных слухов, распространяемых за границей, якобы в России запрещено публиковать исторические труды, подобные перечисленным.⁶ Однако в рецензии на «Казанскую историю» Рычкова Шлецер (1769) критически отнесся к бездоказательному утверждению автора о поселении славян в древности на берегах Волги, который основывал свое мнение на слепом доверии к «Казанской истории» XVI в., Лызлову и др.⁷

И. И. Лепехин, посетивший Рычкова в селе Спасском, воспользовался его советами.⁸ Там же побывал и известный естествоиспытатель П. С. Паллас, лестно отозвавшийся о Рычкове, который, по его мнению, прославился своими сочинениями.⁹ С ним встречались также М. Лович, В. Л. Крафт, Х. Эйлер-младший, И. П. Фальк, Г. Георги и другие видные путешественники из состава академических экспедиций, которые отмечали в своих трудах, что было ими заимствовано или услышано от Рычкова.¹⁰

Н. И. Новиков в «Опыте исторического словаря о российских писателях» (1772), как обычно лапидарным языком, писал о нем: «Рычков Петр Иванович — статский советник, императорской Академии наук корреспондент и Вольного Экономического общества член; муж великого разума, искусства и знания в древностях Российских. . . Сей трудолюбивый и рачительный муж полезными своими трудами заслужил вечную себе похвалу».¹¹

В двух крупнейших обзорных трудах по русской истории, вышедших в XIX в., о Рычкове сказано мало. Н. М. Карамзин считанное количество раз обратился к произведениям Рычкова и его источникам преимущественно в вопросах этногенеза. С. М. Соловьев только раз назвал имя Рычкова как знатока российской коммерции.¹²

⁵ См.: August Ludwig v. Schlözer und Russland. Berlin, Academie Verlag, 1961, SS. 190—191, 85—86, 155, 269—270, 276—277.

⁶ См.: Э. Винтер. Неизвестные материалы о А. Л. Шлещере. «Исторический архив», 1960, № 6, стр. 187—188; Schlözer und Russland, SS. 77—79.

⁷ Schlözer und Russland, SS. 77—79.

⁸ И. И. Лепехин. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 гг., ч. I. СПб., 1771, стр. 186.

⁹ П. С. Паллас. Путешествие по разным провинциям Российской империи, ч. I. СПб., 1809, стр. 148.

¹⁰ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 117—121.

¹¹ Н. И. Новиков. Избр. соч. М.—Л., ГИХЛ, 1951, стр. 347.

¹² С. М. Соловьев. История Российская с древнейших времен. Т. VI. Изд. «Общественная польза», стб. 335.

Закономерно возросший интерес в первой четверти XIX в. к истории донского и уральского казачества привел к появлению нескольких интересных работ, в том числе А. Левшина¹³ и декабриста В. Д. Сухорукова,¹⁴ в трудах которых уже использовались произведения Рычкова.

Великий поэт и выдающийся историк своего времени А. С. Пушкин использовал «Описание осады Оренбурга» Рычкова в качестве одного из главных источников «Истории Пугачева». В «Приложениях», помещенных во второй части пушкинского труда, две трети книги занимала «Летопись Рычкова». Пушкин говорил об авторе и его описании оренбургской осады следующее: «Трудолюбивый Рычков, автор „Оренбургской топографии” и многих других умных и полезных изданий, оставил любопытную рукопись о сем времени... Она отличается смиренной добросовестностью в развитии истины, добродушным и дельным изложением оной, которые составляют неопределимое достоинство ученых людей того времени».¹⁵ В другом месте он писал, что труды Рычкова «ознаменованы истинной ученостью и добросовестностью».¹⁶ Однако Пушкин не закрывал глаза на некоторые противоречия в произведениях Рычкова и на устарелость методологии в освещении пугачевской темы.¹⁷ Уже в его словах о «смиренной добросовестности» и «добродушии в изложении» звучит нотка иронии. Его характеристика пугачевского произведения Рычкова во многом напоминает оценку «простодушных историков», данную в свое время М. Монтенем, которого Пушкин хорошо знал и любил. Монтень в «Опытах» писал: «Простодушные историки, которые не вносят в освещение событий ничего своего, а заняты лишь тем, чтобы тщательно собрать все дошедшие до них сведения и добросовестно записать все события без всякого отбора, всецело предоставляют познание истины нам самим». В качестве образца такого рода историков Монтень ссылаясь на французского историка XIV в. Фруассара, «Хроники» которого представляли собой «сырой и необработанный материал, который всякий может использовать по-своему, в меру своего понимания».¹⁸

Пушкин, опираясь на материалы и произведения Рычкова, опровергал домыслы феодальной историографии о невозможности

¹³ А. Левшин. Историческое и статистическое обозрение уральских казаков. СПб., 1823.

¹⁴ О его статьях в историческом альманахе «Русская старина» (1824) см.: С. С. Волк. Исторические взгляды декабристов. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 368 и сл.

¹⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9, ч. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1938, стр. 400.

¹⁶ Там же, стр. 390.

¹⁷ Г. Блок. Пушкин в работе над историческими источниками. М.—Л., Изд. АН СССР, 1949, стр. 33, 40 и др.

¹⁸ Мишель Монтень. Опыты. Книга вторая. М.—Л., Изд. АН СССР, 1958, стр. 105.

сти научного описания событий Крестьянской войны второй половины XVIII в. Выскажем предположение, что эпитафия к «Истории Пугачева» был поставлен им с определенной историографической целью. Спасо-Казанский архимандрит Платон Любарский в «Кратком известии о злодейских на Казань действиях вора, изменника и бунтовщика Емельки Пугачева», написанном по свежим следам (август 1774 г.), решительно заявлял о невозможности даже для первоклассного историка восстановить картину событий мятежа Пугачева. В том месте, которое стало эпитафией для пушкинского труда, он писал: «Мне кажется, сего вора всех замыслов и похощений не только посредственному, но ниже самому превосходнейшему историку порядочно описать едва ль бы удалось; коего все затеи не от разума и воинского распорядка, но от дерзости, случая и удачи зависели; почему и сам Пугачев, думаю, подробности оных не только рассказать, но и нарочитой части припомнить не в состоянии, поелику не от его одного непосредственно, но от многих его сообщников полной воли и удалства в разных вдруг местах происходили».¹⁹ Как видно, Любарский считал, что верного исторического описания нельзя добиться, главным образом, благодаря отсутствию какой-либо логической и военной закономерности в действиях самого Пугачева и его сподвижников, выступавших к тому же часто самостоятельно.

Развитие капиталистических отношений на окраинах империи и успехи буржуазной историографии в России после реформы 1861 г. содействовали привлечению внимания исследователей к работам Рычкова. П. П. Пекарский, много сделавший для разыскания источников о людях русской науки XVIII в., впервые ввел в научный оборот ценные материалы, освещающие многостороннюю деятельность Рычкова. Сведения о Рычкове как ученом, извлеченные им из его переписки с Академией наук, главным образом с Миллером и Татищевым,²⁰ его автобиография,²¹ высказывания и отзывы современников до сих пор яв-

---

¹⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9, ч. I, стр. 360.

²⁰ Обширнейшая коллекция писем П. И. Рычкова к Г. Ф. Миллеру хранится в Академии наук. См. ф. 21 (Г. Ф. Миллера), оп. 3, № 236 (за 1757—1769 гг., на 373 л.), № 237 (за 1770—1773 гг., на 154 л.) и № 238 (за 1774—1777 гг., на 199 л.); письма В. Н. Татищева к П. И. Рычкову см. там же, ф. 141 (ф. П. И. Рычкова), № 1—6. Эта переписка была опубликована П. П. Пекарским, к сожалению, неполностью (см.: П. П. Пекарский. Сношения П. И. Рычкова с Академиею наук в XVIII столетии. СПб., 1866; Е го же. Жизнь и литературная переписка Петра Ивановича Рычкова. СПб., 1867; Е го же. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864; Е го же. Дополнительные известия для биографии Ломоносова. СПб., 1865).

²¹ Записки Петра Ивановича Рычкова. «Русский архив», 1905, кн. III, № 11, стр. 289—340. — Их П. П. Пекарский считал второстепенным источником, так как в них автор касается только семейных и лично служебных дел (П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 48).

ляются основой для изучения творчества оренбургского историка. Чтобы понять, насколько ценны материалы Пекарского, уместно напомнить, что до его работы «Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова» в печати нередко приводились неверные биографические данные историка.²²

Пекарский признавал заслуги Рычкова, который, по его словам, оставил достоверные сведения «для истории и географии почти не известного до него края». Он считал, что в этом отношении Рычков был первым, как «В. Н. Татищев в изучении источников русской истории, как И. К. Кирилов в издании географического атласа России и Ф. И. Соймонов в сборе материалов для описания Каспийского моря».²³ Однако Пекарский, оценивая работу Рычкова-историка, не без основания обвинял его в некритическом отношении к источникам.²⁴

Из историков демократического лагеря 60—70-х годов XIX в. о Рычкове вспоминал А. П. Шапов в связи с изучением истории русской культуры. Он использовал его показания о вопиющей неграмотности крестьянского населения. Но Шапов писал, что даже «лучший, просвещеннейший из помещиков XVIII века», так он называл Рычкова, и тот в своих просветительских планах не шел далеко, так как считал, «чтобы в деревне, имеющей 100 душ, писать умеющих крестьян более 2 или 3 человек не было».²⁵

Деятельность историков Оренбургского края серьезно содействовала повышению интереса к творчеству Рычкова, опубликованию и переизданию некоторых его произведений. В 1867 г. вопрос об издании «Сочинений» Рычкова был поднят Р. Г. Игнатьевым.²⁶ Однако столетие со дня смерти Рычкова оренбургское отделение географического общества не отмечало. «Неуда-

---

²² В этом отношении характерна статья большого знатока оренбургских архивов Р. Г. Игнатьева, который считал П. И. Рычкова уроженцем Казани, сотрудником Е. Р. Дашковой по Академии наук и приписал «Казанскую историю» Николаю Рычкову (П. И. Рычков и его ученая деятельность в Оренбургском крае. «Уфимские губернские ведомости», 1867, № 16—17, отд. II, стр. 128—129; То же. «Справочный листок г. Казани», 1867, № 54, стр. 269). См. статью, автор которой укрывался под инициалами Н. Б. (Н. Б. Булик), «Несколько слов о П. И. Рычкове и его сочинениях» («Справочный листок г. Казани», 1867, № 56, стр. 275—277), где указаны фактические ошибки Р. Г. Игнатьева; см. также: Р. Г. Игнатьев. Ответ господину Н. Б. о писателе Рычкове. Там же, № 65; Его же. Могила П. И. Рычкова. «Оренбургский листок», 1877, № 5. — Р. Г. Игнатьев опубликовал «Историко-административные сведения о башкирском народе», составленные по приказанию графа Петра Ивановича Панина в 1775 г. (Уфимские губернские ведомости, 1871, № 44—46, 48, 49, 51, 52 и 1872, № 1—4, 7, 9, 10, 13, 15 и 17), в составлении которых, вероятно, участвовал П. И. Рычков.

²³ П. П. Пекарский. Сношения П. И. Рычкова с Академиею, стр. 5.

²⁴ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 80.

²⁵ А. П. Шапов. Социально-педагогические условия умственного развития русского народа. Соч., т. III. СПб., 1908, стр. 192.

²⁶ Р. Игнатьев. П. И. Рычков и его ученая деятельность..., стр. 129.

чи преследовали и за гробом его», — писал В. Н. Витевский.²⁷ Двухсотлетие и двухсотпятидесятилетие со дня рождения Рычкова также были мало отмечены в литературе.²⁸ Местные историки, постоянно обращаясь к трудам Рычкова, часто впадали в необоснованные преувеличения в оценке его роли в истории русской культуры, называя его «оренбургским Ломоносовым». Один из них писал о Рычкове: «Действительно, трудно даже представить себе, сколько дела переделал за свою жизнь этот гениальный человек. Кто знает жизнь и деятельность Ломоносова... тот увидит полное духовное родство этих двух русских самородков...»²⁹ Эту характеристику, навеянную «провинциальным патриотизмом», никто в науке всерьез не принимал. Другой историк Оренбургского края приводил такое сравнение, с которым в какой-то степени можно согласиться: «Если Пушкин назвал Н. М. Карамзина „Колумбом Древней Руси“, то Рычкова, без преувеличения, можно считать „Колумбом Оренбургского края“».³⁰

В дореволюционных историографических курсах деятельность Рычкова как историка не рассматривалась. Только А. Н. Пыпин в «Истории русской этнографии» (1890) нашел место Рычкову, охарактеризовав его как одного из видных деятелей местной историко-географической литературы, получившей большое распространение во второй половине XVIII в.³¹

²⁷ В. Витевский. Еще о юбилее Рычкова. «Оренбургский листок», 1878, № 1; Его же. Воспоминание о П. И. Рычкове по случаю 100-летнего юбилея со дня его кончины. Там же, 1877, № 40; Его же. П. И. Рычков и его значение в истории Оренбургского края. Там же, 1878, № 20, 21, 22 и 23.

²⁸ А. В. Попов. Петр Иванович Рычков. «Оренбургская газета», 1912, № 273, 274, 275 и 276. См. также: Е. С. Кулябко, А. М. Черников. Первый член-корреспондент Академии наук П. И. Рычков (К 250-летию со дня рождения П. И. Рычкова). Вестник Академии наук СССР, 1962, № 10, стр. 90—93; Эм. Ципельзон. Первый член-корреспондент Академии наук (К 250-летию со дня рождения русского ученого П. И. Рычкова). «Комсомольская правда», 1962, 12 октября; Г. Семенов. Талантливый современник М. В. Ломоносова (О русском ученом П. И. Рычкове. 1712—1777). «Простор», 1961, № 11, стр. 117—119; Л. Шейман. Русский ученый XVIII в. о киргизах (О труде П. И. Рычкова «Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются»). «Литературный Киргизстан», 1959, № 2, стр. 122—126; Ю. Гурьев. Большая загадка пещеры. «Учительская газета», 1962, 24 марта.

²⁹ А. В. Попов. Петр Иванович Рычков. Труды Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXXIII, 1916, стр. 77—97. — Здесь же см. перечень произведений П. И. Рычкова и литературу о нем. К сожалению, оба списка неполны, но не лишены практического значения.

³⁰ В. Н. Витевский. И. И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Вып. I. Казань, 1889, стр. 298 и сл. Советский исследователь П. А. Ляровский (П. И. Рычков как выдающийся русский географ XVIII века. Географический сборник, III. История географических знаний и географических открытий. М.—Л., 1954, стр. 55) также считает, что в «Топографии» «Рычков... открыл огромную территорию, сообщив о ней большое количество удивительно точных сведений».

³¹ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 127—128.

Коренной перелом в изучении многосторонней деятельности и научного творчества Рычкова пришелся на советское время. Оно стало предметом пристального внимания историков экономической и географической наук. Еще М. Н. Покровский обращался к экономическим трудам Рычкова. Для того чтобы понять его отношение к оренбургскому историку, следует напомнить, что для него даже умнейший историк XVIII столетия — И. Н. Болтин — был всего-навсего «дилетантом-историком».³² Покровский, называя «сурового и правдивого» Рычкова «одним из первых агрономов своего времени»,³³ доверял его показаниям о хозяйственном развитии особенно юго-востока России, но на исторические занятия Рычкова смотрел иронически. Покровский писал: «Когда. . . Рычков сидел в осажденном Пугачевым Оренбурге, он от скуки занялся описанием бунта Стеньки Разина и написал „большую тетрадь”».³⁴

Историки географической науки также считают, что для Рычкова-географа занятие историей было делом второстепенным. «Есть все основания утверждать, — пишет Ф. Н. Мильков о его научной деятельности в 60-х годах, — что отход Рычкова на некоторое время от географии, пусть даже в область истории, которую он любил и которой давно уже занимался, был вынужденным».³⁵ Конечно, заслуги Рычкова в области географии и естественных дисциплин более значимы, чем в истории. Но, во-первых, сами история и география для Рычкова, как и для Татищева, были органически связаны между собой и, во-вторых, когда Рычков получил предложение Миллера взяться за составление географии России, то он справедливо заметил, что историей заниматься легче, чем географией, потому что для нее проще найти необходимые материалы, тогда как для географии нужны различные сведения, получение которых зависит от людей, «не имеющих никакого почти участия».³⁶

В работах исследователей последних 15—20 лет Рычков рассматривался как выдающийся экономист, воззрения которого, несмотря на крепостнические черты в его представлениях, были прогрессивным явлением для своего времени.³⁷ В «Истории русской экономической мысли» (1955) ему отведена специальная глава, наряду с И. Т. Посошковым, В. Н. Татищевым, М. В. Ло-

32 М. Н. Покровский. Русская история с древнейших времен в 4-х томах, т. III. М., Огиз, 1933, стр. 100.

33 Там же, стр. 100, 91.

34 Там же, стр. 103.

35 Ф. Н. Мильков. П. И. Рычков. Жизнь и географические труды. М., Гос. изд. геогр. лит., 1953, стр. 85.

36 П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 71.

37 И. С. Бак. Экономические воззрения П. И. Рычкова. «Исторические записки», т. 16, 1945, стр. 126—138; Н. К. Каратаев. П. И. Рычков — выдающийся русский экономист XVIII в. Вестник АН СССР, 1950, № X, стр. 84—93.

моносовым, М. М. Щербатовым, М. Д. Чулковым и другими деятелями отечественной экономической науки.³⁸ За последние годы признан также выдающийся вклад Рычкова в развитие русской экономической географии,³⁹ географической⁴⁰ и статистической науки в XVIII в.⁴¹

Общественно-политические убеждения Рычкова ясны для современных исследователей. Один из них, например, заключает: «Наряду с прогрессивными и разумными идеями в его взглядах были и реакционные положения, характеризующие его как ревностного крепостника».⁴² Действительно, это так. Рычков осуждал чрезмерную эксплуатацию крепостного крестьянства, но делал это не столько из сострадания или сочувствия к ограбленному и забитому народу, сколько в интересах самих же помещиков, которые неумеренной барщиной разрушали хозяйство своих крепостных и тем самым подрывали основы своей экономической состоятельности. Рачительный крепостник проглядывает в его хорошо известном в историко-экономической литературе «Наказе для управителя или приказщика». Рычков критически относился к тем «строгим» помещикам, которые «крестьянам своим одного дня на себя работать не дают, а, давая всем им семействам месячный провиант, употребляют их без изъятия на господские работы повседневно». Он не одобрял и тех, кто заставлял работать на барщине четыре дня в неделю, а рекомендовал придерживаться золотой середины: три дня помещику, три—для себя и один для отдыха в воскресенье.⁴³ К крестьянам, которые поднимались на борьбу против крепостнического гнета, Рычков был жесток. В «Записках», сообщив о «мятеже» крестьян его села Спасского и деревни Верхосудье летом 1763 г., который выразился в том, что из его поместья бежало около 20 крестьян, пытавшихся жаловаться на него, Рычков в назидание потомству записал: «...некоторые были переловлены и успокоены были уже тем, что некоторые из них кнутом, а другие плетью, по определению оренбургской канцелярии, в селе Спасском, при собрании всех крестьян, наказаны. Для которого

---

³⁸ История русской экономической мысли, т. I. Эпоха феодализма, ч. I. М., Госполитиздат, 1955, стр. 481—489; автор главы — И. С. Бак.

³⁹ Н. П. Никитин. Зарождение экономической географии в России. Обзор материалов XVIII в. «Вопросы географии». Сб. 17, 1950, см. стр. 66—71 и др.

⁴⁰ Ф. Н. Мильков, ук. соч. — Здесь же см. краткий список географических произведений П. И. Рычкова и литературы о нем; П. А. Лярский, ук. соч., стр. 45—78; М. Д. Лебедев. Очерки по истории географии в России XVIII в. (1725—1800 гг.). М., Изд. АН СССР, 1964, стр. 290—297 и др.

⁴¹ М. В. Птуха. Очерки по истории статистики в СССР, т. I. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 380—383.

⁴² П. А. Лярский, ук. соч., стр. 54—55.

⁴³ П. И. Рычков. Наказ для управителя или приказщика о порядке содержания и управлении деревень в отсутствие господина. Труды Вольного экономического общества (ВЭО), ч. XVI, 1770, стр. 26—27.

наказания и заплечный мастер из Оренбурга нарочно был прислан». ⁴⁴

Основной экономической задачей России Рычков считал «размножение» заводов, мануфактур, промыслов и «составление» компании и договоров. Правда, он подчеркивал и особое значение земледелия в хозяйстве страны, указывая, что дальнейшее экономическое развитие России будет невозможным без существенного прогресса в земледелии. Исследователи отмечают, что такой поворот от «коммерции» к сельскому хозяйству у Рыčkова наметился главным образом в 1765—1775 гг. ⁴⁵

Путь Рыčkова-историка начинается с 40-х годов. Его научные интересы во многом определялись служебной деятельностью в Оренбургской администрации. Уже с конца 30-х годов он заботился о переводах произведений восточных авторов на русский язык, а в 1744 г. написал первое самостоятельное произведение — «Известия о начале и состоянии Оренбургской комиссии», охватывающее время от организации ее в 1731 г. до 1744 г. и напечатанное позже в 1759 г. в «Ежемесячных сочинениях» под названием «История Оренбургская». ⁴⁶ Этот труд был составлен им как историческая справка к различным проектам И. И. Неплюева по Оренбургскому краю, которые, кстати сказать, так же разрабатывались при содействии Рыčkова. Когда в 1748 г. Неплюев и Рычков посетили Яицкий городок, то последний собрал сведения и материалы о происхождении и истории яицкого казачьего войска. Будучи в 1770 г. назначен начальником правления Оренбургских соляных дел, Рычков написал историческую справку и обзор состояния Илецких соляных промыслов. В годы Крестьянской войны П. И. Панин поручил ему составить исторические справки о башкирах, киргизах, казахах, об их отношении к русскому правительству и администрации, торговле, податях, «мятежах» и т. д. ⁴⁷

Составленное Рычковым для служебных целей описание Оренбурга (1744) послужило ему впоследствии основой для трудов по истории и географии края. ⁴⁸ Уже эта работа оренбург-

⁴⁴ Записки П. И. Рыčkова. «Русский архив», 1905, кн. III, № 11, стр. 322—323. Цит. по П. П. Пекарскому (Жизнь и литературная переписка П. И. Рыčkова, стр. 50), так как текст в «Русском архиве» не всегда точен.

⁴⁵ История русской экономической мысли, т. I, ч. I, стр. 486—487; см. также: Ф. Н. Мильков, ук. соч., стр. 105.

⁴⁶ См.: «Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие», 1759, январь—декабрь; то же в газете «Оренбургский листок» за 1895—1896 гг. и отдельно (Оренбург, 1896). — Сюда вошло и «Прибавление к Оренбургской истории» за 1744—1751 гг.

⁴⁷ См.: А. В. Попов. П. И. Рычков. Тр. Оренбургской ученой архивной комиссии, вып. XXXIII, 1916, стр. 81—82, 85 и 87. Исторические сведения о яицких казаках см.: Архив ЛОИИ. Воронцовское собрание, оп. I, № 422, 438 и 463.

⁴⁸ Н. А. Попов. В. Н. Татишев и его время. М., 1861, стр. 553; П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рыčkова, стр. 27—28. Рукопись в ЦГАДА, рукописный отдел, № 52/72 на 106 лл.; см.: П. А. Лярский, ук. соч., стр. 49—50.

ского историка обратила внимание Татищева, который в 1747 г. спрашивал Шумахера, имеет ли Академия наук это произведение Рычкова и обещал доставить к нему свои «дополнки и изъяснения».⁴⁹

В конце 40-х годов Рычков написал «Краткое известие о татарах».⁵⁰ Оно осталось неопубликованным, видимо, потому, что почти целиком вошло в «Топографию Оренбургскую». В исторической литературе высказано два крайних мнения по поводу этого произведения Рычкова. Пекарский, обычно иронизирующий над провинциальной ученостью Рычкова, заметил только, что это был не такой труд, за который можно было бы избрать оренбургского историка корреспондентом Академии наук.⁵¹ Современный историк географических знаний П. А. Лярский, наоборот, считает, что «Краткое известие о татарах» впервые в мировой литературе внесло ясность в запутанный вопрос об этническом составе татар.⁵²

Старший современник и научный наставник оренбургского историка — Татищев (декабрь 1749 г.) отметил новизну и положительное значение усилий Рычкова в разрешении сложного вопроса о происхождении татар, подчеркнув, что в «Кратких известиях» «много того, что до днесь или не знали, или вовсе смутно разумели».⁵³ Татищев, как известно, включил часть материалов Рычкова, которого он назвал «любомудрым», в первую книгу «Истории Российской».⁵⁴ Если учесть, что Рычков обращался за историческими материалами к знающим людям (некоему ахуну бухарскому и астраханскому переводчику Уразлину и др.), которые снабжали его переводами из турецких и персидских книг и давали необходимые объяснения,⁵⁵ то следует присоединиться к татищевской положительной оценке «Крат-

---

⁴⁹ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 28.

⁵⁰ Краткое известие о татарах и о нынешнем состоянии тех народов, которые в Европе под именем татар разумеются. Собрано в Оренбурге из книг турецких и персидских и по сказкам бывалых в тех местах людей к рассмотрению при сочинении обстоятельного о сих народах описания. БАН. 32.5.17 и ААН СССР, разряд II, оп. I, № 126, лл. 1—26. На рукописи помета, что она сочинена П. И. Рычковым в Оренбурге 10 апреля 1750 г. (см.: П. П. Пекарский, Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 29—31; П. А. Лярский, ук. соч., стр. 71—72; Л. Шейман, ук. ст. «Литературный Киргизстан», 1959, № 2).

⁵¹ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 28.

⁵² П. А. Лярский, ук. соч., стр. 72. — Сейчас мы не станем принимать во внимание мнение автора этой статьи, что вопрос о татарах был «запутан» западноевропейскими учеными.

⁵³ В. Н. Татищев. Избранные произведения по географии России. М., 1950, стр. 234.

⁵⁴ См.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1962, стр. 234—240. Ср.: Первоначальную редакцию этой, 18, главы, там же, стр. 421—424.

⁵⁵ Там же, стр. 235 и др.

кого известия о татарах», отметив, однако, что оно было более материалом, чем исследованием.

Рычков был одним из первых историков, написавших краткий исторический очерк коммерции на Руси с древнейших времен до современности (50-е годы XVIII в.),⁵⁶ который, пожалуй, не совсем справедливо Пекарский назвал «поверхностным». В «Письмах о коммерции» в духе эпохи, включавшей в коммерцию не только торговлю, Рычков сделал обзор развития важнейших отраслей промышленности и народного хозяйства страны в целом.⁵⁷ Примечательно, что «Письма о коммерции» появились в первых номерах нового научного журнала Академии наук — «Ежемесячные сочинения», в котором преимущественно помещались статьи по истории, географии и статистике России.⁵⁸

Рычков заранее оговорил себе право не излагать в «Письмах» ничего из «святой истории» на том основании, что все это было сказано еще у Иосифа Флавия. Эту статью он рассматривал как предисловие к задуманной «Истории Российской коммерции», в которой он намеревался осветить ее древность, показать промыслы, торги, порты, заводы и пр.⁵⁹ Автор был прав, когда утверждал, что «никто о сей материи еще не писывал».⁶⁰

В «Письмах о коммерции», «О мануфактурах из хлопчатой бумаги и из верблюжей шерсти» и многих других работах экономического содержания новейшие исследователи не находят идей меркантилизма, а считают, что Рычков в своих взглядах пошел дальше, так как считал не торговлю, а производство основным источником народного богатства. Такая точка зрения Рычкова противоречила, так сказать, официальной доктрине, проводимой Миллером в «Ежемесячных сочинениях», в которых систематически помещались статьи в защиту меркантилизма.⁶¹

«Письма о коммерции» еще в рукописи были положительно оценены Татищевым, который, однако, считал, что их следует несколько переработать. «О торгах русских и промыслах сочинение ваше хвалы достойно, хотя негде недостаточно и инде погрешно», — писал он. Главным недостатком работы Рычкова Татищев считал злоупотребление иностранными словами («...вмещены латинские и французские слова, что все ученые за гнусно почитают»)⁶².

---

⁵⁶ П. И. Рычков. Письмо о коммерции (первое, второе, третье и четвертое). «Ежемесячные сочинения», 1755, февраль, стр. 105—122, апрель, стр. 307—338 и декабрь, стр. 493—515.

⁵⁷ П. А. Ляровский, ук. соч., стр. 67.

⁵⁸ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 87.

⁵⁹ См.: «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. I, стр. 108—109.

⁶⁰ Там же, стр. 122.

⁶¹ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII в., стр. 90—92.

⁶² П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 19.

Татищев, поддерживая мысль Рычкова о написании истории России, предупреждал его о трудностях этого предприятия, связанного с отсутствием у Рычкова многих иностранных и в особенности русских источников. «О истории русской ваше намерение есть презрительное, — писал он, — токмо весьма трудное и такое, что или басни принужден за истину принять или, начав, оставить, для того — что вам многих потребных тому известий не достанет, не токмо необходимо нужных иностранных, яко польской, венгерской, шведской и прусской, с которыми наша древняя история много связана, но паче русских разных времен и по разным местам писанных собрать не можете».⁶³

Формирование взглядов Рычкова как историка не было предметом историографического изучения. Несомненно одно, что Рычков начал свой научный путь при И. К. Кирилове — авторе первого статистического описания России — «Цветущее состояние Всероссийского государства. . .» (1727) и составителе атласа Российской империи (1734), о котором историк Оренбурга впоследствии отзывался весьма высоко. «Сциенции схоластической хотя никакой не учил и основательно не знал, — писал Рычков о Кирилове, — но был великий рачитель и любитель наук, а особливо математики, механики, истории, экономии и металлургии».⁶⁴ Сформировался Рычков как ученый-историк и географ при Татищеве и при его прямом содействии и влиянии. Между учителем и учеником установились дружественные научные связи. Татищев не только получал от Рычкова различные исторические материалы, но и посылал ему главы своей «Истории Российской», которые он просил исправлять не стесняясь.

Научной деятельности Рычкова также содействовали Ломоносов и Миллер. Оба они опекали его, соперничая за влияние над ним. Эпизод с выбором Рычкова первым корреспондентом Академии наук в 1759 г., на котором мы останавливались, наглядно свидетельствовал о продолжавшейся борьбе между Миллером и Ломоносовым, объектом которой невольно стал оренбургский историк.⁶⁵ Нельзя согласиться с теми историками науки, которые полагали, что решающую роль в становлении Рычкова как ученого сыграл Миллер. (Такой точки зрения, как известно, придерживался Пекарский.) Но нельзя в то же время согласиться с теми, кто, стремясь подчеркнуть самостоятельность Рычкова-ученого, преуменьшали значение влияния Миллера на него (Милюков и Ляровский). Миллер сыграл положительную роль в развитии Рычкова как историка. Он содействовал (вместе с М. В. Ломоносовым) напечатанию первых трудов оренбургского историка, снабжал его книгами, обсуждал планы и пер-

⁶³ Там же, стр. 20—21.

⁶⁴ П. И. Рычков. История Оренбургская по учреждению Оренбургской губернии. Оренбург, 1896, стр. 28.

⁶⁵ См., напр.: А. И. Андреев. Труды В. Н. Татищева по истории России. В кн.: В. Н. Татищев. История Российская, т. I, стр. 31.

спективы работы и прочее, наконец, по совету, если не по заданию Миллера, Рычков написал две статьи — «О титуле белого царя» и «О черной России».

Если историки географической науки в России с полным основанием считают Рычкова учеником и последователем Ломоносова в области географии,⁶⁶ то об историографическом воздействии Ломоносова на Рычкова ничего не было сказано. Обычно в литературе обращалось внимание только на охлаждение Ломоносова к оренбургскому деятелю и последующий разрыв отношений между ними, виною чему считали интриги Миллера.⁶⁷ Мы располагаем небольшим числом фактов о взаимоотношениях Ломоносова и Рычкова, из которых мало что можно извлечь.⁶⁸ Но на помощь приходит высказывание самого Рычкова, которое вносит определенную ясность в решение вопроса об историографической преемственности трудов оренбургского историка. В «Опыте Казанской истории» (1767) Рычков, не в первый раз высказывая желание написать полную историю России, указывал на такой образец для историков, которому следует подражать. «Начало ее (полной истории России.— С. П.) оставил уже нам покойный статский советник Ломоносов — пример, достойный подражания», — писал он.⁶⁹ Из этого видно, что ломоносовская традиция в историографии находила положительную оценку Рычкова.

Тематика произведений Рычкова определялась, с одной стороны, потребностями социально-экономического и политического освоения юго-восточных окраин Российской империи, с другой — необходимостью дальнейшего изучения происхождения и истории нерусских народов России. «Древняя Российская история от начала российского народа...» Ломоносова в определенной мере тематически перекликалась с историческими интересами Рычкова. Хотя этот труд Ломоносова уже не мог в достаточной мере отразиться на дальнейших работах оренбургского автора (лучшие из них были написаны до знакомства с ломоносовской книгой), но, тем не менее, с ломоносовскими идеями Рычков познакомился по вступительной части «Краткого Российского

⁶⁶ См., напр.: М. И. Белов. Введение к «Географическому сборнику», III. М.—Л., Изд. АН СССР, 1954, стр. 10.

⁶⁷ П. И. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 44—47.

⁶⁸ В 1755 г. Ломоносов, просмотрев рукопись книги П. И. Рычкова «Топография Оренбургская», дал о ней весьма положительный отзыв, как и его двум статьям. Рычков в ответном письме благодарил Ломоносова за сделанные замечания (см.: М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII, 1948, стр. 185—187 и 126 втор. паг.; Летопись жизни и творчества Ломоносова, стр. 245, а также соответственно стр. 191—192 и 249—250 и 256).

⁶⁹ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории древних и средних времен. СПб., 1767. Предисловие; см. также: П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 76. Сохранившиеся два письма П. И. Рычкова к М. В. Ломоносову см.: М. В. Ломоносов. Соч., т. VIII, стр. 185, 192.

летописца», названного «Показание российской древности, сокращенное из сочиняющейся пространной истории». Кроме того, если учитывать известную историографическую близость Ломоносова и Татищева в вопросах этногенеза народов и повышенный интерес этих двух ученых к истории народов России, то станут ясны истоки научных устремлений Рычкова.

Характерно, что в оценке устного народного творчества Рычков был ближе к Ломоносову, чем к Татищеву. Первый русский историк явно не доверял показаниям тех, которые «никакого в том знания и ума просвещения науками нужными не имеют, а баснословием и самохвалством пренсполнены». Однако Татищев, предупреждая о необходимости строжайшей осторожности к устным свидетельствам, все же предостерегал, что не следует впадать в противоположную крайность. «Нельзя и всему не верить», — писал он по этому поводу.⁷⁰

Рычков в своих работах часто обращался к устным свидетельствам и доверял народному опыту. Он справедливо считал, что сведения, полученные от простых людей, могут привести к ценным научным открытиям.⁷¹ В связи с этим он писал: «Если б сказания простых деревенских жителей почитались всегда недостойными внимания, то не только б в сельской экономии, но и во многих нужных вещах, не дошли б искусные и просвещенные люди до такого совершенства, о каком ныне ведаем. Правда, что без рассмотрения утверждаться и уверяться на них не надобно, но и отвергать их вовсе не надлежит. Часто случалось и случается, что одна речь, и еще ненарочно от простого человека выговоренная, была причиною самим ученейшим людям к полезным испытаниям и откровениям: потому не оставил я и еще внести сюда несколько крестьянских таких объявлений, кои для будущих примечаний показались мне не бесполезны».⁷² Это, конечно, не означало, что Рычков слепо доверял народным поверьям, легендам и сказкам. Когда он заинтересовался происхождением Каповой пещеры на реке Белой, то, получив от местных башкир ответ, что это дело рук божьих, заметил: такое мнение «основано на невежестве». Сам Рычков реалистически смотрел на процессы природы и связывал происхождение пещер с геологическими изменениями земной коры. Однако он ошибочно считал, что люди принимали участие в создании Каповой пещеры.⁷³

⁷⁰ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 164.

⁷¹ Ф. Н. Мильков, ук. соч., стр. 100.

⁷² П. И. Рычков. Первое предложение о пчелах. Труды Вольного экономического общества, ч. 9, 1768, стр. 2—3.

⁷³ П. И. Рычков. Описание пещеры, находящейся в Оренбургской губернии при реке Белой. . . «Ежемесячные сочинения», 1760, март, стр. 195—220. См.: П. А. Ляровский, ук. соч., стр. 64—65. — Его сын — Н. П. Рычков — держался более правильной точки зрения, отрицая участие человека в образовании такого рода пещер (См.: Н. Ф. Мильков, ук. соч., стр. 114).

Рычков также хорошо понимал значение местной национальной традиции для исторических работ. Он указывал, что знакомство с историей местных народов лучше всего осуществлять по их же историческим произведениям, устным и письменным. Рычков считал, что такое осведомление будет успешно содействовать культурному и хозяйственному сближению русских с коренным населением окраин Российской империи.⁷⁴ Конечно, Рычков, оставаясь помещиком и колониальным администратором, не забывая нужды развивающейся буржуазии, с которой он был связан общностью происхождения и коммерческими интересами, по-своему рассматривал это «сближение», социально-политический смысл которого нам ясен. Но для науки обращение оренбургского историка к национальной традиции было весьма плодотворным.

Определение достоверности известий, по мнению Рычкова, должно являться непременным качеством исторического труда. В его представлении историк должен быть правдивым, мужественным и честным. Для таких людей, как Рычков, Крестинин и другие историки из разночинцев, всегда была характерна известная доля самостоятельности суждений и развитое чувство собственного достоинства в жизни и научной работе. «Я люблю правду и не могу иначе не только писать, но и говорить», — утверждал Рычков в письме к Миллеру. Ученому, по его мнению, «надобно больше смотреть и уважать будущее, нежели настоящее».⁷⁵ «К лакомству и к нажиткам я не склонен», «Я во всю свою жизнь ласкателем и клеветником не бывал; держусь справедливости и резону во всех моих поведеньях»,⁷⁶ — писал он. Но Рычков как историк хорошо понимал, что правдивость иногда должна уступать место политике. Когда он, как увидим, писал о восстании Пугачева, то знал, что его обвинения не будут угодны местной администрации и поэтому его труд, посвященный осаде Оренбурга, в печати появиться не сможет.

Рычков, начавший научную деятельность еще при Татищеве, сложился как зрелый исследователь и самостоятельный историк в 50-х годах. В 60 и 70-х годах он напечатал несколько работ, посвященных истории Оренбурга, Казани и Астрахани, составляющих тематически своеобразную историко-географическую трилогию.⁷⁷ Работа над описанием Оренбургского края была завершена в первом варианте в 1755 г., когда Рычков приготовил

⁷⁴ См.: П. А. Ля р с к и й, ук. соч., стр. 54 — Эта мысль высказана П. И. Рычковым в «Кратком известии о татарах».

⁷⁵ П. А. Ля р с к и й, ук. соч., стр. 54.

⁷⁶ П. П. П е к а р с к и й. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 55 и 150.

⁷⁷ П. И. Ры ч к о в. Топография Оренбургская, чч. I и II. СПб., 1762; Е го же. Опыт Казанской истории; Е го же. Введение к Астраханской топографии, представляющее в первой части разные известия о древнем состоянии всей губернии и обитавших в ней народов, а во второй о покорении сего царства под державу Российских монархов. М., 1774.

рукопись «Топографии Оренбургской». Географическое и историческое описание этого края было выполнено как пояснение к картам, составленным и подготовленным под руководством геодезиста И. Красильникова, и помещено на оборотной стороне карт.⁷⁸ В том же 1755 г. эти работы были отправлены Рычковым Ломоносову. Они рассматривались в академической конференции на двух заседаниях в присутствии Ломоносова и получили общее одобрение к изданию.⁷⁹

В 1762 г. «Топография Оренбургской губернии» Рычкова во втором дополненном варианте вышла в академических «Ежемесячных сочинениях» и отдельным изданием.⁸⁰ Как мы уже отмечали, ее появление было встречено весьма положительно. Так, Миллер рекомендовал всем губерниям составить топографические описания по типу «Топографии» Рычкова.⁸¹

Книга Рычкова была переведена на немецкий язык и издана в 1771 г. в Бюшинговом «Магазине» и в Риге в 1772 г.⁸² «Именно этот труд и увековечил его имя», — писал о «Топографии Оренбургской» и ее авторе советский исследователь П. А. Ляровский.⁸³ Также не без основания в наше время было высказано мнение о превосходстве в структурном отношении «Топографии» Рычкова над выдающимся географическим трудом С. П. Крашенинникова «Описание земли Камчатки» (1755).⁸⁴

В «Предызвещении к топографии Оренбургской губернии», которое в прижизненных изданиях опубликовано не было, автор писал о необходимости основательного изучения истории края. Рычков думал наряду с географическим и статистическим описанием представить в «гисторической части» соображения и сведения «о начале и состоянии народов, городов и знатных жительств, где какая вера, отменные обычаи, промыслы и особые учреждения».⁸⁵ Действительно, при ознакомлении с работой

---

⁷⁸ Первая редакция «Топографии Оренбургской» впервые была напечатана фотолитографским способом Оренбургским отделом Русского географического общества под названием: Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова, 1755 года. Оренбург, 1880.

⁷⁹ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 34—35.

⁸⁰ П. И. Рычков. Топография Оренбургской губернии, т. е.: обстоятельное описание Оренбургской губернии. . . чч. 1 и 2. СПб., 1762.

⁸¹ «Ежемесячные сочинения», 1763, март, стр. 269—270. — Сам П. И. Рычков напомнил об этом во «Введении к Астраханской топографии», стр. 4; см. также: П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 66.

⁸² П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 67—69.

⁸³ П. А. Ляровский, ук. соч., стр. 55.

⁸⁴ Ф. Н. Мильков, ук. соч., стр. 7—8.

⁸⁵ Оренбургская губерния с прилежащими к ней местами по «Ландкартам» Красильникова и «Топографии» П. И. Рычкова, и в кн.: Оренбургские степи в трудах П. И. Рычкова, Э. А. Эверсмана, С. С. Неустроева. М., Гос. изд. геогр. лит., 1949, стр. 388.

Рычкова нужно признать, что автор выполнил свое намерение, быть может, даже с некоторым превышением. Он пытался разрешить сложные вопросы этногенеза многих народов,⁸⁶ выяснить происхождение яицких казаков и описать археологические памятники Оренбургского края. Рычков был первым историком восстаний в Башкирии и одним из первых историков, изучивших историю организации уральской металлургии.

«Топография Оренбургская» Рычкова, признаваемая и в прошлом и в настоящее время одним из лучших страноведческих описаний середины XVIII в., по месту и объему исторических сведений и вопросов, поставленных в ней, связанных с происхождением и историей местных народов, занимает как бы среднее положение между «Сибирской историей» Миллера и «Описанием земли Камчатки» Крашенинникова, так как собственно исторического материала в ней меньше, чем у первого, но больше, чем у второго.

Произведение Рычкова делится на две части: в первой — дано описание всего Оренбургского края, во второй — порайонный обзор или, по административной терминологии того времени, по провинциям и дистанциям. «Топография» написана в широком плане. Автор начал с выяснения вопроса о происхождении народов, населявших Оренбургский край в древнейшее время до татарского нашествия, сделал краткий исторический обзор русских завоеваний на Востоке, остановился на происхождении башкир, кратко описал восстания в Башкирии, рассказал о принятии в русское подданство двух казахских орд, подробно повествовал о природе края (реках, морях, животном мире и т. д.), о развалинах старинных городов и пр.⁸⁷ Для историка в наше время особенно интересны главы: «О разности народов внутри Оренбургской губернии, находящихся по древнему и нынешнему их состоянию» (глава 4), «Развалины старинных городов и строений» (глава 5), «О внутренних и внешних обстоятельствах коммерции прежней, нынешней и впредь быть могущей» (глава 6).

Вопрос об этногенезе восточных народов, вошедших в состав Российской империи, был одним из актуальных в русской историографии XVIII в. потому, что политическая экспансия и хозяйственная эксплуатация народов окраин империи требовали всестороннего изучения их: в географическом, экономическом, статистическом и историческом отношениях.

Рычков в своих произведениях «восточной трилогии» много писал о происхождении местного населения. Следуя за Татищевым, он в духе националистической историографии объявлял всех «древних обитателей Оренбургской губернии» — хозар, бол-

⁸⁶ Напр., Т. В. Жданко (Очерки исторической этнографии каракалпаков, 1950, стр. 17) считает, что «Топография» Рычкова до сих пор является ценным источником.

⁸⁷ П. И. Рычков. Топография Оренбургская, ч. I, стр. 53, 63—68, 89—91, 146—157 и др.

гар и угров — народами славянского происхождения. Рычков, отстаивая данное утверждение, безапелляционно ссылаясь на русские летописи и «Синописис»: «По всем российским летописцам схоже и по печатному киевскому Синописису, болгары вообще с славянами и русскими одним языком говорили». Убедительным доказательством славянского происхождения народов Поволжья, по мысли Рыčkова, являются «руины и признаки старинных городищ, хотя и не все, но по меньшей мере некоторые из них». Особое внимание он обращал на наличие реальных следов древних горных заводов, встречающихся на территории Башкирии, которых кочевники, по его мнению, создать не могли. Таким образом, делая он вывод, до татаро-монгольского нашествия в XIII в. «в оренбургских местах славяно-российские народы жительствовавали». ⁸⁸ Но Рычков в это общее и ошибочное представление вносил некоторые коррективы. Во многом повторяя Татищева, Рычков не всегда соглашался с ним. Так, по его мнению, башкиры произошли не от древних болгар, а, «сколько известно по скаскам их самих», от ногайских татар; не разделял он и мнение Татищева о происхождении киргиз-кайсаков. ⁸⁹ Но вывод о происхождении башкир Рычков вряд ли считал окончательным, так как писал: «Оставляя на рассмотрение искуснейших, объявим токмо, что башкирцы о своей породе сами сказывают и что по имеющимся в Оренбургской губернской канцелярии делам о их обращении ведомо».

Следуя традиционной схеме русской феодальной историографии, повторенной и обоснованной Татищевым, Рычков различал три периода в исторической жизни поволжских народов. В первый период местное население, по мнению Рыčkова, — славяне, были подвластны «российским государям». Второй период, начинающийся татарским нашествием, характеризуется восприятием «чужих законов и языков». Третий начинался с взятия Казани, когда «самодержавие российских государей и христианское православие паки возобновляться стали». ⁹⁰

Для Рыčkова-историка характерно сочетание в его книгах местной народной русской и башкирской традиций с актовым историческим материалом и восточными источниками. При изучении истории Оренбургского края он использовал сведения из арабских и татарских книг, в частности широко известное произведение Абдулгази Багадура (Абулгази Баядур-хана), прокомментированное Татищевым, работы последнего, известные ему еще в рукописях («Историю Российскую», «Лексикон», «Историю Сибири» и «Примечания на Абулгази»), «Казанскую историю», «Описание Вятской страны» (1739) поручика Клешина, привлек показания «знатнейших башкирских старшин» о про-

⁸⁸ Там же, стр. 53—56; ч. II, стр. 217.

⁸⁹ Там же, ч. I, стр. 80—82, 84; ч. II, стр. 202 и ч. I, стр. 132.

⁹⁰ Там же, ч. I, стр. 63—69.

исхождении башкирского народа (генеалогическую летопись башкирских племен — шежере), записи своих бесед с войсковыми атаманами о происхождении яицкого казачьего войска, «скаска простолюдинов», свои богатые и точные личные наблюдения, а также актовый материал: правительственные указы и «канцелярские справки». Важным источником произведения Рычкова были отчеты руководителей экспедиций о походах в Казахстан и Среднюю Азию с различными целями — торговыми, дипломатическими и др. Нередко Рычков предварительно давал руководителям экспедиций «особливые наставления». ⁹¹

Многие данные, сообщенные Рычковым, объективно изобличали колонизаторскую политику царизма. Например, он воспроизводил документы, вышедшие из лагеря восставших башкир, приводил подсчеты погибших во время карательных экспедиций и пр. Оказывается, во время усмирения восстания 1735 г. было сослано, роздано фактически в рабство, «казнено и побито» 28 491 человек.

Исключительно добросовестный, тщательно сверяющий показания источников, Рычков в историографическом отношении не всегда был строг к отбору полноценных источников. Например, для этнографического раздела своих произведений он использовал доводы «Синописа». Правда, этим же грешил и Ломоносов в начале своей работы над русской историей.

В литературе недостаточно обращали внимание на то, что сам факт появления краткой истории башкирских восстаний в «Топографии Оренбургской», напечатанной в «Ежемесячных сочинениях», вышедшей отдельным изданием, а также переведенной на немецкий язык (дважды), свидетельствовал о вынужденном повороте официозной историографии к новой тематике — к истории классовой борьбы и национально-освободительных движений.

Отношение Рычкова к восстаниям в Башкирии противоречно. Осуждая, разумеется, их, он в то же время обвинял местных начальников в безобразиях и непомерных жестокостях. Причиной восстаний, по мнению Рычкова, были «неразумные поступки» отдельных представителей царской администрации. Так, например, Аладаровское и Кусюмовское восстание 1707 г. возникли в результате «неразсудных действий» воеводы Александра Сергеева, который «неумеренной строгостью требовал» от башкир лошадей, выдачи пленных и «заполн до смерти» нескольких башкирских старшин. ⁹²

Башкиры — в представлении русификатора Рычкова — «от природы непостоянный народ». ⁹³ Все их восстания, или, по тер-

⁹¹ Там же, ч. I, стр. 28, 38, 55, 56, 62, 73, 78—84, 106—107, 178, 179, 208, 235; ч. II, стр. 34—36, 60—82; П. А. Ля р с к и й, ук. соч., стр. 56.

⁹² П. И. Р ы ч к о в. Топография Оренбургская, ч. I, стр. 89.

⁹³ Там же, стр. 87. — Несмотря на шовинистические тенденции, работы П. И. Рычкова по истории Оренбургского края высоко оценены советским ис-

минологии официальной историографии, бунты, происходили для того, чтобы «им, отрешась от подданства Российского, восстановить особое владение». ⁹⁴

Вспомогательный научный аппарат в произведениях историков XVIII в. был еще не совершенен, но постепенно становился обязательным элементом научного труда. В частности, указатели — именные, географические и предметные, часто приводимые совместно в порядке алфавита, — составлялись самими историками, а не передоверялись второстепенным лицам. Так поступал, например, Татищев. Но Рычков, составивший обстоятельный «Реестр достопамятным вещам» к книге «Топография Оренбургская», который являлся общим предметным и именным указателем, отступил от правила, принятого в таких делах. Он составил выборочный указатель, т. е. «многие имена и звания пропустил, для того что сия работа очень мне скучна показалась». ⁹⁵

Историки географической науки считают «Топографию Оренбургскую» Рычкова выдающимся событием в развитии русской науки. Это произведение, являющееся одним из первых в мире региональных географических трудов, ⁹⁶ оказало несомненное влияние на структуру и содержание историко-топографических описаний ряда наместничеств, ⁹⁷ хотя даже лучшее из такого рода произведений «Историческое, географическое и экономическое описание Воронежской губернии» митроп. Евгения (Болховитинова) (Воронеж, 1800) уступает по научному уровню работе Рычкова. Большинство из топографических описаний XVIII столетия, хотя и приводили ценный фактический материал, но были лишены «теоретических выводов и обобщений... и оценки перспектив хозяйственного развития описываемой территории». ⁹⁸

Что касается историографического значения «Топографии Оренбургской» Рычкова, то оно до сих пор не уточнено. Можно заранее согласиться с тем, что географическая часть произведения в научном отношении, несомненно, превосходит историческую. Это обуславливалось не столько личными качествами ее автора, сколько общим уровнем исторической науки в России и состоянием разработки источников русской и местной истории. Напомним, что к 1762 г. читатели не знали трудов М. В. Ломоно-

---

следователем истории Башкирии А. Н. Усмановым, который широко использовал его материалы и выводы (о добровольности присоединения Башкирии, заинтересованности башкир в построении Оренбурга и пр.). — А. Н. Усманов. Присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1960, стр. 16, 154 и мн. др.; см. также: И. Г. Акманов. Башкирское восстание 1704—1711 гг. Автореф. канд. дисс. М., 1963.

⁹⁴ П. И. Рычков. Топография Оренбургская, ч. I, стр. 88.

⁹⁵ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 63.

⁹⁶ П. А. Ляровский, ук. соч., стр. 59.

⁹⁷ Ф. Н. Мильков, ук. соч., стр. 81.

⁹⁸ Там же.

сова и В. Н. Татищева, появившихся несколько позже (1766 и 1768 гг.). Историографическое значение «Топографии Оренбургской» Рычкова заключается в том, что это выдающееся произведение, наряду с трудом Крашенинникова о Камчатке и Миллера о Сибири, было одним из первых систематических описаний одной из огромных частей русского государства, выполненное по широкому плану, начиная от вопросов этногенеза местных народов до их присоединения к России и до событий середины XVIII в. Исторические судьбы местных и «новопришедших» народов Рычков, разумеется, рассматривал с точки зрения их отношения к зависимости от России, через призму колонизации юго-восточной окраины русского государства.

Второй частью русско-восточной трилогии Рычкова была книга «Опыт Казанской истории древних и средних времен», вышедшая в Петербурге в 1767 г. Рычков одним из первых высказал мысль, повторяющуюся неоднократно и в XIX в., т. е. много десятилетий спустя, о том, что «общая история всей России» должна быть составлена из «особливых описаний» царств и княжеств. Работу о Казани он намеревался строить по схеме, аналогичной «Топографии Оренбургской»: начать с пришествия славян и распространения их по Волге «великими городами и селениями», затем перейти к рассмотрению «достопамятных дел», — войн и договоров болгар с греками (Рычков отождествлял волжских болгар с дунайскими) и выяснить причины удаления их с берегов Волги, хотя, по его мнению, их «не меньшая часть в прежних местах еще оставалась». ⁹⁹ «Сильнейшая причины и необходимая крайность», объяснял Рычков, заставила «толь великий народ подвинуть», т. е. покинуть, насиженные места в поисках более спокойных. Древние болгары, по его мнению, окончательно были вытеснены с Волги татарами. Затем внимание автора привлекло время господства татар — основание ханств, их управление, границы, причины ослабления и гибели, наконец, «как утверждалось и утвердилось российское самодержавие и христианство». По этому плану шло распределение материала в книге. Одна треть ее отводилась «древним обывателям нынешних казанских мест» и городам «бывших здесь древних болгар и о их развалинах» (I и II главы); следующие две главы были посвящены татарскому завоеванию и основанию г. Казани, которое Рычков относил примерно ко времени около 1250 г., хотя заметил, что упоминание о казанских болгарях встречается еще в 1162 г. ¹⁰⁰ В главах с V по XII освещалась история борьбы за Казань, причем основное внимание уделялось времени Ивана Грозного. В отдельной главе были перечислены «духовные власти», бывшие в Казани от «начала взятия сего города», и высказано сожаление, что нельзя назвать «всех главных ко-

⁹⁹ П. И. Рычков. Опыт Казанской истории. . . , стр. 10.

¹⁰⁰ Там же, стр. 71.

мандиров» Казани. В заключение автор рассказал о местоположении города и его современном состоянии, основываясь на описании, сделанном геодезистом Пестриковым, посланным для этого в Казань Татищевым еще в 1739 г. В книге имелось приложение «О начале российских жилищ по р. Вятке», составленное Клешиным также в 1739 г. и переданное тогда же Пестрикову.

Рычков, перечисляя свои источники и литературу, все еще не делал отличия одних от других. Он ссылаясь на «Летописец», подписанный Петром Могилой, на Иосифа Флавия, Барония, Мавроурбина, на Платона Карпини и Рубрука, на «Синописис», Татищева и Ломоносова. Но главным источником основной части книги была знаменитая «История Казанская», которую можно считать, именно он впервые ввел в научный оборот. Рычков понимал, что известная «Скифская история» Андрея Лызлова была написана на основании ее, а поэтому произведение историка конца XVII в. для автора «Опыта Казанской истории» было менее важно. Сравнение этих трех произведений — «Казанской истории» середины XVI в., «Скифской истории» конца XVII столетия и книги Рычкова середины XVIII — может убедительно свидетельствовать, с одной стороны, о прогрессе русской историографической мысли на протяжении двух веков и об ограниченности ее успехов — с другой.

Рычков впервые применил принцип сопоставления летописных списков к многочисленным рукописям «Казанской истории», хотя сделал он это неполно и неумело, за что был раскритикован Шлецером. Рычков уточнил хронологию списков этого исторического произведения, отметил различие в показаниях.¹⁰¹

Третьей частью русско-восточной трилогии Рычкова явилась небольшая книга «Введение к Астраханской топографии», изданная при Московском университете в 1774 г.¹⁰² Это, пожалуй, самая слабая работа оренбургского историка. Рычков к этому времени стал довольно видным историком, его работы получили признание в научном мире, тем не менее, на его последнем труде сказались отставание от новейших достижений исторической мысли.¹⁰³ Однако Рычков считал свои работы образцом для историка и заявлял, что труды не могут быть совершенными, если в них не показано «начальных оснований» областей и народов. Он по-прежнему жил багажом времен Татищева.

И во «Введении к Астраханской топографии» Рычков использовал опубликованные русские летописи, рукописные лето-

101 П. И. Рычков. Опыт Казанской истории... стр. 153, 96, 113.

102 П. И. Рычков. Введение к Астраханской топографии...

103 П. П. Пекарский считал, что это произведение П. И. Рычкова «не имеет никакой цены, потому что здесь еще более заметны поспешность и полнейшее отсутствие критики, так что автор не делает никакого различия, например, между летописцами и Лызловым, Эмнимым, творцом российской истории и Миллером и т. д., и всех их приводит с одинаковою верою в их непогрешимость» (Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 80).

писцы — один подписанный Петром Могоилой, другой — рукой новгородского архиепископа Феодосия, «Историю» Лызлова, произведения Татищева, Эмина, Контарини и некоторых других. Однако основным источником «Введения» была не «Казанская история», а произведение Лызлова.¹⁰⁴ Здесь у него прозвучали новые нотки. Несмотря на «все почтение к бывшему командиру и благодетелю» — Татищеву, Рычков в этом труде возразил своему учителю и наставнику в вопросе о том, как далеко простирались владения древних русских государей на Востоке. По мнению Рычкова, они доходили до Волги.¹⁰⁵

Как и обычно, Рычков начал книгу с разговора о древних народах, обитавших в Нижнем Поволжье. У него по-прежнему единая этнографическая линия связывает команов, болгар и славян. Рычков привел небольшую историографическую справку о мнениях историков по поводу местонахождения загадочной Тмутаракани.¹⁰⁶ Лызлов и Рычков искали ее в «нынешних Астраханских пределах», Миллер и Эмин локализовали в районе современного Темрюка, Татищев упорно связывал с Рязанским княжеством. О покорении Астрахани Рычков повествовал по Лызлову и какой-то безымянной рукописной, но весьма краткой «Астраханской истории», составленной на основании «приказных дел», полученной им от приятеля.¹⁰⁷ Затем он рассказывал о пребывании Разина в Астрахани.¹⁰⁸ Рычков рассматривал «Введение к Астраханской топографии» как подготовительную работу для написания истории Астрахани с древнейших времен, включая восстание Степана Разина.

Повышенный интерес Рычкова к истории экономической жизни России и прекрасное знание сельскохозяйственного производства позволили ему, чуть ли не первому в русской историографии, в основном верно охарактеризовать хозяйственный быт древних славян. В произведении 1755 г. Рычков писал, что «славяноруссы упражнялись» «как в земледельстве и житах, также в скотоводстве и ловле зверей и рыб»,¹⁰⁹ а в статье 1767 г. говорилось следующее: «Славны были они в войнах по храбрости, славны и в коммерции, как внутренней, так и внешней, по великому их старанию в земледельстве, в содержании скота, пчел и во всяком роде домостроительства».¹¹⁰ Как видно, Рычков еще в XVIII в. правильно подходил к определению основ хозяйствен-

¹⁰⁴ П. И. Рычков. Введение к Астраханской топографии..., стр. 32, 22, 23 и 71.

¹⁰⁵ Там же, стр. 34—35; ср.: В. Н. Татищев. История Российская..., т. II. М.—Л., 1962, стр. 240, примеч. № 227.

¹⁰⁶ П. И. Рычков. Введение к Астраханской топографии, стр. 37—38.

¹⁰⁷ Там же, стр. 53—69.

¹⁰⁸ Там же, стр. 5.

¹⁰⁹ П. И. Рычков. Письма о коммерции. Письмо второе. «Ежемесячные сочинения», 1755, ч. I, стр. 310.

¹¹⁰ П. И. Рычков. Примечание о прежнем и нынешнем земледелии. Труды ВЭО, ч. 6, 1767, стр. 57.

ной жизни славянства, связывая ее с земледелием, скотоводством и торговлей.

Рычков, как и М. М. Щербатов, всегда пытался найти исторические аналогии грозным народным движениям второй половины XVIII столетия. Например, в 1772 г., когда еще так свежи были впечатления о «чумном бунте» 1771 г. в Москве, он поспешил послать Миллеру список с описания «о бывшем в России во время царя Алексея Михайловича моровом поветрии». ¹¹¹ Во время осады Оренбурга в 1773 г. он занимался историей восстания Степана Разина. Еще не была подавлена Крестьянская война под предводительством Е. И. Пугачева, как Рычков взялся за написание истории оренбургской осады.

Находясь в осажденном пугачевскими войсками Оренбурге, Рычков в октябре 1773 г. написал созвучное современным событиям произведение «О бунте и злодействах Стеньки Разина и его единомышленников в Астрахани». Для этого он использовал рукопись Петра Золотарева, составленную еще в 1687 г. по приказу астраханского воеводы боярина И. М. Салтыкова для реабилитации убитого митрополита Иосифа и «всяческого оплевывания и поношения разинцев». ¹¹² По поводу своего труда Рычков писал Миллеру: «В нынешнее стропотное наше время сделал я описание с имеющейся у меня старинной и невразумительной почти тетради о бунте Стеньки Разина и его единомышленников. Оно по его подробностям гораздо обстоятельнее, чем как я читал у наших и иностранных писателей». Однако попытка напечатать свое произведение в «Опыте трудов Вольного Российского собрания» была безуспешной. Ни Миллер, ни И. И. Меллиссно, на которых он надеялся, не смогли ему помочь. ¹¹³

Во вступлении к этой работе, которое Рычков назвал «Предупреждение и прозьба к любителям Российской истории и к упражняющимся в собирании оной», автор, как и обычно, определил задачи нового исторического труда. По его мнению, он должен быть составлен «по порядку употребляемом в исторических книгах», т. е. в хронологической последовательности от начала восстания Разина до его подавления. Но по ряду причин Рычков вынужден был начать повествование непосредственно с появления вождя народной войны в Астрахани. Замечания историкovedческого характера во вступительной статье немногочисленны.

¹¹¹ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рыčkova, стр. 137.

¹¹² Б. Н. Тихомиров. Источники по истории разинщины. «Проблемы историкovedения». Сб. I. М.—Л., 1933, стр. 59. — Произведение П. Золотарева было напечатано в «Древней Российской Вивлиофике» (М., 1791, ч. XVIII) и переиздано в XIX в. См.: Б. Н. Тихомиров, ук. соч. Там же; см.: В. В. Мавродин. Крестьянская война в России в 1773—1775 годах. Восстание Пугачева, т. I. Изд. ЛГУ, 1961, стр. 14. Рукопись П. И. Рыčkova в ЦГАДА, ф. 199 (портфели Миллера), № 152, д. 12, на 24 лл.

¹¹³ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рыčkova, стр. 136—137 и 138.

Охарактеризовав рукопись Золотарева, он заметил, что сведения в сочинениях иностранных писателей о взятии Астрахани Разиным и последующих событиях — «злодействах» Разина — недостаточны.

Интересно намерение Рычкова (правда, не осуществленное им в этой работе, но в какой-то степени выполненное во «Введении к Астраханской топографии». — СПб., 1774) составить историю местного Астраханского управления. Видимо, Рычков думал по образцу «восточной трилогии» остановиться на многих вопросах губернского и городского управления Астрахани, а также на истории строительства церковных и гражданских сооружений. Он предполагал осветить: «учреждение тамошнего управления и главных города Астрахани правлений, с их распорядками, яко то: городское управление при первом случае бывшим, строение монастырей, соборных и других церквей, гостиных дворов и пр.; а между тем не бесполезное дело видеть тут и внутренние распорядки в пользу всего общества ими чиненные, потом знатнейшие произшествия...» (часть из которых автор и перечислил).¹¹⁴

Нельзя думать, что идею составления описания осады Оренбурга пугачевцами Рычкову подсказал известный каратель князь П. М. Голицын, встретившийся с ним в апреле 1774 г.¹¹⁵ Как свидетельствовал сам Рычков, находясь в Оренбурге, он постоянно вел «для памяти и собственного моего сведения ежедневную записку», которую намеревался впоследствии использовать для исторического описания осады. Однако он боялся выступить с историческим трудом самостоятельно, так как ему хорошо было известно, что без санкции начальства писать небезопасно. Поэтому Рычков, дожидаясь указаний свыше, не торопился и занялся приведением в порядок «походных записок» П. М. Голицына «со всеми действиями, до освобождения Оренбурга и многих здешних мест учиненными».¹¹⁶

В мае 1774 г., когда в Оренбург прибыл другой усмиритель пугачевской войны — князь Ф. Ф. Щербатов, во время званого обеда, на котором присутствовала местная администрация, состоялся любопытный разговор «о истории здешнего осадного времени». Князь высказал мысль, что история осады Оренбурга должна быть беспристрастной и что следует упредить французов, чтобы и они и другие иностранные народы «не издали в публику о сей нашей осаде и о самозванце Пугачеве несправедливых известий». Возражений или сомнений в необходимости в кратчайший срок написать историю пугачевской осады с тем, чтобы не

¹¹⁴ ЦГАДА, д. 199, № 152, д. 12, л. 3 и сл.

¹¹⁵ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 139; ср.: В. В. Мавродин. Крестьянская война в России..., т. I, стр. 14.

¹¹⁶ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 14.

дать возможности за границей распространить неблагоприятную для русского правительства информацию, не было. Но в отношении требования «беспристрастности» к единому мнению не пришли. Нельзя, конечно, предполагать, что Рычков расходился с Ф. Ф. Щербатовым и другими в вопросе общей оценки событий. Но описывая «историографический обед» в письме к Миллеру, Рычков был обеспокоен возможностью объективного изложения событий, так как «текущих или настоящих времен историю всякому сочинителю, а наипаче справедливому и беспристрастному, писать сумнительно». Не случайно было принято решение, чтобы написанный труд не выходил «ныне в публику».¹¹⁷

Работа Рычкова была обеспечена необходимыми материалами. Он получил уже обработанные «Журналы» от П. М. Голицына, Ф. Ф. Щербатова и даже от своего личного врага оренбургского губернатора И. А. Рейнсдорпа. Последний писал: «Рычков получил от меня и других генералов все материалы для пугачевской истории».¹¹⁸

В июле 1774 г. Рычков приготовил первую часть «Описания осады Оренбурга», доведя ее до первого появления Пугачева у стен крепости 1 октября 1773 г. Вскоре все произведение было закончено. О работе над ним Рычков систематически сообщал Миллеру и показывал его «разным лицам», упорно, однако, не желая ознакомить с ним губернатора. Рейнсдорп, выведенный из себя таким непочтением, писал Миллеру гневные строки о Рычкове и его новом произведении: «...его хартия до сих пор остается тайною, из чего я с уверенностью вывожу, что он, по своему обыкновению, наполнил ее сказками и лжами... Нескольких книг с бумагами, наполненными легкомысленными проектами, суть его путевые спутники... Короче — только в могиле такой человек расстанется с своей черной душой». Рейнсдорп был уверен, что П. И. Панин, к которому намеревался поехать Рычков в Симбирск, чтобы получить одобрение своему труду, отрицательно отзовется об авторе, «сорвет непременно маску с его глупости», как писал он.¹¹⁹ Но Панин принял Рыч-

¹¹⁷ Там же, стр. 140. — Позже П. И. Рычкова также был обеспокоен, «чтоб иностранные писатели несправедливо и неместно не напечатали» (там же, стр. 148).

¹¹⁸ Там же, стр. 140—141 и 145.

¹¹⁹ Там же, стр. 145. — Столкновения П. И. Рычкова с губернатором Рейнсдорпом начались в 1771 г., когда он без разрешения начальства начал сообщать Г. Ф. Миллеру об уходе калмыков из пределов русского государства, назвав этот факт революцией (см.: П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 123 и сл.; ср.: Ф. Н. Мильков, ук. соч., стр. 123—124). В самом начале 1772 г. Рейнсдорп писал Миллеру о «неограниченном себялюбии» Рычкова, называл его произведения «безвкусными компиляциями», а его самого Тартюфом (см.: П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 131). К лету 1775 г. конфликт между Рычковым и губернатором зашел так далеко, что Рейнсдорп считал, что если ему не удастся избавиться от Рычкова, то он должен будет просить Панина отозвать его, Рейнсдорпа, из Оренбурга (там же, стр. 150).

кова больше чем хорошо. На него, кроме основных служебных обязанностей, было возложено составление «исторических экстрактов» о киргизах и башкирах.¹²⁰

В конце 1774 г., казалось, появилась возможность издать произведение Рычкова. Однако сам автор считал, что его «Описание осады Оренбурга», основанное на таком истинно правдивом описании событий, которое может быть подтверждено «делами и людьми» издавать не следует. Он предлагал Г. Ф. Миллеру и И. И. Мелиссино, которые рекомендовали ему частично переделать произведение, написать новую работу «такою метою, как пристойно для публики», а его сочинение оставить в архиве. Но Рычков все-таки думал увидеть свой труд опубликованным. Учитывая, что граф Панин взял список с его рукописи для того, чтобы его произведение «соединить... с генеральным обо всем бунте описанием», сочиняемым М. И. Веревкиным, Рычков полагал, что из такого комбинированного труда будет уместно издать только «экстракт», хотя, как писал он, «уповаю, не скоро».¹²¹ Веревкин ограничился опубликованием в 1774 г. одной антипугачевской пьесы «Точь-в-точь», а Рычков, предложивший Вольному экономическому обществу напечатать его статью по частному вопросу — «О приготовлении в пищу во время крайней нужды говяжьих и бараньих кож», вынужден был изъять из нее все, что говорилось о Пугачеве.¹²²

Для Рычкова Емельян Пугачев, разумеется, — «великий злодей», самозванец, разбойник и пр. Но он уже понимал социальную природу Крестьянской войны. В этом отношении ему еще далеко, конечно, было до А. С. Пушкина, но тем не менее его соображения о народном характере движения заслуживают внимания. Например, сообщая о событиях в Симбирском уезде, Рычков ясно писал: «...едва ли не вся чернь взволновалась и устремилась на убийство и ограбление дворян».¹²³ У Пушкина, вспомним, эта мысль была высказана более обоснованно, расширительно и ярко: «Весь черный народ был за Пугачева... Одно дворянство было открытым образом на стороне правительства».¹²⁴

Рычков, видевший Пугачева и разговаривавший с ним, не забывший разорения своего села Спасского и гибели старшего сына, не мог быть объективным к вождю восставшего народа. «Удивления достойно, — писал он о Пугачеве, — что столь плюгавой мужиченко мог наделать великое множество злодейств». Однако Рычков вынужден был отдать должное его личным каче-

¹²⁰ Там же, стр. 146—147.

¹²¹ Там же, стр. 148.

¹²² См.: В. В. Мавродин. Крестьянская война в России..., т. I, стр. 11—12, 14.

¹²³ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 143.

¹²⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, 1958, стр. 363.

ствам. Сообщая о беседе с пойманным Пугачевым, он все-таки написал: «...нашел я в нем самого отважного и предприимчивого казака». Дальнейшие слова Рычкова о невежестве Пугачева и его уменьи притворяться или подделываться к обстановке не меняют общего положительного духа психологической характеристики.¹²⁵

Впервые обстоятельный обзор не опубликованных до нашего времени произведений Рычкова был сделан П. А. Лярским. Из 13 неопубликованных трудов наибольший интерес, несомненно, представляет «Лексикон, или словарь топографический Оренбургской губернии».¹²⁶ О существовании этой работы было известно давно, но рукопись ее была отыскана только в середине нашего века.¹²⁷

На склоне лет Рычков продолжал неутомимо работать. Будучи уже стариком, он был занят в губернской канцелярии по нескольким должностям, или, как тогда называли, «присутствиям»: «при заграничных делах», «при башкирских и всех иноверческих делах», в соляном правлении. Вместе с тем он усиленно работал над историческими сочинениями, собирал материалы для упомянутого «Лексикона», для третьей части «Топографии» и проч. И «сие меня никак не тяготит, — писал он, — ибо привык всегда что-нибудь делать или мыслить».¹²⁸

«Оренбургский лексикон» был составлен Рычковым в значительной части на материалах «Топографии», но в нем имелись и новые данные. Это произведение Рычкова, оригинальное по форме и содержанию, является третьим лексиконом в России вообще, после татищевского и полунинского, и первым, как его называют историки географии, региональным лексиконом в России.¹²⁹ Автор «Лексикона Оренбургской губернии» включил в него многие исторические сведения: об основании городов, законодательных мероприятиях, об исторических и государственных деятелях Оренбургского края и правителях ханств Средней Азии и Казахстана; не были забыты и предводители народных

---

¹²⁵ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 146, 148.

¹²⁶ Полное заглавие «Лексикона» П. И. Рычкова: «Лексикон или словарь топографический Оренбургской губернии, в котором описаны все города, крепости, редуты, пригороды, остроги и селения, находящиеся во оной губернии, со внесением тут и морей, знатнейших озер, рек, мест и урочищ, внутри ее и смежно с нею лежащих, и как в Азию, так и в Европу простирающихся, разные народы, дворянские фамилии, знатные особы, отменные от других великороссийских мест звери, птицы, продукты, вещи и товары, кои по делам и по коммерции сей губернии и ведению принадлежат. Собран и в алфавитной порядок приведен в Оренбургской экспедиции пограничных и иноверческих дел 1776 года». Другой том датирован 1777 годом.

¹²⁷ Подлинник (ГБЛ, ф. Музейный, № 2931) указан А. И. Андреевым П. А. Лярскому (см.: П. А. Лярский, ук. соч., стр. 69); копия (Архив ЛОИИ, ф. Воронцовых, оп. I, № 521) найдена П. Е. Матвиевским (см.: П. А. Лярский, ук. соч., стр. 70).

¹²⁸ П. А. Лярский, ук. соч., стр. 52.

¹²⁹ Там же, стр. 73.

движений, особенно Пугачев.¹³⁰ Вместе с тем это произведение имело определенную практическую направленность. Сам автор считал необходимым составить аналогичные лексиконы для других мест: «...такая книга в каждой губернии не только для общенародного, но и для канцелярского употребления весьма удобна и полезна.¹³¹

Значение деятельности Рычкова в науке многогранно и содержательно. Ф. И. Мильков писал: «Современник гениального Ломоносова, он принимал активное участие в зарождении и оформлении многих отраслей наук — физической и экономической географии, истории, пчеловодства, степного лесоводства, карстоведения и др.»¹³²

Историографическое значение трудов Рычкова по истории определялось не только положительным отношением к ним Татищева, Ломоносова, Миллера, Шлецера и др., но и степенью их использования теми же современниками: Татищевым в «Истории Российской», Миллером в полунинском географическом словаре 1773 г., в «Ежемесячных сочинениях», «Трудах Вольного экономического общества», в немецких переводах, информациях и рецензиях Шлецера и других. Влияние Рычкова на историко-географическую литературу также сказалось в том, что его классический труд по региональной географии России — «Топография Оренбургская»¹³³ — был полностью расписан по пяти томам «Географо-статистического словаря» П. П. Семенова, использован в качестве образца во многих «топографических описаниях» и не потерял своего значения для истории многих отраслей знаний вплоть до нашего времени.¹³⁴

Заслугой Рычкова перед русской историей является также его забота о сохранении некоторых произведений Татищева, например «Лексикона», автор которого широко привлекал материалы оренбургского историка.¹³⁵

Таким образом, П. И. Рычков занял почетное место в историко-краеведческой литературе России. Он был одним из первых историков-краеведов большого масштаба, работавших по широкой программе изучения истории огромной территории страны, начиная с вопросов этногенеза до современности. История местных народов, проблема русской колонизации на юго-востоке Российской империи, хозяйство и быт в прошлом и настоящем местного и новопришедшего населения, археология и фольклор — предмет научных разысканий историка Оренбургского края. Не следует забывать и то, что Рычков одним из первых в России об-

---

¹³⁰ Архив ЛОИИ, ф. 36, оп. 1, № 521, лл. 81—92, 571об. — 575об.

¹³¹ П. П. Пекарский. Жизнь и литературная переписка П. И. Рычкова, стр. 152.

¹³² Ф. И. Мильков, ук. соч., стр. 133.

¹³³ Там же, стр. 134.

¹³⁴ П. А. Ляровский, ук. соч., стр. 76.

¹³⁵ Там же, стр. 48.

ратил большое внимание на историю экономического развития России, впервые напечатав несколько статей по истории коммерции, которые нужно рассматривать как попытку создания общей истории русской коммерции, понимаемой в широком смысле этого слова. Его наблюдения о хозяйстве древних славян явились правильным предвидением будущих научных выводов о сельскохозяйственном характере производства в Древней Руси. Можно считать, что тема, связанная с историей экономической жизни России, оказала определенное влияние на многих, — на Миллера и Ломоносова, Чулкова и Крестинина и др. Однако не будем преувеличивать его идейного влияния на развитие исторической мысли в России, памятуя, что оно обусловливалось не столько идейным воздействием, сколько диктовалось объективной закономерностью жизни.

Особое место занимает Рычков и в источниковедении крестьянской войны под предводительством Пугачева. Его «Летопись Оренбургской осады», как известно, была использована Пушкиным в «Истории Пугачева» в качестве одного из главных источников.

Наконец, Рычков был одним из первых историков местного управления юго-востока России. В его произведениях из цикла «восточной трилогии» впервые была сделана попытка осветить историю губернских и городских учреждений Оренбурга, Казани и Астрахани.

В итоге нужно отметить, что П. И. Рычков занимает почетное место в развитии русской исторической мысли XVIII столетия. Все его исторические труды, несмотря на присущие им недостатки, связанные с общим состоянием русской науки, с личными качествами и жизнью историка в колониальной провинции, свидетельствуют о внимании к новой исторической проблематике, присущей для нарождающейся буржуазной историографии.

ГЛАВА VIII

НАЧАЛО БУРЖУАЗНОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ. ТРУДЫ В. В. КРЕСТИНИНА И М. Д. ЧУЛКОВА

В создании «гражданской истории» России во второй половине XVIII в. принимали самое активное участие В. В. Крестинин, М. Д. Чулков, Н. И. Новиков, И. И. Голиков и многие другие, порывающие со старым представлением об истории как истории отдельных правителей.

Буржуазное направление в историографии второй половины XVIII в. было более представительным и определенным, чем это принято считать в нашей литературе. Уже взгляды В. Н. Татищева и его экскурсии по экономической истории России, работы П. И. Рычкова и многое другое свидетельствовали о повороте историков и неисториков к новой тематике и к новому пониманию истории, при котором центр тяжести исторического исследования перемещался от изучения политических и религиозных вопросов к проблемам и фактам хозяйственной жизни народов. Дворянская историография под влиянием развивающихся капиталистических отношений, несомненно, обуржуазилась, как впоследствии в середине XIX в. стала одворяниваться буржуазная историография. Компромисс русской буржуазии с дворянством был двухсторонним явлением: буржуазия стремилась сотрудничать с «просвещенным абсолютизмом» в своих классовых целях, дворянство — использовать буржуазию в интересах укрепления самодержавно-крепостнического государства. Это общее положение в преломлении к истории русской исторической мысли может быть проиллюстрировано взаимоотношениями А. Р. Воронцова — влиятельнейшего деятеля экономического управления России в последней трети XVIII в. — и блестящей плеяды историков — Крестинина, Чулкова и Голикова.

В. В. Крестинин (1729—1795) был, бесспорно, самым ярким представителем буржуазной историографии в России XVIII в. Литература о нем невелика. В дореволюционной историографии его исторические произведения, как правило, относились к местной, краеведческой проблематике, что в известной мере затрудняло определение роли историка Севера в развитии отече-

ственной науки, хотя уже современники оценили заслуги Крестинина по сбору исторических документов. Редактор «Новых ежемесячных сочинений» Н. Я. Озерецковский писал: «За полезные для общества труды издатели публично благодарят г. Крестинина, рачительнейшего Академии наук корреспондента».¹

Впервые биографические сведения и данные о произведениях Крестинина сообщил Болховитинов.² В обзоре истории русской исторической мысли, сделанном в 40-х годах XIX в. А. В. Старчевским, о Крестинине сказано вскользь, в связи с характеристической его со товарища по разработке истории — А. И. Фомина.³

Те неполные биографические материалы, которыми до сих пор пользуются историки, были введены в литературу в конце 50-х годов XIX в. Г. Заринским.⁴ Несколько позже в «Архангельских губернских ведомостях» появились некоторые новые сведения о Крестинине опять-таки совместно с данными о Фомине,⁵ роль которого в истории русской исторической мысли еще не изучена, но, несомненно, имеет самостоятельное значение.⁶ Следует подчеркнуть, что ни Н. М. Карамзин, ни С. М. Соловьев в своих обобщающих трудах по истории России ничего не говорили о Крестинине как историке, хотя и использовали некоторые данные его работ. В. О. Ключевский в «Курсе русской истории» лишь мимоходом назвал произведения Крестинина «дельными историческими сочинениями».⁷ Только А. Н. Пыпин нашел место для исследователя Севера в «Истории русской этнографии».⁸ К столетию со дня смерти историка, в 1895 г., появилась небольшая статья В. Рудакова.⁹ В ней был приведен список произведений историка, которого автор юбилейной статьи по-преж-

¹ «Новые ежемесячные сочинения», ч. XXI, 1789, январь, стр. 78.

² Митр. Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, т. I. М., 1845, стр. 318—320; т. II, стр. 389—390.

³ А. В. Старчевский. Очерк исторической деятельности до Карамзина. «Финский вестник», т. III. СПб., 1845, стр. 194—197. — Эта работа А. В. Старчевского больше известна под другим названием «Очерк литературы русской истории до Карамзина». (СПб., 1845). См. также: «Маяк», 1844, № 10, стр. 54.

⁴ Григорий Заринский. Василий Васильевич Крестинин. «Архангельские губернские ведомости», 1858, № 43, стр. 354—355.

⁵ П. А. (Ефименко). Что сделано для истории крайнего севера и что следует сделать. «Архангельские губернские ведомости», 1871, № 60, 61, 62.

⁶ В частности, А. И. Фомин незадолго до кончины работал над историей рода Фоминых. См.: «Архангельские губернские ведомости», 1839, № 2; 1871, № 67.

⁷ С. М. Соловьев (История России с древнейших времен. Изд. «Общественная польза», кн. VI, стб., 260—261), говоря о проекте всеобщего обучения, представленного В. В. Крестининым в 1764 г., заметил, что это предложение пришло «из тех мест, откуда явился Ломоносов». — В. О. Ключевский. Соч., т. 5. М., 1958, стр. 360.

⁸ А. Н. Пыпин. История русской этнографии, т. I. СПб., 1890, стр. 128—129.

⁹ В. Рудаков. Василий Васильевич Крестинин. ЖМНП, 1895, май, стр. 219—225. — Эта статья целиком вошла в «Русский биографический словарь», т. «Кнаппе—Кюхельбекер». СПб., 1903, стр. 429.

нему считал «местным историком Двинской земли». В. Рудаков писал о Крестинине: «Несомненно, его значение для русской истории невелико: оно исчерпывается сохранением для потомства некоторых важных старинных документов и сообщением местного знакомства о состоянии нашего Севера в XVIII в.»

О школьном проекте Крестинина, носящем явно демократический характер (он до сих пор не опубликован), обстоятельно писал в начале XX в. А. А. Кизеветтер. Даже этот либерал писал о разоблачительных тенденциях в творчестве Крестинина. Он сумел разглядеть за выступлениями Крестинина общественную среду, их породившую. «В своей истории города Архангельска этот точный и добросовестный писатель-современник не поспешил на изображение многих весьма мрачных моментов из жизни архангельского посада XVIII столетия. Крестинина всего менее можно заподозрить в попытках украсить, расцветить печальную действительность», — писал он.¹⁰

Известный военно-морской историк и историк Архангельска — С. Ф. Огородников сравнительно широко использовал произведения Крестинина.¹¹ Среди печатных источников он особо выделил труды Крестинина, которые, по его словам, являются «драгоценнейшим подспорьем» для изучения «холмогорской и архангелогородской старины».¹² Многочисленные ссылки на произведения Крестинина встречаются в трудах по истории русских географических открытий, по истории русского Севера, городов и торговли, истории педагогики в России.¹³

---

¹⁰ А. А. Кизеветтер. Исторические очерки. М., 1912, стр. 102—115, 215—216.

¹¹ С. Огородников. История Архангельского порта. СПб., 1875, стр. III, 25, 225 и др.; Его же. Очерк истории города Архангельска в торгово-промышленном отношении. СПб., 1890, стр. 19, 32, 33, 40, 113, 133, 162, 223 и мн.др. — Эти работы первоначально печатались в «Морском сборнике» за 1875 и 1889—1890 гг.

¹² С. Ф. Огородников. Очерк истории города Архангельска..., стр. 2.

¹³ См., напр.: П. Базилевский. Исторический очерк города Холмогор. «Архангельские губернские ведомости», 1858, № 11, 12, 13; Н. Соколов. Описание города Холмогор с очерком древней истории двинского края. Там же, № 29—35; М. Владимировский-Буданов. Государство и народное образование в России с XVII века до учреждения министерств. ЖМНП, 1873, № 10, стр. 218—219; 1873, № 11, стр. 62—64; М. Дьяконов. Половники поморских уездов в XVI и XVII веках. ЖМНП, 1895, № 5, стр. 6; А. Н. Попов. Город Архангельск. История. Культура. Экономика. Краткий краеведческий очерк. Архангельск, 1928, стр. 7, 60; В. Ю. Визе. Старинные русские названия на Новой земле. «Летопись Севера», 1949, № 1, стр. 107—122; Очерки истории СССР. Первая четверть XVIII века. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 21, 22, 141, 224; Очерки истории СССР. Россия во второй половине XVIII в. М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 155, 419, 460, 462; В. П. Зубов. Отечественные мореплаватели—исследователи морей и океанов. Географгиз, 1954, стр. 24; Его же. Историография естественных наук в России (XVIII в. — первая половина XIX в.). М., Изд. АН СССР, 1956, стр. 67—68; В. К. Яцунский. О некоторых отстающих участках нашей исторической науки. «История СССР», 1959, № 3, стр. 28.

Небезынтересны статьи А. А. Иванова о Крестинине. Одна из них была посвящена ему как основателю первого частного исторического общества, другая — разбору некоторых его произведений. Иванов, хотя и считал, что деятельность Крестинина была случайной, вырванной «из общего уклада общественной жизни Архангельска той эпохи» и не связанной с его творчеством, но признавал его широко образованным человеком и «историческим писателем», много сделавшим не только для истории Севера, но и для «истории вообще» и которому не были чужды «даже приемы современного научного изыскания».¹⁴

По-новому к изучению жизни и деятельности Крестинина подошли советские историки. В 1934 г. С. Н. Валк назвал его основоположником дипломатики частных актов, в изучении которых у него уже можно было найти элементы социального анализа источников.¹⁵ Позже Валк охарактеризовал Крестинина как «весьма примечательного деятеля исторической науки», которому мы обязаны появлением в печати первого списка Пространной редакции «Русской правды».¹⁶ Но обстоятельное изучение трудов Крестинина в историографическом плане началось совсем недавно. Произведения историка Севера только в 50-х годах впервые стали достоянием историографических курсов и предметом изучения исследователей, занимающихся жизнью и творчеством Крестинина в целом или деятельностью его в различных отраслях общественной жизни и науки. В историографическом «Введении» к соответствующему тому «Очерков истории СССР» труды «архангельского гражданина» были расценены, как раннее проявление интересов «представителей буржуазии к истории преобразований».¹⁷ Если в первом томе «Очерков истории исторической науки в СССР» произведениям Крестинина были отведены всего одна-две страницы в разделе «Зарождение буржуазной историографии»,¹⁸ то в курсе лекций Л. В. Черепнина фактически впервые были рассмотрены общественно-поли-

---

¹⁴ А. А. Иванов. В. В. Крестинин — основатель первого частного исторического общества. «Наша старина», 1916, № 11, стр. 775—781; Е го же. В. В. Крестинин как писатель. Там же, 12, стр. 930—936.

¹⁵ С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII века. «Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 7—8, стр. 37.

¹⁶ С. Н. Валк. «Русская правда» в изданиях и изучениях XVIII — начала XIX века. «Археографический ежегодник за 1958 год». М., Изд. АН СССР, 1960, стр. 140—141; см. также: М. Н. Тихомиров. Крестининский список «Русской правды». «Проблемы источниковедения», вып. III. М.—Л., 1940, стр. 398—400; Е го же. Исследование о «Русской правде». М.—Л., 1941, стр. 108, 124—125; Правда Русская, т. I. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 208—209.

¹⁷ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., Изд. АН СССР, 1954, стр. 21 (автор «Введения» — Б. Б. Кафенгауз).

¹⁸ Очерки истории исторической науки в СССР, т. I. М., Изд. АН СССР, 1955, стр. 219—220, 208. (Автор — М. Н. Тихомиров).

тические и исторические взгляды Крестинина.¹⁹ В «Историографии истории СССР» Крестинин охарактеризован как яркий представитель ранней буржуазной историографии в России.²⁰

Еще в 1952 г. П. Н. Берков в «Истории русской журналистики XVIII века» писал о необходимости изучения деятельности местных краеведов — Крестинина и Фомина, считая, что их статьи по истории России и по экономическому и географическому описанию северного края представляют научный и еще более культурный интерес.²¹ А. А. Морозов — автор произведений о М. В. Ломоносове, выдержавших несколько изданий, изучая ломоносовскую традицию в научной жизни России второй половины XVIII в., к числу наиболее видных последователей его просветительской деятельности отнес и Крестинина. В статье «По пути Ломоносова» он рассмотрел его труды по истории Севера и высоко оценил его заслуги по собиранию, сохранению и публикации ценнейших источников русской истории.²²

О Крестинине как историке русского Севера писали В. В. Пименов и Е. М. Эпштейн.²³ Последний справедливо считает, что без трудов Крестинина нельзя представить «историю изучения русского Севера в целом».²⁴ Научно-популярный обзор жизни и деятельности Крестинина сделал Ф. И. Черняховский.²⁵ Не было забыто и педагогическое наследство Крестинина.²⁶

Новым словом в изучении общественно-политической деятельности Крестинина явилась статья У. М. Поляковой, в которой впервые на большом архивном материале рассмотрено активное участие архангелогородского гражданина в общественной борьбе Архангельска во второй половине XVIII в.²⁷

---

¹⁹ Л. В. Черепнин. Русская историография до XIX века. Курс лекций. Изд. МГУ, 1957, стр. 253—261.

²⁰ Историография истории СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции. М., Изд. соц.-экономической литературы, 1961, стр. 111—112 и 92—95.

²¹ П. Н. Берков. История русской журналистики XVIII века. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 346.

²² А. Морозов. По пути Ломоносова. В кн.: «Север». Литературно-художественный альманах, № 14. Архангельское кн. изд., 1953, стр. 145—160.— См. здесь же об А. И. Фомине, стр. 160—172.

²³ В. В. Пименов и Е. М. Эпштейн. Русские исследователи Карелии (XVIII век). Петрозаводск, 1952, стр. 82 и др.

²⁴ Е. М. Эпштейн. Деятельность В. В. Крестинина по изучению русского Севера. Уч. зап. Петрозаводского ун-та, т. VII, вып. I. Исторические и филологические науки, 1957, стр. 152—166.

²⁵ Ф. И. Черняховский. Василий Васильевич Крестинин. Архангельское кн. изд., 1955. — Эта брошюра воспроизведена автором целиком с добавлением текста на одной странице о статье У. М. Поляковой в его книге «Сыны отчизны». — Очерки о выдающихся северянах. Архангельское кн. изд., 1959, стр. 77—107.

²⁶ В. К. Бобровникова. Влияние М. В. Ломоносова на развитие педагогической мысли в России во второй половине XVIII в. «Советская педагогика», 1954, № 8, стр. 117—118.

²⁷ У. М. Полякова. В. В. Крестинин и общественная борьба в архангельском посаде в 60—90-х годах XVIII в. «История СССР», 1958, № 2, стр.

Следует отметить, что статья Эпштейна и в особенности работы Поляковой во многом основаны на привлечении неизданных произведений Крестинина и его переписки, еще мало использованной и не напечатанной.

Обращает также внимание, что почти все авторы, писавшие в последнее десятилетие о Крестинине, относят его к просветителям, отмечая при этом особенности его взглядов и их некоторое отличие от мировоззрения корифеев русского просветительства.²⁸ Только Черняховский решительно отказывается причислить Крестинина к просветителям XVIII в.²⁹ Это заключение он делает на том основании, что якобы историк и деятель русского Севера не удовлетворяет трем хорошо известным ленинским признакам просветительства. «В. В. Крестинин был близок некоторыми своими чертами к просветителям XVIII века, но не больше»,³⁰ — пишет Черняховский.

Из краткого историографического обзора можно сделать следующие выводы. В советской литературе последнего времени достаточно прочно утвердилось мнение о Крестинине как об одном из деятелей русского просветительства, примыкавшего по своим взглядам к антифеодальному лагерю отечественной общественной мысли (А. А. Морозов, Е. М. Эпштейн, У. М. Полякова), и одном из основоположников новой буржуазной историографии (Б. Б. Кафенгауз, М. Н. Тихомиров, Л. В. Черепнин, Н. Л. Рубинштейн). В дореволюционной литературе значение деятельности Крестинина в истории русской исторической мысли недооценивалось. Его заслуги отмечались только в двух отношениях: он был признан видным историком русского Севера (да и то не всеми) и самоотверженным собирателем памятников древнерусской письменности и документов местных архивов.

Не преувеличивая роль Крестинина в русской историографии, следует не только отметить большое значение его трудов, но и подчеркнуть их самостоятельность и приверженность традиции М. В. Ломоносова.

Крестинин одним из первых обратился к местной тематике (в одно время с ним историческим краеведением занимались Рычков, Лепехин и др.), к изучению истории Севера (добавим —

78—102: Ее же. Василий Васильевич Крестинин и его общественно-политическая деятельность (Из общественной жизни Архангельска 60—90-х годов XVIII в.). Автореф. канд. дисс. Л., 1962.

²⁸ А. А. Морозов считает, что «научная и публицистическая деятельность Крестинина носит отчетливо просветительский характер» (ук. соч., стр. 137). Е. М. Эпштейн писал: «В своих трудах Крестинин выступает как типичный рационалист XVIII в., яркий поборник развития просвещения и науки, противник религиозно-мистического объяснения истории» (ук. соч., стр. 154). У. М. Полякова, объясняя ограниченность посадской оппозиционности, отмечает, что идеология Крестинина носила характер антифеодального протеста и примыкала «к антифеодальному лагерю русской общественной мысли» (ук. соч., стр. 99—100), т. е. к просветительскому направлению.

²⁹ Ф. И. Черняховский. Василий Васильевич Крестинин, стр. 39.

³⁰ Ф. И. Черняховский. Сыны отчизны, стр. 104.

не только русского Севера, но и истории местного населения), а также внес существенный вклад в исследование вопроса о происхождении городов и об их истории (Архангельска и Холмогор).

Не без основания Крестинин считается в советской исторической литературе основоположником дипломатики частных актов. Его деятельность как публикатора пространной редакции «Русской правды» и актового материала высоко оценена видными советскими археографами. Общеизвестной заслугой Крестинина является организация первого в России частного местного исторического общества в Архангельске.

По социальному происхождению Василий Васильевич Крестинин принадлежал к новому — буржуазному — классу. Выходец из старого архангелогородского купечества, он был вынужден после того, как его отец разорился в 1747 г., начать новую жизнь. Числясь в разряде «посадских капитальных» мещан среднего достатка, никогда не занимаясь предпринимательством или торговлей, Крестинин служил в различных учреждениях Архангельска, а также неоднократно избирался мещанством посада на должности школьного, посадского или мещанского старшины и т. д. Он жил на жалованье, которое вместе с пенсией, получаемой от Академии наук (с 1786 г.), составляло 300 рублей.

Новейшие исследователи считают, что хотя Крестинин и не учился в Архангельской духовной семинарии, но, по-видимому, получил хорошее домашнее образование. Возможно также, что серьезные знания им были получены в результате самообразования. Во всяком случае, он знал немецкий, латинский и шведский языки, понимал язык коми. Он был в курсе всей современной литературы, выходящей в России. Весь жизненный путь Крестинина свидетельствовал о том, что он больше принадлежал к разночинной интеллигенции, чем к купечеству, хотя в конечном итоге отражал интересы развивающейся русской буржуазии. Все это содействовало развитию радикализма в его политических выступлениях: вначале против дворянско-феодального гнета казенной администрации, а затем и против засилья верхушки архангелогородского купечества.

Общественно-политическая деятельность Крестинина, органически переплетавшаяся с его трудами в науке, делала их злободневными и актуальными. Но в конце концов Крестинин, представлявший левое крыло посадской оппозиции, вынужден был прекратить борьбу с царской администрацией и олигархической верхушкой Архангельска и на склоне лет покинуть родной город, из которого он никогда до этого не выезжал. Реакция, усилившаяся в России после Французской революции, происки купеческих воротил сломили его. Изгнанник последние годы жизни провел в деревушке недалеко от Архангельска, не имея условий для продолжения научных трудов по истории русского Севера.

Крестинин начал самостоятельные занятия по истории русской истории вместе с небольшой группой архангельских жителей из Об-

щества любителей местной истории (1759—1768). Завершением первого этапа его работы и деятельности Общества явилась публикация в 1767 г. ценного источника — Двинского летописца.

Второй этап деятельности Крестинина начинается с 1770 г., когда И. И. Лепехин, посетив Архангельск, познакомился с историком Севера, получил от него несколько важных источников русской истории, которые опубликовал в «Путевых записках» в 1780 г. и тем самым ввел в «большую науку» Крестинина. Однако по-настоящему он стал известен ученому миру в середине 80-х годов. Как говорилось в выписке из дневной записки Академии наук от 2 октября 1786 г., Крестинин «содейлся известным сочинением истории о древних архангелогородских обывателях» и представленными для напечатания статьями. Его первая книга — «Исторические начатки о двинском народе» (1784) — была «апробирована» Академией, а его статьи признаны «любопытными». К этому времени Крестинин, так же за счет Академии, напечатал «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа в Севере» (1785) и несколько статей о самоедах. Академическая конференция избрала его корреспондентом Академии наук и решила послать ему «диплому корреспондента, внутри государства пребывание свое имеющего».³¹ Секретарь Академии И. А. Эйлер 2 октября 1786 г. сообщил об этом Крестинину, который знал, что его представила «нынешний директор Академии» Е. Р. Дашкова, действовавшая по настоянию своего брата А. Р. Воронцова.³²

Сам факт избрания «архангелогородского гражданина», как величал себя постоянно Крестинин, в число корреспондентов Академии наук свидетельствовал о признании правящими кругами России ценности его трудов.

Хронологию важнейших произведений Крестинина следует определять не по выходу в свет его книг, так как они почти все издавались с большим опозданием, а по времени окончания их написания.³³ К 1779 г. Крестинин закончил первый научный труд, посвященный истории «двинского народа» (издан в 1784 г.),³⁴

³¹ ААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 359, л. 31.

³² В. В. Крестинин в ответном письме И. А. Эйлеру от 30 X 1786 г. благодарил за полученное письмо, которое его «уверяет... что нынешний директор Академии... благоволил представить, Академии же принять меня в свои корреспонденты, удостоила...» (ААН СССР, ф. 1, оп. 1, № 10, протокольные бумаги 1786 г., лл. 3—3об.). Но в списке лиц, получающих академические пенсии по званию корреспондента в середине 1787 г., В. В. Крестинина нет. В выписке из дневной записки Академической конференции от 2 октября 1787 г. последняя цифра 7 кем-то ошибочно исправлена на 6. Выписка была получена канцелярией 10 ноября 1787 г. Вся документация об избрании Крестинина корреспондентом находится во входящих делах 1787 г. — См.: ААН СССР, ф. 3, оп. 1, № 359, лл. 31—34, 24—25.

³³ Полной библиографии произведений В. В. Крестинина до сих пор нет.

³⁴ Исторические начатки о Двинском народе древних, средних, новых и новейших времен, сочиненные Василием Крестининым Архангелогородским гражданином. Часть первая. СПб., 1784.

явившийся результатом многолетней работы, начало которой восходит ко времени организации исторического общества в Архангельске. Тогда же, в 1779 г., им была завершена небольшая работа по истории одного из крестьянско-купеческих родов русского Севера (издана в 1785 г.).³⁵ В 1785 г. он закончил написание истории Архангельска (издана в 1792 г.),³⁶ а в 1789 г. — работу по истории города Холмогор (издана в 1790 г.).³⁷ К «Краткой истории о городе Архангельске» примыкает серия работ, написанных им в последние годы жизни. Большинство из них до сих пор не опубликовано. Некоторые из этих работ являлись продолжением «Краткой истории о городе Архангельске»,³⁸ другие имели много общего по тематике с этим произведением, так как анализировали отдельные стороны истории города, например, историю коммерческого кредита внешней торговли архангелогородских купцов,³⁹ историю частного купеческого судостроения на Двине⁴⁰ и судебные дела городского магистрата.⁴¹

³⁵ Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в севере, сочинен Архангелогородским гражданином Васильем Крестинным 1779 года. СПб., 1785.

³⁶ Краткая история о городе Архангельском, сочинена Архангелогородским гражданином Васильем Крестинным. СПб., 1792; Краткая Архангелогородская история, ЛОИИ, ф. 36, № 496 на 180 лл.

³⁷ Начертание истории города Холмогор. Сочинено Архангелогородским гражданином Васильем Крестинным, СПб., 1790. См. также: Выписка из начертания истории г. Холмогор, сочиненная Архангелогородским гражданином Васильем Васильевичем Крестинным, сделана Н. Озерецковским. Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. VII, 1791, стр. 106—123.

³⁸ Чертеж погодных исторических записок, служащих основанием к продолжению истории города Архангельского, от 1780 года. Сочинен 1789 года. В. К. ЛОИИ, ф. 36, № 1212, лл. 13—26. — См. также «Магистратское описание города Архангельска» (1779), напечатано во «Временнике МОИДР» (т. XXV, 1857, стр. 51—68), оно совпадает с некоторыми местами «Краткой истории о городе Архангельском» В. В. Крестинина; Е го же. Топографическое описание города Архангельского по запросам Санкт-Петербургской Академии наук, а по указам Вологодского наместнического правления. Сочинено под смотрением г. Архангелогородского обер-коменданта с помощью обоих Архангелогородских магистратов, губернского и городского, трудами мещанина В. В. 1782 года. ЛОИИ, ф. 36, № 440, лл. 4—44; оно было составлено В. В. Крестинным в качестве официального документа; Е го же. Хронологическое (1782—1794 гг.) описание Архангелогородского мещанского общества с посадскими людьми. Составлено бывшим много лет старшиною помянутого общества и письмоводителем Василием Крестинным в сент. 1794 г. ЛОИИ, ф. 36, № 1155, лл. 381—393.

³⁹ Исторические примечания о коммерческом кредите внешней торговли по делам прошедшего века российских купцов вообще и по действиям нынешнего столетия архангелогородских купцов особливо; сочинены в дополнение Краткой истории о городе Архангельском, 1792 года. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XXVI, 1792; ЛОИИ, ф. 36, № 1155, лл. 45—61.

⁴⁰ Краткое историческое известие о заведении, продолжении и запустении купеческих верфей на Двине в Архангелогородском наместничестве 1793 г. ЛОИИ, ф. 36, № 1155, лл. 375—380.

⁴¹ Историческое известие о судебных делах 1790 года в Архангелогородском городском магистрате, заслуживающих примечание общества. Сочинено в мирской избе Архангелогородского посада по приговору общества мещан в 1791 г. ЛОИИ, ф. 36, № 1212, лл. 59—85.

Крестинина привлекала не только история коммерческого кредита внешней торговли России, но и история внешней торговли России в целом. В 1792 г. он закончил исследование, посвященное внешней торговле при Петре I.⁴²

Нельзя пройти мимо отдельных исторических этюдов Крестинина, посвященных проблемным и частным вопросам истории России: вопросу феодализма,⁴³ истолкованию некоторых терминов «Русской правды»,⁴⁴ происхождению коренного населения Севера⁴⁵ и его истории.⁴⁶ Но Крестинина интересовала не только история коренного населения — ненцев, к которым он относился с большим сочувствием и уважением, но и их жизнь, верования, промыслы и т. д.⁴⁷

Крестинину также принадлежит одно из лучших произведений историко-географической литературы второй половины XVIII в., которое посвящено описанию и истории освоения Новой земли,⁴⁸ а также справка об острове Колгуеве.⁴⁹ Заслуги Крестинина как историка полярного мореплавания признаны в наше время.

Имя Крестинина занимает почетное место в истории русского народного образования. Он одним из первых выступил с проектом организации архангельской гимназии на демократической

---

⁴² Исторический опыт о внешней торговле государя императора Петра Великого от 1693 по 1719 г. «Месяцеслов» на 1795 г.

⁴³ В. В. Крестинин. Рассуждение о древнем праве сельских половников в областях Российских. В его кн.: Исторические начатки о двинском народе. СПб., 1784, стр. 56—69.

⁴⁴ В. В. Крестинин. Примечание на древнее в российском языке реченье «гридин». «Новые ежемесячные сочинения», ч. XVI, 1787, октябрь.

⁴⁵ В. В. Крестинин. Мнение о имени, языке и происхождении половцев. В его кн.: Исторические начатки о двинском народе, стр. 47—55.

⁴⁶ В. В. Крестинин. Рассуждение о начале и происхождении самоядов, обитающих в Архангелогородском наместничестве. «Новые ежемесячные сочинения», ч. II, 1786; Его же. Краткое географическое известие о земле самоядской и о состоянии самоядов, обитающих в Архангелогородском наместничестве. Там же; Его же. Известие о некоторых, недовольно перед сим известных обстоятельствах и приключениях самоядския земли Архангелогородского наместничества, 1789. ЛОИИ, ф. 36, № 440, лл. 64—74.

⁴⁷ В. В. Крестинин. Вопросы и ответы о вере самоядской. «Новые ежемесячные сочинения», ч. II, 1786; Его же. Вопросы и ответы касательно до самоядов. Там же, ч. XVII, 1787; Его же. Вопросы и ответы вообще касательно как до канинских и тимапских, так до пустозерских, усть-целемских и ижемских самоядов. Там же, ч. XVIII, 1787; Его же. Вопросы и ответы о состоянии земли, обитаемой самоядами и их промыслы. Там же.

⁴⁸ В. В. Крестинин. Географическое известие о Новой Земле полунощного края. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XIX, 1788 г.; Его же. Путешествие и прибавление I и II к географическому известию о Новой Земле полунощного края. Там же, ч. XXXI, 1789. Об этом произведении см.: В. Ю. Визе. Старинные русские названия на Новой земле. «Летопись Севера», 1949, № 1. См.: Е. М. Эпштейн, ук. соч., стр. 156—160; «Новые ежемесячные сочинения», январь, 1788, стр. 6—7.

⁴⁹ Географическое известие об острове Колгуеве. «Месяцеслов исторический и географический на 1787 год»; Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. VI, 1790.

основе⁵⁰ и был автором ряда статей по воспитанию детей и истории педагогики, в которых изложил историю народного образования.⁵¹ Считая, что недостатки в жизни — хозяйственные, экономические и др. — происходят главным образом от недостатков нравственных, он неоднократно сетовал на безграмотность населения страны. Будучи общественным деятелем архангелогородского посада, он представил проект всеобщего обучения. Он не только осуждал «кнутобойную» систему воспитания, но пошел значительно дальше в критике деспотизма крепостнической педагогики. Крестинин писал, что «воспитание, развращенное варварством, унижить может природу самого великодушного народа» или что «раболопие уничтожает природные дарования и честь всего народа».

Перу Крестинина принадлежит также поэма на патриотическую тему из русской истории о Минине и Пожарском, оставшаяся в рукописи нам неизвестной.⁵²

Крестинин оказал неоценимую услугу исторической науке не только тем, что ввел в научный оборот один из основных памятников русской истории — пространную редакцию «Русской правды» и церковные уставы Владимира I и Ярослава Мудрого,⁵³ но первым включил в историческое исследование частные акты и приступил к их изучению.⁵⁴ Крестининские публикации Двинского летописца и многих других памятников русской истории обогатили науку. Крестинин содействовал русским ученым в приобретении необходимых сведений и материалов: Лепехину, Озерцовскому и др.

Источники формирования общественно-политических и философских взглядов Крестинина не были предметом специального изучения. Не ставя перед собой задачу восполнить этот пробел, можно только сказать, что идейной основой становления мировоззрения Крестинина являлись труды великого Ломоносова. Уже не раз отмечалось, что архангельский историк был в курсе современной русской научной литературы. Общение Крестинина с видными учеными из Академии наук позволило ему, находясь

---

⁵⁰ А. А. Кизеветтер. Исторические очерки, стр. 102—115; У. М. Полякова, ук. ст., «История СССР», 1958, № 2.

⁵¹ В. В. Крестинин. Историческое известие о нравственном воспитании детей у двинских жителей. «Новые ежемесячные сочинения», ч. XVI и XVIII, 1787; Его же. О употреблении над детьми мужеского пола власти родительской и учительской по старинному воспитанию двинского народа. Там же, ч. LI, 1790; Его же. Историческое известие о невежестве сельского народа Архангелогородской губернии. ЛОИИ, ф. 36, № 1212, на 86—96 лл.

⁵² Митр. Евгений (Болховитинов). Словарь русских светских писателей, т. I, стр. 320.

⁵³ Продолжение «Древней Российской Вивлиофики», ч. III, 1788; См.: М. Н. Тихомиров. Исследования о «Русской правде». М.—Л., Изд. АН СССР, 1941, стр. 11, 12 и др.

⁵⁴ С. Н. Валк. Исторический источник в русской историографии XVIII века. «Проблемы истории докапиталистических формаций», 1934, № 7—8, стр. 37.

в далекой провинции, идти в ногу с общественно-политическими и научными интересами своих передовых современников.

Крестинин в объяснении явлений общественной жизни, а также истории стоял на позициях идеализма, который ясно виден, например, из его наблюдений о причинах неудач архангельского посада в XVIII в. «В нынешнем веке наш Архангелогородский посад, — писал он, — тем несчастлив, что в нем из главных купцов и капиталистов не было мужей добродетельных, соединяющих собственную пользу с общим благом». Другое дело, считал Крестинин, посад Вологодской области — Тотьма, который, «преуслев взаимным согласием гражданства, разбогател паче Архангелогородского портового посада», разбогател «братолюбием и трудолюбием».⁵⁵ Как видно, Крестинин придерживался буржуазного представления об общем благе и сотрудничестве. Кроме того, можно заметить, что историк купеческого сословия главной движущей силой истории посада, говоря языком нашего времени, часто считал купеческую верхушку.

Крестинин ценил за поддержку купечества и за известный демократизм Петра I, который «начал истреблять в своих подданных раболепство, уничтожающее природные дарования и честь всего народа».⁵⁶ Реформаторская деятельность Петра I, по мнению Крестинина, принесла «щастливые перемены» России. Крестининская идеализация деятельности Петра, в конечном итоге, носила оппозиционный характер по отношению к современной политике царского правительства.

Понимание архангельским историком сословного строя в России носило на себе явные следы буржуазной оппозиционности. Демократическая трактовка устройства русского общества была высказана им не открыто, а в связи с характеристикой Петра I, казалось бы похожей на панегирик. Крестинин считал преобразователя России «общим отцом отечества», который сумел соединить в себе общее благо с интересами почти всех групп населения страны. По словам Крестинина, в Петре сочеталось «удивительное слияние действий главы и членов политического тела», т. е. интересы государства и главных сословных группировок в России, классифицированных историком по роду их общественно-трудовой деятельности. Первый из «членов политического тела», т. е. первое сословие (именно с него начинал характеристику общественного строя Крестинин), питает или обогащает страну, второе — защищает ее, третье — «наставляет» народ. Из первого сословия Петр принял на себя «труды плотника, токаря, кузнеца, корабельного мастера», из второго — труды рядового воина, полковника, генерала от армии, адмирала от флота и из третьего — президента в Сенате и Синоде. Из этих рассуждений

---

⁵⁵ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском. СПб., 1792. стр. 95, 96.

⁵⁶ «Новые ежемесячные сочинения», ч. XVIII, 1787, стр. 40.

Крестинина видно, что историк первым сословием в России считал те общественные слои, которые во Франции образовывали третье сословие. Было бы неправильным думать, что Крестинин забыл о крестьянстве и купечестве. Крестьяне, для него, «питают и обогащают» страну так же, как и ремесленники. Отношение историка к институту половников свидетельствует о его неприязни к крепостничеству. Умолчание о том, что воспринял Петр I от крестьянства, было понятным, так как преобразования меньше всего затронули сельское хозяйство России. Кроме того, в условиях растущей реакции поднимать крестьянский вопрос вряд ли было возможно. Нужно помнить также, что Крестинин писал и печатал свое произведение после французской революции и ареста А. Н. Радищева. Что касается купечества, то отношение Крестинина к этому классу понятно. Он рассматривал политику внешней торговли Петра I как «личную торговлю» царя, который вел ее «по образцу частного купца». Однако в итоге следует признать, что все-таки Крестинин не дал полной и законченной характеристики общественного строя России.

Соображения о том, что Крестинин был выразителем интересов демократических (мещанских) кругов посада, а не купечества, не только не ограничивают, но и усиливают доводы за причисление Крестинина к лагерю просветителей. Правда, нужно согласиться с У. М. Поляковой, что выдающийся просветитель второй половины XVIII в. Н. И. Новиков «значительно последовательней и полнее выразил идеи протеста против феодального строя», чем Крестинин, тогда как последний только «подходил к пониманию значения крестьянского вопроса». Но независимо от того, как и насколько можно причислить Крестинина к лагерю русского просветительства, следует сделать вывод о большом разнообразии антифеодальных течений в буржуазной идеологии, которая была представлена сравнительно широким фронтом — от республиканца-революционера А. Н. Радищева, просветителя Н. И. Новикова до раннего буржуазного демократа провинциального города В. В. Крестинина.

Для Крестинина всегда было характерным не только сочетание истории с политическими запросами и интересами, но и стремление обеспечить организационную самостоятельность в разработке истории. Первое в России местное историческое общество было создано по частной инициативе в г. Архангельске в 1759 г. Душой и организатором его явился Крестинин. В «Общество для исторических исследований», или, как его называли, «Городское историческое клевретство», «Историческое архангелогородское клевретство», «Вольное историческое для архангелогородских древностей собрание», «Общество любопытных людей», входили активные деятели архангелогородского посада — А. И. Фомин, П. П. Латышев, Н. Зыков, А. Свешников и В. В. Нарышкин (последние два субсидировали его). Ломоносовская анкета (1760), предлагавшая присылать в Академию сведе-

ния с мест («чертежи», старинные летописцы и пр.), ориентировала общество на собирание материалов по истории русского Севера. Насколько можно судить по письму членов архангельского исторического общества к губернатору Е. А. Головцыну (май 1768 г. — это письмо едва ли не единственный известный документ по истории общества), общество поставило перед собой задачу разработки «истории здешнего города и страны». Для этого предполагалось собрать необходимые документы («разных времен... Двинского летописца списки», разные старинные «письменные свидетельства» из «здешних архив и монастырей»), обработать их (в какой степени — не совсем ясно) и отправить в Академию наук. Общество, разыскивая и собирая исторические документы в местных архивах, ясно понимало их значение для дополнения всеобщей Российской истории (язык документа) и «особливо» для «здешней стороне и городе истории».

Местные бюрократы всячески тормозили работу Крестинина и его со товарищей по обществу. Архангельская администрация отказывалась открыть губернский и магистратский архивы любителям отечественной истории. Когда по указу правительствующего Сената от 14 января 1760 г. потребовалось сообщить Академии наук необходимые географические известия и выслать в Петербург старинные летописцы, то, как писал Крестинин, «прежнии судьи и приказные служители, ведомый им здешний летописец (речь шла о известном „Двинском летописце“). — С. П.) не осмелились в Академию отправить», так как считали, что «сочиненное вне судебного места летописание не можно одобрить судебным местом». Не добившись доступа в главную «канцелярскую архиву», члены исторического общества в 1763 г. обратились в магистрат с просьбой «открыть» магистратский архив, но и это ходатайство «осталось бесплодным». Деятели магистрата — магистратские судьи — ссылались на то, что они не имеют точного указа «о истории отечества своего стараться», а поэтому, по их мнению, «и должности не имеют для истории нечто исправить».⁵⁷

Во времена деятельности Крестинина и Фомина в Архангельске было организовано не только первое в провинции научное историческое общество, но и масонская ложа, а также открыта книжная лавка. Владелец ее — А. И. Фомин следил за всеми новинками книжной продукции и в 1767 г., как уже говорилось, выпсал 25 экземпляров «Древней Российской истории» М. В. Ломоносова и много других исторических книг.⁵⁸

Окончательная победа над верхушкой архангелогородского купечества на магистратских выборах 1766 г. привела к признанию Крестинина одним из видных общественных деятелей поса-

---

⁵⁷ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 243—248 (приложение), 119, 155.

⁵⁸ См. выше, стр. 14.

да. В 1768 г. члены «Общества для исторических исследований», являющиеся одновременно наиболее активными деятелями посада, обратились к губернатору Е. А. Головцыну с предложением расширить круг деятельности научного общества.⁵⁹ Они добивались допуска в архивы учреждений, регулярности заседаний научного общества (два раза в неделю). Пытаясь завоевать симпатии строптивного «отца губернии» — «главного градоправителя», члены общества предлагали ему стать попечителем «истории здешней». Крестинин и другие хорошо понимали, что без «знатного покровительства» «вольному собранию» — историческому обществу, работать без помех будет фактически невозможно. Крестинин имел основания рассчитывать на «отменное внимание» — поддержку Академии наук, но все попытки привлечь на свою сторону Головцына остались без успеха.⁶⁰

Причины прекращения (около 1768 г.) деятельности архангельского исторического общества пока не вполне ясны. Можно только отметить, что это связано с той общественно-политической деятельностью его организатора, который позже, на грани 70—80-х годов порвал с купечеством и перешел в лагерь мещанства. Кроме того, историей из всех членов общества серьезно занимался только Крестинин, использовавший в своих трудах материалы, отысканные в 60-х годах. «Общество для исторических исследований» исчерпало себя в стадии сбора исторических памятников.

Но с прекращением деятельности исторического общества в Архангельске разработка местной истории не остановилась. Самостоятельная научно-исследовательская работа Крестинина по истории и географии Севера относится к концу 70-х годов. Она явилась итогом собирательской деятельности местного исторического общества и самого автора. К этому времени Крестинин ввел в научный оборот ряд важных источников по русской истории.

Примерно в это же время, как считает У. М. Полякова, в конце 70-х — начале 80-х годов, произошел перелом в общественно-политических и исторических взглядах Крестинина,⁶¹ а также намечилось определенное размежевание в разработке местной истории.

Историческая работа в Архангельске на рубеже 70—80-х годов осуществлялась по двум направлениям: магистратскому и мещанскому. Последнее было представлено Крестининым. Когда в августе 1779 г. сенатор А. П. Мелгунов прибыл в Архангельск, то магистрат «поднес» ему «Описание о состоянии города Архангельского», которое было составлено, по словам Крестинина, «для него нарочно по правилам магистратского регламента».

⁵⁹ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 246 (приложение).

⁶⁰ Там же, стр. 119.

⁶¹ У. М. Полякова, ук. ст. «История СССР», 1958, № 2, стр. 88.

На другой день мещанство (опять-таки по свидетельству самого историка) «поднесло» Мельгунову произведение Крестинина «Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен; часть первую».⁶² Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что труд Крестинина рассматривался в Архангельске не как дело частного или даже должностного лица (Крестинин был тогда мещанским старостой), а как своеобразный документ, выражающий интересы архангелогородского мещанства. Но, как правильно считает У. М. Полякова, первые два произведения Крестинина — «Исторические начатки о двинском народе» и «Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве двинского народа» — преследовали и более широкую цель — защиту интересов всего посадского населения от дворянской администрации. В них нашли отражение противоречия между торгово-промышленным населением посада в целом и привилегированным дворянством, между посадом и феодальным государством.

Для изучения последнего периода жизни и творчества В. В. Крестинина ценны письма историка к А. Р. Воронцову за 1787—1794 гг., которые сохранились, насколько можно судить, целиком, а также письма Воронцова к Крестинину, дошедшие, к сожалению, до нас только разрозненно.⁶³ Некоторые сведения о Крестинине можно также извлечь из переписки (с 1787 г.) М. Н. Радищева с А. Р. Воронцовым.⁶⁴ В обширной корреспонденции генерал-губернатора Олонечского наместничества Т. И. Тутолмина, достаточно хорошо знавшего Крестинина, к А. Р. Воронцову мы не находим почти никаких сведений об историке Севера, но в постскриптуме одного из писем имеется, можно сказать не впадая в преувеличение, исключительный материал для характеристики общественно-политической позиции Крестинина.⁶⁵

Следует коротко остановиться на связях Крестинина с упомянутыми корреспондентами. Отношения Крестинина и Воронцова, выходящие за рамки частного знакомства двух по-своему выдающихся личностей, имеют прямое касательство к разработке отечественной истории.

А. Р. Воронцов (1741—1805), видный дипломат и государственный деятель второй половины XVIII — начала XIX в., либерально настроенный фрондер, не пришедшийся ко двору при

---

⁶² В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 78. — А. П. Мельгунов всегда интересовался историей и литературой. См., напр.: Н. Н. Воронин. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке. «Краеведческие записки», вып. IV. Ярославль, 1960, стр. 31—37 и др.

⁶³ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212. (Письма архангельского мещанина Василия Васильевича Крестинина. 1787—1791 гг.) В этом же деле находятся некоторые произведения Крестинина. См. также № 440 и 1155.

⁶⁴ Там же, № 1170, 1155.

⁶⁵ Там же, 1226, лл. 48—49 об. В материалах Т. И. Тутолмина в Историческом музее г. Москвы о В. В. Крестинине ничего нужного нет.

Екатерине II, друг А. Н. Радищева, поддерживал историка Севера до конца его дней. Для того чтобы понять отношение Воронцова к людям такого склада, как Крестинин, быть может, следует привести одно из писем молодого Воронцова, во многом его характеризующее. Еще в 1766 г., пересылая на конкурс, объявленный Вольным экономическим обществом, проект принца Фрамнена, который Воронцов назвал «диссертацией», отнесясь положительно к «здравым правилам», сформулированным иностранном автором, он высказывал такие идеи: «...чтоб совершенное что написать о России, то, как мне кажется, всякому иностранному это трудно учинить, буде он сам не был на месте и не имел знания не токмо о внутри империи, но и нравах, качествах и пороках народа; хотя в протчем и сомнения нет с очевидности правила, что не может без вольности, более или менее нужной всякому государству, ни одна нация в цветущем состоянии быть». Либерализм Воронцова был достаточно умеренным и абстрактным. Он, желая, чтобы его поняли правильно, после этих, казалось бы, смелых соображений тотчас добавил: «Народ наш не на такой еще степени», чтобы свободой «пользоваться без вреда мог». Но справедливости ради надо сказать, что Воронцов осуждал дворянскую «нечеловечность» с крестьянами, к которым некоторые дворяне относились, по его выражению, как к скотам.⁶⁶

Дворянский либерализм, известная оппозиционность екатерининскому правительству, европейская образованность и большая начитанность, великолепная осведомленность о всех тонкостях дипломатической практики и истории внешней политики, а также личное участие в руководстве ведомством торговли Российской империи (он был президентом Коммерц-коллегии с 1773 до 1794 гг.) делали Воронцова передовым человеком своего времени, понимающим значение науки, в особенности географии и истории, в общественной жизни. Известный «Воронцовский архив», пополнению которого энергично содействовал Воронцов, уже в XVIII в. стал выдающимся собранием рукописных источников, к которому обращаются и в наше время историки самых различных интересов и требований.

Воронцов любил историю и понимал необходимость дальнейшего развития исторической науки в России. Он не только состоял в переписке со многими видными историками своего времени, но и содействовал публикации их трудов и помогал им в разных жизненных ситуациях. Его покровительственное отношение к Г. Ф. Миллеру (которому он «выхлопотал» генеральский чин — чин действительного статского советника),⁶⁷ И. И. Голикову (которому он помогал издавать его многотомные «Деяния

---

⁶⁶ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1169, лл. 244об. — 245. Письмо А. Р. Воронцова из Спб, 2 октября 1766 г.

⁶⁷ Архив кн. Воронцова, кн. XXX. М., 1884, стр. 386.

Петра Великого»),⁶⁸ Н. Н. Бантыш-Каменскому, А. Ф. Малиновскому, к первому русскому санскритологу Г. С. Лебедеву и многим другим заслуживает благодарности. В свою очередь историки и неисторики не остались у него в долгу: Крестинин, например, прислал ему «Известие о Новой Земле» и многое другое, Радищев составил специально для него в Илимске записку «О торговле с Китаем»⁶⁹ и т. д.

Поэтому неудивительно, что, побывав в Архангельске в 1786 г. и познакомившись с Крестининым, Воронцов начал постоянно следить за его географическими и историческими трудами, систематически высылать ему субсидии («гостинцы из красненьких ассигнаций» от 50 до 100 рублей) и поддерживать его начинания перед губернскими властями. Такое сочувственное отношение сановного мецената к деятельности провинциального историка Севера вытекало к тому же из практической заинтересованности Воронцова в освоении разнообразных богатств северного края.

Крестинин, со своей стороны, нуждался в таком могущественном покровителе. Интересы идеолога развивающейся буржуазии России в какой-то степени совпадали со стремлениями представителя дворянской знати, вступающей на путь капиталистического предпринимательства. Крестинин всегда был благодарен Воронцову за поддержку и помощь и, по обычаю того времени, желая польстить своему патрону, как-то писал: «В особе вашего сиятельства почитаю важность древних римских сенаторов, патриотический дух и нынешних английских перов».⁷⁰

К Крестинину был близок также М. Н. Радищев, брат великого республиканца, который являлся как бы посредником между архангельским историком и А. Р. Воронцовым. Дело в том, что М. Н. Радищев, служивший советником архангельской таможи (как и его старший брат Александр, также работавший по таможенному ведомству в Петербурге), находился не только в деловых, но и в дружеских отношениях с Воронцовым, которого он не раз называл «покровителем всего нашего семейства». М. Н. Радищев передавал Крестинину письма и различные поручения Воронцова. Сам М. Н. Радищев, видимо, знал цену истории и понимал значение деятельности Крестинина в изучении нашего Севера. В одном из писем Воронцову, пересылая какие-то ученические опыты сыновей своего брата, уже к этому времени сосланного Екатериной в Сибирь, он счел необходимым извиниться за подростков, имеющих еще «слабое рассуждение в истории».⁷¹ Когда в августе 1793 г. в Архангельске произошел большой пожар, то, перечисляя пострадавших и потери, М. Н. Радищев упомянул и о Крестинине: «У него много погорело книг

⁶⁸ Там же, кн. XXIV. М., 1880, стр. 226 и др.

⁶⁹ Там же, кн. V. М., 1872, стр. 387 и 390—393.

⁷⁰ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212, л. 3об.

⁷¹ Там же, № 1189, л. 126.

и манускриптов, служащих к здешней истории». ⁷² Близость Крестинина к радищевскому окружению видна также из следующего факта. В 1791 г. он переслал в Академию наук рукопись «Великоновгородского летописца» с П. И. Челищевым, отношения которого с А. Н. Радищевым хорошо известны в литературе. ⁷³

Ход литературной работы Крестинина в последние годы его жизни свидетельствовал о ее напряженности и плодотворности. 18 сентября 1787 г. М. Н. Радищев сообщил Воронцову о том, что он передал его «приказание» Крестинину о необходимости окончить «описание Новой Земли». ⁷⁴ Крестинин не замедлил с ответом. Уже 22 октября этого же года он послал свое произведение «Известие о Новой Земле» Воронцову и не отказал себе в удовольствии сослаться на то, что оно составлено им «по должности, обязывающей служить Академии наук под званием ее корреспондента». ⁷⁵

В исходе бурного для общественно-политической жизни архангельского посада 1786 г. генерал-губернатор Т. И. Тутолмин в постскриптуме письма к Воронцову из Архангельска от 26 декабря, на отдельных листочках, написанных собственноручно, в отличие от основного текста, исполненного писцом, жаловался и одновременно метал громы и молнии в адрес Крестинина. ⁷⁶ Наместник решительно ополчился «противу всех сумасбродств Крестинина», который, по его словам, ко всему прочему «присовокупил к безумным поступкам своим грубость и невежливость совершенно противу меня». Представляя Воронцову действия Крестинина немотивированными, что, мол, может подтвердить «вся публика», которая видела «грубость его (т. е. Крестинина. — С. П.) и удивляется безрассудному его поступку, сколь безумен он и вреден самой благоуспешности дел», Тутолмин, выведенный из себя, заключил, что действия Крестинина — «дерзость, превосходящая меру всякого терпения».

Разногласия Крестинина с генерал-губернатором были столь велики и остры, что историк и активный деятель мещанской части архангельского посада решил не являться на заседание, на котором только формально должны были быть подтверждены явно заниженные суммы, выделяемые «от общества» на содержание училищ и других заведений приказа общественного призрения. Тутолмину такое самовольство казалось нетерпимым еще и потому, как он писал не без желания поддеть гражданские чувства Крестинина, что тот должен был обязательно присутствовать на заседании «по праву гражданина» и по обязанности выборного от общества. Самое серьезное обвинение, выдвигае-

---

⁷² Там же, л. 140.

⁷³ В. П. Семенников. Материалы для истории русской литературы и словаря писателей эпохи Екатерины II. Пг., 1915, стр. 49—51.

⁷⁴ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1155, л. 371.

⁷⁵ Там же, № 1212, лл. 1об.—2.

⁷⁶ Там же, № 1226, лл. 48—49об.

мое Тутолминым против Крестинина, заключалось, однако, в более существенном, чем разногласие по поводу бюджета школ и учреждений общественного призрения. «... Глупые его кривотолки городского положения, — писал Тутолмин, — тем не менее, однако, разрашающие граждан в их благорасположении», по мнению сановника, нельзя было больше терпеть. В заключение Тутолмин назвал Крестинина беспутным и глупым человеком, самолюбивым и упрямым. Обращение к Воронцову ничего Тутолмину не дало. Петербургский сановник имел свое мнение. Отношения между Крестининым и Тутолминым были испорчены.

Борьба Крестинина за написание новейшей истории Архангельска в демократическом духе вызвала упорное противодействие губернских властей и сопротивление магистратских воротил. Когда в 1789 г. Крестинин решил продолжить историю Архангельска, то для этого он написал план-конспект будущего сочинения, который был утвержден общественным приговором мещан. «Чертеж погодных исторических записок, служивших основанием к продолжению истории города Архангельского от 1780 г.» должен был помочь сбору сведений и материалов, нужных для написания истории архангельского посада за последнее десятилетие. Подготовительная работа была задумана по широкому плану. Предусматривалось в новейшей истории Архангельска использовать данные о торговой деятельности купцов и мещан, ярмарках, судоходстве, «городском хозяйстве», финансах, народных училищах, о «городских начальниках», т. е. судьях, присяжных, гласных думы, городском голове, депутатах по «сочинению городской обывательской книги» и пр. Таким образом, крестининский «Чертеж» был не чем иным, как своеобразной анкетой, включающей различные данные о положении и состоянии Архангельска. Один из параграфов специально был отведен для описания «Достопамятных приключений 178... года», т. е. за каждый год по порядку. Задуманная работа мыслилась как современная хроника внутрисадовской борьбы.

Для характеристики позиции Крестинина в эти годы имеет большое значение неоконченное произведение, посланное им Воронцову 15 ноября 1791 г., названное «Историческое известие о невежестве сельского народа Архангелогородской губернии»,⁷⁷ которое, по мнению автора, «для областной истории представляет достойныя примечания».⁷⁸ В этой записке Крестинин говорил не столько о невежестве народа в Архангельской губернии, сколько о злоупотреблениях при рекрутских наборах. Как видно, ветер французской революции дошел и до Архангельска. Говоря о недостатках «практического и теоретического исчисления» (слова Крестинина) сельского населения губернии, при определении повинностей и рекрутчины, историк отмечал «справедли-

⁷⁷ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212, л. 91.

⁷⁸ Там же, л. 85.

вое в раздраженном народе негодование». ⁷⁹ Остановился он и на недостатках при составлении и хранении местных материалов, имеющих большую ценность для новейшей истории. «История претерпевает, — писал он, — несносный вред» благодаря тому, что не существует уездных земских архивов, как нет и земских уездных старост. Кроме того, дело поставлено так, что деревенские старосты ведут своеобразную двойную бухгалтерию, так как «принуждены содержать явные и сокровенные записки об общих расходах по мешанским разрубам». В первые «вносятся расходы необходимые и законам не противные», во вторые — «расходы, не соответствующие чести директора экономии или капитана-исправника». ⁸⁰

С самого начала своей работы над продолжением новейшей истории Архангельска Крестинин встретился с огромными трудностями. Тяжба городского головы Голубина против «всего нашего города» затормозила работу над «новой Архангелогородской историей», — писал Крестинин. ⁸¹ К тому же судебские обязанности Крестинина «по должности» настолько мешали работе, что он вынужден был ее временно прекратить. ⁸² Но главное заключалось, разумеется, в том, что внутрисадские противоречия и обличительный тон произведения не могли нравиться многим. В частности, как раз в это время Крестинину вновь пришлось столкнуться с Тутолминым, эрудиция которого и отношение к истории и историкам были весьма индифферентными. Правда, по должности генерал-губернатора Олонецкого края Тутолмин не мог совсем игнорировать историю — эту актуальную отрасль научной общественной жизни того времени, не нарушая официальных указаний начальства. Так, в 1784 г. в наставлении архангельскому городовому магистрату предписывалось иметь «особую книгу городской истории с начала устройства города», которую следовало «все время продолжать»; по-видимому, на манер исторического журнала. ⁸³ В «Книгу городской истории» должны были вноситься все сведения, относящиеся к деятельности центральных и местных властей (указы, приезды и отъезды «особ», строительство в городе, постройка кораблей и многое другое). Характерно, что «в историю градскую» имелось в виду включать равномерно и все несчастные случаи (наводнения, пожары, повышение цен на съестные припасы «и тому подобные народные бедствия, означая год, месяц и число»). Естественно, что никаких разоблачительных или критических сюжетов новейшая официальная история не предусматривала. Классовая позиция составителей «Наставления городовому магистрату» была ясна, но, несмотря на защиту интересов господствующего

⁷⁹ Там же, л. 89.

⁸⁰ Там же, л. 91.

⁸¹ Там же, лл. 9—9об.

⁸² В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. III.

⁸³ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212, лл. 43, 46.

класса феодального общества, потребности городской буржуазии, несомненно, учитывались ими.

Известное внимание Тутолмина к истории объяснялось также его зависимостью от влиятельного президента Коммерц-коллегии Воронцова, которому он систематически писал длинные подобострастные письма. Он сообщал петербургскому патрону о мерах, принятых для сохранения «архитектурного памятника прошлых эпох»,⁸⁴ посылал ему выписки о таможенном сборе при Архангельском порте с 1655 по 1709 г.⁸⁵ и какие-то «древности», переписываемые в отдельных местах, которые, по его мнению, мало нужны. «Откровенно говоря, — писал о них Тутолмин, — сомневаюсь я, чтоб они что имели или собрать могли заслуживающее внимание, кроме тех бреднев, кои удобны только к уловлению черни».⁸⁶ Тем не менее он решил использовать Крестинина для составления новейшей истории Архангельска в желаемом для правительства духе. Но у «архангелогородского гражданина» была своя мысль — под покровительством Воронцова написать о всех недостатках местной администрации и производе купеческой олигархии. В ноябре 1790 г. Крестинин просил Тутолмина содействовать ему в получении необходимых сведений для составления «Чертежа». Губернатор обещал помочь, но категорически заявил, что это можно будет сделать только при условии, если Крестинин будет выполнять все наставления городского магистрата. Однако Крестинин отверг эту идею, заявив в письме к Воронцову, что «раб не может двум господам работать».

Городские власти также мало радели о разработке истории. Новый городской голова Гаврила Ласкин принял по распоряжению губернатора все бумаги «о городской истории», но ничего не делал. Несмотря на обращение Крестинина к нему, в котором он ссылался на заинтересованность Академии в разработке истории, а также указал и на свои заслуги, городской голова отказался содействовать историку и вернул конспект крестининского труда в мирскую избу, бюрократически ссылаясь на то, что в «Городовом положении» ничего не сказано о написании «городовой истории».⁸⁷ «Леность Думы не извиняема», — писал Крестинин.⁸⁸

Следовательно, имелось две точки зрения на то, как организовать работу по написанию новейшей истории Архангельска — Крестинина и Тутолмина. Последний считал, что «приватное начертание истории» — одно, «составление оной в магистрате» — другое. «В первом случае история подвергается цензуре ученого

---

⁸⁴ Там же, л. 37об. (письмо от 8 июля 1786 г.).

⁸⁵ Там же, л. 38.

⁸⁶ Там же, лл. 168 и 169—170 (Письма от 23 декабря 1790 г. и от 14 января 1791 г.).

⁸⁷ Там же, л. 56.

⁸⁸ Там же, л. 38.

совета и публики», принимается или отвергается, а во втором — история утверждается магистратом, который подтверждает «правоту повествования». После этого на публичном обсуждении выносятся решение о том, что следует вписать в «городскую историю». Таким образом, предлагая Крестнину включиться в написание новейшей истории Архангельска, Тутолмин стремился поставить его историческую работу под контроль магистрата, с чем «архангелогородский гражданин» согласиться не мог.⁸⁹

Составление хроники архангельской жизни остановилось. Но вскоре Крестнин получил письмо от Воронцова, в котором тот хвалил историка и одобрял его инициативу в написании новейшей истории Архангельска. Отвечая ему, историк писал: «Я почитаю сие письмо... за диплом городского историка новейших времен», так как оно давало «отменное преимущество между архангелогородцами».⁹⁰ Однако «Чертеж», одобренный Воронцовым, как писал его составитель, «показался разным начальникам здешнего города делом огорчительным». Да это и понятно, поскольку «... историческое известие, часть их дел отличающее», делало современную историю для них «непримирительным врагом».⁹¹ Против Крестнина действовали фактически все, начиная с городского головы Г. Ласкина. К «недоброхотам» истории Крестнин относил также секретаря городского магистрата — Алексея Манакова, которого он называл «вождем судей магистратских... защитником непотребных банкротов».⁹² Судьи магистрата — «купцы незаконоведцы, в словесных науках не воспитанные»⁹³ — целиком шли на поводу у него. Только директор портовой таможни Ланге предоставил историку необходимые материалы.

Однако заступничество петербургского доброжелателя помогло Крестнину. 2 декабря 1791 г. губернатор И. Р. Ливен поинтересовался у Крестнина, продолжает ли он «в городской истории труды». Историк ответил, что ему препятствуют городской голова, члены магистрата и секретарь магистрата, которые не хотят «в городской истории видеть собственные имена или прозвания приятелей своих лишаемыми народного благословения». Ливен не только пообещал поговорить с городским головой, но и поручил советнику губернского правления Н. В. Тутолмину устроить своего рода третейское разбирательство: «Разобрать по-судейски спорное наше о городской истории дело, превратившееся в тяжбу, рождающую ненависть».⁹⁴

«На домашнем суде губернаторского товарища», рассказывал в письме к Воронцову Крестнин, он выступал истцом, а его

⁸⁹ Там же, л. 41.

⁹⁰ Там же, л. 27.

⁹¹ Там же, л. 57.

⁹² Там же, л. 58.

⁹³ Там же, л. 60.

⁹⁴ Там же, лл. 97—98об.

недруги («недоброхоты исторических моих трудов»)⁹⁵ в деле написания «новой истории Архангельска» — городской голова Гаврила Ласкин, бургомистр магистрата А. Бураков и секретарь городского магистрата А. Манаков — ответчиками. Первый ссылался на то, что история не является предметом занятий Думы, как это уже было записано магистратом, и что это правильное решение отменить невозможно, второй требовал, чтобы Крестинин сам представил переписчиков для снятия копий с необходимых бумаг, третий — не вступал «в словопрение о истории».⁹⁶ Крестинин опроверг все доводы выступавших, заявив, что «история отечества—наука, нужная каждому сыну отечества».⁹⁷ В итоге этого «судебного разбирательства» было принято решение: всем инстанциям изготовить затребованные Крестининым материалы. 4 марта 1792 г. наместническое правление дало указы в четыре присутствия: в оба магистрата, в портовую таможенную и в управу благочиния со списками «Чертежа», т. е. с анкетой для представления необходимых сведений.⁹⁸ Но все было тщетно. Напрасно Крестинин взывал к Воронцову, заявляя, что только его «единственная рука сильная помощи... может привести в совершенство сию часть истории нашего города».⁹⁹ Время было не в пользу Крестинина. Реакция, усилившаяся после французской революции, ареста и ссылки А. Н. Радищева, сказалась и на либеральном настроенном Воронцове. В конце 1793 г. он вынужден был покинуть пост президента Коммерц-коллегии.¹⁰⁰ В это же время вице-губернатор начал «теснить и подкапываться» под Монсея Радищева.¹⁰¹

Купеческая знать Архангельска яростно противодействовала попыткам Крестинина коснуться новейшей истории города. Разоблачительная критика историком олигархического произвола была им известна. Поэтому в своих дальнейших трудах по составлению новейшей истории города Крестинин не мог рассчитывать на поддержку купеческой верхушки, тесно сросшейся с царской администрацией. Даже его старый сотоварищ по «историческому клеветству» А. И. Фомин, стоявший за купечество, а не за мещанство, как Крестинин, кстати, решительно осудивший французскую революцию,¹⁰² отвернулся от историка города.

6 октября 1793 г. Крестинин писал Воронцову: «Нынешняя теснота и пустота нашего города принудила меня переселиться в деревню».¹⁰³ Воронцов, ответивший Крестинину, видимо, ут-

⁹⁵ Там же, № 440, л. 1 (от 16 июля 1792 г.).

⁹⁶ Там же, № 1212, л. 98об.

⁹⁷ Там же.

⁹⁸ Там же, № 440, л. 1об.

⁹⁹ Там же, л. 3. См. также: Архив кн. Воронцова, кн. XII. М., 1877, стр. 93, 97 и 103.

¹⁰⁰ Там же, № 1189, л. 160.

¹⁰¹ Там же, л. 155.

¹⁰² А. И. Фомин. Описание Белого моря. СПб., 1797, стр. 6—8.

¹⁰³ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1155, л. 373.

шая его, рекомендовал терпеливо ждать лучшего. Письмо его от 28 октября 1793 г. нам неизвестно, но, по словам Крестинина, в нем было «мудрое напоминание о терпении».¹⁰⁴ Пожар 26 июня 1793 г. в Архангельске также, по словам историка, «причинил превеликую остановку моим трудам, относящимся к императорской Академии наук».¹⁰⁵

В 1794 г. началось открытое наступление магистрата на Крестинина, поддержанное новым губернатором Коновницыным. Магистрат был недоволен историком якобы за плохое хранение печати и самовольное использование общественного архива. К тому же в его бумагах специально назначенная комиссия нашла «много непристойных, дерзких и настоящему делу нимало не причастных изречений».¹⁰⁶ Крестинин, пробывший на выборных должностях с 1768 по 1794 г., был смещен с посадских старшин, а на его месте, как с горечью отметил историк, оказался «банкрут», человек с неоплатыми долгами, «приобыкший владеть аршином более, нежели пером».¹⁰⁷

Воронцов, оставшийся не у дел, не имея возможности оказать реальной помощи историку Севера, в одном из писем только заметил: «Бедный Крестинин».¹⁰⁸

Мы лишь коротко остановимся на характеристике основных работ Крестинина, поскольку они детально были разобраны У. М. Поляковой.

«Исторические начатки о двинском народе древних, средних, новых и новейших времен» (1779) — первое крупное произведение Крестинина, в котором он сформулировал некоторые основные положения буржуазной просветительской историографии в России, развитые в дальнейшем в «Историческом опыте о сельском старинном домостроительстве». В этом произведении Крестинин наметил периодизацию истории двинского народа. В основу ее был положен старый политический принцип, но истолкование отдельных периодов исторического развития, характеристика их носила уже следы нового понимания истории. Примечательно деление истории на древний, средний, новый и новейший периоды, свидетельствующее о том, что Крестинин был в курсе новейших достижений историографической мысли в вопросах периодизации. Древний период начинался задолго до Рюрика (влияние Ломоносова очевидно) и заканчивался с прекращением «самовластного владения на Двине новгородцев» (1464 г.); средний период начинался «с достопамятного покорения Двины под самодержавную власть великих государей Российских» и заканчивался 1692 г.; новый период — «с первого

¹⁰⁴ Там же, л. 383.

¹⁰⁵ Там же.

¹⁰⁶ Сведения, взятые из Архива Архангельской области, заимствую из рукописи диссертации У. М. Поляковой.

¹⁰⁷ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1155, л. 392об.

¹⁰⁸ Архив кн. Воронцова, кн. V. М., 1872, стр. 229.

достопамятного пришествия на Двину» Петра Великого в 1693 г., а новейший — открывался воцарением Екатерины II.

В первой и единственной части (так как вторая не была написана) Крестинин осветил два первых периода. При характеристике истории двинского народа его интересовала не столько смена правителей, сколько торговля, мореплавание, судебные, административные учреждения и законодательство.

Происхождение двинского народа Крестинин решал в духе тогдашней наивной сравнительной филологии. Поэтому неудивительно, что в его представлении чудские племена — потомки половцев. Древний двинской народ произошел от половцев, так как зыряне (коми) называют себя «коман», т. е. команы.

Русская колонизация Севера — одна из проблем, впервые выдвинутая Крестининым. Новым в построении Крестинина были и попытки проследить экономические связи Двины с Москвой, которые, по его мнению, явились одной из причин присоединения к Москве. Главную роль в этом процессе играли крупные двинские купцы. Он писал: «Торговые гости, как сановитые сильные и честные мужи в народе, были действительными орудиями к расположению мнения и предприятий двинского народа к переменам новгородские власти, волнуемые непостоянством и свирепством самовольного новгородского народа».¹⁰⁹

Отрицательное отношение Крестинина к республиканскому строю Великого Новгорода целиком отражало интересы купеческого сословия, оправдывавшего насильственное объединение страны. Неудивительно, что попытки двинян «свергнуть с себя иго многоначальства великоновгородцев» пришлось Крестинину по душе. «Подданство предержавшего единоначальства великих князей Владимирских и Московских», по его глубокому убеждению, было более благоприятно для хозяйственной и политической деятельности двинян, чем господство новгородской республики.

Крестининская трактовка прогрессивности присоединения Двинского края к Москве, разумеется, была правильной, хотя переоценка роли купечества и раболепие историка перед самодержавием затемняли отрицательные стороны этого факта. Начиная с XVI в. история двинской земли рассматривалась Крестининым в плане изучения «общего домостроительства» и «вида земского правления», т. е. с точки зрения изучения экономической и административно-политической истории ее.

К книге были приложены два самостоятельных сочинения, имеющих, однако, связь с главной темой исследования: «Мнение о имени, языке и происхождении половцев», которое, по-видимому, было написано позже основного текста книги, так как в этой статье более основательно освещался вопрос о происхождении коренного населения Севера, и «Рассуждение о древнем праве

¹⁰⁹ В. В. Крестинин. Исторические заметки о двинском народе, стр. 24.

половников в областях российских». Последнее произведение имеет общеметодологическое значение. В нем примечательно сочетание политической заостренности с конкретным рассмотрением вопроса и постановкой ряда принципиальных проблем, относящихся к изучению социально-экономического строя Древней Руси, на основе едва ли не впервые привлекаемой для этого «Русской правды».

Крестинин считал половничество общим для всех «российских областей» установлением. Опираясь на свидетельства Константина Багрянородного и «Повесть временных лет» о «рюриковых мужах» и «осподарях», Крестинин считал их предками современных дворян (правда, на этом настаивал, вспомним, и М. М. Щербатов). Что касается земельной собственности у пахарей и земледельцев, то ее в древности, по его мнению, у них не было, а право частного владения деревнями принадлежало только «осподарям».

«Исторический опыт о сельском старинном домостроительстве Двинского народа в Севере» — небольшое произведение Крестинина, написанное также в 1779 г., которое явилось первым опытом изучения истории династии крестьян-промышленников. Сохранившиеся документы («без утраты») за XV, XVI и XVII вв. позволили Крестинину проследить историю рода Вахонных-Негодяевых на протяжении 213 лет. Хозяйственная и общественная деятельность крестьян и промышленников: крестьянская собственность в ее эволюции — покупки, продажи, разделы земель и домашних строений, цены на землю, недвижимость, хлеб, съестные припасы — все интересовало Крестинина. В книге впервые поставлен вопрос о происхождении посадского населения в Архангельске.

Третьей и самой крупной работой Крестинина была «Краткая история о городе Архангельском». Важность истории Архангельска автор мотивировал экономическими соображениями. История города, по его мнению, нужна «не одним токмо гражданам сего места», но «и правительствующим особам быть излишнюю не может», потому что этот город и порт является «житницей и сокровищницею Российского севера в Европе».¹¹⁰

«Архангелогородский гражданин» заинтересовался историей родного города давно. Еще в 1770 г. Крестинин снабдил И. И. Лепехина историческими данными об Архангельске. По его собственному свидетельству, после того как он окончил первую часть «Исторических начатков о двинском народе» (к 1779 г.), он «начал из... верных свидетельств сочинять Архангелогородскую летопись» от основания города, т. е. с 1584 по 1667 г. Последняя дата им не мотивировалась, но, по-видимому, была связана с изданием Новоторгового устава, значение которого для русского купечества Севера всегда высоко оценивалось Крестининым.

¹¹⁰ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 1.

Вначале историк группировал материал по десятилетиям. Можно предположить, что эта работа была подготовительной. Одновременно Крестинин трудился над сочинением «настоящего начертания Архангелогородского посада».¹¹¹ Работа в первом варианте была закончена в 1780 г., когда «постановлено было общим нашего мещанства приговором продолжать исторические записки».¹¹² В 1782 г. шел разговор об ускорении печатания «Краткой истории о городе Архангельском»,¹¹³ но по неизвестным нам причинам тогда она не была издана. Крестинин дополнил ее и, насколько можно судить по авторской датировке «Предуведомления» к книге, завершил окончательно в 1785 г.¹¹⁴

Воронцов, будучи в Архангельске в 1786 г., ознакомившись с работой Крестинина, точнее «с частью произведения об Архангельске», признал исторический опыт «толь полезным», что просил автора выслать это произведение.¹¹⁵

Историк Архангельска приводил ценные и интересные сведения о строительстве в городе гражданских, военных, административных и церковных сооружений, о торгах и промыслах, налогах, промышленных компаниях, административных мероприятиях и правительственных актах, о посещении Архангельска «сиятельными особами», о пожарах, строительстве военных и купеческих кораблей и многом другом. Начав, по установившейся традиции, книгу с историко-топографического описания, Крестинин высказывал замечания о коммерческом искусстве купцов, приводил исторические справки о китоловном промысле и монополии на скупку сала морских зверей. Причины возвышения Архангельска и падения торговой роли Холмогор также привлекли автора. Крестинин не обошел в книге и историю культуры и быта. Он привел, например, мало известный факт о постановке комедии в Архангельске в 1703 г. у «иноземца Ивана Антонова», на представлении которой присутствовал воевода; с каждого мужчины и женщины брали гривенник.

В «Хронологической росписи Архангелогородской истории» Крестинин привел много новых и интересных сведений. Напри-

¹¹¹ Там же, стр. III.

¹¹² Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212, л. 9.

¹¹³ Ученая корреспонденция Академии наук. XVIII век. Научное описание 1766—1782 гг. М.—Л., Изд. АН СССР, 1937, стр. 381.

¹¹⁴ Рукопись «Краткой истории о городе Архангельском» см.: Архив ЛОИИ, ф. 36, № 496. — Печатный текст несколько отличается от рукописного в сторону смягчения некоторых резких оценок.

¹¹⁵ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212, лл. 102—102об. Эта работа Крестинина своеобразна по построению. Первая часть — собственно «Краткая Архангелогородская история», изложенная в вопросно-ответной форме, заняла 1/3 всей книги, вторая — «Прибавления к Архангелогородской истории, описывающая разные перемены Архангелогородского посада» состоит из: 1) «Краткой хронологической росписи Архангелогородской истории» (стр. 97—129), 2) «Поняянного списка градоначальников Архангелогородского посада» (стр. 130—153), 3) «Архивных списков» (стр. 153—264), т. е. архивных документов, использованных автором (в числе 15).

мер, о начале строительства китоловных кораблей на Вавчужской верфи Бажениных в 1724 г., о первом отправлении казенных китоловных кораблей к Шпицбергену, называемому в просторечии тогда «Груланд», о находке серебряной руды на острове Медвежьем в Белом море и пр. Говоря о Новоторговом уставе 1667 г., Крестинин не забыл подсчитать, что из 94 статей 52 относятся к архангельской ярмарке.

Главной темой произведения являлась общественная борьба архангелогородского посада против дворянской администрации и купеческой олигархии с 1745 по 1780 г., активным участником и историком которой был Крестинин. Особое внимание автор уделил изменению системы городского управления, которое должно было осуществляться властями в интересах «законной гражданской свободы».

В «Краткой хронологической росписи Архангелогородской истории» автор ставил в известность читателей, что он считает не лишним присоединить к упоминаемым в книге именам бургомистров и ратманов «историческое о их нравах известие». Историк справедливо писал, что без таких характеристик «бесполезно было бы обременять историю одними собственными именами словами».¹¹⁶ В центре «Краткой хронологической росписи», как писал Крестинин, «имена и дела главных купцов, первых нашего посада капиталистов» — Никиты Крылова, Антона Бармина и Семена Бусинова, имеющих до ста тысяч рублей капитала каждый. Их капиталы Крестинин сравнивал с капиталами всего остального купечества, «как две единицы против одной». Поэтому эти купцы имели возможность «поступать в рассуждении своих сограждан, как сильные над слабыми».¹¹⁷ Особенно был непримирим Крестинин к Антону Бармину — заправиле купеческой олигархии. О нем Крестинин писал: Антон Бармин — «первый архангелогородский купец и прочие подобные ему богачи состояли в большей милости у губернатора, нежели тогдашние магистратские члены».¹¹⁸

В книге подробно показаны не только долголетнее господство кучки крупных купцов, заправлявших Земской избой и магистратом,¹¹⁹ но и борьба мещанства Архангельска против своекорыстного верховодства купеческой олигархии. Симпатии Крестинина на стороне Семена Башмакова и Никифора Зыкова, которые, по его словам, «благомысленные, но не первенствующие между богатыми, из архангелогородских купцов».¹²⁰ Для него

---

¹¹⁶ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 93—94.

¹¹⁷ Там же, стр. 94.

¹¹⁸ Там же, стр. 57.

¹¹⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в., стр. 224.

¹²⁰ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 38.

положительными персонажами в истории Архангельска являются Николай Алексеевич Свешников — «знатный, богатый и благоразумный архангелогородский купец», Александр Фомин — «сын нашего защитника гражданского свободы Ивана Фомина, лучший нынешнего времени в архангелогородском посаде писец в прозе и стихах», автор наказа от архангельских граждан, представленного в Комиссию по составлению Нового уложения, который, по словам Крестинина, «почитался между лучшими сочинениями сего рода, присланными от Российских городов»¹²¹ (кстати, такая оценка прочно утвердилась в исторической литературе).

«Краткая история о городе Архангельском» в некоторых местах была написана эзоповским языком, но чаще всего автор достаточно откровенно разоблачал беззаконие дворянской администрации и несправедливость воротил архангельского городского управления. Например, вопрос 37-й был сформулирован так: «За что президент Очапов снискал себе от посада ненависть?» Пространный ответ начинался с заявления: «За утеснение гражданского вольности и общих прав мирския избы, в рассуждении общих советов, выборов и розрубов».¹²²

Крестинину принадлежит ряд блестящих характеристик, которые по значению можно назвать социально-историческими. Все беды в обществе, по его убеждению, происходят от отсутствия должного просвещения. «Надлежит сказать не без огорчения, что в предеченных наших начальниках ни единого не было прямого наук любителя. Из них же один токмо ратман Пругавин сбучен был арифметике», — писал Крестинин.¹²³ Колоритная характеристика, например, бургомистра Семена Дудина. Этот судья, «корыстолюбием зараженный, любящий мзду и приносы», по словам «благоразумного» ратмана И. Ушакова, которые привел Крестинин, «принять в дар и замерзлую собаку не отречется».¹²⁴ Особенно возмущен Крестинин произволом архангельских полицмейстеров. Так, полицмейстер Баранцев превзошел, по его мнению, своих предшественников «свирепством, привязками и корыстолюбием».¹²⁵ «Начало суровостей, разворонных ненасытимым корыстолюбием», положил новый полицмейстер, прибывший из Петербурга, Петр Бельский. Крестинин не без удовольствия сообщил, что через пять лет «враг города Архангельского майор полицмейстер Бельский, по суду следственной над ним комиссии, лишается всех чинов и чести».¹²⁶

Крестинин, рассказывая о пожаре губернаторского дома и архангелогородской губернской канцелярии, сделал ряд полити-

¹²¹ Там же, стр. 32.

¹²² Там же.

¹²³ Там же, стр. 145.

¹²⁴ Там же, стр. 134.

¹²⁵ Там же, стр. 113—114.

¹²⁶ Там же, стр. 115—116 и 118.

ческих выводов. Он так передавал этот эпизод: губернаторский дом, построенный в 1745 г. и сгоревший в 1779 г., не придававший «красоты городу строением своим, которое было не великолепно, и более лазарету, нежели господскому дому подобно», при губернаторах Юрьеве и Головцыне был домом, «из которого не всегда суд и милость, но часто противные сим добродетелям действия показывались народу». Поэтому «все благонамеренные люди из наших двинян с нетерпением перемены в губернаторском правлении ожидали»¹²⁷ и не опечалились, когда, наконец, этот дом сгорел. Пожар же в помещении архангелогородской губернской канцелярии вызвал у Крестинина противоположные чувства. Вспыхнувший в архивной палате пожар «истребил все, почитай, старинные воеводского правления дела и большую часть дел нынешнего века». В этом пожаре невозвратно погибли «судебные записки», содержавшие, по его мнению, «самые нужные и верные свидетельства к изъяснению прежних дел и нравов» двинского народа. Ценность «канцелярских свидетельств» судебного учреждения, по мнению Крестинина, заключается в том, что, например, сравнивая количество судебных уголовных дел в прошлом и настоящем, можно прийти к выводу об уменьшении и прекращении «народных злодеяний и бедностей» в результате благотворного действия¹²⁸ «положительных законов» Екатерины II.

Но было бы большой ошибкой считать Крестинина апологетом самодержавно-крепостнического законодательства. Русский просветитель горячо отстаивал свободу городского самоуправления и полагал, что «естественный закон» является основанием для гражданского законодательства. Большой наказ Комиссии по составлению Нового уложения, который Крестинин назвал екатерининскими законами, «оживил в градах российских древний закон истины, данный всем и во все времена историкам вообще».¹²⁹

Крестинин не только критиковал, но старался показать и положительное в жизни своего родного города. Так, вопрос 43-й звучал: «Что достойное историческая памяти произошло в Архангелогородском посаде, под правлением магистратского бургомистра Андрея Дудина?» В ответе на вопрос подробно перечислялись заслуги нового бургомистра, в частности отмечалось «разрушение тиранской над мирскими делами силы Барминского троемужия». Выступление И. И. Фомина против «тирании Барминского троемужия» Крестинин назвал началом «гражданских подвигов» и патриотическим делом, которое закончилось победой защитников «законных гражданских вольностей».¹³⁰

Таким образом, «Краткая история о городе Архангельском»—

¹²⁷ Там же, стр. 76—77.

¹²⁸ Там же, стр. 80—81.

¹²⁹ Там же, стр. VI.

¹³⁰ Там же, стр. 117, 119.

это не столько история городской жизни, сколько история архангельского городского управления и борьбы против представителей феодальной администрации и купеческой олигархии. Книга свидетельствует о внимании исследователя к вопросам экономического и политического развития посада. Крестинин в это время сделал шаг от летописно-хроникальной манеры исторического изучения к проблемно-исследовательскому принципу, так как его привлекали «главные перемены» в истории архангельского посада.

Первые три произведения Крестинина свидетельствуют о серьезных успехах буржуазной историографии в России. «Гражданская история», «народное домостроительство» по терминологии Крестинина, ставит перед собой задачу изучения истории экономического развития страны, которое, конечно, еще признается не решающей силой истории, но одной из главных.

Ломоносов, открывший «Древнюю Российскую историю» с выяснения начал русского народа, нашел в Крестинине достойного продолжателя демократического изучения истории. Если Ломоносов считал, что перед Россией его времени стояли две важнейшие задачи — исправление нравов и распространение просвещения, а также исправление домостроительства (по его терминологии),¹³¹ то Крестинин не только разделял это мнение, но и представил первые опыты изучения истории домостроительства.

Четвертой сравнительно небольшой работой Крестинина, примыкающей тематически к первой, было «Начертание истории города Холмогор», которую он начал в апреле 1788 г. Древняя торговля и возникновение Холмогор — тема книги.

Проблема возникновения городов, волновавшая в свое время В. Н. Татищева, во второй половине XVIII в. привлекала многих историков, о чем, конечно, знал Крестинин. Он начал свое исследование с констатации общего положения: «Древние российские города имеют двойное начало: некоторые от строения крепостей, другие от — деревень».¹³²

В решении вопроса о происхождении Холмогор Крестинин не часто мог опираться на высказывания своих предшественников и вынужден был самостоятельно заниматься открытием «новых в древней истории справедливостей».¹³³ Историк считал, что развитие торговли являлось главным условием возникновения Холмогор.¹³⁴ История заволочкой торговли представлена в полезных подробностях: указаны виды товаров, прослежены торговые связи (по периодам).

¹³¹ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6. М.—Л., Изд. АН СССР, 1952, стр. 383, 407 и 413.

¹³² В. В. Крестинин. Начертание истории города Холмогор. СПб., 1790, Предупреждение, стр. III и 34.

¹³³ Там же, стр. IV.

¹³⁴ Там же, стр. 7.

Самым «трудным местом» холмогорской истории автор считал вопрос о начале торговли этого города с иностранцами. Предшественники Крестинина в изучении истории торговли — Г. Ф. Миллер, М. В. Ломоносов и М. Д. Чулков¹³⁵ — относили возникновение торговли Холмогор к глубокой древности.

Ломоносов принял свидетельство средневекового исландского скальда Снорре Стурлезона (первая половина XIII в.) о стародавнем купеческом пути, простирающемся «близ берегов Ледовитого моря в северных сибирских пределах от западных северных народов».¹³⁶ Не ограничиваясь этим источником, Ломоносов в подтверждение мореплавания из Норвегии в Двину ссылался на археологические данные: на находку древних готических серебряных денег на берегу реки Пинеги и «примеченные в знатном отдалении от моря на берегах сибирских старинные кочи». В дополнение к этому Ломоносов опирался на показания «Новгородского летописателя», т. е. на апокрифическое сказание, введенное впервые в научный оборот П. Н. Крекшиным.¹³⁷ О торговле новгородцев с Югорской землей Ломоносов писал, ссылаясь на Гельмольда.¹³⁸ Но Крестинин считал, что «прежде XVI века» торговли с иноземцами быть не могло. Этот вывод он делал на основе материалов, заимствованных им из «Магазина» Бюшинга (т. III), которые ему в свое время прислал Воронцов. Опровергая противоположное мнение новейших писателей о начале заграничной холмогорской торговли, он обвинял своих коллег по истории в том, что они писали об этом «по одним догадкам... без основания исторической истины».¹³⁹ Доказательства, приводимые при этом архангельским историком, казалось бы, убедительны, хотя и страдают известным неисторизмом. Отсутствие избытка хлеба, одинаковость уровня производства и отсутствие морских стоянок — портов, — все это, по мнению Крестинина, не могло способствовать развитию торговли в ту отдаленную пору.¹⁴⁰

Точку зрения архангельского историка поддержал Н. Я. Озерцовский, редактор «Новых ежемесячных сочинений», который в кратком изложении работы Крестинина писал: «...сочинитель входит в рассуждения о торговле заволочан с норманцами и другими народами, и вопреки „Историческому описанию российской коммерции древних, средних и новых времен“, ясными утверждает доказательствами, что такая торговля быть не могла по не-

¹³⁵ См.: М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 189—190, 442 и др.; М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. I, кн. I. СПб., 1781, стр. 95—98.

¹³⁶ М. В. Ломоносов. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 442.

¹³⁷ Там же, стр. 442, 443.

¹³⁸ Там же, стр. 202. — Торговля соболями России с Западом, по мнению Ломоносова, началась еще 700 лет назад. — Там же, стр. 189—190.

¹³⁹ Архив ЛОИИ, ф. 36. № 1212, лл. 31 и 5.

¹⁴⁰ В. В. Крестинин. Начертание истории города Холмогор, стр. 16—18.

именно товаров, которые бы заволочане заимствовать могли от норманцов или сии от заволочан и пр.».¹⁴¹

Крестинин отметил тормозящую роль господства новгородского боярства и церкви в развитии местной торговли: «...главные капиталы торгующих купцов из Новгорода поистекали и туда же возвращались», монахи, получая большие прибыли от торговли солью, «прибыль от сего товара разделяли неощутительным образом с холмогорскими купцами», и «от избытков мирского богатства украшали свои монастыри каменными зданиями и великолепием...»¹⁴²

История коммерции, как ее понимали в XVIII в., у Крестинина нашла отражение в ряде произведений. Наиболее выдающимся из них был «Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого от 1693 по 1719 год».¹⁴³ К нему примыкали: «Исторические примечания о коммерческом кредите внешняя торговли по делам прошедшего века Российских купцов вообще и по действиям нынешнего столетствия Архангелогородских купцов особливо»¹⁴⁴ и написанное в 1793 г. «Краткое историческое известие о заведении, продолжении и запусчении купецких верфей на Двине в Архангелогородской губернии».¹⁴⁵

Интерес к деятельности Петра I, характерный для всего XVIII столетия, особенно обострился к исходу века. В Архангельске отметили столетие со дня рождения Петра I. 30 мая 1772 г. состоялось собрание граждан в мирской избе архангелогородского посада. Как повествуется в «Краткой истории о городе Архангельском», «известный гражданский старшина и запопечитель несчастно рожденных младенцев», т. е. сам Крестинин, обратился к согражданам с речью, призывающей воздвигнуть Петру Великому «монумент» в мирской избе архангелогородского посада... в виде организации в день 30 мая ежегодного сбора «добровольных подаяний» для «несчастно рожденных младенцев», т. е. незаконнорожденных.¹⁴⁶ Предложение Крестинина было принято. Такое же «торжественное действие» проводилось и в 1779 г., когда также была организована подписка «в пользу страждующего человечества»,¹⁴⁷ — подкидышей московского и архангельского сиротских домов.

Обратившись к изучению деятельности Петра I, Крестинин считал, что личность преобразователя всегда привлекала «куп-

---

¹⁴¹ Выписка из начертания истории города Холмогор, сочиненного Архангелогородским гражданином Васильем Крестининым. Собр. соч., выбр. из «Месяцесловов», ч. VII, 1791, стр. 113, см. также стр. 117.

¹⁴² В. В. Крестинин. Начертание истории города Холмогор, стр. 20.

¹⁴³ В. В. Крестинин. Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого от 1693 по 1719 год. — «Месяцеслов исторический на 1795 год».

¹⁴⁴ См.: «Новые ежемесячные сочинения», ч. XXVI, 1792.

¹⁴⁵ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1155, лл. 375—380.

¹⁴⁶ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 50.

¹⁴⁷ Там же, стр. 73—76.

цов и мещан российских городов и посадов вообще»,¹⁴⁸ видевших в нем «общего отца отечества».¹⁴⁹ Торговую политику Петра I Крестинин рассматривал через призму частного предпринимательства. В «Историческом опыте о внешней торговле Петра Великого» казенная торговля представлялась ему как «личная торговля» Петра, который взял на себя дела двух приказов (Большой казны и Большого дворца) «по образцу частного купца».¹⁵⁰

Несомненной заслугой Крестинина являлся его вывод о первенстве основания купеческого флота в России перед военным. «Основание Российского купеческого флота на Двинских берегах» архангельский историк связывал с построением первого царского купеческого корабля в 1694 г., отправленного с казенными товарами из Архангельска в Голландию, считая, что этим фактом «доказывается старшинство в заведении купеческого флота перед военным».¹⁵¹ Если инициатива в создании купеческого флота принадлежала, по мнению Крестинина, государственной власти, точнее, «общему отцу отечества» — Петру, то продолжение строительства торговых судов целиком было поддержано купечеством. «Первое на купеческий счет заведение и строение торговых кораблей» было начато знаменитыми архангелогородскими купцами Бажениными на Вавчугской верфи, которая «есть самый первый купеческий корабельный завод в России», — писал он.¹⁵²

Остается отметить, что на отношение Крестинина к Петру I не обратил внимание даже крупнейший знаток литературы об эпохе преобразований — Е. Ф. Шмурло. Он только отметил ценность фактического материала о внешней торговле России за 1693—1719 гг., заимствованного Крестининым из архивных источников.¹⁵³ Между тем работы историка Севера не только содержат интересный документальный материал, не только свидетельствуют об оценке Крестининым деятельности Петра, но также характеризуют общественно-политические взгляды самого автора. Крестинин, верный своим историографическим интересам, занимался сюжетами, тесно связанными с экономической жизнью России, в особенности родного Архангельска, торгово-хозяйственное значение которого было не столь блестящим, как хотелось историку.

---

¹⁴⁸ В. В. Крестинин. Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого, стр. 7.

¹⁴⁹ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 75.

¹⁵⁰ В. В. Крестинин. Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого, стр. 15.

¹⁵¹ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. 8.

¹⁵² В. В. Крестинин. Исторический опыт о внешней торговле Петра Великого, стр. 28.

¹⁵³ Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства. Вып. 1 (XVIII век). СПб., 1912, стр. 107, 143 примеч.

«Историческое известие о судебных делах 1790 года в Архангелогородском городском магистрате, заслуживающих примечания общества» было составлено в мирской избе архангелогородского посада «по приговору» общества мещан 1791 г.¹⁵⁴ Это небольшое произведение — история столкновений мещанства с купечеством. Крестинин давно знал развращенность и продажность судебных чиновников. Он с полным основанием мог деликатно писать Воронцову, прося как-то о заступничестве, «самое правое дело, по разности человеческих нравов, не одинаково защищаемо быть может в судебных приказах».¹⁵⁵ Характерно, что, говоря о пяти «обидах» мещанству, Крестинин не забыл упомянуть о воспрепятствовании ведению исторических записок, разрешенных законом. В итоге не только этого «Исторического известия», но и всей своей жизни Крестинин с болью в сердце писал: «Оскорбленный такими обстоятельствами, летописатель видит себя праздным и не может собственною силою снискать истории честь...»¹⁵⁶

Лебединой песней Крестинина было его историко-публицистическое произведение «Хронологическое (1782—1794 гг.) описание Архангелогородского мещанского общества с посадскими людьми, составленное В. В. Крестининым, бывшим много лет старшиною помянутого общества и письмоводителем», — как писал он.¹⁵⁷ Это — «рассказ о напастях, претерпенных мещанством... от приказных людей».

О работе Крестинина над источниками писали С. Н. Валк, У. М. Полякова, Е. М. Эпштейн и др.¹⁵⁸ Остановимся только на следующем.

На протяжении XVIII в. круг исторических источников, привлекаемых исследователями, изменялся по крайней мере два раза. Если Татищев основывался преимущественно на летописях, Щербатов на летописях и государственных актах, то Крестинин впервые широко ввел в исследование частные акты, в изучении которых у него уже можно найти элементы социального анализа.

Источники Крестинин делил на две категории: архивные документы и достоверные свидетельства современников,¹⁵⁹ которые он смело использовал. Для написания «Краткой истории о городе Архангельском» до начала XVIII в. историк основывался на «старинных свитках и записках», для новой истории города (первая половина XVIII в.) привлек частью письменные свидетельства, частью «не сумнительные сказания исправных свидетелей»

¹⁵⁴ Архив ЛОИИ, ф. 36, № 1212, лл. 57—85.

¹⁵⁵ Там же, л. 7об.

¹⁵⁶ Там же, л. 67.

¹⁵⁷ Там же, № 1155, л. 381.

¹⁵⁸ См. еще: Я. Н. Шапов. Редакции устава князя Ярослава Владимировича. «Проблемы источниковедения», вып. XI. М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 481—523.

¹⁵⁹ В. В. Крестинин. Краткая история о городе Архангельском, стр. IV.

и для новейшей — свидетельства магистратского и гражданского архивов, собственные наблюдения, о которых он скромно умалчивал, но на которые вполне можно было ему положиться. Для продолжения архангельской истории — «Новой истории Архангельска» — автор использовал современные событиям документы и материалы. Например, когда Крестинин посылал Воронцову список письма архангельского городского головы губернатору Т. И. Тутолмину, то он писал, что содержание этого письма «сопряжено с историею нашего города неразрывно».¹⁶⁰

Деятельность М. Д. Чулкова (1743—1793) достаточно изучена в истории русской литературы и журналистики, а в последнее десятилетие и в истории русской экономической мысли.¹⁶¹

Биография М. Д. Чулкова в некоторых отношениях столь же колоритна, как, скажем, И. С. Баркова, Ф. А. Эмина и других представителей разночинной интеллигенции. Он учился в гимназии при Московском университете, был придворным актером и назывался отставным лакеем, затем с 1772 г. был секретарем Коммерц-коллегии и позднее сенатским секретарем. Чулков известен как один из издателей сатирических журналов конца 60-х — начала 70-х годов, как один из первых собирателей русских народных песен и сказок, как один из зачинателей романа в русской литературе и, наконец, как виднейший идеолог купечества периода начала разложения феодально-крепостнического строя и возникновения капиталистического уклада.

В историографическом курсе Л. В. Черепнина впервые затронута историографическая оценка его деятельности как историка.¹⁶² Автор не ограничился кратким изложением содержания многотомной истории русской коммерции Чулкова и характеристикой его общественно-политических взглядов, а раскрыл сущность историографической концепции Чулкова. По мнению Черепнина, она все еще не свободна от церковно-догматического учения о провидении, поскольку он начинал историю «коммерции» с библейских времен.

Творческий путь Чулкова свидетельствует о демократичности характера его различных произведений. (Демократичность, разумеется, мы понимаем в соответствии с условиями возникновения и развития буржуазно-демократической идеологии в России второй половины XVIII в.) Фольклорные работы Чулкова, как

¹⁶⁰ Архив ЛОИИ, № 1212, л. 11. — В. В. Крестинин впервые широко, хотя несистематически и некритически, привлекал данные писцовых книг. (См.: В. И. Петухов. Материалы писцовых книг в исторической литературе XVIII — начала XIX века. «Археологический ежегодник за 1962 год». М., Изд. АН СССР, 1963, стр. 193—194).

¹⁶¹ История русской экономической мысли, т. I, ч. I. М., Госполитиздат, 1955, стр. 490—518 (Глава 18. Идеолог купечества. М. Д. Чулков).

¹⁶² Л. В. Черепнин. Русская историография, стр. 261—264. См. также: Очерки истории исторической науки в СССР, т. I, стр. 208, 218—219, 514—515 и др.; Историография истории СССР. М., 1961, стр. 110—111; Е. Ф. Шмурло. Петр Великий в оценке современников и потомства, стр. 107—108.

и произведения М. И. Попова и В. Левшина, тесно связанные с развитием демократической национальной культуры,¹⁶³ сыграли определенную роль в пробуждении у него интереса к изучению истории экономической жизни России. Не преувеличивая значения этой стороны творческой работы Чулкова, считая, что главное, почему он обратился к новой тематике в русской историографии, заключалось в социально-экономических условиях, а также в развитии исторической мысли, так сказать, в экономическом направлении, не будем ее и игнорировать, так как интерес к народному творчеству помогал отказаться от традиционной тематики феодальной историографии и обратиться к исследованию экономической истории России.

В 1767 г. вышел «Краткий мифологический лексикон» Чулкова, в 1768 г. — книга М. И. Попова «Краткое описание древнего славянского языческого баснословия» (в ее составлении принимал участие и Чулков). Большей научностью отличались «Словарь русских суеверий» Чулкова (1782; 2-е изд., 1786, под названием «Абевега русских суеверий») и неоднократно переиздававшееся четырехтомное «Собрание русских песен» (1770—1774), составленное Чулковым при сотрудничестве с Левшиным. Г. А. Гуковский считал, что это собрание песен было огромным «вторжением фольклора в литературу».¹⁶⁴ Примечательно, что Попов, Чулков и Левшин при изучении народного творчества, поступая в духе времени, не останавливались перед «изобретениями», т. е. выдумыванием славянских богов. Такой вольный прием, казалось бы, совершенно несовместимый с наукой, определялся, на наш взгляд, двумя обстоятельствами: несовершенным, формальным привлечением историко-сравнительного метода и недостаточно критическим отношением к источникам. Неумелое использование историко-сравнительного метода как средства исторического анализа приводило к произвольной и внешней параллели между Олимпом античной мифологии и языческим пантеоном славянских богов, некритическое отношение к источникам вело к использованию сомнительных, недостоверных источников.

Журналистика и литература, которой занимался Чулков, не только наметили дальнейшие его научные интересы, но и в значительной мере привнесли в них приемы исторического изучения.

Советские исследователи 30-х годов считали, что Чулков в своей журнально-литературной деятельности (и в журнале «И то и се», и в нашумевшем романе «Пригожая повариха или происхождения развратной женщины», 1770) «не дорос до глубоких и значительных обобщений»,¹⁶⁵ что у него не было вообще закон-

---

¹⁶³ См.: Г. А. Гуковский, Русская литература XVIII века. М., Учпедгиз, 1939, стр. 222 и сл.

¹⁶⁴ Там же, стр. 225.

¹⁶⁵ Там же, стр. 227.

ченной буржуазной программы, хотя в его творчестве и встречались элементы буржуазной идеологии.¹⁶⁶ Историкам исторической мысли еще надо определить, насколько сильно буржуазное мировоззрение Чулкова сказалось на изучении истории экономической жизни России и насколько проявились литературные приемы работы в истории.

В сборнике рассказов и сказок Чулкова — «Пересмешник или славенские сказки» (1—4 тт., 1766—1768; т. 5, 1789) автор прославлял доблесть и культуру русских людей древности. Однако в этом желании связать русские сказки с былинным эпосом, как отметил Гуковский,¹⁶⁷ был более последователен В. Левшин,¹⁶⁸ автор «Русских сказок, содержащих древнейшие повествования о славных богатырях, сказки народные и прочие...» (10 ч., 1780—1783 и переиздания). В сборнике имелась повесть «Горькая участь», которую следует признать примечательным событием не только для русской художественной литературы, но и для изучения истории капиталистических отношений в деревне второй половины XVIII в., так как в ней нарисован один из первых, а быть может и первый, образ кулака-мироода, названного «съедугой».¹⁶⁹

Также, как установлено в последнее время, о чем мы уже успели заметить в 1-й главе, Чулков был причастен к литературе, направленной против раскольников.¹⁷⁰

Работа Чулкова над экономическими трудами падает на конец 70-х — 80-е годы. Его капитальный труд «Историческое описание Российской коммерции» (в 7 томах, точнее в 21 книге, общим объемом свыше 14 тыс. страниц) вышел в 1781—1783 гг. Успех этого научно-практического предприятия (последнее преобладало над первым) побудил автора извлечь из него историческую часть и издать ее с сокращениями под названием «История краткая Российской торговли» (М., 1788). Историки справедливо считают, что этот многотомный труд Чулкова с большой натяжкой может быть признан исследованием по избранной теме.¹⁷¹ Однако если даже учесть, что $\frac{4}{5}$ всего текста «Истории Российской коммерции» составляют различные документы, приводимые целиком, в извлечениях или в пересказе, то нельзя отрицать за трудом Чулкова известной самостоятельности и полноты.

¹⁶⁶ А. Западов. Журнал М. Д. Чулкова «И то и сь» и его литературное окружение. «XVIII век». Сб. 2. М.—Л., Изд. АН СССР, 1940, стр. 95—96.

¹⁶⁷ Г. А. Гуковский, ук. соч., стр. 233.

¹⁶⁸ См.: В. Шкловский. Чулков и Левшин. М., 1933.

¹⁶⁹ М. Д. Чулков. Пересмешник или славенские сказки. В кн.: Русская проза XVIII века, т. I. М.—Л., 1950, стр. 145. См.: Г. А. Гуковский, ук. соч., стр. 223; История русской экономической мысли, т. I, ч. I, стр. 513.

¹⁷⁰ См. еще: Л. Светлов. М. Д. Чулков — автор памфлета «Жизнь некоего мужа». «Русская литература», 1963, № 2, стр. 188—197.

¹⁷¹ В «Очерках истории исторической науки в СССР» (т. I, стр. 218) сказано, что он представляет собою «не столько описание торговли России, сколько

Чулков уже в начале работы над историей русской коммерции встретил поддержку у А. Р. Воронцова, М. М. Щербатова, И. И. Голикова и некоторых других, но тем не менее, несмотря на просьбу через петербургские и московские газеты о присылке ему необходимых материалов, он ничего так и не получил.

Чулков был прав, когда считал, что отечественная и иностранная литература по истории древней российской торговли не является надежным руководством для его большого и фактически первого обобщающего труда по истории коммерции в России. Он имел основание писать: «...о древней российской торговле усмотрел в летописях и историях наших разсеянные весьма краткие, темные, и иногда не вразумительныя упоминования, тоже и в иностранных писателях».¹⁷²

Автор «Исторического описания российской коммерции», несомненно, хорошо был знаком с литературой вопроса. Он постоянно использовал работы крупнейших русских историков — В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, М. М. Щербатова, «Ядро Российской истории», произведения П. И. Рычкова и Н. П. Рычкова, Феофана Прокоповича и многие другие. Чулков опирался на изданные к его времени русские летописи, «Известия византийских историков» и т. д. и т. п. Можно без преувеличения сказать, что он прочел всю русскую историческую литературу и напечатанные источники по отечественной истории с заранее намеренной целью — извлечь из них все необходимое для освещения истории русской коммерции.

Практическая направленность труда Чулкова, неумение или нежелание остро ставить общественно-политические вопросы в художественных произведениях сказались в значительной мере на компромиссности его некоторых рассуждений по проблемам русской истории и компилятивном характере его труда.

«Фундаментальное произведение М. Д. Чулкова, — как формулирует „История русской экономической мысли“, — представляет собой исследование, в котором автор поставил своей задачей дать общую систематическую историю русской промышленности и торговли, осветить большой круг экономических проблем под определенным углом зрения, с точки зрения купца, перехо-

---

собрание необработанных материалов для такого описания». Н. И. Павленко, говоря о Чулкове, как авторе первого печатного труда по истории металлургии (2-я глава VI тома), писал определенно: «Сочинение Чулкова более напоминает публикацию документов, нежели историческое исследование. В нем отсутствует авторский текст, его заменили правительственные указы, расположенные в хронологической последовательности, причем горное законодательство перемежается с указами о легкой промышленности, винокурении, кожевенном и поташном производствах. Некоторые указы, особенно ранние, напечатаны в кратком изложении, а более поздние опубликованы полностью» (Н. И. Павленко. История металлургии в России XVIII в. Заводы и заводоуправления. М., Изд. АН СССР, 1962, стр. 20).

¹⁷² М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. I, кн. 1. СПб., 1781, Предупреждение, стр. 15.

дящего к предпринимательской деятельности».¹⁷³ Несомненно, оно является первым достаточно систематическим опытом исследования экономической истории России от древности до второй половины XVIII в., написанном с позиций буржуазной идеологии в период ее становления в недрах феодального строя.

Начиная с Татищева, в особенности после произведений П. И. Рычкова и работ других русских историков и экономистов, а также трудов иностранных ученых (в подлинниках и переводах; например, известный «Лексикон» Савари), Чулков окончательно сформулировал широкое понимание истории коммерции. Под историей русской коммерции он понимал не только историю русской торговли, но и историю промышленности и ремесла, транспорта и связи, кредита и денежного обращения.¹⁷⁴

Сам Чулков определял цель своего произведения весьма обстоятельно и пространно. Он перечислил 24 своих «намерения».¹⁷⁵ Задачи, поставленные Чулковым, требовали освещения самых разнообразных вопросов, связанных с выяснением того, в чем состояло богатство России, с показом истории возникновения промыслов, мануфактурной промышленности, с исчислением объема продукции фабрик и заводов, выяснением социального состава владельцев предприятий и форм применения труда на них.

Чулков был далек от раздумий над философией истории русской коммерции. Теоретические вопросы, видимо, его мало интересовали. Наряду со здравым скептицизмом (о котором мы скажем несколько слов) в его взглядах можно найти и отражение юмовского агностицизма, идущего от западных руководств и, несомненно, от М. М. Щербатова, историографический авторитет которого ощущается на многих страницах работы Чулкова. Это видно из признания последнего о невозможности познания всей совокупности истории или науки. Чулков писал: «... о торговле то же можно сказать, что о многих других науках, то есть что и в ней находится бесконечное множество вещей, которые знать надобно, и что никто, сколько бы в ней знающ и сколько бы хотя самым совершеннейшим искусством просвещен ни был, не может измерить все ее глубины».¹⁷⁶

Чулков отчетливо подчеркивал большую роль купечества в жизни общества. Его объемистое «Историческое описание Российской коммерции» открывается знаменательным заявлением, свидетельствующим о том, что буржуазия стала осознавать свою социальную силу. «По общим правилам купечество есть орудие коммерции, — писал Чулков. — Оно составляет благополучие общества не по тому только, что прибыль казне пошлинами приносит, но по тому более, что сей класс ободряет земледельство,

¹⁷³ История русской экономической мысли, т. I, ч. 1, стр. 492.

¹⁷⁴ Ср. там же. — Нет оснований на первое место ставить промышленность, как это сделано в «Истории русской экономической мысли».

¹⁷⁵ М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. I, кн. I, Предупреждение, стр. 16—18.

¹⁷⁶ Там же, Предисловие, стр. 55.

служит к обогащению общественному и в политических делах бывает иногда великою подпорою государствам».¹⁷⁷ Развивая данную мысль, Чулков, высказываясь об особой роли купечества в голодные годы, писал о значении купечества еще более определенно: «Здесь откровенно видеть можно всякому, что коммерция не токмо что бывает подпорою государству, но в толь горестном и бедственном состоянии оного служит надежнейшим спасением всех обитающих в нем народов. А потому и есть оная из нужнейших классов империи, и происходящая от нее польза свету столь велика и необходима, что купечества без опровержения всего сожития гражданского отрешить не возможно».¹⁷⁸ Не удивительно, что Чулков, так высоко ставя купечество, соглашался с теми, кто признавал благотворное влияние коммерции на развитие культуры, ибо она «оживляет науку, художества и ремесла».¹⁷⁹

Чулков не был разборчив в выборе литературы и источников. Он был предприимчивым и энергичным компилятором. Подавляющая масса материала в его труде есть не что иное, как дословное воспроизведение всевозможных архивных и делопроизводственных документов — указов, трактатов, регламентов, уставов, инструкций, привилегий, отчетов центральных и местных учреждений и организаций, извлеченных главным образом из архива и делопроизводства Коммерц-коллегии, в которой, напомним, служил долгое время Чулков, использовавший эти материалы с согласия начальства. Поэтому в сравнительно короткий срок Чулков с помощью писцов смог подготовить и издать такой огромный по объему, но сырой, мало обработанный труд. Он ставил перед собой задачу не столько написать историю российской коммерции, сколько составить руководство в чисто утилитарных целях, как он выражался, для ознакомления купцов «со всей купеческой теорией или наукой» и практикой внутренней и внешней коммерции.

О Чулкове как авторе и исследователе можно судить на основании «Предисловий» и «Предуведомлений», помещенных в каждой книге, и на основании его собственно исторического изложения в тексте произведения. В этом отношении нельзя миновать общих обзоров истории русской коммерции, находящихся в I-й книге I тома и в 6-й книге IV тома «Исторического описания Российской коммерции», а также конспективного обзора истории русской коммерции, изложенного им в «Истории краткой Российской торговли».¹⁸⁰

Если первые пять томов дают порайонный обзор истории коммерции, точнее истории внешней торговли, то VI и VII тома включают более систематическое изложение истории коммерции

¹⁷⁷ Там же, Предуведомление, стр. 15.

¹⁷⁸ Там же, стр. 147.

¹⁷⁹ Там же, Предисловие, стр. 59.

¹⁸⁰ Там же, т. I, кн. I; т. IV, кн. 6, в которой на стр. 392—749 изложен «Экстракт из всей вообще торговли российской» от Геродота до 1778 г. Чулков его повторил в «Истории краткой Российской торговли» (М., 1788).

всей России второй половины XVIII в. Наибольшее внимание в многотомной работе Чулков уделил истории внешней и внутренней торговли России, в особенности в XVIII в., главным образом в Петербурге и Кронштадте. (Этому посвящен IV том, состоящий из 6 объемистых книг.)

Чулков не всегда ссылался на использованные им источники, но в большинстве случаев все-таки выполнял элементарные научные требования. Однако, как уже отмечалось в литературе, историк и экономист XVIII в. часто опускал ссылки или приводил их неточно, редко оговаривая подлинные слова излагаемых им авторов.¹⁸¹ Иногда он ссылался на использованные пособия для того, чтобы снять с себя ответственность за те басни, которые, например, приводились в «Ядре Российской истории» в отношении древнейшей истории славян. Часто Чулков почти целиком заимствовал материал из трудов своих предшественников, например при описании истории Оренбурга и смежных сюжетов (заимствованный у П. И. Рычкова), не особо заботясь о ссылках на автора.

Было бы, однако, неверным считать Чулкова только беззащитным плагиатором, не разбирающимся в том, что он привлекал для своей истории русской коммерции. Легко отыскать критические страницы, на которых он разбирал мнения различных авторов, например Савари, привлекая их показания для проверки различных источников.

Также ошибочно будет утверждение о сплошной повествовательности произведения Чулкова. Автор при изучении того или иного события стремился проанализировать внутренние и внешние причины его. Вдумчивость исследователя видна из его рассуждений о многих событиях, например о посольствах Владимира I, о Новгороде, о торговле с Китаем, о реакции в России на революцию в Англии и т. д. и т. п.

Все-таки нужно признать, что достоинства этого многотомного труда Чулкова перекрывают намного его недостатки, главные из которых связаны с компромиссностью мировоззрения его автора, отсутствием у него исторической подготовки и компилятивностью в манере работы.

Не останавливаясь на содержании и экономической характеристике разбираемого произведения, рассмотрим собственно историческую часть труда. Книга Чулкова имеет полное основание считаться историей коммерции в широком, как мы указали, смысле слова. В ней история экономической жизни России дана в историческом плане. Как можно убедиться из распределения историко-экономического материала, Чулков приравнивал его к общей периодизации истории России, принятой в дворянской историографии, но вносил новое в периодизацию истории русской коммерции, связывая начало того или иного периода не

---

¹⁸¹ История русской экономической мысли, т. I, ч. 1, стр. 491.

только с изменениями форм государственного устройства, а с событиями, определившими дальнейшее развитие торговли. Характерно, что Чулков вводит историю российской коммерции в рамки трехчленного деления всемирной истории: древнее время, средние века и новое время. Древний период российской коммерции («древняя торговля») начинается с Геродота. Но для Чулкова это только еще предыстория. По-настоящему история славянорусской коммерции открывается не ранее образования древнерусского государства, точнее не ранее времени деятельности первых князей. Этот период прекращается с нашествием Батыя. Средневековый период российской коммерции («торговля средних веков») длится «до ныне текущего столетия». Новый период российской коммерции, по Чулкову, продолжается от начала XVIII в. до «настоящего времени».

Однако Чулков не был последователен в применении этой трехчленной периодизации. В одних случаях древнюю торговлю он доводил до XV—XVI вв., в других — до начала XIII в. Кроме того, Чулков отмечал в качестве хронологической грани освобождение от татар («от очищения России от татар»), а также связывал начало торговли того или иного города или порта с конкретными историческими событиями, например с пришествием англичан к Архангельску, с возвращением в подданство гетманов запорожских, с построением Оренбурга, с покорением Сибири, с постройкой Кяхтинского форпоста, с основанием Петербурга и построением Кронштадтского порта и с покорением городов и портов Прибалтики.

Представления Чулкова о ходе развития общества хорошо понятны из следующего высказывания. Отметив, что он не имел возможности осветить «Вступление», т. е. предысторию древней коммерции, историк писал: «Народы, не знающие грамоты, не имеют и веры писаниями распространяемой, которая, соединяя людей, научает изобретать пользы общественныя, а не каждого особенно: но естественное бытия человеческого течение имеет различныя и неиспытанныя стези к получению назначенного ему блага. Прародители наши, так как и прочие народы, упражнялись в начале в земледельстве, скотоводстве и в ловле зверей и рыб; но природа, дабы возвысить их потомство, так как и других народов, вдохнула в них паче прочих прилежание к воинскому делу; и имели они к тому всегда особливую склонность: следовательно чрез то от соседственных и других народов, с которыми они воевали и чаще побеждали, нежели побеждены были; приобретали богатство и сокровища немалыя, и притяжали пленных». Из этой цитаты можно сделать несколько наблюдений. Во-первых, Чулков в духе идеалистического понимания истории связывал культурное развитие народов, так же как в свое время и В. Н. Татищев, с распространением просвещения, точнее, с изобретением письма и проповедью веры, надо полагать христианства. Во-вторых, он признавал общность исторического развития

народов, считая, что наши предки занимались вначале земледелием, скотоводством и охотой (в последнем случае разделяя мнение П. И. Рычкова). В-третьих, он считал, что славяне ранее занимались войной, чем торговлей (в этом он следовал за М. М. Щербатовым).¹⁸² Не вдаваясь в критику этих односторонних представлений Чулкова, отметим лишь его историографическую начитанность и понимание эволюционности развития в истории, ограниченное, конечно, идеалистическим и метафизическим образом мышления.

Чулков и в многотомной истории коммерции и в ее сокращении, придерживаясь примерно одних и тех же представлений о древнейшем периоде истории нашей страны, начинал более или менее подробное изучение экономической истории только с образования древнерусского государства.

Начало славянорусской торговли (везде терминология Чулкова), по его мнению, относится ко временам скифов и Геродота. Однако торговая деятельность скифов или славяно-русов, как считал Чулков, была ограничена из-за неразвитости их быта. «Прародители наши» не имели домов, не знали земледелия, а только «упражнены были пасти своя стада»; они не имели законов, «не старались так, как другие народы, о приобретении злата и серебра»; не употребляли шерсть на одежду и ограничивались шкурами.¹⁸³

В разделе «О товарах, о монете и заводах, бывших в России в древние времена вообще» Чулков, думается, впервые в нашей литературе достаточно верно определил характер древнерусской торговли и промышленной деятельности, обусловленной земледельческим бытом, скотоводством и охотой.¹⁸⁴

Чулков отрицал добычу «дорогих металлов» — золота и серебра — не только у скифов и сарматов, но и в Древней Руси. Огромные богатства, по его мнению, начиная с Олега и других первых князей, так же как у англичан, голландцев и других «купечествующих народов», были получены «большею частию чрез коммерцию». Конечно, Чулков был не совсем прав, когда отказывался принять показания путешественников и историков об Аргунских или Нерчинских «серебрянных заводах», действовавших еще до завоевания Сибири, но его стремление реалистически, более того, исторически смотреть на развитие экономики России, заслуживает одобрения.

Первыми заводами, по мнению Чулкова, еще во времена Геродота были соляные и юфтяные. Что касается горных заводов, то их «в глубокой древности в России полагать не возмож-

---

¹⁸² М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. I, кн. I, стр. 12—13.

¹⁸³ Там же, стр. 10 и сл.; Е. Г. Историю краткая Российской торговли. М., 1788, стр. 2 и сл.

¹⁸⁴ См.: М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. I, кн. I, стр. 112 и сл.

но», но тем не менее «железо как вещь необходимая, к войне прилежащему народу малым числом, и ручными горнами в разных местах делано было издавна».¹⁸⁵ Мануфактуры или рукоделия существовали давно. Чулков, опираясь на свидетельство Н. П. Рычкова, заимствованное из мало достоверной Хлыновской (Вятской) летописи, стараясь опровергнуть мнение об арабах как изобретателях винокурения в XIV в., писал, что «искусство винокурения и употребление оногo в России известно было до 12 столетия, а может быть еще и далее в древность». Дело в том, как считал Чулков, что еще в 1172 г. при основании Хлыновской республики выходцами из Новгорода в городе Вятке «между прочими городскими зданиями... учредили нужнейшие по тому времени необходимости, а именно Винокурню и Земскую, то есть общую баню, по середине города построили».¹⁸⁶

В отношении «художеств» — ремесленного производства в широком смысле этого слова — Чулков придерживался мнения Щербатова, считавшего, что славяне в древности были отсталым народом. Но тем не менее Чулков признавал наличие у них некоторого мастерства — плотницкого и кожевенного, совершенно необходимого для изготовления телег и выделывания шкур, а также распространенности производства как «наступательного, так и оборонительного оружия» (лук, стрелы, сабли, копыя, латы, щиты и пр.). Все это, по его мнению, не только приобреталось в качестве военных трофеев или изготовлялось самостоятельно, но и получалось в виде дани или обмена. Начало «художеств» в России Чулков, как и Щербатов, относил к середине XIV в., ко времени правления Семена Гордого, когда началось украшение многих церквей живописью и литье колоколов.¹⁸⁷ Таким образом, Чулков в вопросе об уровне культуры славян и Древней Руси придерживался средней линии между Татищевым и Ломоносовым, отстаивавшими мнение о сравнительно высоком уровне культуры (распространение письменности и просвещения, строительство городов, развитие ремесла и торговли), с одной стороны, и Щербатовым, считавшим все это преувеличением, — с другой.

Деятельность правителей средневековой Руси Чулков рассматривал главным образом с точки зрения их отношения к коммерции. Например, показание Никоновской летописи о посылке Владимиром I купцов в качестве послов в разные страны для ознакомления с землями и обычаями («соглядати земель их и обычаев их») Чулков в духе Татищева определенно писал: «Оный же великий князь между другими учреждениями в пользу государства и коммерции, так же и для испытанья веры перед приятнем святого крещения (обратим внимание, что это у него

---

¹⁸⁵ Там же, стр. 122.

¹⁸⁶ Там же, стр. 123 и 124—126.

¹⁸⁷ Там же, стр. 165—166.

на третьем месте. — С. П.) отправил в разные государства гостей или купцов под видом посольства, для соглядания нравов и обычаев чужеземных, и коим бы между прочим осмотреть хитрости в ремеслах, довольство дорогих вещей, какия от них, и с какою свободностию можем достать, или что к ним с прибытком отвозить, и дабы возмог почерпнуть от оных все то, что к просвещению народов его потребно, как о том и в летописцах значит».¹⁸⁸

Что касается популярной работы Чулкова по истории русской коммерции, то о ней скажем всего несколько слов. «История краткая Российской торговли» являлась своеобразной хроникой экономической истории России. История торговли (именно так!) была изложена в хронологической последовательности на основе летописных известий (для событий до XVII в. по преимуществу) и законодательных актов, правительственных распоряжений и другой официальной документации (особенно для XVIII в.). Это своеобразный свод всех известий и актов, относящихся к истории коммерции.

Нет особой необходимости останавливаться на классовом аспекте исторических представлений Чулкова. О его отношении к растущей буржуазии, идеологом которой он являлся, мы уже говорили. О преувеличении им роли торговли в жизни общества также писалось в литературе.¹⁸⁹ Историк русской коммерции рассматривал народные выступления с точки зрения меркантильных интересов купечества и государства и поэтому их осуждал. Достаточно обратиться, например, к эпизоду с сожжением корабля «Орел» во время Крестьянской войны второй половины XVII в., чтобы убедиться в совпадении отношения к народным движениям у Чулкова и Петра I, высказанного последним в «Предисловии» к «Морскому уставу». Чулков говорил о последствиях восстания для развития торговли следующими словами: «...цветущее купечество бунтующими донскими казаками под предводительством Стеньки Разина совсем уничтожилось»;¹⁹⁰ в другом месте, рассуждая о попытке создать современный флот, — так же определенно: «...сие государства высокополезное намерение предупреждено было бунтующими тогда казаками под предводительством казака Стеньки Разина».¹⁹¹

Мы не сможем остановиться на изучении творчества Н. И. Новикова и И. И. Голикова, а отошлим интересующихся к историографическому курсу Л. В. Черепнина. Только заметим: что бы ни говорили о многоотномном произведении Голикова, как ни потешались над наивностью и источниковедческим несовершенством «Деяний Петра Великого», нужно помнить, что Щербатов в по-

---

¹⁸⁸ Там же, стр. 132.

¹⁸⁹ См.: История русской экономической мысли, т. I, ч. I, стр. 493.

¹⁹⁰ М. Д. Чулков. Историческое описание Российской коммерции, т. II, кн. 2. М., 1785, Предисловие, стр. 77.

¹⁹¹ М. Д. Чулков. История краткая Российской торговли. М., 1788, стр. 48.

следнем томе «Истории Российской» и два выдающихся русских историка первой трети XIX в. — Н. А. Бестужев в «Опыте истории российского флота» и А. С. Пушкин в «Истории Петра Великого» — использовали, точнее, положили в основу своих произведений фактический материал, собранный и в какой-то степени систематизированный историком-самоучкой второй половины XVIII в.

Подведем некоторые итоги.

Деятельность В. В. Крестинина является наглядным примером того, как представители нарождающегося класса буржуазии не только пропагандировали новый взгляд на историю и не только приступили к первым опытам по созданию истории гражданского общества, но и стремились организационно взять в свои руки и направить разработку отечественной истории в определенном просветительском духе.

Просветительская идеология Крестинина сказалась в защите местного самоуправления, в борьбе за демократическую систему народного образования, в защите посадского населения и в выступлениях против феодального института половничества.

Новая тематика, связанная с изучением истории домостроительства сельского и городского населения русского Севера, обуславливала обращение к вопросам истории городского и земского управления и экономической жизни страны, история которой прослеживалась до современности. Поэтому исторические произведения Крестинина, в особенности те, которые являлись хроникой текущих событий архангельского посада, имели актуальное общественно-политическое значение, так как были направлены против феодальной администрации и купеческой олигархии, сросшейся с ней.

Однако в силу непоследовательности и слабости русской буржуазии, интересы которой отражал Крестинин, его выступления носили половинчатый характер, а исторические произведения его, хотя и были посвящены новым и важным вопросам, все еще не являлись обобщающим трудом по истории России.

«Историческое описание российской коммерции» М. Д. Чулкова было первым опытом создания истории хозяйственной жизни России, начиная от древнейших времен до современности. Однако и это произведение все еще нельзя в полной мере считать «гражданской историей» страны, так как в нем освещалась только одна сторона жизни России — коммерция, хотя и понимаемая как история торговли, промышленности, ремесла, путей сообщения и т. д.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Глава I. Исторические знания в общественно-политической, культурной и научной жизни России второй половины XVIII века	7
Глава II. Теоретические основы исторических знаний второй половины XVIII века. Историк об истории	66
Глава III. Историографическое значение «Истории Российской» В. Н. Татищева	124
Глава IV. Работа М. В. Ломоносова над русской историей	164
Глава V. Место Г. Ф. Миллера и А. Л. Шлецера в русской историографии (постановка вопроса)	210
Глава VI. Общественно-политическое и историографическое значение «Российской истории» Ф. А. Эмина и произведений Екатерины II	243
Глава VII. Роль П. И. Рычкова в русской историографии	265
Глава VIII. Начало буржуазной исторической науки в России. Труды В. В. Крестинина и М. Д. Чулкова	296

Пештич Сергей Леонидович
Русская историография XVIII века
 Часть II

Редактор Э. С. Востокова

Техн. редактор *Н. А. Елизарова* Корректоры *А. Б. Сниссаренко, М. В. Унковская*

Сдано в набор 15 III 1965 г. М 42536. Подписано к печати 23 VI 1965 г.

Уч.-изд. л. 24,69. Печ. л. 21,5. Бум. л. 10,75. Формат бум. 60×90¹/₁₆.

Тираж 2200 экз. Заказ 233. Цена 1 р. 63 к. (в переплете)

Б. З. № 20 — 1965 г.

1 р. 63 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАДСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА
1 9 6 5